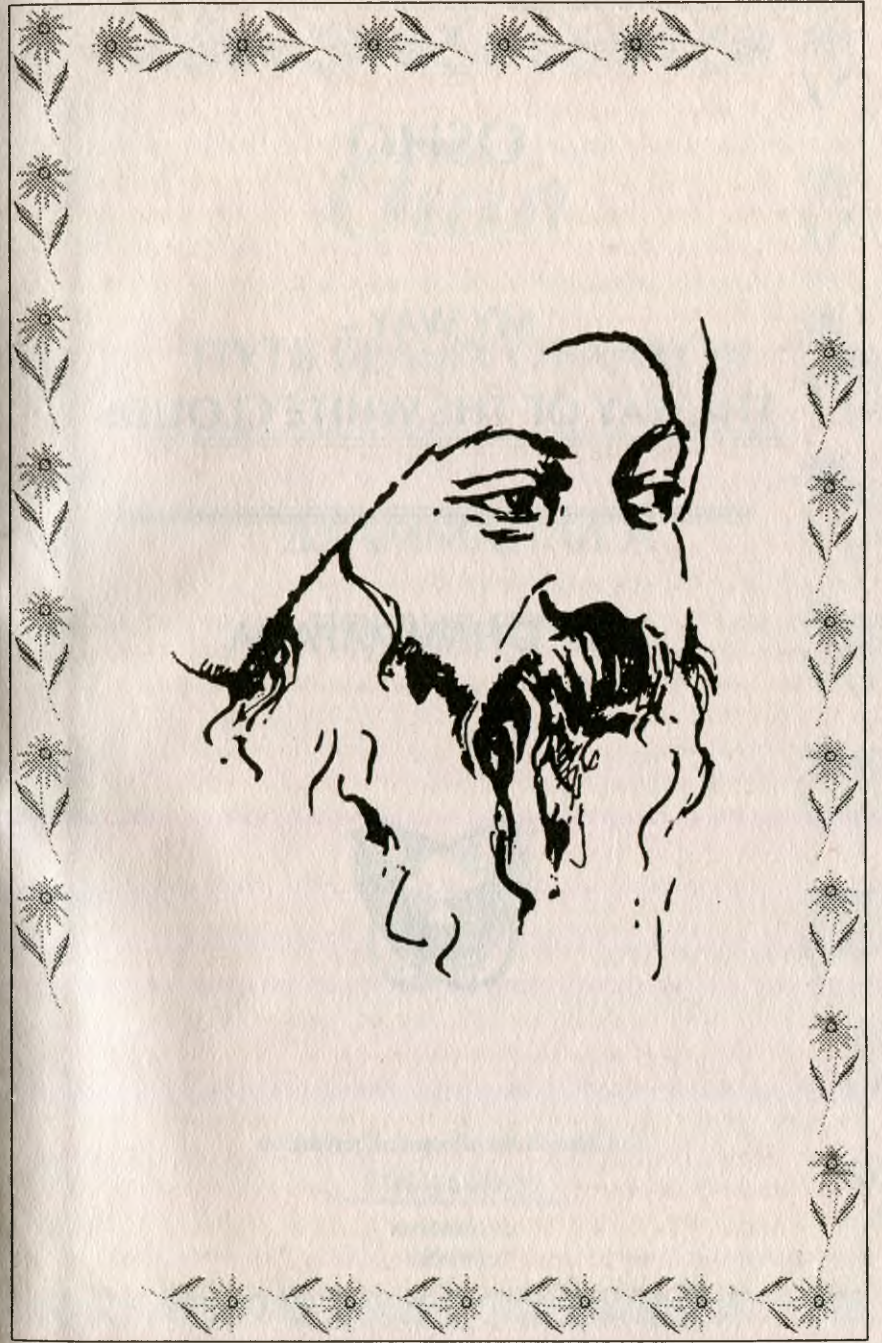

ОШО

Дхаммапада -
поэзия сердца

Белые
облака т2

OSHO

**MY WAY –
THE WAY OF THE WHITE CLOUDS**

THE DHAMMAPADA

Osho International Foundation
1978—1979

Москва
1999

Ошо

ПУТЬ БЕЛЫХ ОБЛАКОВ

ДХАММАПАДА

ПОЭЗИЯ СЕРДЦА

Osho International Foundation
1978—1979

Москва
1999

ББК 84.5 ИД
096

ОШО

096 ПУТЬ БЕЛЫХ ОБЛАКОВ часть II
ДХАММАПАДА — ПОЭЗИЯ СЕРДЦА
Москва: ИПА «ТРИ Л» 1999. 304 с.

ISBN 5-7135-0046-46

Ошо, также известный как Бхаван Шри Раджниш - просветленный мастер нашего времени. Ошо означает «океанический», «растворенный в океане».

Книга состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой беседы Ошо с учениками, проведенные в разные годы. Будьте спонтанными в различных обстоятельствах, тотальными в своих устремлениях и честными с собой, — говорит Мастер. Первая часть раскрывает видение Ошо различных человеческих проблем. Во второй Мастер беседует с учениками о сутрах Гаутамы Будды.

Беседы проводились в г. Пуна, Индия.

THE WAY OF THE WHITE CLOUDS
THE DHAMMAPADA

©Osho International Foundation, 1978 - 1979

© Московский медитационный центр Ошо
«Нирвана», перевод 1999.

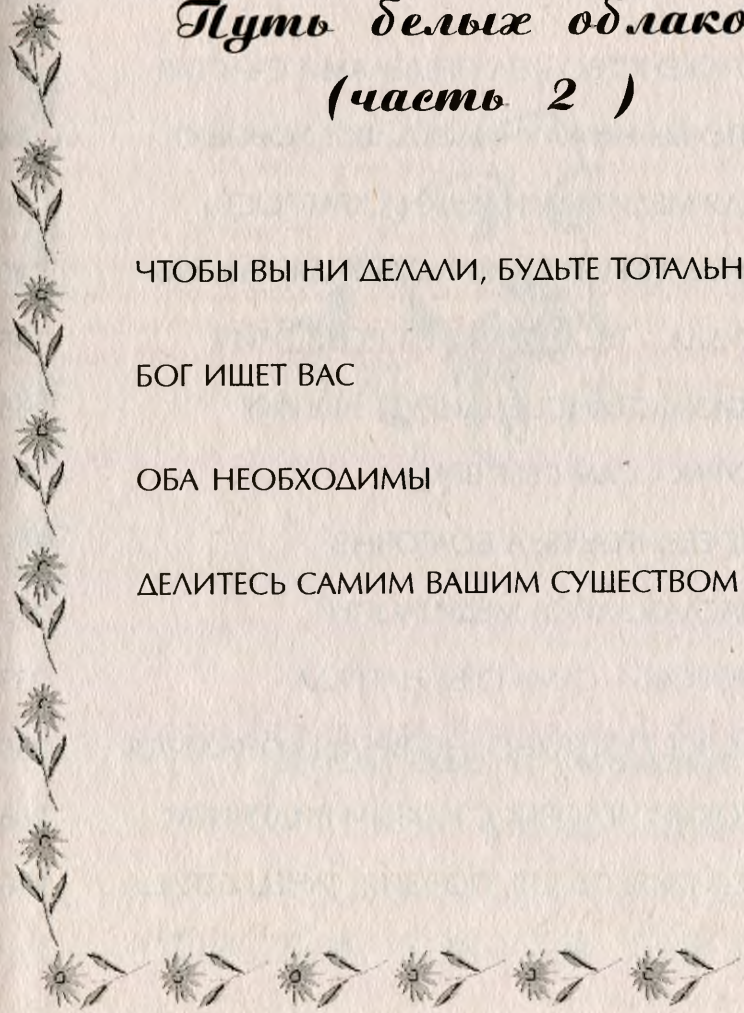
0 04030300-022 Без объявл.
7 ПБ(03)-98

ББК 84,5 ИД

ISBN 5-7135-0046-46

СОДЕРЖАНИЕ

Путь белых облаков (часть 2)

ЧТОБЫ ВЫ НИ ДЕЛАЛИ, БУДЬТЕ ТОТАЛЬНЫ	8
БОГ ИЩЕТ ВАС	23
ОБА НЕОБХОДИМЫ	38
ДЕЛИТЕСЬ САМИМ ВАШИМ СУЩЕСТВОМ	57

ДХАММАПАДА
— поэзия сердца

БЛАЖЕНСТВО – ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЧАСТЬЯ	75
ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, ВСЕ ХОРОШО	94
ДЛЯ МЕДИТАЦИИ НУЖНА ХРАБРОСТЬ	110
ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ: ИСТИННАЯ ТЕРАПИЯ	130
БУДДА – ТВОЕ ПРАВО ОТ РОЖДЕНИЯ	145
ЖИЗНЬ ТРАНСЦЕНДИРУЕТ ЛОГИКУ	165
ДУРАК – САМ СЕБЕ ВРАГ	182
НЕ ЕВАНГЕЛИЯ, А БОЛТОВНЯ	199
НАСЛАЖДАЙСЯ МЕДИТАЦИЕЙ	215
ЛЮБОВЬ – САМА СЕБЕ НАГРАДА	233
НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО, НО ВРЕМЯ КОНЧАЕТСЯ	250
НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК С НОВЫМ ВИДЕНИЕМ	266
РЕЛИГИЯ: ПЕСНЯ, ПОЭЗИЯ, ТАНЕЦ СЕРДЦА	286

ПУТЬ БЕЛЫХ ОБЛАКОВ
часть II

*Беседы Ошо с учениками
в Пуне, Индия*

Глава 12

ЧТО БЫ ВЫ НИ ДЕЛАЛИ, БУДЬТЕ ТОТАЛЬНЫ

Возлюбленный Ошо,

Ты говорил нам о сдаче Мастеру, но часто ум входит со своими причинами, чтобы не следовать данным ему инструкциям. Мы говорим о том, что Мастер не знает, как меняются ситуация и каковы реальные условия жизни на Западе. Должны ли мы буквально следовать тому, что говорит Мастер, или иногда мы можем поступать по собственному усмотрению?

Вы должны следовать абсолютно или совсем не следовать. Компромисса не существует. Ничто не может свершиться, если вы вкладываете в него половину вашего сердца. Это не только бесполезно, но и вредит. Все, что делается вполсердца, ранит вас. Вы должны представлять собой неразделимое единство. Итак, или вы подчиняетесь, отдаетесь полностью, – тогда нет никакой нужды в том, чтобы размышлять об этом. Следуйте слепо. Я подчеркиваю слово “слепо”, потому что у вас нет глаз. Тот, у кого они есть, ведет вас. Потом вы становитесь неразделимым единством. Вы – неразделимы, целостны. Вы будете продолжать ваш рост.

Если же вы чувствуете, что это невозможно, этого произойти не может, не следуйте за Мастером. Следуйте за самим собой абсолютно и тотально. И тогда также вы будете неразделимым единством. Конечная цель заключается в том, чтобы остаться целостным. Оба пути действенны. Окончательный результат будет одинаков. Если вы можете остаться один, без мастера, вы можете следовать за вашим сознанием, и куда бы оно вас ни вело, результат будет тем же.

Но ваш ум всегда говорит: идите по двум путям. Ум говорит: идите за мастером, но при этом продолжайте думать. Следуйте только за тем, что вы считаете правильным. Но это не следование. Тогда где же сдача? Если вы судите и вы решаете за кем идти, чему следовать и чему не следовать, тогда где же подчиняющийся, отдающийся, где же доверие к мастеру?

Тогда лучше следовать за вашим собственным сознанием. Не разочаровывайтесь. Предательства быть не должно.

Вы следуете тому, чтобы быть самим собой, но вы думаете, что вы следуете за мастером.

Если вы сами решающий фактор, вы должны выбрать, расстаться с чем-то, принять что-то, тогда вы следуете самому себе. Но вы можете создать впечатление о себе самом, вы можете предать себя самого в том, что вы следуете за мастером. Тогда ничего из этого не получится. Вы не будете расти из-за этого предательства. Вы будете все в большем и большем замешательстве от того, что вы должны решать, что вы должны делать и чего не делать. Вы выбрали отказ от руководства мастера, а это приведет вас к хаосу, потому что когда мастер ведет вас, его указания содержат в себе определенное органическое единство. Каждое его указание соотносится с другим. Вы не в состоянии отвергнуть что-то и следовать чему-то. Если вы отвергаете что-то, то отвергается все. Если существует отрицание в малом, великое также разрушается. Вы больше не усматриваете связей между различными вещами.

Итак, в этом и заключается мое наставление вам. Оставайтесь целостными. Решайтесь. Если вам нужно решить, то решайте. Я буду следовать себе. Тогда не подчиняйтесь, не сдавайтесь – в этом нет никакой нужды!

Именно это говорил Кришнамурти в течение сорока лет: не следуйте ни за кем. Люди могут достигнуть и не следуя за кем-то. Но этот путь очень труден и долог, потому что вы не готовы принять никакую помощь извне. Что же остается возможным, что может быть отброшено, какие ненужные затруднения могут быть отставлены в сторону на этом пути? – Так говорил Кришнамурти. Но никто этого не сделал.

Это проблема, нашего ума. Ум соглашается с положением о том, что ни за кем не нужно идти. Это и понятно. Ведь когда вы ни за кем не следуете, укрепляется ваше эго. Никто не желает ни за кем следовать. Глубоко в основании этого отрицания лежит сопротивление вашего эго.

Вокруг Кришнамурти собираются эгоисты. Они обманывают самих себя снова и снова, полагая, что они ни за кем не следуют, потому что поняли ошибки этого пути. Они осознали, что путь должен быть пройден в одиночку, помощи ждать неоткуда. Никто не может оказать вам помощь, никто не может направить вас. Вы должны путешествовать один. Но это не реально. Они обманывают самих себя. Эго не позволяет им стать последователями.

Они продолжают слушать Кришнамурти, и, годами находясь вместе, снова и снова приходят к нему. Но если помощь нереальна, тогда зачем же вновь и вновь приходиться к Кришнамурти? Если никто не может направить вас, тогда зачем выслушивать его вновь и вновь? Это же бессмыслица. Даже та точка зрения, что вы должны пройти ваш путь в одиночестве, открыта не вами, а Кришнамурти. Вы не сделали этого открытия сами по себе. Эта линия и стала вашим мастером в глубине. Но ученики продолжают повторять, что они идут по своему пути в одиночестве. В этом и заключается обман.

Этот же обман может подойти с другой стороны. Когда вы приходите ко мне и полагаете, что вы сдались мне, следуете за мною, вы продолжаете отбирать из сказанного мною то, что вам подходит, а это означает, что сказанное соответствует строю вашего эго. В тот же самый момент вы начинаете анализировать, размышлять: Может быть это не для меня. У вас есть ощущение, что вы сдались мне, но на самом деле вы не сдались.

Люди вокруг Кришнамурти считают, что не следуют никому, но на самом деле они следуют ему. Вы, окружающие меня, считаете, что вы следуете за мной, но на самом деле, вы не следуете.

Ум всегда обманывает вас. Куда бы вы ни шли, он может вас обманывать. Будьте внимательны.

Я говорю вам – вы в состоянии просветлеть без следования кому-то. Но путь будет очень долог, и вы будете очень одиноки. Обязательно кто-то может просветлеть. Это не невозможно. Некоторые стали просветленными через не-следование. Я, например, просветлел через не-последование, значит, вы также в состоянии просветлеть в одиночестве. Но запомните, что это не-последование не должно стать силой, культивирующей и питающей ваше эго. Иначе вы никогда не просветлеете.

Есть мастер, или он отсутствует, это не главное. Основное – это эго, ваше эго. В отсутствие эго вы просветлеете даже без мастера. Если эго присутствует, даже Будда не сможет вести вас. Либо следуйте тотально, либо не следуйте вообще. Но будьте тотальны. Это вам решать. Не давайте уму вводить вас в обман. Смотрите в глубину самих себя. Относитесь с вниманием к тому, что вы делаете. Если вы подчиняетесь, подчиняйтесь тотально.

И запомните: однажды в жизни Гурджиева случилась сле-

дующая история. Он работал с небольшой группой учеников. Ученики должны были сдаться учителю тотально. Гурджиев сказал, что, что бы он ни говорил, ученики должны подчиняться каждому его слову. Учитель помогал ученикам в практике одного упражнения, которое он называл стоп-упражнением. Когда бы он ни сказал – «Стоп!» – ученики должны были остановиться, что бы они ни делали в данный момент. Если вы шагаете, и ваша нога как раз занесена над землей, и вдруг Гурджиев произносит – «Стоп!» – вы должны застыть в этой позе. Вы разговариваете, и ваш рот раскрыт, а он говорит – «Стоп!» – вы должны замереть с раскрытым ртом. Вы не можете принять удобную для вас позу. Вы не можете изменить положение, потому что это становится обманом, хитростью, и вы обманываете не кого-либо, а самих себя.

Однажды, когда ученики делали упражнения снаружи палатки, а некоторые из них переходили через канал, он неожиданно сказал: «стоп!» – сам он был внутри палатки. Тогда ученики застыли. Четверо из них пересекали канал. Русло было сухим. Воды не было. И они остановились.

Но неожиданно кто-то открыл плотину, и вода начала прибывать. Ученики задумались: «что же делать? Гурджиев – внутри палатки, он не знает, что мы стоим в воде, в заполняющемся ею канале». Но они ждали, потому что ум может подождать некоторое время.

Когда же вода дошла до уровня их шеи, один из них выпрыгнул. Он сказал: «ну это уже слишком! Гурджиев ведь не знает, что канал наполняется водой все больше и больше.»

Когда воды еще прибавилось, двое других выпрыгнули, ведь вода дошла до уровня их носа. Размышлять стало очень просто. В течение ближайших секунд они рисковали утонуть.

Вы бы, наверное, сделали бы то же самое. Они скоро умрут, а мастер находится в палатке и не знает, что происходит!

Единственный из них остался на месте. Вода полностью поглотила его, накрыла его с головой, а он все стоял на месте. И тогда Гурджиев выбежал из палатки. Ученик был почти без сознания. Он был на пороге смерти. Вода стекала с его тела. Но когда он открыл глаза, все увидели, что он стал другим.

Тот, прежний человек, действительно умер. Произошла трансформация. Он полностью изменился.

Что же произошло в момент надвигающейся смерти? Ученик принял мастера. Он отбросил свой собственный ум и раз-

мышления. Он отшел свою жажду жизни. Он отбросил свой биологический страх смерти. Он отбросил все. Ученик сказал: «Раз мастер приказал остановиться, я остановился. Теперь ничто не сможет сдвинуть меня с места.»

Это было наверняка очень и очень трудно- почти невозможно. Но когда вы совершаете невозможное, вы проходите через трансформацию. Даже умирая, ученик не дал своему уму возможности вмешаться. Смерть была рядом, но ученик скорее принял смерть, нежели согласился со своим собственным умом и суждением.

Он больше не был прежним человеком, никто больше не встретил в нем прежнего человека. Остальные ученики поняли, что они пропустили величайший шанс. Те трое, выпрыгнувшие из затопляемого водой канала, поняли, что они пропустили величайший шанс, величайшую возможность.

Это и есть тотальное подчинение, тотальная сдача. Вопрос не в том, взывает кто-то к вашему уму или нет, говорит ваш ум да или нет. Когда вы подчиняетесь, вы подчиняетесь всем возможностям сказать нет. Какова бы ни была ситуация, вы никогда не скажете ей нет. Тотальное «да» означает подчинение. Это очень трудно! И поэтому трансформация трудна.

Вот почему духовное рождение – это очень нелегко.

Но я не скажу, что вы не можете достичь духовного рождения в одиночку. Вы можете идти по своему пути в одиночестве. Вы можете постичь его вместе с мастером. Вы можете быть в группе, а можете достичь его и как индивидуальность. Все возможности открыты. Я не выступаю ни за то, ни за другое. За вами остается принять решение. Решайте же без всякого смущения.

Запомните, что это не вопрос различия Востока и Запада. Ум в глубине всегда остается прежним, а все различия поверхностны.

Восток и Запад существуют только на поверхности, расовые и культурные влияния только на поверхности. Но глубоко внутри, человеческий ум всегда остается прежним. Все равно, откуда вы приходите.

Оставаться на прежней позиции в полном одиночестве или подчиниться – оба этих пути могут быть пройдены только абсолютно тотальным человеком. Будда достиг просветления в одиночестве. Следуя Будде, многие достигли просветления тем же путем.

Я – не партизан. Я не говорю, как Кришнамурти: «только этот путь и есть верный.» Я не говорю, как Мехер Баба: «Только этот путь и есть верный». Я хорошо знаю, что они говорят: только это и есть истинный путь, – чтобы помочь вам, потому что, как только вы осознаете, что можно идти другим путем, сомнения начинают возникать в вашем уме. И тогда путаница начинается в вашей голове – что-то вы думаете так, о чем-то вы начинаете думать иначе. Вот почему мастера так и говорили: «Только это и есть *путь*» – всего лишь для того, чтобы убрать сумятицу из вашего ума. Иначе противоположная позиция может привлечь вас, и вы измените вашу точку отсчета. Чтобы сделать вас тотальными, мастера постоянно делают на этом ударение, подчеркивают это.

Но я могу сказать, что оба эти пути могут существовать. Почему? Потому что это устаревшее ударение, и вы слишком много слышали об этом. Следовать этому единственному пути – стало мертвым клише. Сейчас это больше не помогает, это помогало в прошлом. Слова утратили свою силу, они слились друг с другом. Земля превратилась во всеобщую деревню. Каждая религия стала известна другой религии, все пути уже известны. Как же человечество связано со всеми этими иными путями, дорогами, всеми альтернативами, всеми возможностями?

В прежние времена люди знали только один путь: тот путь, в котором они были рождены. Надо было подчеркнуть, что существует только один путь, для того, чтобы создать в их умах доверие и уверенность. Но сейчас ситуация совершенно изменилась. Индуисты читают Коран, христиане приезжают в Индию за духовным совершенствованием, мусульмане осознают Гиту и Веды. Все пути стали известными. Существует очень много сомнений, и тот, кто говорит, что существует только один путь, больше не поможет вам, потому что вы знаете, что существуют и другие пути. Вы также знаете, что люди достигают духовного совершенства и другими путями. Поэтому я не выделяю ни один из путей.

Вы можете принять мою помощь вне зависимости от того, подчиняетесь вы или нет. Но вы должны очень четко понять это. Если вы выбираете путь сдачи, подчинения, следуйте за мной тотально. Если вы выбрали этот путь, решайтесь на него. Я могу быть вам другом на этом пути. Нет нужды сотворять из меня мастера. Я могу быть только другом на пути, или даже только недругом.

Вы ищете и вы встречаете кого-то совершенно незнакомо-го, и спрашиваете его: «Где река? Какая дорога ведет к реке?» Когда он сказал вам, отблагодарите его и идите. Это – всего лишь неизвестный. Он даже не обязательно может быть другом, потому что другу вы соперничаете. Вы можете опереться на мою помощь, потому что моя помощь не обусловлена ничем.

Я не говорю вам: сделайте то-то и то-то, и тогда я помогу вам. Я не говорю: сдайтесь, и лишь тогда я помогу вам, я говорю: «Делайте то, что вам угодно, но делайте это тотально.» Если вы тотальны, трансформация близка. Если вы разделены это невозможно.

Возлюбленный Ошо, когда Вакуан увидел фотографию Бодхидхармы с бородой, он удивился: почему этот чудак обзавелся бородой?

Возлюбленный Ошо, почему у тебя нет бороды?

Традиция дзен действительно прекрасна. Бодхидхарма обзавелся бородой. Ученики спрашивают: «Почему этот чудак не обзавелся бородой?» Вопрос прекрасен, но только ученик дзен может его задать, потому что борода принадлежит телу, а не Бодхидхарме. Этот человек безбородый. Потому что тело это лишь пристанище, кажется, что вопрос абсурден, но он полон смысла. Такие вопросы задавались много раз.

Будда постоянно говорит. Утром, вечером, после обеда, в своей деревне, в другой деревне, в пути, сорок лет, он постоянно говорит.

Однажды Шарипутта спросил: «Почему ты остаешься в молчании? Почему ты не разговариваешь с нами?» Полный абсурд. Будда засмеялся и сказал: «Ты прав». И он заговорил. Никто не говорил так много, как Будда. Но Сарипутта был прав, потому что этот разговор происходил только на поверхности, а сам Будда оставался в молчании.

Один монах дзен, Ринзай, сказал: «Этот человек, Будда, никогда не рождался. Он никогда не ходил по этой Земле. Он никогда не умирал. Это не человек, а иллюзия». Но каждый день Ринзай приходил в храм и преклонялся перед статуей Будды.

Тогда кто-то сказал: «Ринзай, ты, наверное, сумасшедший!

Каждый день ты повторяешь, что этот человек никогда не рождался, никогда не умирал, никогда не ходил по этой Земле, но сам продолжаешь ходить в храм и кланяться его статуе».

Ринзай сказал: «Именно потому, что этот человек никогда не рождался, никогда не ходил по этой Земле и никогда не умирал, именно поэтому я иду и преклоняю перед ним колени.»

Спрашивающий продолжал настаивать: «Мы не можем понять тебя. Или ты сумасшедший, или мы сошли с ума, но мы не можем уследить за тобой – что ты имеешь в виду?»

Тогда Ринзай ответил: «Рождение этого человека – это было лишь сном для него. Его хождения по этой земле – было лишь сном для него. Смерть не была для него реальностью – она была лишь концом долгого сна. А сам этот человек, центр его существа, остается за пределами рождения и за пределами смерти.»

Кто-то сказал, что Будда всегда был всею на седьмом небе. Он никогда не спускался на Землю. Только его отражение было здесь. И это правда! Это – правда также и для вас. Вы никогда не спускались на землю, только ваше отражение находится здесь, но вы так отождествлены с отражением, что вы забыли об этом.

Вы думаете, что вы спустились, но вы не можете спуститься – нельзя выпасть из вашего бытия.

Вы можете смотреть в реку и наблюдать свое отражение, вы можете идентифицировать себя с этим отражением до такой степени, что думаете, что находитесь под водой. Вы можете также от этого страдать, вы можете почувствовать удушье, вот-вот вы умрете, но на самом деле вы постоянно находились на берегу, никогда не спускались к воде – вы не можете спуститься!

Итак, я могу сказать вам: не только Будда, никто никогда не спускался с седьмого неба. Никогда. Но некоторые люди одержимы этой идеей. Вот что индуисты называют это майя, миром отражений. Мы остаемся в Брахмане, мы остаемся в высшей реальности, вечно находимся там. Никто никогда не спускается вниз, но мы можем слиться, идентифицироваться с мечтой, с отражением.

Итак, вы правы, когда говорите мне: «Этот парень действительно без бороды.»

Если вы смотрите на мое тело, вы не смотрите на меня. Если вы смотрите на меня, вы в состоянии понять, что борода

не может расти сама по себе. Борода может расти только на теле. И эта борода действительно очень символична. Душа – жива, тело – наполовину мертво, наполовину живо, а борода почти полностью мертва. Ваши волосы – это мертвая часть вашего тела, вот почему, когда вы срезаете их, вы не чувствуете никакой боли. Попробуйте отрезать ваш палец, и вы почувствуете боль. Ваши волосы – часть вашего тела, но, отрезав их, вы не почувствуете никакой боли. Волосы – мертвые частички вашего тела.

Вы можете иногда увидеть на мусульманском кладбище... Иногда случается, если выкопать тело, то можно обнаружить, что борода может вырасти на первый день после смерти. Даже у мертвеца может вырасти борода, потому что борода – это нечто мертвое, всего лишь мертвые клетки.

Хорошо растить бороду, потому что, когда вы стоите перед зеркалом, вы можете видеть три уровня вашего бытия – полностью мертвы: наполовину мертвы, наполовину живы, абсолютно живы. Борода материальна. Это – материя. Тело представляет собой встречу материи и духа. Встреча эта всегда проходит непросто. Но тело – это базовая встреча материи и духа. Как только эта встреча прерывается, вы теряете равновесие, и вы мертвы. Материя растворяется в материи.

Дух растворяется в духовном. Этот чудак тоже безбородый.

Весь вопрос заключается в следующем: почему Бодхидхарма нематериальна? Ответ таков: потому что дух не может быть материей.

Ученик дзен спрашивает по особенному. Подобный вопрос не может нигде прозвучать. Вы можете спросить Папу Римского: «Почему у Иисуса Христа нет бороды?» И этот вопрос будет признан неприличным. Вы не можете приблизиться к Иисусу. Вы не можете назвать его «парнем». Исчезнет святость, и ваше поведение, в данном случае, будет выглядеть оскорблением. Но такого не происходит в дзен. Дзен говорит: «Если вы любите ваших мастеров, вы можете смеяться над ними. Если вы их любите, перед ними не может быть страха, даже перед самыми святыми. Если вы их любите, страх исчезает.»

Итак, когда христианские теологи впервые ознакомились с традицией дзен, они не могли себе представить, что такая традиция существовала. Ведь дзенские монахи смеялись над Буддой. Иногда они использовали такие слова, что вы даже не

можете представить себе! Они могли сказать: «Глупец!» И это о Будде! И если вы спрашиваете их, они могут повторить: «Да! Он был глуп, потому что он пытался сказать то, что не может быть сказано, и он старался трансформировать нас, что, в принципе, невозможно. Он был глупцом. Он старался совершить невозможное!»

Мастера дзен использовали такие слова и термины, которые не может использовать ни одна религия. Но я говорю о том, что ни одна религия не является настолько религиозной, как действительно религиозен дзен, потому что если вы действительно любите, страх исчезает. Вы можете шутить, вы можете смеяться, а просветленный, такой, как Будда, посмеется вместе с вами. Проблем нет. Он не будет чувствовать себя уязвленным. Если же он уязвлен, то он совсем не просветленный. И он не скажет: «не используйте такой примитивный язык», потому что для Будды любой язык примитивен. Для него свято только молчание. Назовите его глупцом или просветленным, осознавшим себя, оба эти имени значат для него одно и то же. Язык – это профанация. Только молчание свято. Что бы вы ни говорили, вы повторяете одно и то же.

Ученик Вакуан спрашивает: «Почему этот чудак, Бодхидхарма, не отрастил бороды?» Бодхидхарма – первый мастер дзен. Бодхидхарма создал эту вечно текущую, вечно обновляющуюся реку дзен.

Бодхидхарма пришел в Китай четырнадцать столетий тому назад. Когда он вошел в Китай, на голове он нес одну из своих туфель. Одна туфля была у него на ноге, а другая на голове. Пришел император, чтобы поприветствовать его. Император смутился: что это за человек? Он так долго ждал, он думал: великий святой, мудрец пришел навестить нас. А этот человек ведет себя как клоун! Император был очень раздражен. Он почувствовал себя не в своей тарелке. При первой же возможности он задал Бодхидхарме вопрос: «Что ты делаешь? Люди смеются и они смеются также и надо мной, потому что я пришел встретить тебя. Твое поведение неправильно, ты должен вести себя, как святой!»

Бодхидхарма ответил: «Только те, кто не свят, ведут себя, как святые. Я – святой. Только те, кто не свят, ведут себя, как святые, и это – правда, потому что вы заботитесь о своем поведении тогда, когда не можете быть спонтанным.»

Император сказал: «Я не могу понять, ведь ты несешь туфлю»

на голове и выглядишь как клоун.» Бодхидхарма сказал: «Да. Все может выглядеть, как клоунада. Только невидимое... Когда ты стоишь здесь как император, одетый в специальный костюм, в короне, это и есть клоунада. Только для того, чтобы тебе это сказать, я принес на голове туфлю. Все это действие – клоунада. Реальность – совершенно другая, реальное находится не здесь. Это – всего лишь периферия. Посмотрите на меня, не смотрите на мое тело. Очень символично то, что я несу одну туфлю на голове. Я говорю, что ничего в жизни не является святым, ничто не является мирским. Даже туфля может стать святыней на вашей голове. Я несу эту туфлю как символ».

Император был очень поражен сказанному. Но он сказал: «Ты преувеличиваешь! Я хотел спросить тебя только об одном – как успокоить мой ум. Я чувствую себя настолько тревожно, неловко, не в своей тарелке».

Бодхидхарма сказал: «Приходи утром в четыре часа и принеси свой ум с собой. Я успокою его».

Император не понял сказанного, он опять удивился: что имеет в виду этот человек? Принеси свой ум с собой? Спускаюсь по ступенькам к храму, где он остановился, Бодхидхарма опять повторил: «Запомни, не приходи один, иначе кого же мне успокаивать? Принеси свой ум с собой. Приходи в четыре часа, без стражи, один, без свиты».

Всю следующую ночь император не сомкнул глаз. Он думал: «Этот человек, кажется, слегка сошел с ума. Когда я буду у него, мой ум, конечно же, будет со мной. Почему же он настаивает на этом – принеси свой ум с собой?» Иногда его посещали мрачные мысли о том, что это опасно – идти в одиночестве к Бодхидхарме, потому что, если он будет один, этот человек может начать избивать его или что-то в этом роде. Вы не можете поверить этому человеку. Вы не можете предсказать, что он будет делать.

Но, в конце концов, он решил пойти, потому что этот человек, Бодхидхарма, обладал каким-то магнетизмом. В его глазах было что-то, не принадлежащее этой Земле, какой-то неземной огонь. Что-то присутствовало в его дыхании, некое молчание, приходящее извне. Итак, император пришел, как гипнотизированный, и первое, что сказал Бодхидхарма, было: «Хо-

рошо, что ты пришел. А где же твой ум?» Вокруг Бодхидхармы сидело множество слуг.

Император сказал: «Но, когда я пришел, мой ум сопровождал меня. Он находится внутри меня, это – не вещь, которую я могу принести с собой.»

Тогда Бодхидхарма сказал: «Хорошо, что ты думаешь, что ум – внутри тебя. Тогда сядь и закрой глаза, и постарайся найти, где же он находится в действительности. Ты только лишь направь его на меня, а я исправлю его. Слуги здесь, а я сейчас заставлю твой ум замолчать, не беспокойся». Император закрыл глаза и постарался посмотреть вовнутрь, а Бодхидхарма сидел напротив него. Император пытался делать это. Время шло. И когда взошло солнце, его лицо было абсолютно спокойным. Тогда он открыл глаза, а сидящий напротив него Бодхидхарма, спросил: «Смог ли ты найти твой ум?»

Император засмеялся и сказал: «Ты успокоил мой ум, потому что чем больше я стараюсь найти его, тем больше я понимаю, что его не существует. Ум – всего лишь тень. Он был во мне, потому что я никогда не старался заглянуть вовнутрь себя. Я не осознавал этого. Как только я стал сознательным, относительно моего ума, он немедленно исчез».

Этот Бодхидхарма был действительно редким человеком. Его ученики могли шутить по его поводу, смеяться по его поводу, а он наслаждался их смехом!

Просветленный человек постоянно смеется. Он не серьезен, как обычно думают люди. Как только вы замечаете серьезность, знайте, что что-то не в порядке, потому что серьезность – признак болезненности. Никакой цветок не будет серьезен, пока он не заболит. Никакая птица не станет серьезной, только лишь, когда она больна. Никакое дерево не будет серьезным, если только, что-то не в порядке. Как только что-то не в порядке, появляется серьезность. Серьезность – это болезнь. Когда все в порядке, возникает только смех.

Бодхидхарма постоянно смеялся, и его смех был смехом от живота, рыком.

Его ученики задавали вопросы, на которые никто, кроме Бодхидхармы не знал ответа. И я скажу вам, что этот чудаков был без бороды, но сидящий перед вами – тоже безбородый.

Госо говорит: когда вы встречаете на вашем пути Мастера дзен, вы не можете говорить с ним, но, также, вы не можете наводиться с ним в молчании. Что вы тогда сделаете?

Возлюбленный Ошо, когда мы встречаем Мастера мастеров на своем пути, что же нам тогда делать?

Это верно. Когда на пути вы встречаете Мастера дзен, вы не можете с ним говорить, потому что, о чем с ним говорить? Ваши слова настолько отличны. Ваши языки принадлежат к двум совершенно различным измерениям. О чем вы можете говорить с ним? О чем вы можете спрашивать? Действительно ли каждый вопрос надо задавать? Когда вы встречаете Мастера дзен, о чем вы будете с ним говорить? Все, о чем вы бы ни заговорили, относится к этому миру обыденного, дому, семье. Все, о чем вы можете говорить, все, что вы собой представляете, так поверхностно.

И это правда. Когда вы встречаете дзен-Мастера на пути... А вы всегда встречаете мастеров дзен на дороге, потому что они всегда в движении. Вы никогда не встречаетесь с ними нигде больше. Запомните, вы всегда встретите Мастера дзен на дороге, потому что он всегда в движении. Он – как река, никогда не стоит на месте, никогда не застаивается. Если вы не можете двигаться вместе с ним, вы потеряете его. Он всегда на ходу. Вы всегда повстречаетесь с ним на дороге.

Тогда о чем же вы можете заговорить с ним? Вы также не можете быть в молчании, потому что быть в молчании – почти невозможно для вас.

Вы не можете говорить, потому что мастер принадлежит к иному миру. Вы не можете пребывать в молчании, потому что мир, которому вы принадлежите, никогда не пребывает в молчании. Ваш ум беспрестанно болтает. Ваш ум – не умолкающий болтун. Со смыслом или без него, ваши мысли крутятся в голове подобно колесу, бесконечно.

Вы не можете пребывать в молчании, вы не можете говорить. Тогда что же делать? Если вы начнете говорить, это будет полным абсурдом. Если вы будете молчать, это также не принесет никакой пользы. Лучше вам не принимать никакого решения. Спросите мастера о том, что же делать. Скажите ему: «Я не могу говорить, потому что мы принадлежим различным мирам. Что бы я ни спросил, ни имеет никакого смысла, чтобы

ты ни ответил, я не смогу задать вопрос об этом, о чем бы я ни спрашивал, бесполезно отвечать на мой вопрос. И я не могу оставаться в молчании, потому что я не знаю, что такое молчание. Я никогда не знал этого, потому что молчание никогда не случалось со мной. Я знаю только один вид молчания – это молчание, которое случается между двумя мыслями, приходящими мне на ум. Это – молчание – зияние, молчание, которое существует в промежутке между двумя словами».

Наше молчание существует как мир, который случается в промежутке между двумя войнами. Это – ненастоящий мир, а всего лишь подготовка к другой войне. Как может этот мир соединить две войны? Война всего лишь на всего уходит в тень. Она становится холодной войной, но никогда не бывает миром. Наше молчание подобно этой войне.

Скажите же мастеру: я не могу быть в молчании и я не могу говорить, скажи же мне, что делать. Не начинайте ничего сами по себе, потому что, что бы вы ни начали, будет неверным. Положитесь на выбор мастера и спросите его: что я должен делать? Если он скажет: говори! – тогда говорите, если он скажет: молчи! – тогда оставайтесь в молчании. Он знает и он попросит вас сделать только то, что вы в состоянии сделать.

В высшем смысле он попросит вас совершить невозможное, но никогда не попросит этого в самом начале. Он попросит вас совершить невозможное в конце, потому что оно также превратится в возможное для вас. Но в начале мастер попросит только возможного. Постепенно мастер будет подталкивать вас к окончательной бездне, в которой случается невозможное. Если он скажет: говори! – Тогда говорите. Тогда даже ваше говорение будет помощью для вас. Но в этом случае вы не спрашиваете, а говорите для облегчения. Вы выплескиваете наружу ваш ум. Вы раскрываете себя. Вы не спрашиваете, а выражаете. И это самовыражение поможет вам. Вы освободитесь от большого багажа, ненужного вам.

Когда мастер рядом с вами, вы можете действительно быть откровенным, сказать все, что пришло вам на ум, безотносительно, не заботясь о самом себе, не стараясь манипулировать и управлять.....Когда мастер рядом с вами, вы в состоянии сказать все, что вы думаете. И тогда ваше говорение может превратиться в джиббериш, если вы не в состоянии управлять им. Вы будете казаться говорящим сумасшедшим.

Но если мастер рядом с вами, и вы искренни, честны и правдивы с ним, вы действительно выплескиваете ваш ум наружу, мастер проникает в вас с черного хода. С парадного хода выходит ваш ум, а с черного хода в вас проникает мастер.

Итак, когда вы вместе со мной, оставайтесь честными и искренними. Не задавайте интеллектуальных вопросов. Они – бесполезны. Метафизика – это одна из самых бесполезных вещей на земле. Не задавайте метафизических вопросов, потому что они не являются истинными и они не принадлежат вам. Вы может быть слышали о них что-то, читали о них, но они не являются частью вас. Выбросите наружу ваш нонсенс, чем бы он ни являлся. Не старайтесь манипулировать им. Не старайтесь размышлять по поводу чепухи, сконцентрированной в вашем уме. Не старайтесь отчистить ее. Оставьте ваш внутренний мусор сырым, потому что перед мастером вы должны предстать обнаженным. Вы не должны быть в одежде и вы не должны прятать себя от мастера.

Тогда ваше говорение станет самовыражением, а не вопросом. А если вы можете говорить, открыв ваше сердце, ничего не спрашивая взамен, тогда возникнет молчание, потому что вы выплеснули наружу ваш ум, вы прошли сквозь катарсис, и молчание случилось с вами. Но это – иной тип молчания, не подконтрольное молчание, не спровоцированное искусственно. Это – молчание, возникшее без всякого усилия с вашей стороны.

Когда вы полностью выразили все, что накопилось в вашем уме, приходит молчание, оно нисходит на вас, поглощает вас. Это – молчание, которое находится за пределами понимания, за пределами вас, то самое молчание, что принадлежит абсолюту, а не индивиду. Тогда вы можете пребывать в обоих состояниях. Теперь вместе с Мастером дзен на дороге вы можете говорить и вы можете также молчать.

Достаточно на сегодня.

Глава 13

Бог ищет вас

Возлюбленный Ошо,

Вчера ты сказал нам, что мы должны буквально следовать твоим словам. Но мы не можем советоваться с тобой о каждой детали. Как мы можем выбрать нужный путь, если ум всегда выбирает самый легкий?

Реальная проблема заключается не в том, как задавать вопрос мастеру, но в том, как стать более медитативным, потому что физическое существование мастера не является настолько значимым.

Если вы более медитативны, вы не в состоянии спрашивать мастера каждый момент. Физическое присутствие мастера не является настолько необходимым вам. Оно необходимо только когда вы не медитативны. Вы отождествляетесь с вашим телом и считаете, что мастер также отождествлен с его физическим телом. Мастер – не физическое тело. Когда я это говорю, я имею в виду то, что *он* не локализуется в определенной точке времени и пространства.

Вопрос не в том, находитесь ли вы в его присутствии. Где бы вы ни были, если вы медитативны, вы уже в его присутствии. Даже когда мастер мертв, вы можете спрашивать его. Люди спрашивают Будду даже сегодня и получают ответы на свои вопросы. Это не означает, что Будда сидит где-то и отвечает на вопросы; это означает, что когда вы находитесь в глубокой медитации, вы становитесь буддой. Возникает природа вашего внутреннего будды, природа вашего внутреннего будды отвечает вам, и теперь Будды больше не требуется в окружающей вас действительности. Это означает, что тот, кто слеп, нигде не может отыскать Будду, а тот, кто видит, видит его везде.

Вы можете быть в контакте с вашим мастером, где бы вы ни были. Путь заключается в том, чтобы идти не к мастеру, а идти вместе с мастером. Чем глубже вы проникаете в самого себя, тем глубже вы проникаете в мастера.

Ответы придут, и вы поймете, что они идут не от вашего ума. Тогда появляется различие в качестве. Качество меняет-

ся настолько полно, что никакого сомнения по этому поводу быть не может. Когда ваш ум отвечает вам, вы чувствуете, что вы отвечаете. Когда ума с вами нет, вы чувствуете, что вы просто медитативны. Ответ приходит как будто бы от кого-то другого, а не от вас. И вы слышите это.

В этом и заключается тайна Корана. Мухаммед подумал, что он услышал Бога. И он был прав. А мусульмане неправы, если они думают, что это говорил Бог. Мухаммед прав, когда он думает, что он услышал Коран, а мусульмане неправы, когда они думают, что говорил Бог. Никто не говорил. Но когда ваш ум находится в молчании, из самых сокровенных глубин вашего естества появляется ответ. И это происходит так глубоко, настолько за пределами так называемого ума, что вы думаете, что вы слышали его. Ответ пришел к вам, он был пробужден внутри вас.

Вы всегда отождествлены с некоей поверхностью, а ответ приходит из глубины. Вы не осознаете вашей глубины, вот почему вы полагаете, что отвечает Бог, что отвечает мастер. В определенном смысле вы правы, потому что если ответ приходит из вашей глубины, он приходит от мастера.

Индуисты всегда утверждали, что ваш реальный мастер в вас, а внешний мастер всегда старается пробудить вашего внутреннего мастера и заставить его действовать. Как только ваш внутренний мастер начинает действовать, работа внешнего мастера завершена. Внешнее есть лишь отражение внутреннего.

Я – ваша глубина. Как только ваша глубина начинает действовать, я больше не нужен. Как только вы почувствуете, что ваша глубина начинает отвечать вам, я перестану вам отвечать. Все мои ответы не касаются ваших вопросов. Все мои ответы касаются того, как создать ответ в вас – так, чтобы ваша внутренняя глубина начала говорить и ваше сознание стало вашим мастером.

Будьте более медитативны. Будьте больше в молчании.

Позвольте спокойствию все больше и больше проникнуть в вас.

Что для этого нужно делать? Как стать более медитативным? В определенном смысле ничто не может быть сделано напрямую. Что бы вы ни делали напрямую, ум вмешивается в это. Если вы стараетесь быть в молчании, вы не можете находиться в нем, потому что вмешивается ваш ум. Всюду, где

присутствует ум, присутствует нарушение. Ум отвлекает вас, ум является шумом. Итак, если вы стараетесь быть в молчании, ум также старается быть в молчании. Вы создадите еще больше шума, на этот раз в связи с молчанием. И тогда вы начнете стараться, думать и делать то или иное, и вы будете все более и более беспокойными.

Вы ничего не можете сделать с молчанием. Молчание уже с вами, вы только должны позволить ему случиться. Оно – как солнечный свет. Ваши окна закрыты, и вы не можете принести солнечный свет в ваш дом в корзинах, в кошелках. Вы не в состоянии сделать это! Если вы попытаетесь сделать это, вы будете просто глупы – многие делают это. Просто откройте окна и двери, позвольте ворваться ветру. И тогда лучи проникнут в ваш дом. Пригласите их и ждите. Вы не можете пригнать их насильно. Когда вы форсируете что-нибудь, все выглядит таким неприглядным. Если человек заставляет себя быть в молчании, тогда его молчание будет некрасивым, измученным, вынужденным, искусственным, поверхностным. Глубоко внутри будет созреть опухоль.

Что же тогда делать? Откройте ваш ум и ждите. Посмотрите на деревья. Посмотрите на кричащих попугаев. Послушайте их. Ничего не делайте. Что бы ни происходило вокруг вас, будьте всего лишь пассивной жизненностью. Свет на воде, текущая река, шум, играющие дети, когда они смеются, шалят, лепечут – будьте при этом в пассивном присутствии. Будьте открытыми – слушайте, смотрите, не думайте.... Птицы сидят на деревьях и поют, создают шум.... вы всего лишь слушаете. Не думайте, не создавайте второго ряда мыслей по поводу происходящего. Позвольте этому случиться, и рано или поздно вы почувствуете, что ваш ум исчез и к вам пришло молчание. Вы почувствуете, как оно снизошло на вас, вошло в вас, проникая все глубже и глубже в каждую частицу вашего тела.

В самом начале это будут всего лишь отдельные моменты, потому что вы привыкли думать, у вас есть привязанность к мышлению, как у человека, привязанного к алкоголю или наркотикам. Только на мгновение возникает промежуток, и опять вы начинаете думать. Вы также можете начать думать по поводу того молчания, которое должно снизойти на вас. Вы можете думать: “О! Это и есть то молчание, о котором всегда говорит мастер”, – и вы немедленно разрушаете это молчание. Вы можете начать думать: “Это и есть молчание, о котором говорят

Упанишады как о цели, которая должна быть достигнута. Это и есть то молчание, о котором говорят поэты. Это – молчание, которое превосходит понимание”, – и вы немедленно упускаете молчание, только лишь подумав о нем.

Поэты вошли в него, мастера вошли, Упанишады пришли. Но вы упустили молчание, вы потеряли его. И опять вы впадаете в сомнение. Теперь вы снова беспокожны; теперь вы не пассивны, не бдительны. Теперь эти поющие птицы больше не для вас. Ваш ум проснулся. Эти прекрасные вещи, увиденные вами, исчезают. Солнце больше не светит в небе, облака больше не плывут. Вы больше не открыты – вы опять закрываетесь, ваши окна закрыты, ваши двери закрыты.

Мысли, мышление – это путь закрытия ума. Отсутствие мыслей будет путем для открытия ума. Когда вы не думаете, вы открыты, когда вы думаете, возникает стена, в которой каждая мысль становится кирпичиком. Весь процесс думанья становится этой стеной. И тогда вы прячетесь за этой стеной, вы плачете и стенаете – почему солнце не дотягивается до вас своими лучами? Но это не солнце, а вы сами окружили себя стенами.

Будьте более медитативны. Когда бы вам ни предоставлялась возможность, время и пространство, позвольте вещам просто случаться вокруг вас. Смотрите глубоко, со вниманием. Не будьте активны, потому что активность означает мышление. Сидеть в тишине, позволяя вещам происходить – это приведет вас к молчанию.

И тогда вы поймете, что молчание не является качеством ума. Ум не может находиться в молчании. Молчание – это качество вашей внутренней души, вашего внутреннего существа. Молчание присутствует всегда. Но из-за ума, из-за его внутреннего бормотания, его беспрестанного нашептывания, вы не можете воспринимать это молчание. Когда вы пассивны, вы не думаете, вы становитесь внимательны. И тогда вы больше ничем не заняты. В эти моменты незанятости и происходит медитация.

Итак, какой бы ни была ситуация... вы сидите на базаре – не думайте, что в пении птиц заключается конечная истина. Это неверно. Шум базара так же прекрасен, как и пение птиц. Люди занимаются своими делами, работают, разговаривают, кричат, болтают, повсюду стоит шум, а вы просто сидите пассивно.

Запомните это слово: пассивность; и другое – бдительность.

Пассивная бдительность и есть ключ. Оставайтесь пассивным. Не делайте ничего, только лишь слушайте. Слушание не означает делание. Слышать что-то не означает делать что-либо. Но ваши уши всегда открыты. Чтобы видеть, вы должны открыть глаза – это необходимо сделать. Для того, чтобы слышать, не нужно делать даже этой малости. Уши всегда открыты, вы всегда слушаете. Ничего не делайте и слушайте, и никогда не комментируйте, потому что комментарий приводит к возникновению мыслей. Ребенок плачет. Ничего не говорите о том, почему он плачет. Два человека дерутся. Не спрашивайте внутри себя: “Почему они дерутся? Должен ли я подойти к ним и сделать что-то, чтобы они не дрались?” Нет, ничего не говорите. Просто слушайте, что происходит. Просто будьте с тем, что происходит. И тогда внезапно возникает молчание.

Это молчание полностью отлично от того молчания, которое вы можете создать. Вы можете создать молчание. Вы можете сидеть в своем доме. Вы можете закрыть двери. Вы можете взять розарий, малу, вы можете начать перебирать четки. Молчание снизойдет на вас, но это будет ненастоящее молчание. Оно будет игрушкой, которую дали ребенку, чтобы поиграть с нею. Ребенок начинает играть с нею, и он полностью поглощен этой игрушкой. Тогда он больше не балуется.

Родители используют игрушку как хитрость, которая заставляет ребенка меньше озорничать. Он сидит в углу и играет, а родители могут продолжать свою работу. Ребенок не мешает им больше. Но ребенок не преодолел озорство. Его озорство направлено на игрушку. Вот и все. Ребенок есть, и его озорство остается. Рано или поздно игрушка надоеет ему, и он выбросит ее, а озорство вернется.

Четки – это игрушки стариков. Так же, как вы даете игрушку ребенку, дети дают старику четки – для того, чтобы старики меньше озорничали. Старики сидят в углу и перебирают четки. Но рано или поздно им также надоедает перебирать четки. Это занимает их, но постепенно надоедает – тогда они меняют одни четки на другие. Они приходят к другому мастеру и просят другую мантру, потому что старая мантра больше не работает. Они утверждают, что в начале она работала.

Множество людей приходит ко мне и говорит: “Мы делали мантру. В начале это помогало нам, а сейчас и вовсе не помогает. Сейчас мы больше ничего не чувствуем. Нам становится скучно. Мы делаем это как долг и обязанность, но любовь исчезла.

Если мы этого не делаем, мы чувствуем, что что-то потеряли; если мы делаем это, мы все равно ничего не достигаем”.

Вот что значит привязанность: если вы это делаете, вы ничего этим не достигаете; если вы не делаете этого, вы чувствуете, что нечто упустили. Именно это чувствуют курильщики. Если они курят, они чувствуют, что ничего этим не достигают. Они занимаются глупостями, потому что это глупо – втягивать в себя дым и выдыхать его обратно. Также и с четками. Вы втягиваете в себя дым, а потом выдыхаете его. Вдох, выдох, вдох, выдох – это становится четками. Вы перебираете четки. Вы можете сделать из этого мантру. Когда вы выдыхаете дым, говорите “Рам”; когда вы выдыхаете, говорите “Рам”. Это становится четками!

Все, что вы можете постоянно повторять, становится мантрой. Мантра означает повторение определенных слов, определенных звуков, чего угодно. Мантра помогает занять ум. Это игрушка. Некоторое время вы чувствуете себя хорошо, потому что озорство прекращается. Вы чувствуете себя настолько занятым мантрой, что ум не в состоянии действовать. Но это насильственное молчание. Оно патологично, оно не полезно; оно негативно, а не позитивно. Это молчание кладбища, молчание смерти.

Но молчание, о котором говорю я, качественно совершенно отлично. Это молчание не будет маневром, отвлекающим от озорства, не будет насильным занятием себя самого. Это не гипноз мантры. Это молчание, которое происходит с вами, когда вы пассивны и бдительны, когда вы ничего не делаете, даже не перебираете свои четки – вы полностью пассивны, но бдительны.

Запомните, пассивность может превратиться в сон. Вот почему я подчеркиваю слово бдительность – потому что вы можете быть пассивными и заснуть. Сон – не медитация. В этом есть одно качество сна, только одно – пассивность; и есть качество бодрствования – качество бдительности. Вы расслаблены, как во сне, и бдительны, как пробужденный. Одна вещь несовместима с медитацией – это бессознательность, которая свойственна сну. Другая вещь несовместима с медитацией – это занятость, свойственная состоянию бодрствования, потому что если вы заняты, ваш ум работает, и вы замкнуты в мыслях.

Когда вы бодрствуете, есть бдительность и занятость. Когда вы спите, присутствуют пассивность и бессознательность. Одно

качество из бодрствования, другое – из сна: пассивность и бдительность вместе составляют медитацию. Если вы возьмете две других составляющих – занятость и бессознательность – вы сойдете с ума. Пассивность и бдительность создают медитативного человека, будду. В вас присутствуют все четыре составляющих. Смешайте два, и вы сойдете с ума. Смешайте два других, и вы станете медитативны.

Запомните, я опять повторяю, что молчание и блаженство нисходят на вас тогда, когда вы открыты. Вы не делаете ничего, вы просто отпускаете себя. Они приходят к вам. Они случаются с вами.

Люди приходят ко мне и говорят: “Мы ищем Бога – как же его достичь?” Я говорю им: “Вы не можете найти его, потому что вы его не знаете”. Как вы узнаете, что это Бог? Вы его не знаете. Как вы будете двигаться? Как вы выберете дорогу? Вы его не знаете. Как вы решите, что это именно его дом, его жилище? Нет, вы не можете этого сделать. Вы не можете искать божественное. И в этом нет нужды, потому что божественное всегда рядом с вами, внутри вас. Когда вы позволяете ему, он ищет вас, он достигает вас.

Бог ищет вас. Бог всегда искал вас. С вашей стороны не нужно никаких поисков. Если вы ищете, вы упускаете. Не ищите. Оставайтесь пассивными и бдительными, чтобы быть открытыми тогда, когда он придет. Множество раз божественное приходит и стучит в вашу дверь, но вы глубоко спите; и даже если вы слышите этот стук, вы истолковываете его по-своему. Вы думаете: “Это всего лишь быстрый и сильный порыв ветра”. Вы думаете: “Какой-то неизвестный странник постучал в мою дверь, и он уйдет сам, мне не обязательно нарушать свой сон”.

Ваши толкования – ваши враги, а вы – великие толкователи. Что бы ни происходило, вы немедленно истолковываете это. Ваш ум начинает работать и нашептывать вам так, что вы немедленно изменяете смысл происходящего, его окраску, придаете происходящему иное значение, которого никогда не существовало. Вы проецируете на это самого себя. Вы разрушаете происходящее.

Реальность не нуждается ни в какой интерпретации. Истина не нуждается в обдумывании. Никто не достиг истины через обдумывание. Вот почему вся философия фальшива. Она обречена на фальшь, ни одна философия не может быть ис-

тинной. Философы продолжают спорить, бороться и доказывать истинность своей философии, но истина не нуждается в ней. Философия означает размышление о, рационализирование о. Философия означает интерпретацию фактов.

Религия говорит: это то, что есть, позвольте ему произойти. Все, что вы можете сделать – пожалуйста, не мешайте. Позвольте этому случиться. Оставайтесь бдительными и пассивными, и тогда вам не нужно будет приходить ко мне. Множество раз я уже достигал вас... всякий раз, когда вы находились в молчании. Так что это не теория; многие из вас даже испытали это, но вы и это интерпретировали по-своему.

Люди приходят ко мне и говорят: “Сегодня утром, во время медитации, я неожиданно почувствовал тебя. Но я подумал, что это, должно быть, проекция моего ума”. Либо они говорят: “Прошлой ночью я неожиданно почувствовал присутствие, я стал бдительным. Но я подумал, что это, должно быть, что-то прошло мимо – может быть, ветер подул в комнате и разбросал бумаги, а может быть, это была кошка., Многие из вас уже почувствовали то, что я говорю. Вот почему я это говорю, иначе я бы этого не говорил.

Не интерпретируйте. Когда вы чувствуете присутствие, позвольте ему произойти. Если вы позволяете ему произойти, оно будет материализоваться все больше и больше. Это станет настолько возможным, как если бы я был рядом с вами, иногда даже в большей степени, потому что это зависит от того, насколько полно вы позволяете реальности случиться. И вы получите ответы на все ваши вопросы. Будьте более медитативны, и тогда вы приблизитесь ко мне. Как только вы абсолютно медитативны – вы становитесь мною.

Тогда разницы между нами не существует.

Еще одно: чем больше вы медитируете, тем меньше вы будете спрашивать. Все вопросы отпадут. Вопросы относятся к немедитативному состоянию ума. В немедитативном состоянии вопросов возникает все больше и больше.

Вы получаете ответ на один вопрос, из этого ответа и вырастают десять новых вопросов. Ум – это величайшая сила, создающая вопросы. Он постоянно создает вопросы. Вы дадите на них ответы, и ваш ум прыгает на них, разрывает их на части и создает еще десять вопросов. Когда вы медитативны, вопросов будет все меньше и меньше.

Вам это покажется парадоксальным, но это – истина, и я

должен сказать: когда есть вопросы, ответов не существует; когда вопросов нет, ответ готов. Ответ приходит только тогда, когда вы не спрашиваете. Отсутствие вопросов придет к вам через медитацию.

Не думайте, что ответов столько же, сколько вопросов. Нет, есть только один ответ. Вопросов миллионы, а ответ один. Болезней миллионы, а лекарство одно. Только одно лекарство, и оно вылечивает все. Но это лекарство должно само найти вас, а вы не позволяете этому случиться. Вы боитесь позволить случиться чему бы то ни было. Вы должны научиться этому. Это единственная дисциплина, которой я учу вас – потерять страх, отбросить его и позволить вещам происходить. Река течет сама по себе. Не подталкивайте ее течение! В этом нет нужды, потому что она течет сама по себе. Вы просто ждете, сидя на берегу, и даете ей возможность течь. Если вы достаточно смелы, вы бросаетесь в реку и плывете вместе с нею. Даже не плывите, потому что плыть означает бороться – просто теките.

Тогда... конечно, вы не преследуете никакой цели, потому что ваша цель и река могут не совпасть. Тогда будет разочарование. Вы можете преследовать цель, если вы плывете и боретесь. Вы можете даже плыть против течения, и тогда возникнет великая борьба. А когда вы боретесь, укрепляется ваше эго, и вы чувствуете себя живыми в борьбе с рекой. Но эта временная живость, потому что рано или поздно вы устанете. Рано или поздно вы умрете, и река заберет вас.

Крестьяне приносят своих умерших на берега Ганга и бросают их тела в его воды. Но когда вы умрете, для вас безразлично, бросят ли ваше тело в Ганг, потому что когда вы мертвы, вы все равно плывете по течению реки, и для вас в этом нет никакого смысла, потому что вас больше не существует.

Что же я делаю сейчас? Я бросаю вас в Ганг живьем. Если вы можете плыть в полном сознании, с полным вниманием, вы становитесь рекой. И куда бы она вас ни привела – это станет вашей судьбой, вашей целью. И тогда вам все равно, куда она приведет вас. В каждый момент само течение становится экстатичным. Каждый момент само течение, сама жизнь становится целью. Каждый момент – это цель. Это означает, что у момента нет конца, момент становится вечностью.

Да, вы не можете следовать за мастером тотально. Существуют моменты, когда вы не можете спросить его в физическом присутствии. И рано или поздно наступит момент, когда

мастер покинет свое физическое тело. Тогда у вас не будет возможности спрашивать его в этой физической реальности. Лучше настройтесь на него на нематериальном уровне; иначе вы будете плакать и стенать. Мое тело может исчезнуть в каждый момент. Теперь уже нет никакой нужды в том, чтобы носить его, я носил его для вас. Если вы не войдете в контакт с моим нефизическим присутствием, рано или поздно вы впадете в депрессию, вы станете печальны, вас охватит тревога. И тогда будет очень трудно войти со мной в контакт на нематериальном уровне.

Поэтому я постепенно сокращаю физический контакт с вами – просто для того, чтобы вы стали более осознанны и внимательны к общению со мной на нематериальном уровне. Вы можете настроиться, это не трудно. Будьте более медитативны, и это начнет с вами происходить.

Возлюбленный Ошо,

У нас есть несколько вопросов о женской энергии. Некоторые женщины говорят, что с того момента, как они встретились с тобой, даже если у них продолжает присутствовать физическое желание, обычный смертный мужчина больше не в состоянии удовлетворить их.

Другие женщины говорят, что с того момента, как они встретились с тобой, они почувствовали себя более открытыми любви. Говорят, Гурджиев сказал, что женщина может прийти к просветлению только через мужчину.

Пожалуйста, расскажи нам о женской энергии.

Да, Гурджиев сказал, что женщина может достичь только через мужчину. И это правда. Он прав, потому что женская энергия отлична от мужской. Это все равно, что сказать, что только женщина может родить ребенка. Мужчина не может родить ребенка, потому что он может дать рождение ребенку только через женщину. Физическое тело женщины содержит в себе матку, а тело мужчины нет, и он может иметь ребенка только через женщину. То же самое, но в обратном порядке, происходит и с духовным рождением: женщина может достичь просветления только через мужчину. Их духовные энергии так же отличаются друг от друга, как и их физические тела.

Почему? Почему это так? И запомните, это не вопрос равенства или неравенства, а вопрос различия. Женщина не ниже

мужчины из-за того, что она не может достичь напрямую, мужчина не ниже женщины из-за того, что он не может дать рождение ребенку напрямую. Они просто разные. Это не вопрос равенства или неравенства, не вопрос контроля, просто они – разные. И это – факт.

Почему женщине трудно прямо достичь просветления, а для мужчины это возможно? Существует два главных пути, ведущих к просветлению.

Первый – это медитация, а второй – любовь. Вы можете назвать их дхьяна-йога или бхакти-йога – путь мудрости или путь преданности. Основных путей только два.

Любовь нуждается в другом. Медитация может происходить и в одиночестве. Мужчина может достичь через медитацию – вот почему он может достичь напрямую. Он может быть один. В глубине он одинок. Одиночество для мужчины естественно. Женщине быть в одиночестве очень трудно, почти невозможно. Все ее существо есть глубокая потребность любить, а для любви необходим другой. Как вы можете любить, если другого нет рядом? Вы можете быть в медитации, если другого нет рядом с вами – нет проблем.

Женщина, женская энергия приходит к медитативному состоянию только через любовь, а мужская энергия приходит к любви через медитацию. Будда становится великой силой любви, но через медитацию. Когда Будда возвращается в свой дворец, к своей жене, она очень сердита на него, потому что в течение двенадцати лет она не видела его лица. Однажды ночью он просто исчез, ничего ей не сказав. Когда она спала, он убежал, как трус.

Жена Будды, Яшодара, позволила бы ему уйти. Она была смелой женщиной. Если бы Будда попросил ее, она позволила бы ему уйти. Но Будда не спросил ее. Он испугался, что что-то будет не так, что она начнет плакать, рыдать. Но страх был не из-за нее. Страх был глубоко внутри. Ему было страшно, что он не сможет покинуть ее, если она будет плакать. Боятся всегда за себя. Это было бы очень жестоко, а он не хотел быть жестоким. Вот почему ему было лучше убежать, когда его жена спала. И он убежал.

Через двенадцать лет он вернулся домой. Яшодара спрашивала его о многих вещах. Она спросила его: “Скажи мне... то, чего ты достиг там – неужели ты не смог бы ты достичь этого здесь, живя вместе со мной? Ты достиг – теперь ты можешь сказать”.

Будда промолчал. Но я отвечаю: Будда не смог бы достичь, потому что глубоко любящий человек... он был в глубокой любви с Яшодарой, они были очень близки. Если бы он не был так связан с Яшодарой, если бы Яшодара была простой индийской женой и между ними не было бы любви, тогда Будда мог бы достичь, живя вместе с нею. Тогда действительно не было бы проблем. Другой находится на периферии, вы никак не связаны с ним. Если вы с ним не связаны, другого нет – только физическое присутствие.

Но Будда глубоко любил свою жену. А мужчине очень трудно достичь медитации, когда он – в любви, потому что, когда он медитирует, его любимая постоянно возникает в его уме, все его существо начинает вращаться вокруг ее образа. Вот почему Будда испугался и убежал.

Никто не говорил об этом раньше, но Будда убежал из дома от своей жены, от своего ребенка, потому что он их действительно любил. Когда вы заняты, вы можете забыть своих любимых. Но когда вы ничем не заняты, ваш любимый немедленно возникает в вашей памяти, и тогда не остается никакого прохода для божественного. Когда вы заняты – работаете в магазине или... Будда, например, сидел на троне и наблюдал за государственными делами, и тогда все у него было в порядке – он мог забыть Яшодару. Но когда он был не занят, возникала Яшодара – промежуток был занят ею, и прохода для божественного не было.

Мужчина не может достичь божественного через любовь. Его энергия полностью отличается от женской энергии. Сначала он должен достичь медитации, а потом с ним случится любовь. Тогда все проблемы исчезают. В начале он должен достичь божественного, а потом его любимая тоже становится божественной.

Через двенадцать лет Будда вернулся. Теперь проблемы не было, теперь бог был в Яшодаре. До этого Яшодара слишком много значила для Будды, и ему было трудно обрести бога. Но теперь был только бог, и Яшодаре больше не оставалось никакого пространства.

С женщиной все происходит абсолютно противоположным образом. Она не может медитировать, потому что все ее существо направлено к другим. Она не может существовать в одиночестве. Когда она одинока, она несчастна. Когда вы говорите, что быть в одиночестве – это блаженство и экстаз, жен-

щина не может этого понять. Акцент на одиночестве делается во всем мире потому, что большинство духовных искателей были мужчинами – Будда, Махавира, Иисус, Мухаммед. Все они ушли в одиночество и достигли в одиночестве. Они создали определенную атмосферу.

Когда женщина одна, она чувствует тревогу. Если у нее есть любимый, хотя бы в уме, она чувствует себя счастливой. Если ее кто-то любит, если кто-то любим ею, если вокруг женщины существует любовь, она питает эту женщину. Это питание. Это тонкая пища. Когда женщина чувствует, что любовь ушла, она просто задыхается, умирает. Все ее существо увядает. Женщина никогда не подумает, что одиночество может быть блаженством.

Женская энергия создала путь любви и преданности. Подойдет даже божественный любимый, физический любимый не нужен. Кришны было достаточно для Миры, потому что в его лице для нее существует другой. Может быть, Кришна только миф, но для Миры он существует. Он существует как ее половина – и тогда Мира чувствует себя счастливой. Она может танцевать, она может петь, она напитана этой энергией любви.

Одна только идея, мысль, ощущение, что другой существует и есть любовь, приводит женщину в состояние удовлетворения. Она счастлива, она жива. Только через любовь она приходит к той точке, в которой любящий и возлюбленная становятся единым целым. Тогда происходит медитация.

Для женской энергии медитация происходит только через глубочайшее погружение в любовь. Теперь женщина никогда не будет в одиночестве. Теперь даже, когда женщина в одиночестве, она в глубоком слиянии со своим любимым. Мира, Радха или Тереза – все они достигли через любимых – Христа, Кришну, Иисуса.

Таково мое чувство: когда ко мне приходит искатель-мужчина, он заинтересован в медитации, когда ко мне приходит искательница-женщина, она заинтересована в любви. Может быть, она даже и заинтересована в медитации, но я говорю, что медитация произойдет с нею только через любовь. Ее глубокое желание – это любовь. Любовь – это Бог для женщины.

И это различие должно быть глубоко понято вами, потому что все зависит от него. Гурджиев прав. Женская энергия будет любить, и через любовь расцветет медитативное состояние –

сатори. Придет сатори, но глубоко у корней будет любовь, и сатори станет цветком этой любви. Для мужской энергии сатори будет у корней, самадхи будет у корней, медитация будет у корней, и тогда расцветет любовь. Но любовь будет цветением.

Когда женщина-искательница приходит ко мне, это неизбежно – она почувствует больше любви, но ее физический партнер будет удовлетворять ее меньше, потому что когда происходит глубокая любовь, физический партнер всегда удовлетворяет меньше. Он может заполнить собой только периферию. Он не может наполнить центр. Вот почему в древних странах, таких, как Индия, мы никогда не разрешаем любовь. Мы допускаем только браки по договоренности. Если мы разрешим любовь, физический партнер рано или поздно перестает удовлетворять. И тогда возникает разочарование.

Сейчас весь Запад обеспокоен. Удовлетворения, как такового, не существует. Как только вы позволяете случиться любви, обычный человек не в состоянии ее удовлетворить. Он может удовлетворить секс, он может удовлетворить поверхностное, но он не в состоянии удовлетворить глубину. Когда начинает функционировать глубина, когда вы ее потревожили, только Бог может заполнить ее, и никто другой.

Итак, когда женщины-искательницы приходят ко мне, они получают глубокий удар. Они начинают чувствовать новую волну, новую возрастающую любовь. И теперь их мужья и любовники, их партнеры будут не способны удовлетворить это. Теперь их сможет удовлетворить только высшее качество. Так и должно быть.

Итак, если ваш муж или любовник стал более медитативным, создал существование высшего качества в себе – только тогда он будет в состоянии удовлетворить вас. Иначе ваши взаимоотношения прервутся. Мост не может оставаться – вы будете вынуждены найти нового друга. А если невозможно найти нового друга, как это произошло с Мирой, если это трудно, тогда вы должны любить божественное. Тогда забудьте о физической стороне – она не для вас.

То же самое происходит и с мужчинами-искателями, но немного по-другому. Когда они приходят ко мне, они становятся более медитативными. Когда они в медитации, мост между ними и их старыми партнерами начинает шататься и разрушается. Теперь их девушка или жена должна начать духовно расти, иначе взаимоотношения рискуют разбиться и не могут больше поддерживаться.

Запомните это, все наши взаимоотношения, так называемые взаимоотношения – всего лишь соглашение. Если один из

вас изменяется, это соглашение ломается; хорошо это или плохо – не в этом суть. Люди приходят ко мне говорят: “Если медитация привносит высшие качества, тогда почему разбиваются взаимоотношения?” Вопрос не в этом. Эти взаимоотношения были соглашением двух людей – таких, какими они были в прошлом. Как только один из них изменился, другой должен расти вместе с ним. В противном случае возникнут разнообразные проблемы, и все станет фальшью.

Как только мужчина приходит сюда, он становится более медитативным. Чем он медитативнее, тем больше он хочет находиться в одиночестве. Его жена или возлюбленная будет очень расстроена этим. Если она не понимает этого, то начинает создавать дискомфорт, потому что ее мужчина больше хочет быть один, нежели с ней. Если она понимает, тогда проблем нет, но ее понимание может прийти только если возрастает ее любовь. Если она чувствует больше любви к нему, тогда она будет защищать его одиночество и позволит ему быть в одиночестве. Она постарается увидеть, что ничто не разрушено, и таково будет проявление ее любви.

И если мужчина чувствует... Если Будда чувствует, что Яшодара защищает, охраняет, заботится, что его медитация не будет нарушена, его молчание будет защищено, ему не придется убежать из дома. Но это происходит только если любовь Яшодары растет.

Когда растет медитация мужчины, любовь женщины должна расти. Только тогда они продолжают жить в мире, и возникает высшая гармония, которая продолжает расти все больше и больше. И приходит момент, когда мужчина – в абсолютной медитации, а женщина – в абсолютной любви; только тогда и наступает совершенная встреча и настоящий высший оргазм между двумя людьми. Это – не сексуальный, не физический оргазм, а тотальный оргазм. Два существования встречают друг друга и растворяются друг в друге. Тогда любимый становится вратами. Возлюбленная становится вратами. И оба становятся просветленными.

Итак, кто бы ни пришел ко мне, он должен осознавать, что находиться рядом со мной – очень опасно. Ваши старые соглашения могут разрушиться. И я не смогу ничем помочь вам, потому что я здесь не для того, чтобы спасти ваши соглашения. Вы должны решать. Я могу помочь вам расти – расти в медитации, расти в любви. Для меня оба эти слова означают одно и то же, потому что они приводят к одному и тому же концу.

Достаточно на сегодня.

Глава 14

Оба необходимы

Возлюбленный Ошо,

Ты сказал, что каждый ребенок рожден богом; но двое моих детей очень различаются с самого рождения. Один очень безмятежен и богоподобен, а другая уже сейчас кажется обеспокоенной – еще до того, как на нее повлияла социальная обусловленность. Как нам следует обращаться с трудным ребенком?

Это очень принципиальный вопрос. Существование само по себе божественно; тогда откуда же приходит зло? Откуда появляется плохое, безнравственность, то, что невозможно принять? Добро хорошо, потому что мы сделали его синонимом Бога – Бог есть добро. Но откуда же появляется зло? Этот вопрос будоражил человечество в течение столетий. Как бы далеко мы ни заглянули в прошлые столетия, мы всегда обнаружим, что эта проблема занимала умы людей.

Логическое решение, предлагаемое нам умом, заключается в том, чтобы разделить существование, создать дуализм, и сказать: “Вот Бог, и это – хорошее. А вот зло, Дьявол, Вельзевул, Сатана, он – плохой”. Ум полагает, что проблема решена: все плохое приходит от Дьявола, а все хорошее – от Бога. Но проблема не решена; проблема только слегка отодвигается. Вы отодвигаете ее чуть-чуть, но ничто не решено – откуда же, в таком случае, приходит Дьявол? Если Бог – создатель, тогда он должен был бы в самом начале, на первом месте создать Дьявола, иначе Бог – не высший создатель. Дьявол всегда был здесь, просто как враг, антагонистическая сила – они оба вечны. Если Дьявол не создан, тогда его нельзя уничтожить, так что этот конфликт будет продолжаться вечно. Бог не может выиграть, Дьявол всегда будет разрушать его планы.

Для христианской, мусульманской и зороастрийской теологии это является проблемой, потому что все эти теологии использовали это простое решение, предлагаемое умом. Но ум не в состоянии справиться с такой проблемой. Существует другое решение, но оно находится за пределами ума. Эта концепция появилась на Востоке, в частности, в Индии. Она утверждает, что Дьявола нет, основной двойственности не существует – есть только Бог, никакой другой силы нет. Вот что значит *адвайта*, недвойственная философия – есть только Бог. Но мы видим, что зло тоже есть!

Индуисты говорят, что зло существует только в вашей интерпретации, а не само по себе. Вы называете его злом, потому что вы не можете это понять, или потому, что это раздражает вас. Ваше отношение делает это злом, из-за вашего отношения это кажется злом. Зла не существует. Зло не может существовать. Существует только Бог, только божественное.

Теперь рассмотрим вашу проблему с этой точки зрения. Родилось двое детей. Один из них – хороший, а другой – плохой. Почему вы называете одного плохим, а другого хорошим? Это реальность или же ваша интерпретация? Какой ребенок хороший и почему? Если ребенок послушный, он хороший, а если он непослушный, тогда он плохой. Тот, кто слушается вас, хороший, а тот, кто не слушается – плохой. Что бы вы ни говорили, первый соглашается с вами. Если вы говорите: “Сиди тихо” – первый сидит. А другой пытается не слушаться, пытается бунтовать – другой ребенок плохой. Это ваша интерпретация. Вы ничего не говорите о детях, вы говорите нечто о своем уме.

Почему послушный хорош? В действительности, послушные никогда не были выдающимися, они никогда не сияли, они всегда были скучными. Ни один послушный ребенок не стал великим ученым, или великим религиозным человеком, или великим поэтом – ни один. Только непослушные дети становились великими изобретателями, создателями; только бунтари преодолевают старое и приходят к новому и идут дальше, в неведомое.

Но родительскому эго нравится послушный ребенок, потому что это укрепляет их эго. Когда ребенок слушается – что бы вы ни говорили, – вам это нравится; когда ребенок сопротивляется и отвергает вас, вы чувствуете себя плохо.

Но по-настоящему живой ребенок будет непокорным. Почему он должен следовать за вами? Кто вы? Только потому, что вы отец? Что вы сделали для того, чтобы быть отцом? Вы были только проходом – и то очень бессознательно. Ваш секс – не сознательный акт, бессознательные силы толкнули вас на то, чтобы погрузиться в него. Ребенок – это только случайность. Вы вообще не ожидали, вы не были сознательно внимательны к тому, кого вы приглашаете в этот мир. Ребенок пришел неожиданно, как чужой. Вы усыновили его, но вы не отец.

Когда я говорю, что вы усыновили его, я имею в виду биологическую сторону дела. Вы для этого не были нужны, это

может сделать даже шприц. Но вы – не отец, потому что вы не сознательны. Вы не пригласили, вы не попросили определенную душу прийти в утробу вашей жены или возлюбленной. Вы ничего для этого не сделали.

Что же вы сделали для того, чтобы ребенок родился? Когда вы приказываете ребенку слушаться вас, достаточно ли вы уверены, что знаете истину – для того, чтобы ребенок пошел за вами? Уверены ли вы, что вы достаточно поняли и осознали, что ребенок должен вас слушать?

Вы можете заставить ребенка, потому что он слаб, а вы сильны. Это единственное различие между вами и вашим ребенком. Во всем остальном вы тоже достаточно инфантильны, невежественны. Вы не выросли, вы не созрели. Вы сердитесь точно так же, как и ребенок. Вы ревнуете как ребенок, вы играете в игрушки как ребенок. Ваши игрушки, может быть, немножко больше, но только в этом и заключается различие.

Что такое ваша жизнь? Чего вы достигли? Какой мудростью вы обладаете, чтобы ребенок следовал за вами и говорил “да” на все, что вы от него требуете? Отец должен осознать это; он не должен заставлять ребенка. Скорее, он должен помочь ребенку стать самим собой, он должен позволить ребенку стать самим собой. Он даст ребенку свободу, потому что, если он что-то знает, он должен знать, что внутренний рост возможен только через свободу. Если он испытал что-нибудь в своей жизни, то он знает, что опыт нуждается в свободе. Чем больше свободы, тем богаче ваш опыт. Чем меньше свободы... меньше возможностей для опыта. Если свободы совсем нет, вы можете жить заимствованным опытом, можете стать имитацией, тенью, но никогда не будете реальным, подлинным.

Стать отцом – значит давать ребенку все больше и больше свободы, делать его все более и более независимым, позволить ему двигаться в неизведанное, туда, где вы никогда не бывали сами. Он должен превзойти вас, он должен опередить вас, он должен преодолеть все ограничения, которые вы знаете. Ему нужно помогать, а не заставлять, потому что, когда вы начинаете заставлять, вы убиваете, вы уничтожаете ребенка.

Дух нуждается в свободе – он растет в свободе, и только в свободе. Если вы действительно отец, вы будете счастливы, если ваш ребенок – бунтарь, потому что ни один отец не захочет убить дух ребенка.

Но вы не отцы. Вы больны своей собственной болезнью.

Если вы заставляете ребенка силой идти за вами, вы просто говорите, что вы хотели бы над кем-то доминировать. Вы не можете делать этого в мире, но этот маленький ребенок... вы можете господствовать над ним, обладать им. Вы – политик по отношению к ребенку. Вы хотите через ребенка удовлетворить свои неосуществленные желания – доминировать, господствовать. По крайней мере, вы можете быть диктатором для собственного ребенка. Он так слаб, он так мал и беспомощен, он так сильно зависит от вас, вы можете заставить его сделать что угодно. Но, заставляя, вы его убиваете. Вы не рождаете его, вы его разрушаете.

Ребенок, который слушается вас, кажется хорошим, потому что он мертв. Ребенок, который бунтует, будет казаться плохим, потому что он живой.

Мы упускаем свою собственную жизнь, и поэтому мы против жизни. Поскольку мы уже мертвы, мертвы уже при жизни, мы всегда хотим убивать других. Мы убиваем тонкими способами. Вы можете убить во имя любви. Вы можете убить во имя сострадания. Вы можете убить во имя долга. Мы находим прекрасные имена, но под ними скрывается убийца.

Поймите это, и тогда вы перестанете мыслить подобными категориями: этот ребенок – плохой, а тот – хороший. Не интерпретируйте. Каждый человек уникален, каждый человек отличен от другого. Созидательная божественная сила никогда не повторяется.

Скажите просто, что один ребенок отличен от другого, не говорите, что один плох, а другой хорош. Вы не знаете, что хорошо, а что плохо. Просто один ребенок послушен, а другой не послушен. Но никто не знает, что хорошо.

И не заставляйте. Если этот ребенок спонтанно послушен, это хорошо. Значит, это его природа – помогите ей вырасти. А если другой ребенок непокорен, бунтарь – такова его природа; помогите ему расти. Позвольте первому расти в глубоком согласии с вами, а второму – в глубоком противоречии вам. Но не интерпретируйте, потому что в тот момент, когда вы интерпретируете, вы начинаете разрушать. Такова природа одного ребенка – говорить “да”; такова природа другого – говорить “нет”. Нужны оба.

Жизнь будет очень плоской и скучной, если не будет никого, кто мог бы сказать “нет”. Если все будут говорить “да”, то все в этой жизни станет глупым и посредственным. Говорящие

“нет” нужны, потому что они — полярная противоположность. Покорность не имеет смысла, если нет никого, кто бунтует. Не выбирайте, просто чувствуйте их различие и помогайте. И не навязывайте им, не будьте насильственны.

Каждый отец жесток, каждая мать жестока, и вы можете позволить себе эту жестокость во имя любви. Никто не будет вас критиковать, потому что вы говорите, что вы должны бить ребенка потому, что очень любите его, что вы должны воспитывать ребенка, потому что очень любите его. Вы говорите, что любите его и потому хотите воспитать его правильно — а он растет неправильным ребенком. Уверены ли вы, что вы знаете, что правильно, а что неправильно? Никто не уверен, никто не может быть уверен — потому что то, что то, что казалось хорошим в данный момент, в следующий момент становится плохим. Направление меняется, и то, что было вначале плохим, становится в конце хорошим. Жизнь — это поток, она меняется каждый миг.

Итак, настоящий отец или настоящая мать дадут своему ребенку только осознанность, а не мораль, потому что мораль мертва. Вы говорите: “Это хорошо, иди!” Но в следующий момент это становится плохо; что же должен делать ребенок? В следующий момент жизнь изменяется. Она постоянно меняется, а ваша мораль остается постоянной. Вы говорите: “Это хорошо, вы должны следовать тому, что хорошо”. Тогда вы становитесь мертвыми. Жизнь изменяется, а вы остаетесь прежним, застывшим в вашей морали. Вот почему верующие кажутся такими скучными. Их глаза бессмысленны, пусты, поверхностны, в них нет глубины — потому что глубина возможна только тогда, когда вы течете вместе с рекой жизни.

Итак, какой дар должны передать отец или мать своим детям? Только осознанность. Сделайте ваших детей более осознанными. Позвольте им быть свободными и скажите им: “Будьте бдительны и идите свободно. Даже если вам придется ошибиться, не бойтесь, потому что на ошибках тоже учатся. Человек осознает себя и через ошибки — так что не бойтесь ошибаться”. Ошибаться — очень по-человечески.

Если вы бдительны, ошибаясь, то вы никогда не повторите подобную ошибку. Как только вы совершили ошибку, вы осознаете ее, вы проживаете ее, и ошибка исчезает. Она обогатит вас, и вы пойдете вперед без страха. Запомните одно: будьте сознательны, через что бы вы ни проходили. Если вы говорите “да”, говорите сознательно, если вы говорите “нет”, говорите так же сознательно.

Не обижайтесь, когда ребенок говорит вам “нет”, потому что кто вы, чтобы воспитывать ребенка? Он всего лишь пришел через вас, вы — всего лишь проход для него. Не становитесь диктатором. Любовь никогда не диктует, а если вы не диктуете, хорошее и плохое исчезают. Тогда вы полюбите обоих детей. Ваша любовь будет безусловной. Так же, как и любовь Бога — она приходит в этот мир без всяких условий.

Я слышал...

Кто-то сказал Джунаиду, суфийскому мистика: “Очень жестокий и злой человек пришел послушать тебя, и ты допустил его так близко к себе. Выгони его, он нехороший”.

Джунаид сказал: “Если Бог не выбрасывает его из жизни, кто я, чтобы выгонять его? Если Бог принимает его... я ведь не выше самого Бога. Бог дает ему жизнь, Бог помогает ему оставаться в живых. И этот человек до сих пор молод и свеж, он проживет долгую жизнь, более долгую, чем ваша. Кто я, чтобы решать? Бог оберегает всех — и плохих, и хороших”.

Ситуация абсолютно ясна, кристально ясна. Для Бога не существует ни хорошего, ни плохого. Когда я говорю “Бог”, я не имею в виду кого-то, кто сидит высоко в облаках. Это антропоцентрическое отношение: мы выдумываем Бога по собственному образу. Никто не восседает там, наверху. Бог означает всеобщность, целое, тотальность существования. Плохой человек дышит так же прекрасно, как и хороший человек; грешник так же принимается существованием, как и святой. Существованию безразлично. Но из-за дуалистического мышления — христианского, мусульманского, зороастрийского — мы думаем в терминах конфликта.

Существует история о старинном городе в Израиле, Содоме. Люди, жившие в этом городе, были сексуальными извращенцами, гомосексуалистами. И говорят, Бог разрушил этот город. Город был полностью уничтожен. На него пало великое пламя, и все жители были убиты.

Через много-много столетий у одного мистика, хасидского святого, спросили: “Когда Бог разрушил Содом, в нем, должно быть, было хоть сколько-то хороших людей?” — все были уничтожены. Спрашивающий сказал: “Мы можем принять тот факт, что были уничтожены плохие люди, потому что они были плохими — но за что уничтожать хороших?”

Теперь взгляните на хитрость ума. Хасид подумал и сказал: “Он убил хороших, чтобы они свидетельствовали, что плохие

люди были плохими”. Но это хитрый расчет, обман. В действительности, для Бога не существует ни плохого, ни хорошего. Когда он создает, он создает обоих, когда он разрушает, он разрушает обоих, без всяких условий.

Разделение на хорошее и плохое, на добро и зло – крайне глупо. Человек, курящий сигареты, потребляющий алкоголь, любящий чужую жену, становится плохим. Мы думаем, что Бог где-то сидит и подсчитывает: “Этот человек – алкоголик, он курильщик, он соблазнил чужую жену. Пусть только он придет ко мне, и я с ним разберусь!” Это – идиотизм – представлять себе Бога сидящим и просчитывающим подобные вещи! Это всего лишь наш ничтожный ум.

Для существования нет ни разделений, ни оценок. Добро и зло – человеческие представления, а не божественные. Каждое общество создает свои собственные теории о добре и зле. Каждое время, каждый век обладает своим собственным представлением о добре и зле. Абсолютных представлений не существует. Добро и зло относительны – они зависят от общества, культуры, нас самих. Бог абсолютен; для него не существует различий. И когда вы глубоко в медитации, где мысли исчезают, различий нет, потому что добро и зло – ваши мысли. Когда вы в молчании, что есть добро и что есть зло? В тот момент, когда возникает мысль: “Это хорошо, а это плохо”, вы утрачиваете молчание. В глубокой медитации не существует ни добра, ни зла.

Говорят, Лао-цзы сказал: “Стоит отличить один волосок от другого, как рай и ад разделены”. Если в уме медитирующего возникает даже слабое различие – разделен весь мир.

Медитация – это нераздельность, отсутствие разделения. Вы просто смотрите, вы видите всеобщность, и вы не разделяете ее. Вы не говорите: “Это некрасиво, это красиво; это хорошо, а это плохо”. Вы ничего не говорите. Вы просто есть, вы ничего не говорите. Вы не проводите никаких различий. Есть недугальность.

В медитации вы становитесь Богом. Люди думают, что в медитации они увидят Бога. Это неправильно. Некого видеть. Бог – не объект. В медитации вы становитесь Богом, потому что все различия исчезают; в медитации вы сливаетесь со всеобщностью, потому что в медитации вы не можете отделить себя от целого – все различия отпадают. Вы в таком глубоком молчании, что больше не существует никаких ограничений.

Каждая граница – это помеха для вас. Вы в таком глубоком молчании, что все границы размываются и исчезают. Существует только единство, целостность. Это то, что у индуистов называется Брахманом – единство, целостность, высшая целостность существования.

Именно ум разделяет, различает, говорит, что это одно, а это другое. В медитации есть то, что есть, нераздельное. Когда вы в медитации, вы становитесь Богом, и только в медитации вы приходите к безусловной любви.

Если вы отец, оба ваши ребенка будут просто детьми – чужими, пришедшими из незнакомого мира, движущимися в незнакомое существование, растущими, созревающими. Вы даете им вашу любовь, вы делите с ними вашу жизнь, ваш опыт, но вы никогда ничего не навязываете. Если вы не используете силу, то кто же из них покорен, а кто – непокорный? Когда вы не заставляете, тогда кто из них хорош, а кто плох?

И последнее. Если вы не заставляете, как один из них может быть послушным, а другой – непослушным? Тогда весь феномен исчезает, тогда вы принимаете другого – ребенка, жену, мужа, друга – такими, как они есть, как факт. Если мы можем принять друг друга как факт, без всяких “следует” и “должно быть”, без “хорошо” и “плохо”, жизнь станет раем в тот же самый момент.

Мы отвергаем. Даже если мы принимаем кого-то, мы принимаем только часть. Мы говорим: “Ваши глаза хороши, но все остальное – просто грязь”. Разве это приятие? Мы говорим: “Этот ваш поступок хорош, но все остальные плохи, их нельзя принять, я могу принять только хорошее”. Это означает: “Я принимаю только то, что мне подходит”.

Вы даже себе не представляете, как, на самом деле, вы разрушаете друг друга, потому что, когда родители говорят ребенку: “Мы принимаем только эту часть, и больше ничего”, когда жена говорит мужу: “Я принимаю только эту часть в тебе, и больше ничего” – что вы делаете? Вы создаете разделение и в уме другого человека.

Когда отец говорит: “Не делай этого, я с этим не согласен, я рассержусь на тебя, если ты это сделаешь”, и он наказывает ребенка, потому что считает, что ребенок сделал что-то неправильно, – что, на самом деле, он делает? Когда он хвалит ребенка, дает ему игрушку, приносит ему цветы, сладости и говорит: “Сейчас ты делаешь все хорошо, я это одобряю”, что он делает?

Он создает разделение в ребенке. Постепенно ребенок тоже отбросит ту часть, которую в нем не приняли его родители, и тогда он будет разделенным. У него возникнет двойное я.

Вы, наверное, наблюдали за маленькими детьми. Они наказывают сами себя. Они говорят сами себе: “Бобби, это не хорошо. Ты делаешь плохо”. Они начинают отвергать ту часть, которая была отвергнута их родителями, и тогда создается разделение. Отвергнутая часть становится бессознательной, подавленной частью. А принятая часть становится сознательной, сознанием. Тогда вся их жизнь превращается в ад, потому что принятое и отвергнутое будут бороться друг с другом; постоянно будет беспорядок.

Отвергнутое нельзя уничтожить. Оно – вы, оно – здесь. Оно всегда работает внутри вас. Может быть, вы оттеснили его в темноту, и только. Но когда вы помещаете часть себя в темноту, эта часть становится даже ярче, потому что она работает в темноте, и вы не можете видеть ее, вы не можете осознать ее, она мстит вам. Как только наступает момент слабости и ваша сознательная часть не очень сильна, проявляется бессознательная. Вы можете быть хорошим в течение двадцати трех часов, но в течении часа, когда сознание устает, бессознательное берет свое.

Даже у святых есть моменты греха, даже святым приходится расставаться со своей святостью. У них бывают выходные, иногда им приходится отдыхать. Если вы поймаете святого в отпуске, не волнуйтесь. У каждого должен быть отпуск. Все устают, если не существует целостности. Только при целостности нет усталости, потому что не существует другой части, которая сопротивляется, создает напряжение, мстит.

Итак, есть два слова: первое – святой, второе – мудрец. Внутри святого всегда скрывается грешник; мудрец целостен. Мудрец не может отдыхать, потому что он всегда отдыхает. У него нет отвергнутой части, он живет тотально, целостно. Он движется от момента к моменту как целое; он никогда ничего не отвергает. Он принял себя полностью.

Но это отвержение создано родителями, обществом. Маленький ребенок всегда великий исследователь, и конечно, он начинает открытия с своего собственного тела; это – ближайшее существование для него. Он не может полететь на Луну, он не может взойти на Эверест: они слишком далеки от него. В один прекрасный день он взойдет, но сейчас ближайшая его

часть – тело. Он начинает открывать его. Он дотрагивается до него, наслаждается своим телом.

Посмотрите на маленького ребенка, дотрагивающегося до пальцев своих ног – он счастлив, счастлив так, как вы никогда не были бы, даже если бы вы полетели на Луну. Он открыл свое тело! Он трогает большие пальцы ног, тянет их в рот, потому что это его способ исследования. Он будет пробовать их на вкус, обнюхивать, трогать. Потом, когда он доберется до своих сексуальных частей, родители начинают волноваться, но эта тревога возникает у родителей, а не у ребенка. Ребенок не проводит никаких различий, для него палец на ноге и сексуальный орган – одно и то же. Для него на сегодняшний момент не существует никаких различий. Все его тело здесь: пальцы, , глаза, нос, сексуальные органы, пальцы ног – все вместе. Нет разделения на низшее и высшее.

У индуистов существует разделение. Во всех культурах мира существует разделение. Индуисты говорят: “Никогда не прикасайтесь правой рукой ниже пупка, потому что эта часть тела грязная. Трогайте нижнюю часть живота левой рукой, а выше пупка — правой рукой”. Тело разделено, и это разделение так глубоко проникло в ум, что, говоря “правое”, мы подразумеваем “хорошее”, а говоря “левое”, мы подразумеваем “плохое”. Поэтому, если вы хотите осудить кого-то, скажите, что он левый, коммунист. Левое – плохо.

Ребенок не знает, где правое, где левое. Ребенок – это целостность, единство. Он не знает, что ниже, что выше. Его тело – единый поток. Он открывает свои сексуальные органы, и родители начинают тревожиться, они немедленно говорят: “Не трогай!” Мы убираем его руку. Ребенок шокирован. Вы дали ему электрический шок. Он не может понять, что вы делаете.

И это происходит много раз. Вы вбиваете ребенку в голову, что нечто в его теле должно быть отвергнуто, что сексуальная часть тела – это плохо. Психологически, вы создаете у него комплекс. Ребенок будет расти, но он не сможет принять свои сексуальные органы. Если вы не можете принять свое тело в полной тотальности, это всегда принесет вам неприятности в дальнейшей жизни. Когда ребенок будет заниматься любовью, он сольется в половом акте с другим, но у него возникнет чувство вины. Что-то не в порядке, с ним происходит что-то плохое в своей основе. Он обвиняет себя, он осуждает себя. Занятия любовью – самую прекрасную вещь на земле –

он воспринимает с чувством вины. Он не может отдаться любви со всей тотальностью, он не может пойти в другого тотально, потому что он сдерживает себя. Одна его половина движется к другому, а вторая контролируется. Это создает конфликт, и любовь становится страданием.

Так происходит во всех измерениях жизни. Все становится несчастьем, потому что во всем родители создают разделение: это хорошо, а это плохо. Вот почему вы несчастны – из-за ваших родителей, из-за вашего общества. Не делайте этого со своими детьми. Это трудно, потому что вы сами разделены, и вы будете стараться разделить ваших детей – подсознательно!

Но если вы становитесь бдительными... если вы медитируете, действительно медитируете, вы осознаете. Не создавайте ту же шизофрению в своем ребенке. Не разделяйте, не создавайте границ. Вы достаточно страдали сами. Не создавайте аналогичного страдания вашему ребенку. Если вы действительно любите, вы не будете его разделять, потому что разделение создает страдание. Вы поможете ему остаться целостным, потому что целостность свята. Целостность дает экстатические возможности, открывает двери к высшим переживаниям.

Как помочь ребенку оставаться целостным? Путь один: оставайтесь осознанным, чтобы не разделять его в своей бессознательности. Ничего не осуждайте. Если вы чувствуете, что это вредно, скажите ему, что это вредно, но не говорите, что это плохо – потому что, когда вы говорите, что это вредно, вы констатируете факт; а когда вы говорите, что это плохо, вы привносите в это оценку.

Родителям приходится говорить детям множество вещей, потому что дети не знают. Вам приходится говорить: “Не подходи к огню”; но скажите: “Это больно. Если ты обожжешься, ты будешь страдать, но это твое дело”. Скажите: “Это мой опыт. Каждый раз, когда я обжигался, я страдал. Я говорю тебе о моем опыте, но если ты хочешь сделать это, делай. Это больно”.

Скажите, что это больно, но не говорите “хорошо” и “плохо”. Если вы бдительны, вы выбросите слова “хорошо” и “плохо” из вашего словаря – потому что “хорошо” и “плохо” привнесут оценку. Скажите “опасно”, но не ограничивайте свободу, потому что ваш опыт не сможет стать опытом вашего ребен-

ка. Дети должны экспериментировать сами. Иногда они должны совершать вредные и опасные вещи сами. Только так люди растут. Иногда они должны падать и ударяться. Только так они узнают. Они должны пройти сквозь разнообразные вещи, испугаться, сделать себе больно, но только так они могут вырасти.

Если вы слишком защищаете ребенка, он не будет расти. Многие люди остаются детьми, их ментальный возраст не превышает возраст ребенка. Они становятся старыми, им может быть семьдесят; но их ум остается на уровне семи лет, потому что их слишком защищали в детстве. Посмотрите на очень богатые семьи – их дети настолько защищены, что им никогда не разрешают сойти с дороги, у них нет свободы экспериментировать и ошибаться. Все время кто-то следит за ними – слуги, учителя, гувернантки; они никогда не остаются в одиночестве. И посмотрите, что происходит: почти все богатые семьи производят очень посредственных детей, глупых, недалеких. Великие умы никогда не происходили из богатых семей – это трудно. Из них никогда не получаются новаторы. Из них никогда не получаются авантюристы. Они настолько защищены, что никогда не взрослеют.

Для роста необходима незащищенность. Защищенность тоже нужна. Обе необходимы. Посмотрите на садовника, работающего с деревьями: он помогает им, он защищает их, но он дает им свободу расти к солнцу, пережить дождь и бурю. Он не станет заносить деревья домой, чтобы защитить их от дождя, от бури или от солнца, от тех опасностей, которые всегда подстерегают их снаружи. Если вы спрячете дерево в дом, оно умрет. Тепличные растения неестественны. А все мы становимся тепличными растениями, потому что наши родители чересчур защищают нас.

Не защищайте детей, но и не оставляйте их незащищенными. Следуйте за ними как тень, ухаживайте за ними, заботьтесь о них. Создавайте равновесие: если возникает опасность смерти, вы должны их защищать, но если вы чувствуете, что это не очень опасно, предоставьте им свободу выбора. Чем больше они растут, тем больше вы можете позволять им. Ко времени, когда ребенок становится сексуально зрелым, вы должны дать ему полную свободу. Теперь природа сделала из него мужчину, и вы больше не должны беспокоиться. Иногда будут происходить несчастные случаи, но они тоже должны иметь место.

Дайте ребенку целостность. Заразите его своей сознатель-

ностью. Любите его, рассказывайте ему о своем опыте, но не старайтесь заставить его следовать вашему опыту. Не насилуйте его. Если он последует по своему собственному желанию, позвольте ему. Это хорошо. Но если он не следует – ждите, нет нужды спешить.

Очень трудно быть отцом или матерью. Это одна из самых трудных вещей в этом мире. А люди считают, что это самое легкое.

Я слышал историю о том, как однажды женщина возвращалась домой с рынка в такси, а таксист был просто сумасшедшим. Он ехал зигзагами. В любой момент могла случиться авария. Он ехал так быстро... Женщина очень нервничала. Она сидела на краешке сиденья и повторяла: “Не так быстро, я очень боюсь”. Но он не слушал. Тогда она сказала: “Слушай! Дома меня ждут двенадцать детей. Если со мной что-нибудь случится, что будет с ними?”

Тогда водитель сказал: “И вы говорите мне об осторожности?”

Трудно понять? Он говорит: “Вы родили двенадцать детей – вы не были бдительны; и вы говорите мне о бдительности?”

Легко родить много детей. Нет проблем. Животные делают это с легкостью. Но быть матерью очень трудно. Это одна из самых трудных вещей на свете. Быть отцом еще труднее, потому что быть матерью естественно, а быть отцом не так естественно. Отец – это социальное явление. Мы создали отца; его не существовало в природе. Быть отцом труднее, потому что для этого не существует естественного инстинкта. Это трудно, потому что создать человеческое существо – наиболее творческий акт.

Будьте бдительны. Давайте больше свободы. Не делайте различий между хорошим и плохим. Принимайте и то и другое. Помогайте обоим расти. Очень скоро эта помощь в росте вашим детям превратится для вас в медитацию, глубокую медитацию. Вы тоже будете расти вместе с ними. И когда ваши дети расцветут в говорящих “да”, а не в говорящих “нет”... потому что они уже были прекрасными говорящими “нет”. Ницше – отрицатель. Но он прекрасен! Его гениальное “нет” так прекрасно и удивительно, что мир бы очень обеднел, лишись таких людей, как Ницше. Он не способен сказать “да”. Ему это очень трудно. “Нет” – все его существо.

Будда – тоже отрицатель. Он говорит: “Нет Брахмана, нет

души, нет мира”. Вы не сможете найти более великого отрицателя. Он ничего не оставил. Он говорит: “Ничего нет”. Он продолжает и продолжает говорить “нет”, отрицать. Очень трудно, почти невозможно найти у него “да”. Но какое прекрасное существо развилось из этого постоянного “нет”! Никто не был более тотален.

Были и говорящие “да” – преданные, *бхакты*: Мира, Чайтанья, Иисус, Мухаммед. Это были говорящие “да”. Поэтому и существует два типа религий: одни сосредоточены вокруг говорящих “нет”, а другие – вокруг говорящих “да”. Вы тоже будете принадлежать к той или иной религии. Если вы говорите “нет”, тогда буддизм очень поможет вам. Если же вы говорите “да”, тогда буддизм вам не поможет, он будет разрушать вас; зато могут помочь христианство и индуизм.

Нужны оба типа религий. Когда я говорю это, я имею в виду, что все в мире пропорционально. По этой же причине в мире равное количество мужчин и женщин. Весь мир разделен – половина мужчины, половина женщины. Просто чудо, как природа сохраняет эту пропорцию. Это равновесие сохраняется везде и во всем. Всегда в мире половина говорящих “нет” и половина говорящих “да”. Всегда одна половина людей следует за знанием, а другая – за любовью. Любовь – это “да”. Знание – всегда “нет”. И эта пропорция всегда поддерживается природой.

Поэтому, если у вас двое детей, и один из них – говорящий “да”, а другой – говорящий “нет”, существует пропорция! Очень хорошо, что оба живут в вашем доме. Вы можете создать между ними гармонию. Не старайтесь разрушить говорящего “нет”, не старайтесь подтолкнуть и помочь только говорящему “да”. Создайте между ними гармонию. Два эти ребенка заключают в себе весь мир – инь и янь, противоположности, полюса. Создайте гармонию между ними, и ваша семья станет настоящей семьей, настоящим гармоническим единством.

Но не интерпретируйте, не осуждайте, не будьте моралистами. Просто будьте матерью и отцом. Любите их, помогайте им быть самими собой. Это основа любви: помочь другому стать самим собой. Если же вы хотите манипулировать, вы не любите, вы разрушаете.

Возлюбленный Ошо,

На Западе большинство методов духовного роста тяготеют к тому, чтобы работать в группе, как, например, группа столкновения и психодрама. На Востоке также существуют ашрамы, в которых духовные искатели живут вместе, но главный упор остается на индивидуальности.

Не мог бы ты рассказать об этих двух подходах?

Существует два метода духовного совершенствования. Вы можете заниматься духовным ростом в одиночестве, или же вы можете работать в группе, в школе. На Востоке всегда существовали оба эти метода. Суфийские методы являются групповыми. В Индии также существовали групповые методики, но они не были так широко распространены, как в исламе или суфизме. Но это совершенно новый, в количественном смысле, феномен – то, что Запад абсолютно ориентирован на группу. Никогда раньше не существовало такого количества групповых методов, никогда такое огромное количество людей не работало с их помощью, как теперь на Западе.

Так что в определенном смысле мы можем сказать, что сейчас на Западе в большей степени признаны групповые методы, а Восток остается склонным к индивидуальному росту. Почему это так? В чем различие? Почему существует это различие?

Групповые методы могут существовать только тогда, когда ваше эго достигает точки, где вам становится трудно вынести его, когда эго становится таким тяжелым грузом, что вы не можете справиться с ним в одиночестве. Тогда групповые методики имеют смысл, потому что в группе вы можете расторгнуть свое эго.

Если эго не очень развито, тогда вам могут помочь индивидуальные методы. Вы можете уйти в горы, вы можете быть в изоляции; но даже живя в ашраме с мастером, вы работаете один: вы медитируете, другие тоже медитируют, вы никогда не работаете вместе.

В Индии индуисты никогда не молятся группой. Групповая молитва пришла в Индию вместе с мусульманством. Мусульмане молятся в группе. Индуисты всегда молились в одиночестве; даже когда они приходили в храм, они старались придти по одному. Это – взаимоотношения один на один, только вы и Бог.

Это возможно тогда, когда эго не доросло до того состояния, когда оно стало отягощать вас. В Индии ему никогда не

помогали расти – с самого начала мы были против эго. Вы растете в вашем эго, но эго остается расплывчатым, неясным; вы остаетесь смиренным, вы не являетесь настоящим эгоистом. Эго не растет в высоту, не становится вершиной; оно остается плоским. Вы эгоист в той степени, в которой все являются эгоистами, но не абсолютный эгоист. Вы продолжаете полагать, что быть эгоистом неправильно, и продолжаете принижать себя. В отдельных ситуациях вы можете быть спровоцированы, и тогда ваше эго становится вершиной. Но обычно оно не достигает вершины, оно остается плоским.

В Индии эго напоминает гнев. Если кто-то провоцирует вас, вы впадаете в гнев; если никто не провоцирует вас, вы не в гневе. На Западе же эго превратилось в постоянную субстанцию. Оно напоминает не гнев, а, скорее, дыхание. Нет никакой нужды провоцировать его, оно всегда здесь. Эго – постоянное явление. Из-за этого группа становится очень полезной. Находясь в группе, смешиваясь с нею, работая в ней, вы можете избавиться от вашего эго с большей легкостью. Вот почему некоторые явления – не только в религии, но и в политике – могут существовать только на Западе. Фашизм, например, мог существовать, мог возникнуть только в Германии, которая является на Западе наиболее эгоистичной страной, наиболее западной. Ничто в мире не может сравниться с немецким эго. Вот почему Гитлер мог появиться в Германии – потому что каждый немец предельно эгоистичен и нуждается в ограничении эго.

Митингующие нацисты, миллионы марширующих людей – вы с легкостью можете потерять себя. Ваша личность здесь не нужна. Вы отождествляетесь с маршем, с играющим оркестром, с музыкой, со звуком, с гипнотизирующим вас Гитлером, с его харизматической личностью. Все смотрят на Гитлера, масса вокруг вас напоминает океан – вы становитесь просто волной. Вы чувствуете себя хорошо – свежим, молодым, счастливым. Вы забываете о своем несчастье, своей тревоге, своем одиночестве, своем отчуждении. Вы больше не один. С вами такая огромная толпа, а вы – ее частица. Ваши личные, частные тревоги забываются. Внезапно вы раскрываетесь и чувствуете себя легко, вы летите.

Гитлер добился успеха не потому, что у него была значимая философия – его философия была абсурдной, детской, незрелой – не потому, что он смог убедить немецкий народ в

том, что он был прав... дело не в этом. Очень трудно убедить немцев в чем бы то ни было, потому что они – логики. Немцы насквозь логичны в своем уме, они рациональны во всем. Очень трудно убедить их, и Гитлер никак не мог убедить их, это невозможно. Нет, он никогда не убеждал их. Он создал гипнотический феномен группы, и именно это убедило немцев.

Вопрос был не в том, что Гитлер говорил; вопрос заключался в том, что чувствовали немцы, когда они были в группе, в толпе. Это было для них таким облегчающим опытом, что ради него они последовали за Гитлером. Что бы он ни говорил – правильное или неправильное, логичное или нелогичное, полный бред – немцы всегда с готовностью следовали за ним, потому что им было хорошо. Они настолько устали от самих себя, что им захотелось быть поглощенными толпой, массой. Вот почему фашизм, нацизм и все типы группового сумасшествия стали возможными на Западе.

На Востоке этой тенденции могла следовать только Япония, потому что Япония – восточный двойник Германии. Япония – наиболее западная страна Востока. Там случилось то же самое, и Япония смогла стать союзником с сумасшествием Гитлера. То же самое происходит и в других областях – в религии, в психологии. Когда сотня людей находится вместе, просто держа друг друга за руки, сидя рядом друг с другом, они чувствуют подъем – что кажется очень странным тем, кто не знает особенности западного ума.

Ни один индус не почувствует этого подъема. Он скажет: “Что за ерунда! Какой может возникнуть восторг, если сто человек сидит в кругу, в группе, держась за руки? Как они могут стать экстатичными? Самое большее, что вы можете почувствовать – это пот на руке соседа”. Но на Западе сто человек, которые держат друг друга за руки, действительно чувствуют экстаз. Почему? – потому что из-за эго даже держаться за руки стало невозможно. Даже жена и муж больше не вместе. Сплоченная семья исчезла. Это было групповое явление. Общество исчезло. На Западе, на сегодняшний день, общества не существует. Вы одиноки.

По статистике, в Америке каждые три года все переезжают в другой город. В Индии же человек из деревни остается там – и не только он, вся его семья остается в этой деревне на протяжении тысячи лет. Он глубоко укоренен в этой земле. Он связан со всеми, он знает всех, все знают его. Он не чужой, и

он не один. Он живет как часть деревни, он всегда так жил. Он родился здесь, и здесь он умрет.

В Америке каждые три года большинство людей переезжает. Это наиболее кочевая цивилизация из когда-либо существовавших. Бродяги – без дома, без семьи, без города, без деревни, бездомные. Разве вы можете укорениться за три года? Куда бы вы ни приехали, везде вы будете чужим. Вокруг вас толпа, но вы никак не связаны с нею, вы полностью отделены от людей, и весь груз вашей жизни становится индивидуальным.

Сидя в группе – будь то группа столкновения или группа роста, – касаясь тела друг друга, вы становитесь частью коммуны. Когда вы держите друг друга за руки или дотрагиваетесь до рук друг друга, когда вы просто лежите рядом друг с другом или друг на друге в общей куче, вы ощущаете свое существо, и внутри этой группы происходит религиозный подъем. Сотни людей, которые танцуют, трогают друг друга, двигаются друг вокруг друга, становятся единым целым. Они сливаются друг с другом, и их эго растворяется в течение нескольких мгновений. Это слияние становится молитвенным. Политики могут использовать силу этого слияния в целях разрушения, а религия может использовать его для очень созидательного явления – оно может стать медитацией.

На Востоке люди слишком долго живут коммуной, поэтому, когда они хотят быть религиозными, им хочется уйти в Гималаи. Общества слишком много. Они не устают от самих себя, они устают от общества. В этом и заключается различие: на Западе вы устаете от самих себя, и вам необходимы определенные мосты для общения с обществом, с другими. Вы озабочены тем, как создать мост и как двигаться по этому мосту вместе с другими для того, чтобы забыть самих себя. На Востоке люди устают от общества. Они так долго жили в нем, что они не чувствуют никакой свободы. Поэтому, когда кто-то хочет почувствовать себя свободным, побыть в молчании, он бежит в Гималаи.

На Западе вы бежите в общество, на Востоке люди бегут от общества. Поэтому на Востоке существовали индивидуальные методы, одиночные методы, а на Западе существовали групповые методы.

Что делаю я? Мой метод синтетичен. В первой стадии динамической медитации вы часть группы; в последней части группа исчезает, и вы остаетесь в одиночестве. Я делаю это

по определенной причине... потому что сейчас Восток и Запад утратили актуальность. Восток поворачивается к Западу, Запад поворачивается к Востоку. В конце этого столетия больше не будет ни Востока, ни Запада, а только единый мир. Это географическое разделение существовало слишком долго; больше оно существовать не может.

Технология уже растворила его. Это различие существует только благодаря разделению в нашем уме. Оно продолжается только как феномен ума, в действительности этого различия больше не существует. В конце этого столетия не будет ни Запада, ни Востока, – просто единый мир. Те, кто могут видеть, могут видеть это уже сейчас. Необходим синтез – синтез индивидуального и группового. Сначала вы работаете в группе, а затем, в конце, вы остаетесь наедине с самим собой.

Начните с общества и придите к самому себе. Не убегайте от общества – живите в мире, но не будьте его частью. Общайтесь с миром, но, вместе с тем, оставайтесь в одиночестве. Любите и медитируйте, медитируйте и любите.

Вопрос не в том, что было раньше; дело не в том, что будет позже. Медитируйте и любите, если вы мужчина, любите и медитируйте, если вы женщина – но не выбирайте. Любовь плюс медитация – мой девиз.

Достаточно на сегодня.

Глава 15

Делитесь самым вашим существом

Возлюбленный Ошо,

Ты сказал нам на этой неделе, что мы не должны заботиться о других. Но у большинства из нас, живущих на Западе, есть друзья и родственники, с которыми мы хотели бы разделить то, что нашли рядом с тобой. Что мы можем рассказать им о саньясе? Что мы можем рассказать им о тебе? Как мы можем объяснить необъяснимое?

Существуют вещи, о которых невозможно говорить, вы не можете выразить их вербально. Существует лишь один способ поделиться ими – это поделиться всем вашим существом. Будьте саньясином – это единственный способ рассказать другим о саньясе. Если вы саньясин, тогда ваше существо скажет то, что не может быть выражено в словах. Тогда весь ваш образ жизни расскажет истории, которые не могут быть умозрительными.

Язык бессилён. Он не может сказать то, что живо, он может говорить только мертвые вещи. Вы можете рассказать о саньясе, но это не будет истинным. Как вы можете говорить о саньясе? Это внутреннее цветение, внутренняя свобода, внутренний экстаз, благословение. Вы, конечно же, можете поделиться этим с другими, но это будет происходить через ваше существо, через само ваше бытие – то, как вы ходите, как сидите, как смотрите, через ваши глаза, ваше тело, само ваше дыхание. Это молчание, окружающее вас, блаженство, которое наполняет вас и распространяется вокруг вас, ваши вибрации – только они расскажут об этом. Только они и могут рассказать. Будьте саньясином – это единственный способ. А что такое саньяса? Это – свобода от ума. И будет трудно понять саньясу, если вы не понимаете, что такое ум.

Ум – это накопленное прошлое. Все, что вы испытали, все, что вы узнали, все, что вы прожили, накоплено в вашей памяти. Это накопленное прошлое и есть ваш ум. Ум всегда мертв, потому что он принадлежит прошлому. Ум всегда мертв и никогда не бывает живым. Как только что-то умирает, оно становится частью ума. Это похоже на пыль, которую накапливает путешественник в пути. Вы – здесь и сейчас, а ум – всегда в прошлом. Ум – это тень, которая следует за вами.

Саньясин освобождается от прошлого, живет в данном моменте – он не несет в своей голове прошлого, не нагружен этим прошлым. От момента к моменту, умирая для прошлого, как будто его никогда не было, как бы рождаясь заново. Каждый момент будьте свежи и новы. Отложите прошлое. Не собирайте эту пыль. Если вы будете собирать пыль, вы будете становиться тусклее день ото дня. Ваше сознание будет замутнено, ваше зеркало будет неспособно отражать что бы то ни было. Чем дольше вы жили в прошлом, тем больше будет замутнено ваше зеркало. Оно не будет отражать. Вот что происходит.

Саньяса означает прорыв. Рассматривая прошлое, понимая его бесполезность, поскольку его больше нет, понимая, что это бесполезный груз, вы отложите его в сторону. И тогда вы здесь и сейчас, в этом самом моменте, в настоящем, во всей его полноте.

Саньяса означает жить без времени: не быть под влиянием прошлого и не заботясь о будущем – без груза в прошлом, без желания в будущем. Саньяса – это жизнь без цели и без причины.

Если кто-то говорит, что саньяса означает достижение Бога, он говорит ерунду. Саньяса – это не достижение. Саньяса означает жить так, как если бы вы уже всего достигли. Это – не желание. Нет никакой разницы, чего вы желаете – благосостояния ли, власти, престижа или Бога, *мокши* – вы все равно желаете. Основной механизм остается тем же самым: вы желаете. А как только вы начинаете желать, появляется будущее. А будущее – это не что иное, как проекция прошлого. Любое будущее есть не что иное, как модификация известного. Оно никогда не бывает неизвестным. Как вы можете желать неизвестного? Как вы можете желать того, чего вы не знаете?

Вы не можете желать Бога. Если вы желаете, то чего-нибудь другого. Бог – это неизвестное. Как вы можете его желать? Бог – это то, чего вы не пробовали, как вы можете его желать? Вы можете желать секса, вы можете желать власти, вы можете желать эго, потому что вы их знаете. Вы знаете их в течение многих и многих жизней. Но как вы можете желать Бога? Как вы можете пожелать любви? Как вы можете пожелать экстаза? Вы никогда не знали их – желать их невозможно. Вот почему все священные писания и все будды говорят: Бог приходит к вам, когда у вас нет желаний. Мокша приходит к вам, вы никогда не идете к мокше. Вы не можете идти, потому

что вы не знаете. Нирвана случается с вами, когда у вас нет желаний.

Саньяса – это отсутствие желаний, и это отсутствие желаний означает жить в сейчас. И запомните, сейчас – это не часть времени, сейчас существует за пределами времени. Время приходит только тогда, когда вы думаете в терминах прошлого и в терминах будущего. Настоящий момент не является частью времени. Этого момента нет на ваших часах, потому что часы всегда идут в будущее. Они никогда не находятся здесь и сейчас. Они приходят из прошлого и движутся в будущее.

Часы – это отражение вашего ума: они никогда не находятся здесь! В тот момент, когда вы говорите, что они здесь, они уже сдвигаются. В тот момент, когда вы видите, где они, этот момент уже ушел в прошлое. Часы прыгают из прошлого в будущее. Если вы смотрите на стрелки часов, вы видите, что они не двигаются, а прыгают. Кажется, что минутная стрелка движется, потому что ее прыжок очень замедлен, но вы можете видеть, как прыгает секундная стрелка. Она прыгает из прошлого в будущее, она никогда не пребывает здесь и сейчас. Таков и путь ума.

Сейчас находится за пределами ума, оно безвременно – или вы можете назвать его вечным. Вы никогда не покидаете его, потому что оно всегда здесь. Вы никогда не входите в него, вы никогда не уходите из его – оно есть. Если вы можете жить так, что вся ваша жизнь будет окружена этим сейчас, значит, вы – саньясин, у вас нет желаний, вы не желаете даже Бога.

В тот момент, когда вы пожелаете Бога, вы превращаете Бога в товар. Тогда вас начнут эксплуатировать священники, потому что они продают этот товар. Тогда вас начнут эксплуатировать храмы, церкви и мечети, потому что это магазины, в которых продается Бог. А саньясин не имеет ничего общего с храмами и церквями, потому что Бог – не товар.

Что происходит, когда вы не желаете? Это не означает, что вы убиваете или подавляете себя; это не означает, что вы убиваете ваши желания. Это очень важно понять, потому что так бывает.

В писаниях сказано, что те, кто знает, говорят: “Когда у вас нет желаний, божественное случается с вами”. Тогда ум прыгает, как кот на мышь, хватая это отсутствие желаний и говорит: “Хорошо, если Бога можно достичь через отсутствие желаний, тогда я пожелаю отсутствие желаний”. И теперь это

становится желанием. И вы опять упускаете. Тогда саньясин старается жить без желаний, и это состояние отсутствия желаний становится целью, которую нужно достичь в будущем.

Итак, что вы можете сделать? Вы можете убить желание и думать, что у вас нет желаний. Отсутствие желаний – не смерть желаний, потому что, когда желание умирает, вы тоже умираете. Это покажется очень тонким и трудным: если желаний нет, если вы убили все желания, вы тоже будете мертвы. Это не путь, на котором случается отсутствие желаний. Это не смерть желаний, но его трансформация. Желание двигаться в будущее – это один путь желаний; желание оставаться здесь и сейчас – другой путь. Второй путь есть отсутствие желаний, потому что оно не движется в будущее.

Человек без желаний не мертв. Он более жив, чем вы, потому что его желания сосредоточены здесь и сейчас. Если он ест, то он ест. Вы даже не можете себе представить, как он счастлив, когда ест свою простую еду, всего лишь хлеб и масло. Все его существо находится здесь и сейчас. Он не просто забрасывает еду в себя.

Человек, живущий в будущем, никогда не ест хорошо. Он просто забрасывает еду в себя. Он не сосредоточен на еде, потому что его ум занят будущим. Он живет в амбициях. Он не может хорошо есть; он будет думать о том, что он съест завтра, но он не может есть в настоящий момент. Он может представить себе, какую еду и где он будет есть завтра, но сегодня остается свободным и пустым. И каждое завтра, к несчастью, становится сегодня – он упускает всю свою жизнь.

Когда он занимается любовью, он ничего не чувствует, он разочарован – но он думает о другой женщине, которой он овладеет завтра. И то же самое будет происходить с каждой женщиной, с каждым мужчиной, потому что встреча происходит здесь и сейчас, а ум всегда движется. Он будет не в состоянии заниматься любовью. Он будет неспособен хорошо есть. Он не сможет наслаждаться тем блаженством, которое дает нам природа, постоянно омывающая все вокруг. Подобно тому, как в молчании опадают с дерева листья осенью, блаженство каждый миг бесшумно осыпает все вокруг. Все прекрасно и благословенно, но вас в этом нет.

Итак, быть саньясином не означает убить все желания. Саньясин – человек, приведший все силы желания в здесь и сейчас. Он живет тотально. Что бы он ни делал, он полностью

поглощен этим. Ничего не остается позади. Он не разделен. Когда он ест, он ест. Когда он занимается любовью, он становится любовью. Когда он движется, он становится этим движением.

Будда сказал – но очень немногие поняли то, что он имел в виду, – что, когда вы движетесь, существует только движение, но не тот, кто движется; когда вы говорите, существует только говорение, а не говорящий; когда вы слушаете, существует только слушание, а не слушающий; когда вы наблюдаете, существует только наблюдение, но не наблюдающий. Вот что такое саньясин. Действие становится настолько тотальным, что действующий теряется в нем. Никто не стоит за этим действием – нет никакого разделения. Вы полностью в движении, вы течете в этом действии, что бы вы ни делали. Тогда наслаждение становится совершенным.

Так что саньясин – это человек без желаний, а не человек с мертвыми желаниями. Это человек, у которого все силы желания, вся энергия желания повернулись к настоящему моменту. Эти энергии не направлены в будущее, они обращены в настоящее. Его желания сосредоточены в здесь и сейчас. Он становится миром. Все возвращается к нему. Ничто не уходит в будущее, потому что будущее ложно, не экзистенциально.

Если ваши желания движутся в будущее, они – как река, текущая в пустыню: она потеряется в пустыне, никогда не достигнет океана, она никогда не ощутит того экстаза, который приходит, когда река впадает в море. Когда река достигает океана, она испытывает оргазм, экстаз и блаженство, она танцует. Ничего этого не будет, если река течет в пустыню и теряется в ней. В пустыне река испарится, высохнет, умрет. Не будет никакой связи с существованием. Когда желания движутся в будущее, река желания находится в пустыне. Будущего нет нигде, это всегда настоящее. Будущее есть создание нашего ума – оно фальшиво, это сон. Саньясин живет в реальности, а не во сне. Он наслаждается реальностью.

Итак, запомните: я вновь и вновь подчеркиваю, что саньясин не против жизни, а за жизнь. Саньясин – не человек, убивший все свои желания и существо и ставший мертвой вещью. Он – это жизнь во всем ее изобилии, великий источник жизни.

Что же происходит? Различие очень тонкое. Что происходит? В чем будет различие? Вы чувствуете, что вы голодны, и

вы начинаете думать о еде. Вы никогда не чувствуете голод во всей его тотальности. У голода есть своя собственная красота. Человек, который не ощущает голода – мертвый человек. Когда есть голод, этот голод существует в настоящем, но вы начинаете думать о еде. Когда еда перед вами, вы начинаете думать о другой еде, которую вы получите завтра.

Саньясин – человек, живущий в настоящем, наслаждается голодом, когда он голоден. Он тотально голоден, он становится этим голодом. Каждая частица его тела ждет еды – как земля, жаждущая дождя, которого не было очень долго. Каждая пора его тела молится, ждет, приглашает. Все его тело ждет, приглашает, наслаждается голодом. И тогда возникает еда. Тогда он наслаждается едой и тем удовлетворением, которое приходит ко всему его существу, распространяется по всему телу, уму и душе. Он наслаждается удовлетворением.

У одного мастера дзен спросили: “Что такое медитация”?

Он ответил: “Когда я голоден, я ем, а когда я хочу спать, я засыпаю”.

Спрашивающий не мог понять. Он сказал: “Я спрашиваю о медитации, а не о тебе”.

Мастер ответил: “Это все, что я знаю о медитации. Когда я чувствую голод, я чувствую голод; разделения нет. Когда я ем, я ем, а когда я хочу спать, я засыпаю. Не существует борьбы с жизнью, нет сопротивления – это сдача, течение. Я становлюсь белым облаком”.

Саньясин – это белое облако, плывущее в голубом небе, наслаждающееся каждым моментом, данным ему Богом, наслаждающееся каждым подарком жизни. Если это возможно... а это *возможно*, потому что так случилось с очень многими, и это может произойти и с вами, необходимо только глубокое понимание – тогда не накапливается карма. Тогда вы ничего не собираете. Вы едите, вы любите, вы делаете что угодно – но настолько тотально, что это не накапливает никакой памяти об этом. Вы никогда не говорите: “Я это сделал” – как вы можете это сделать? Когда действие существовало, вас не было; тогда кто же может сказать: “Я это сделал”?

Если вы скажете саньясину: “Ты был голоден, и ты съел свою еду”, он ответит: “Я не был голоден, я не ел еды. Был голод, и голод съел еду. Нет никакого действия с моей стороны, потому что меня там не было”. Если вас нет, если действующего нет, тогда кто будет накапливать карму?

Именно это Кришна говорит Арджуне: “Делай то, что ты должен делать”. Что бы ни требовала ситуация, делайте это и забудьте о действующем. Не думайте: “Я делаю”; думайте: “Бог совершает это через меня”. Это другой способ сказать то же самое: Бог делает это через меня. Я – всего лишь *нимитта*, инструмент, проход, механизм. Я – всего лишь полая флейта, пустота. Бог поет и приносит новые мелодии, создает новые песни. Я – всего-навсего проход, бамбуковая флейта. Саньясин – это бамбуковая флейта, проход. Его нет. Многое происходит вокруг него, многое происходит через него, но его самого не существует.

Станьте саньясинами, потому что это... это прекрасно!

Это должно прийти в ваш ум, и именно это вы должны разделять с окружающими. Вы здесь; дома вас ждет ваша мать, жена, дети, муж. А любовь всегда делится... Вы вернетесь. Вы ничего не возьмете с собой – ничего видимого, никакого подарка вашей жене или матери, какого-нибудь украшения или чего-нибудь подобного, – вы возьмете невидимое. Это невидимое невозможно пересказать в словах, потому что вы не забираете вместе с собой философию. Я не даю вам философию. Я не даю вам идеологию. Я даю вам другой тип жизни, другой способ существования.

Вам будет трудно рассказать им. Если они прямо спросят вас, вам будет трудно рассказать об этом. Не старайтесь ничего говорить, потому что это не поможет, а создаст только больше проблем. Лучше будьте открытыми для них, чтобы они смогли разделить с вами ваш опыт. Лучше будьте более уязвимыми. Будьте вместе с ними: смейтесь, наслаждайтесь, ешьте, медитируйте, попросите их разделить ваше существование, тот новый способ жизни, который пришел к вам. Само ваше присутствие, ваше существо, которое смеется, наслаждается, станет заразительным – и ваши близкие почувствуют это.

Это требует времени. Это будет нелегко, это будет трудно. Поэтому, до того, как вы уйдете, подготовьтесь. Будьте готовы поделиться. Они не всегда будут вас понимать. В самом начале с их стороны будет больше непонимания, потому что они никогда не думали об этом. Это нечто неизвестное, а когда в вашу дверь стучится неизвестное, ум немедленно пугается, потому что ум не в состоянии разделить неизвестное на категории, не может удержать его. Ум шокирован и испуган. Ум счастлив только тогда, когда может отнести нечто к какой-то

категории, поместить его в уголок и сказать: “Это то”, – повесить ярлык и покончить с этим. Ум всегда счастлив, если он может анализировать вещь – разделить ее, разрезать, заглянуть внутрь и покончить с ней.

Но саньяса не может быть категоризирована. Это не категория. Это настолько иное качество существования, что для него не существует категорий. Она не может быть проанализирована, не может быть разделена на части, это не механизм. Вы не можете сломать ее, разделить на части и затем опять собрать воедино. Нет, это органическое единство. Если вы ее проанализируете, она исчезнет, и вы никогда не сложите ее обратно из кусочков, потому что это невозможно. Саньяса – это жизненная сила, органичная, как цветок. Попробуйте проанализировать цветок, отделите от него каждый лепесток, разрежьте, разорвите его, посмотрите на него, удовлетворитесь вашими исследованиями, а потом постарайтесь прикрепить лепестки обратно. Цветок к этому времени уже мертв, лепестки умерли, и вы не сможете прикрепить их обратно, потому что это было органическое единство, а не механизм.

Саньяса – это цветение, цветение человеческого сознания. Цветы на дереве показывают, что пришла пора созревания, и рано или поздно на землю начнут падать плоды. Цветы – это знак того, что дерево готово дать плоды. Дерево готово. Оно наполнено. Цветы – это только экстаз дерева перед плодоношением, потому что плоды означают полноту. Дерево достигло пика, кульминации, крещендо своего существования. Оно счастливо, оно наслаждается -его жизнь не была напрасной; скоро появятся плоды. Дерево экстатично, и оно расцветает.

Саньяса – это цветение, а мокша – это плод. Саньяса означает, что сейчас ваше внутреннее существование, ваше внутреннее дерево пришло к той точке, где происходит прыжок, где происходит взрыв. Прежде, чем то произойдет, все ваше существование наслаждается этим. Вы наполнены. Жизнь прожита не зря. Много-много жизней вы ждали – и это пришло. Такое долгое ожидание, столько терпения... Но все это не имело смысла. А теперь вы достигли, вы пришли. Все ваше существо цветет.

Индуисты выбрали для саньясы красное, оранжевое, желтое – это цвета настоящих цветов. Зеленое и красное – два основных цвета в природе. Зеленое – это дерево, а красное – это цветок. Ваше существование пришло к цветению. Скоро

созреют плоды. Скоро появятся семена. Возьмите это цветение с собой.

Хорошо, что вы думаете о том, как разделить это цветение с теми, кого вы любите – с вашими друзьями, с вашими женами или мужьями, с семьей – как разделить это? Это прекрасно, это хорошо. Это добродетель – думать о том, как разделить это с другими. Но вы можете разделить это только тогда, когда оно произошло, действительно произошло с вами. Если вы только выслушали меня, подумали о цветении, но сами не испытали его, вы не можете разделить это с другими. Если вы возьмете только мои слова, они не станут настоящими цветами, потому что слова не могут быть реальными – они могут быть только пластиковыми цветами. Вы можете запомнить их, вы можете передать их вашим друзьям, но в них не будет аромата. Они не смогут передать того, что я говорил вам, они ничего не смогут выразить. Через них не произойдет передачи.

Поэтому, если вы хотите поделиться саньясой, медитацией, будьте медитативны, погружайтесь в нее все глубже и глубже. Без желаний, все же наслаждайтесь, если желание придет к вам. Что бы ни происходило, наслаждайтесь этим как даром, благословением, но никогда не просите, никогда не требуйте, никогда не планируйте, никогда не думайте об этом. Живите тотально, но не через мышление.

Мысли – разлагающая сила. Они разлагают все, и разлагают абсолютно, потому что мысли хитры – это сама хитрость. Чем больше вы думаете, тем хитрее ваши мысли. Вы будете считать себя умным, вы будете считать, что это – разумность. Но это не так, потому что, если есть разумность, мысли не нужны. Вам нужны мысли, потому что вы неразумны. Если вы разумны, то вы откликаетесь от момента к моменту. Вы не должны думать о том, что вы должны делать в следующий момент, потому что когда придет следующий момент, ваша разумность – вместе с вами, и вы откликнетесь. Зеркало никогда не думает: “Что мне делать, когда передо мной кто-то возникнет?” В этом нет нужды. Зеркало здесь, и оно отражает. Если разум всегда вместе с вами, вы никогда не думаете о грядущих проблемах, потому что, когда проблема появится, ваша разумность ответит на нее. Вы можете на нее положиться.

Мы размышляем потому, что у нас нет понимания. Думанье – это замена. Чем больше осознанности, тем меньше думанья. Когда у вас есть осознанность, мыслей больше не су-

ществует. Будда никогда не думает, в этом нет нужды. Что бы жизнь ни преподносила ему, он отвечает. Вы думаете потому, что не можете положиться на свое понимание. Вы должны планировать заранее. Когда приходит момент, вы следуете заготовке, сделанной в прошлом. Вот почему совершается такое количество ненужных ошибок, и все становится застывшим и мертвым – потому что вы всегда действуете соответственно заготовке из прошлого. Жизнь обновляется каждый момент, подобно изменчивой реке. Изменения никогда не прекращаются, но вы сами останавливаетесь в прошлом. Вы носите с собой эту заготовку. Что бы жизнь вам ни преподнесла, какова ни была бы проблема, вы обращаетесь к памяти. Возникает план, заготовка, и вы действуете в соответствии с ними. И вы упускаете. Жизнь постоянно обновляется, а ваши заготовки уже устарели.

Жизнь – как птица, летящая в небе; птицы никогда не оставляют следов. У них нет дорог. Когда они пролетают, небо остается свободным, как раньше. Это не земля, по которой ходят люди и своими следами создают дороги. Жизнь – как небо. В ней не существует никаких дорог.

Саньясин – как птица, летящая в небе, не следующая ничьим следам, не идущая ни по чьей дороге, потому что дорог не существует. Он движется от момента к моменту через свою разумность, а не через прошлую память.

Посмотрите: мы сделали нечто прямо противоположное, мы все запланировали. Даже муж, возвращаясь с работы, планирует и думает о том, как он встретится со своей женой. Он говорит сам с собой, он планирует внутри, что он скажет то-то и то-то, дотронется до ее руки, нежно поцелует ее или еще что-нибудь в этом роде. Что здесь планировать? У вас не осталось никакой любви?

Если любви нет, тогда вам приходится планировать, потому что вы не можете положиться на себя; вы можете все забыть. Если вы не будете планировать заранее, вы можете прийти домой и совершенно забыть о том, что ваша жена ждала вас целый день – готовила вам еду, стирала вашу одежду. Она ждала, и ждала, и ждала, все нетерпеливее. А когда вы пришли домой, вы даже не посмотрели на нее. Вы сидите в кресле и читаете газету. Или вы включаете радио или телевизор, как будто ее и нет вовсе. Вы боитесь этого, и вы начинаете планировать. Вы должны постоянно напоминать себе, как вести себя с же-

ной, с возлюбленной. Что же это за любовь, если вы не можете ответить без предварительного планирования? Если любовь есть, не может быть никаких мыслей.

То же самое верно и относительно разумности. Если есть разумность, не может быть никакого думания. Думание – это заменитель. Мысли очень хитры и ловки. Они могут создать иллюзию реальности – в этом и заключается их хитрость. Вы можете улыбаться, не улыбаясь. На ваших губах улыбка, но она только на ваших губах – просто нарисованная улыбка, никак не связанная с вами. Между вами и ней не существует моста. Она не бьет ключом из центра вашего существа. Она не исходит из вас. Вы всего лишь надели ее, это маска. Мысли могут делать это. И тогда, постепенно, вы становитесь все более и более фальшивы. Хитрость означает, что вы окружаете себя псевдо-жизнью.

Саньясин всегда реален. Если он улыбается, он улыбается искренне, и его улыбка идет из самого его существа. Если он в гневе – этот гнев идет из самого его существа. Если он любит – любовь идет из самого его существа. Он не подделка, он не фальшивит. Он искренен и подлинен. Вы можете положиться на него. Если он любит, он любит. Если он друг, он – друг. Если он не друг, вы можете положиться на него, он – не друг, потому что он не обманывает.

Вот что я подразумеваю, когда говорю о действительно добродетельном человеке – подлинность. Что бы он ни делал, кем бы он ни был – он действительно есть это. Он не носит масок, он не использует фальшивые личности. Он живет в этой реальности. И запомните: вы можете прийти к реальности только если вы сами реальны. Если вы фальшивы, вы никогда не встретитесь с реальностью. Если вы не реальны, тогда мир, который вы видите, не будет реальным, потому что фальшивое может соединиться только с фальшивым. Вы фальшивы, и тогда мир для вас – иллюзия, майя. Если вы реальны, мир становится божественным, он становится реальным.

Слово “майя” прекрасно. Оно означает то, что можно измерить. “Майя” означает то, что может быть измерено. Ум – это измеряющий инструмент. Он постоянно все измеряет, планирует, записывает, анализирует. Ум старается измерить все. Вот почему индуисты называли мир майей – тем, что может быть измерено умом.

Что такое ваша наука? Не что иное, как измерение. Индуисты называют науку *авидья*. Они называют ее не знанием, а

анти-знанием. Это не настоящее знание, потому что реальное нельзя измерить. Оно неизмеримо, бесконечно. У него нет ни начала, ни конца. Настоящее неизмеримо. Ненастоящее, напротив, измеряемо. А вместе с измерением приходят причины, логика. С неизмеримым логика теряется, и теряются также все причины. Ум очень хитер и ловок; он создает мир иллюзий.

Тогда кто же такой саньясин? Саньясин – это не ум, напротив, он – невинность. Он невинен как новорожденный – нет прошлого, нет никакой идеи будущего. Саньясин – это ребенок, рождающийся каждый миг. Это – процесс, каждый момент он умирает в прошлом. Он отбрасывает все, через что он проходит. Он отказывается от этого, потому что прошлое становится мертвечиной, пылью. Нет никакой нужды в том, чтобы нести его за собой. Саньясин очищает себя, его зеркало опять становится чистым. Он постоянно очищает это зеркало. Это очищение я называю медитацией.

Люди спрашивают меня: “Когда мы сможем отбросить медитацию?” Вы не можете ее отбросить. Она отпадет сама по себе в тот день, когда вас больше не будет. Но вы не сможете отбросить ее, потому что вам необходимо очищение. Вы постоянно загрязняетесь, каждый миг вы накапливаете эту грязь – это в природе вещей. Каждый момент вам необходима ванна, очищение. А когда вас больше нет, ничего больше не происходит. Нет никаких проблем, потому что нет никого, кто мог бы стать грязным. Но пока вы находитесь здесь, и поэтому медитацию необходимо продолжать. Это попытка оставаться невинным.

Смотрите: если вы невинны, то вам всегда всего хватает. Если вы можете смотреть невинными глазами на небо, вы становитесь этим небом. С умом вы начинаете измерять. Вы говорите: “Это прекрасно”, или “Это некрасиво”, или “Сегодня небо затянуто тучами”, или “Завтра небо станет лучше”, или “Вчера небо было красивей”. Вы начинаете измерять и сравнивать.

Но если вы невинны, если вы – не ум, и вы просто смотрите на небо – тогда нечего сказать, не о чем думать. Небо – здесь, и вы – тоже, как и небо. Внутреннее и внешнее встречаются. Оба эти пространства сливаются, и не существует больше никаких преград. Наблюдающий становится объектом наблюдения. Кришнамурти постоянно повторяет: “Наблюдающий стано-

вится наблюдаемым. Внешнее и внутреннее утрачивают границы и сливаются”.

Если вы смотрите на дерево с невинностью, без измеряющего ума, что же тогда происходит? Вас не двое – вы и дерево; дерево как-то входит в вас, а вы входите в дерево. Только тогда вы понимаете, что такое дерево. Вы смотрите на звезды, вы смотрите на реку, вы смотрите на летящих в синем небе птиц... Границы стираются. Разделение потеряно. Все различия стерты. Возникает единство. Это единство не создается мыслями. Это – не единство, созданное философами. Это совершенно иное единство. Вы не думаете, что это единство, вы знаете. И вы узнаете внезапно, что это – единство. Вы не говорите из своего ума: “Это – единство, потому что Упанишады называли его так, потому что так его называли Веды”. Это просто единство.

Если в вашем уме Веды и Упанишады, то вы не невинны, вы хитры. Измерение продолжается. Вы измеряете, обращаетесь к уму и мыслям, сравниваете. Вы остаетесь хитрыми и ловкими, но вы не разумны; и как бы хитры вы ни были, ваш хитрый ум остается посредственным. Вам необходима настоящая разумность. Ребенок рождается разумным, а не хитрым. Он смотрит на мир ясными глазами. Его восприятие абсолютно ясно и безоблачно.

Когда я говорю, что саньяса – это невинность, я имею в виду то, что ваше восприятие должно быть ясным, без мыслей, которые становятся преградой. Вы должны смотреть – вы должны слиться со своим взглядом. Вы должны наблюдать, но за этим наблюдением не должен скрываться наблюдатель, манипулирующий вами. Невинность возможна, и только эта невинность идет за пределы времени и пространства. Только эта невинность достигает высшего, мокши, абсолютной свободы. Станьте саньясином – невинным, возрожденным, очищенным, движущимся от момента к моменту в неизведанное. Тогда вы сможете поделиться.

Весь процесс человеческого образования, культуры, обусловленности, является прямой противоположностью. Вас учат быть хитрыми и ловкими. Они обучают ваш ум, но никогда не развивают вашу невинность. Они обучают вас автоматизму – вы должны запомнить это слово; они делают вас все более и более автоматичными, потому что чем вы автоматичнее, тем вы эффективнее.

Вы учитесь водить машину: в начале это трудно. Но труд-

ность не в том, чтобы вести машину; трудность – в вас, потому что вы всегда должны быть бдительны. В начале вам придется быть бдительным, потому что существует опасность. Вы постоянно должны осознавать, что вы делаете. Вы должны быть внимательны к уличному движению, к прохожим, к механизму; вы должны быть внимательны к тормозам, переключению скоростей, вы должны осознавать руль и все остальное. Вы должны бдительны относительно стольких вещей, что ваш ум не может продолжать свое рутинное бормотание. Ему приходится быть бдительным. И это создает проблемы.

Впоследствии, через несколько дней, вы приобретаете автоматизм. Теперь работают ваши руки и ноги, машина и вы становитесь одним механизмом, и тогда ваш ум может продолжать внутренне бормотание. Нет проблем, ум вам не нужен. Вот что я называю автоматизмом. Теперь ваше тело является механизмом, оно работает. Вы потребуетесь только в редких случаях, только если произойдет авария, тогда внезапно в вас возникнет нужда. Тогда процессу мышления придется остановиться. Внезапно у вас наступает шок, механизм вашего тела полностью замирает, и вы должны присутствовать и стать бдительным. Но такие моменты очень редки. В остальное время вы можете продолжать: вы можете курить, вы можете петь, вы даже можете говорить с кем-то, вы можете слушать радио. Вы можете продолжать внутренний разговор, внутренний диалог – вам не нужно присутствовать. Вы стали автоматом.

Но это делает вас более эффективным, потому что, если вы должны быть постоянно бдительны, вы не сможете быстро ехать, потому что вы не знаете, как быть сознательным. И из-за этого факта, из-за того, что люди не осознают, они проживают жизнь бессознательно. Общество научилось одной хитрости – как делать вас все более и более автоматическими. Все школьное обучение есть не что иное, как процесс вашей автоматизации. Язык, математика – все становится автоматическими навыками. Вы можете делать все это без проблем. Это становится механическим.

Когда я говорю: станьте невинными, – я имею в виду деавтоматизацию. Это означает: что бы вы ни делали, делайте это в полном сознании. Если вы ведете машину, тогда только ведите ее – станьте самим процессом вождения, не делайте ничего другого; не продолжайте свой внутренний разговор. Будьте глубоко вовлеченным, станьте бдительны – есть только вож-

дение, полностью осознанное, и никакого водителя. Это будет трудно, и поэтому общество не заботится об этом. Только индивидуальность может пройти этот трудный путь. Делайте все сознательно. Постепенно автоматизм вашего тела растает, и вы станете деавтоматизированы. И тогда расцветет невинность.

Ребенок невинен, потому что еще ничто не автоматически. Он еще ничего не выучил, он еще не обусловлен. Но рано или поздно мы обусловим его. Он выучит многие вещи, и тогда в нем будет все больше и больше ума, и все меньше и меньше его самого. Все меньше и меньше его существа и все больше и больше ума. И тогда ребенок станет автоматом, механизмом – эффективным, отлаженным, служащим обществу, но мертвым.

Служите, помогайте обществу, но не становитесь автоматом. Если вы уже стали автоматом, постарайтесь деавтоматизировать себя. Постепенно привносите в ваши действия все больше и больше сознательности. Что бы вы ни делали, привносите в это больше сознательности, потому что, если увы не сознательны, все, что вы делаете, становится автоматическим. Это путь автоматизации – все меньше и меньше быть сознательным, делать вещи, как машина.

Если вы все более сознательны, если вы не механизм, а присутствие – тогда в вас расцветет невинность. Эта невинность – лучшее, что может случиться с человеком.

В невинности вы божественны. Если вы невинны, вы становитесь богом.

Достаточно на сегодня.

Дхаммапада:

Поэзия сердца

*Беседы были проведены
с 21 февраля по 4 марта 1979 года
в аудитории Гауптамы Будды, Пуна, Индия*

Глава 1
Блаженство —
За пределами счастья

Тридцать шесть потоков струится к тебе!
Желание, удовольствие, похоть...
Играй с ними в воображении,
И они смоют тебя.

Мощны потоки!
Они текут отовсюду.

Крепко вино!
Если ты видишь эти всходы,
Берегись!
Вырви их с корнем.

Удовольствия текут отовсюду.
Покачиваясь на их волнах,
Ты плывешь по течению из жизни в жизнь.

Ты бежишь, как загнанный заяц,
Преследуемый преследуемым тобой желанием,
Подгоняемый из жизни в жизнь.

О искатель!
Отбрось желание.
Стряхни его цепи.

Ты вышел из лоцины
На просеку.
Просека пуста.
Почему ты снова спешишь в лоцину?

Желание это лоцина,
И люди говорят: «Смотри!
Он был свободен.
Но теперь он отбросил свободу».

Вся религия Гаутамы Будды может быть сведена к одному слову. Это слово — свобода. Это само существо его послания, его аромат. Никто другой не превозносил свободу так высоко. В видении Будды это предельная ценность, *summum bonum*; нет ничего выше.

Кажется, очень важно понять, почему Будда так высоко ставит свободу. Он не уделял столько внимания ни Богу, ни небесам, ни любви — но только свободе. Для этого есть причина: все, что только есть ценного, становится возможным лишь в климате свободы. Любовь произрастает только на почве свободы; без свободы любовь не может расти. Без свободы то, что растет под именем любви, — не более чем похоть. Без свободы нет Бога. Без свободы то, что ты считаешь Богом, это лишь твое воображение, твой страх, твоя жадность. Без свободы нет небес: свобода есть небеса. А если ты думаешь, что есть какие-то небеса без свободы, в этих небесах нет ни ценности, ни реальности. Это твое воображение, сон.

Все великие ценности жизни растут в климате свободы; поэтому свобода — самая фундаментальная ценность и высочайший пик. Если ты хочешь понять Будду, тебе придется испытать нечто от той свободы, о которой он говорит.

Его свобода не принадлежит внешнему. Она не социальная, не политическая, не экономическая. Его свобода — духовная. Под «свободой» он подразумевает состояние сознания, не тревожимое больше никаким желанием, не скованное никакими цепями желания, не заключенное в тюрьму жадности, похоти. Под «свободой» он подразумевает сознание без ума, состояние не-ума. Оно совершенно пусто, потому что если в нем что-то есть, это помешает свободе; отсюда его абсолютная пустота.

Это слово «пустота» — *шуньята* — люди понимали очень неправильно, потому что это слово ассоциируется с оттенком отрицания. Когда мы слышим слово «пустой», мы думаем о чем-то отрицательном. На языке Будды пустота не отрицательна; пустота абсолютно утвердительно, утвердительнонее чем сама ваша так называемая наполненность, потому что эта пустота наполнена свободой; все остальное удалено. Она просторна; все границы отброшены. Она неограниченна — только в неограниченном пространстве возможна свобода. Его пустота это не обычная пустота; это не просто отсутствие чего-то, это присутствие чего-то невидимого.

Например, ты освобождаешь комнату: когда ты удаляешь изнутри всю мебель, картины и все остальные вещи, комната становится, с одной стороны, пустой, потому что в ней больше нет мебели, картин, вещей, и внутри ничего не осталось; с другой стороны, ее начинает наполнять нечто невидимое. Эта невидимость и есть «комнатность», просторность; комната становится больше. Когда ты удаляешь вещи, комната становится больше и больше. Когда удалено все, даже стены, комната становится большой, как все небо.

Именно в этом весь процесс медитации: удаление всего; удаление самого себя так тотально, что не остается ничего — даже тебя. В этом полном молчании и есть свобода. В этой полной тишине вырастает тысячелепестковый лотос свободы. Высвобождается великий аромат: аромат мира, сострадания, любви, блаженства. Или, если хочешь, можешь выбрать слово «Бог». Будда не сказал бы это слово, но в нем нет ничего плохого.

Медитируйте на эти прекрасные сутры:

Тридцать шесть потоков струится к тебе!

«Тридцать шесть» это только буддистская метафора; это значит «много». Много *потоков струится к тебе*. Каждое мгновение ты окружен тысячей и одним желанием, и они тянут тебя в разные стороны. Ты жертва, и они разрывают тебя на части.

Молодой человек вошел в гостиницу и увидел, что в углу сидит и пьет кофе одна красивая женщина. Она была так красива и привлекательна, что он не смог противостоять искушению. Он подошел и спросил ее:

— Нельзя ли к вам присоединиться¹?

— Вы думаете, я разваливаюсь на части?

Но именно так и есть: каждый разваливается на части, даже эта женщина. Если бы я был на месте этого молодого человека, я сказал бы: «Да. Вас нужно склеить».

Каждый разваливается на части. Ты не един; ты превратился в великое множество фрагментов, и все фрагменты движутся в разные стороны. Именно поэтому в твоём существе столько страдания — потому что когда твои части, которые по существу тебе не свойственны, тянут тебя в разные стороны, это причиняет боль. Именно это страдание: боль движения одновременно в разных направлениях, стремление одновременно нестись в разные стороны. Именно это создает безумие, ненормальность.

Будда говорит: *Тридцать три потока струятся к тебе*. Берегись! Не один поток несется к тебе, но много. И если ты не остерегаешься, если ты не бдителен, они охватят тебя. Если ты остаешься бессознательным, если

¹ Игра слов: англ. join: присоединяться; соединять. — Здесь и далее примечания переводчика.

ты остаешься спящим, тебя победят эти потоки. Эти потоки по своему существу тебе не враги. Это чистая энергия, а энергия всегда нейтральна. Но когда ты спишь, эти потоки опасны; когда ты пробужден, те же самые потоки станут в тебе великими творческими энергиями. Они несутся и к буддам, но в руках будды пыль обращается в золото. Ты спишь так крепко, что сообщаем свой сон всему, что к тебе приближается.

Эти тридцать шесть потоков, о которых он говорит, — дары существования, дары великой энергии. *Они текут отовсюду.* Все зависит от того, сможешь ли ты преобразовать эти энергии в синтез, сможешь ли ты преобразовать эти энергии в интегрированное целое, сможешь ли ты создать из этих энергий оркестр. Тогда ты становишься песней, ты можешь создавать великую музыку. Твоя жизнь становится мелодией.

Но если ты не можешь преобразовать эти энергии, тогда ты будешь жертвой, разделенной на множество мелких частей. Ты утратишь всю целостность. Ты станешь толпой; ты больше не будешь индивидуальностью.

Тридцать шесть потоков несутся к тебе!

Желание, удовольствие и похоть...

И так далее, и так далее. Что такое желание? Желание означает жажду большего. Она неутолима. Невозможно утолить эту жажду большего, потому что у «еще» нет пределов. «Еще» это просто беспредельное явление. У тебя есть десять тысяч рупий, ты хочешь сто тысяч рупий. Однажды ты получаешь сто тысяч рупий — и теперь ты хочешь еще больше. Ты хочешь еще и еще. Чего бы ты ни добился, расстояние между тобой и твоей целью останется прежним; оно никогда не сокращается ни на дюйм.

Поэтому нищие есть нищие — это очевидно, но нищи и императоры. Те и другие жаждут большего. В чем же разница? Что касается качества сознания, никакой разницы нет. Конечно, у нищего не так много собственности, а у императора всего много, но суть не в этом. Расстояние между собственностью нищего и тем, чего он хочет, и собственностью императора и тем, чего он хочет, в точности одно и то же. Один бедный нищий, другой — богатый; вот и вся разница. Все равно оба они нищие.

Быть в лапах «большого» значит в действительности быть эксцентричным, ушедшим от центра. Если ты не можешь этого увидеть, ты совершенно неразумен. Это такое простое явление, и чтобы его увидеть нужно совсем немного разума. Всю жизнь ты это делал и всю жизнь терпел поражение; только кажется, что ты всегда терпел поражение. Много раз ты добивался успеха, но каждый раз, снова и снова, проецировалось желание большего, и ты оставался в прежнем положении: несчастный, страдающий, разочарованный. Не получив желаемого, ты будешь разочарован; получив желаемое, ты будешь разочарован. Кажется, разочарование это рок, неизбежный рок бессознательного человека.

Психиатр совершал обход психиатрической больницы. Он увидел одного человека, который бил себя в грудь, рвал на себе волосы и выглядел как кандидат в самоубийцы. Его держали в камере — он был очень опасен. Он спросил заведующего:

— Что случилось с этим человеком?

— Он любил одну женщину, очень любил, но не получил ее. — ответил суперинтендант. — Она вышла замуж за другого. С тех пор он все время в таком состоянии. Он хочет покончить с собой, он не хочет жить. Он говорит, что в жизни нет смысла: «Мой смысл был в этой женщине. Если я не могу получить эту женщину, значит, моя жизнь кончена!»

Сожалея об этом человеке. — он был молод и красив. — они пошли дальше. В другой камере они увидели другого человека, который был еще злее, еще ужаснее. Психиатр спросил:

— А что случилось с этим человеком?

— Это человек, который женился на той самой женщине! И с тех пор, как он женился на ней, он хочет ее убить, а если не ее, то кого-то другого — но он хочет убивать и крушить. Он хочет убить весь мир! Эта женщина свела этого человека с ума.

Один сошел с ума, потому что не мог ее получить, другой сошел с ума, потому что смог. В этом в большей или меньшей мере вся история человеческого существа. Она может быть не столь экстремальна, поэтому ты не видишь этого, но разница только в степени. Человек в когтях желания обязательно становится ненормальным.

Будда говорит: *удовольствие...* Удовольствие означает, что ты думаешь о теле как о источнике счастья. Это сушая глупость. Телесные удовольствия очень кратки: это не настоящие удовольствия. Но каждый ловится в сети тела. Мы рождаемся телами, но не умираем телами. Если бы мы умирали телами, вся наша жизнь была бы пустой растратой. Ты должен вырасти.

И помни: старение это не рост. Стареют все, но лишь немногие, очень редкие люди растут. Тот, кто действительно растет, становится буддой. Если ты растешь, это означает, что ты становишься бдительным к телесным удовольствиям — они мгновенны и очень легко могут обернуться своей противоположностью.

Например, ты любишь есть и можешь продолжать есть слишком много. Тогда это становится болью. Поначалу это было удовольствием, но этому удовольствию есть предел. Говорят, что Неро всегда окружали врачи. Четыре врача сопровождали его, даже когда он шел на войну. Когда Неро ел, вся их работа заключалась в том, чтобы сделать так, чтобы его стошнило, чтобы он снова смог есть. Он любил есть до такой степени, что мог есть двадцать, двадцать пять раз в день. Ты назовешь его сумасшедшим — он и был сумасшедшим.

Что такое удовольствие еды? Может быть, небольшое удовольствие вкуса... У тебя на языке есть небольшие рецепторы, которые испытывают

вкус. Их можно очень легко удалить, и тогда ты вообще ничего не почувствуешь. Тогда все удовольствия еды исчезает. Именно это происходит, когда у тебя высокая температура: рецепторы притупляются, становятся нечувствительными, и ты ешь, но не чувствуешь никакого вкуса. Люди живут ради еды: очень немногие люди едят, чтобы жить. Миллионы живут лишь для того чтобы есть.

Человечество можно разделить на два типа сумасшедших: одержимых едой и одержимых сексом. Между ними есть глубокая связь. Человек, одержимый сексом, не слишком заботится о еде, а человек, подавляющий секс, становится одержимым едой.

Когда страна подавляет секс, она становится очень одержимой едой. Именно это произошло в этой стране: веками она подавляла секс. Поэтому индусы так изобретательны в еде — новые сладости, тысячи сладостей. Мир ничего не знает об этих сладостях! И их еда такая острая... Когда приезжает иностранец, он не может ее есть; он не может даже смотреть, как ее едят другие. Она обжигающе острая! Почему еда такая острая? Это подавление секса! Если твой секс не подавлен, ты не будешь есть острую пищу.

На днях я получил два письма, одно — от западной саньясинки, Мадиты. Она говорит: «Любимый Мастер, когда я тебя слушаю, я чувствую внезапную радость, но затем внезапно я чувствую сексуальное возбуждение». Наверное, ее воспитали в викторианских идеях, дали викторианское образование — устаревшие идеи.

Другое письмо пришло от Рекхи, индийской саньясинки. Она говорит: «Слушая тебя, внезапно я чувствую желание есть острую пищу». Она действительно индианка! Индийская женщина не может узнать даже в самой себе, что она сексуально возбуждена — это невозможно. Все желание должно двигаться в острую пищу. Но письма об одном и том же, никакой разницы нет.

У пищи и секса есть одна общая черта. Пища необходима для индивидуального выживания; без пищи ты не выживешь. А секс необходим для выживания вида; без секса вид исчезнет.

Другое явление: человек, который живет естественной жизнью, не будет одержимым ни едой, ни сексом. Он вообще не будет одержимым. Но религии не позволяют этого: ты должен быть одержимым тем или другим. Если ты не одержим, ты не будешь ходить в храмы, мечети, церкви и синагоги. В этом весь секрет их торговли. Весь бизнес религии продолжается без всяких признаков прекращения по той простой причине, что ты постоянно остаешься одержимым тем или другим.

Человек, одержимый сексом, будет менее эгоистичным; одержимый пищей будет более эгоистичным по той простой причине, что еда означает твоё личное выживание, а секс означает выживание вида. Лучше быть сексуальным и преследовать сексуальные удовольствия, чем просто жить, чтобы есть.

Эта страна стала очень эгоистичной по той простой причине, что секс был совершенно отвергнут; *брахмачарья* — безбрачие — пропагандировалась веками как одна из великих ценностей. А в конечном итоге каждый стал одержимым едой. Когда люди одержимы едой, они становятся эгоистичными — очевидно, потому что они больше не заинтересованы в выживании своего вида.

Иммануил Кант, один из великих мыслителей мира, говорит: Для меня это фундаментальный критерий всей нравственности: любой принцип, если ему следовать, разрушает человечество. Это безнравственно. Что же говорит Иммануил Кант о брахмачарье? Если брахмачарье будет следовать все человечество, это разрушит человечество. Это будет суицидальным явлением. По Иммануилу Канту брахмачарья безнравственна — безнравственнее воровства, безнравственнее нечестности, безнравственнее нарушения обещаний, безнравственнее всего.

И я более согласен с Иммануилом Кантом, чем со всей индийской традицией. Вот в чем критерий: ты должен подумать, каким будет результат, если этому принципу следует все человечество. Это будет самоубийством — это будет глобальным самоубийством. Тогда не останется больше никого, чтобы быть безбрачным.

И то же самое верно относительно так называемой старой эскапистской саньясы — отречения; она тоже безнравственна. Если каждый последует эскапистской идее, бросит все и убежит в Гималаи, все человечество вымрет.

Фактически, ваши так называемые махатмы и святые живут потому, что вы остаетесь в мире и поддерживаете их. Если и вы не будете в мире, — если и вы пойдете в Гималаи, следуя своим святым и махатмам, — они будут в растерянности. Кто будет их кормить? Кто будет их поддерживать? Им придется покончить с собой вместе со своими последователями — а Гималаи это действительно прекрасная обстановка, чтобы совершить самоубийство — лучшее место в мире. Если ты не мог красиво жить, по крайней мере ты можешь умереть в красивом месте. Твоих махатм поддерживают мирские люди — и все же они постоянно осуждают мир. Это безнравственное действие. Эскапизм это безнравственное действие.

Я согласен с Иммануилом Кантом; в его критерии есть нечто действительно ценное.

Удовольствие означает либо удовольствие языка, еды, — которое очень инфантильно, — либо удовольствие секса, которое тоже очень инфантильно, потому что ты не просто тело, ты больше, чем тело.

Поднимись от удовольствия к счастью. Счастье — психологическое, удовольствие — физиологическое. Слушая великую музыку, читая великую поэзию, наблюдая закат, просто наслаждаясь утренней прогулкой, ветром в кронах сосен и его музыкой, звуком бегущей воды — ты трепещешь. Хотя это и приходит через тело, но достигает большей глубины — большей глубины, чем еда или секс. Это приносит большую удовлетво-

ренность. Но и это еще не предел, потому что нечто психологическое обязательно будет преходящим.

За пределами счастья — блаженство, которое принадлежит духу и является вневременным явлением. Ты выходишь за пределы времени, ты выходишь за пределы и ума, и тела. Тогда ты знаешь, кто ты такой. Ты действуешь из центра. Впервые ты не экс-центричен. Ты становишься центрированным, ты не вне центра. Впервые у тебя есть корни в своем существе, а эти корни соединяют тебя с Богом, с целым. Ты становишься святым, лишь когда блажен. Но удовольствие мешает; оно удерживает тебя в низшем.

Я не против удовольствия, помни. Я вообще не против чего бы то ни было. Все должно быть использовано как ступень на пути к предельной вершине. Тело прекрасно, и наслаждаться едой хорошо. Только не будь одержим ею. Но если твои святые постоянно осуждают это, ты будешь одержимым.

Одержимость создается твоими так называемыми святыми. Что бы они ни осудили, это становится одержимостью. Фактически, чем больше они осуждают, тем привлекательнее это становится, тем магнетичнее это становится.

Я не против секса, но хотел бы, чтобы ты вышел за его пределы. Используй его как ступень, используй его как лестницу. Сам по себе он прекрасен, но это не конец, это только начало. Не останавливайся на первой главе своей жизни; в ней есть гораздо большее; гораздо большие скрытые ценности предстоит открыть.

...И похоть. Похоть гораздо ниже удовольствия. Удовольствие, по крайней мере, уважает другого. Если ты любишь женщину, любишь ее общество — или мужчину... ты уважаешь другого. Но в похоти у тебя нет никакого уважения; ты просто используешь другого. Похоть это даже большая деградация чем удовольствие; это падение ниже человеческого уровня. Ты просто используешь другого как средство.

Когда занимаешься любовью с женщиной без всякого уважения к ней, на самом деле ты занимаешься не чем иным как мастурбацией. Ты используешь женщину только чтобы обмануть себя. Между тобой и ею нет связи. Когда ты идешь к проститутке, это не удовольствие; это похоть. Ты платишь. Любовь нельзя купить; купить можно только тела.

И помни, когда ты покупаешь тело, это мертвое тело; в нем нет души. Женщина кое-как терпит тебя, потому что ей нужны деньги. Она ненавидит тебя до мозга костей; ей хочется тебя убить. Но она притворяется очень любящей, очень преданной, потому что ей за это платят. С закрытыми глазами она думает о других вещах; она просто терпит тебя. Ты используешь ее как средство, она использует тебя как средство. Она хочет денег, ты хочешь тело; это взаимная эксплуатация.

Ллойд отправился навестить свою любимую даму вечера. Он позвонил в колокольчик, но ответа не было. Тогда он надел очки и увидел, что к двери приколота записка:

«В отпуске. Сделай это сам».

Не более чем это. Это практика взаимной мастурбации — это уродство. Это даже не удовольствие.

Будда говорит: Все эти потоки мчатся к тебе — желание, удовольствие и похоть...

Играй с ними в воображении,

И они смоят тебя.

Ты полон воображения. Занимаясь любовью со своей женой, ты не занимаешься любовью с ней; ты можешь думать о Софи Лорен или Лоллобриджиде, а она — о ком-то другом. Оба вы притворяетесь. Их воображение где-то в другом месте. Если бы ты мог заглянуть в умы людей, занимающихся любовью, ты бы удивился... Очень редко можно найти двух людей в одной постели; ты найдешь целую толпу. По крайней мере, не меньше четырех. Это всегда групповой секс, потому что умы фантазируют, воображают.

Даже взрослые люди — так называемые взрослые люди — живут в воображении. Не только дети живут в воображении; в воображении живут даже старики. Люди продолжают играть в игрушки и никогда не просыпаются. Воображение продолжает удерживать их во сне.

Снова мы входим в удобную кабину машины времени и путешествуем назад через сексуальные шестидесятые, щегольские пятидесятые, полные борьбы сороковые, грязные тридцатые и останавливаемся в грозных двадцатых годах со съехавшей набок шляпой и развевающейся от быстрой езды одеждой. Мы находимся в той точке времени, когда писк моды были пересадки желез обезьяны и подобные операции с целью восстановления мужских сил.

Операции по восстановлению молодости подвергся семидесятилетний человек, который надеялся, что в результате его хромосомы станут прыгать до потолка. Выйдя из-под действия паров эфира, он горько заплакал.

Миссис Бернштейн, сестра-сиделка, склонилась над ним.

— Мистер, не нужно беспокоиться, — сказала она ласково. — Операция была очень успешной. Вы уж мне поверьте, когда вы отсюда выйдете, то почувствуете себя на двадцать лет моложе. А может быть, и больше, кто знает?

Но бедный старик продолжал хныкать, слезы катились по его лицу и длинным белым бакенбардам.

— Пожалуйста, не плачьте, — взмолилась миссис Бернштейн. — Боль скоро пройдет.

— При чем тут боль? — вскрикнул пациент. — Я боюсь, что опоздаю в школу.

Просто загляни в себя, и ты найдешь ребенка, с которым ничего не произошло; он не вырос. Обычный умственный возраст каждого человеческого существа — не больше двенадцати лет. Физиологически тебе может быть восемьдесят лет; психологически тебе где-то около двенадцати. Поэтому изредка ты начинаешь вести себя как ребенок — вопреки самому себе. Если тебя слишком сильно толкают и тащат, ты забываешь, что ты взрослый человек. Внутри сидит ребенок, покрытый толстым слоем опыта, — но этот опыт не переварен; покрытый толстым слоем знания, — но это знание не стало твоей мудростью, потому что не было получено через осознанность. Ты собирал и накапливал его во сне, и по ходу дела собрал горы мусора. Да, когда-то ты мог подобрать и бриллиант, не зная, что это бриллиант — просто еще один цветной камешек.

Играй с ними в воображении, и они смоят тебя. Если ты допускаешь желание, удовольствие, похоть, жадность, гнев, ревность, собственничество, насилие и все эти бурлящие потоки, они *смоят тебя*. Не играй с ними в воображении; это укрепляет их, это отдает тебя им во власть.

И чудо в том, что каждый может понять воображение любого другого человека, кроме себя самого. Когда кто-то другой влюбляется в кого-то другого, ты говоришь: «Как глупо!» Все думают, что они сошли с ума. «Посмотрите на лицо этой женщины. Она выглядит как картина Пикассо! Почему этот мужчина сходит по ней с ума? Что он в ней нашел?» А когда влюбляешься ты, это совершенно другое дело. Она Клеопатра! Никто больше с тобой не согласится; это твое воображение. И то же самое происходит в других слоях, в других измерениях.

Вздор, который написан в твоих религиозных писаниях, абсолютно правилен; это научно. Вздор, который написан в чьих-то чужих писаниях, это очевидный вздор; не может быть никаких вопросов, никаких сомнений. Индуисты способны увидеть все возможные глупости в Библии, а христиане способны увидеть все возможные глупости в индуистских писаниях. Но это кажется настоящим чудом: ни один индуист не увидит в собственных писаниях ничего неправильного; все научно. И мало того, что он так думает, он пытается это доказать.

Однажды ко мне привели индуистского монаха. Он пришел с многими последователями. Один из его последователей сказал:

— Он великий знаток; он написал много книг. И всю жизнь он пытался доказать, что индуизм это единственная научная религия в мире.

— Можете ли вы привести пример? — спросил я.

— Вы можете спросить что угодно, и он скажет, почему это научно.

Я спросил:

— Почему индуисты выбривают головы и оставляют только небольшой клочок волос — *чоти* — на макушке?

— Это просто! Вы когда-нибудь видели большие дома? На всех высоких домах есть железная проволока.

Я не смог сразу уловить суть. Он сказал:

— Это нужно для того, чтобы защитить здание от электричества. Индуисты давно открыли это: они оставляют чоти — небольшой клочок волос — торчать на голове, и он спасает, защищает от электричества.

Что за вздор он городит! Но он известен как великий махатма, потому что он помогает вашим эго; он доказывает, что ваша религия научна. Он пришел ко мне со всеми своими учениками. На всех были деревянные башмаки, деревянные шлепанцы — *кхараон* — которые производили ужасный шум. Индуисты носят эти деревянные башмаки веками... Их действительно трудно удержать на ноге, потому что их нужно держать пальцами ног, между пальцев ног. Они тяжелые.

Я спросил его:

— А это зачем? Что в этом научного?

— Это делает человека безбрачным. Давление так сильно, что оно не позволяет функционировать половым железам.

Потрясающе, просто потрясающе! Я сказал:

— Тогда Индии не нужно беспокоиться о перенаселенности. Просто раздайте всем деревянные башмаки, и пусть они отрастят чоти, чтобы на них не действовало ни электричество, ни сексуальность. Они все будут святыми. Такой простой рецепт!

Но индуисты считают, что он служит индуизму великую службу. Так же и во всех других религиях. Твое воображение истинно; истина других — просто воображение.

Раввин и священник обсуждали различия между Ветхим и Новым Заветом. Священник доказывал, что Новый Завет представляет больше доказательств божественного провидения всеми своими несравненными чудесами.

— Вспомните, — доказывал священник, — наш Господь ходил по воде, воскрешал мертвых, накормил тысячи людей несколькими хлебами и маленькими рыбами, превратил воду в вино и телесно вознесся на небеса.

— И что это доказывает? — настаивал раввин. — Ветхий Завет содержит такие чудеса как разделение воды Красного моря, остановку солнца, телесное восхождение Моисея на Синайский холм и его личный разговор с Богом и получение им десяти заповедей от самого Всевышнего.

Священник кивнул:

— Я верю и в эти чудеса, — признал он. — Но сказать по правде — неужели вы действительно думаете, что ваши чудеса так же вещественны, как наши?

Раввин сверкнул глазами.

— Да что с вами такое? — бросил он. — Неужели вы не можете отличить факты от вымысла?

Наш вымысел является фактом, а ваш вымысел есть вымысел — как и ваш факт.

Остерегайся воображения. Оно может затуманить ум. Оно может разрушить твою способность видеть ясно. Поэтому я говорю: Пока вы не перестанете быть индуистами, мусульманами, христианами, вы не сможете видеть ясно. Ваше воображение засорялось веками. Все ваши идеи и идеологии должны быть отложены в сторону, чтобы глаза могли встретиться, столкнуться с истиной — как она есть.

Воображение удерживает тебя во сне. Если ты выходишь из воображения, то начинаешь просыпаться.

Гурджиев обычно говорил своим ученикам, что это самое важное, что нужно помнить во сне: «Это сон». Но как это сделать? Это кажется почти невозможным. Как вспомнить во сне: «Все это сон»? Но если ты практикуешь гурджиевский метод, однажды у тебя это может получиться.

Метод прост. Ты должен продолжать вспоминать целый день, что бы ты ни видел: «Это сон». Ты идешь по улице: «Это сон», лает собака: «Это сон». Продолжай вспоминать целый день: «Это сон, это сон...» Через три — девять месяцев эта идея впитается тебе в сердце. И тогда однажды во сне ты вспомнишь и скажешь: «Это сон!» — и это мгновение великой вспышки. Мгновенно сон исчезает. В то мгновение, когда ты говоришь, что это сон, он исчезает, и ты просыпаешься, полностью просыпаешься среди ночи.

Конечно, эти деревья и люди на дороге не сон, и они не исчезают. Ты можешь продолжать говорить: «Это сон». Это было только методом практики. Но когда ты действительно помнишь во сне, что это сон, сон исчезает. Сон может существовать, только если ты в него веришь; сон исчезает, если ты в него не веришь. Наше воображение опьяняет.

Послушайте обмен мнениями, происшедший в 1936 году, когда доктор Уиллиам Голдман был профессором английского языка в университете Брэндайс.

В день выпуска отец одного из студентов на славу отпраздновал успех своего отпрыска и вот стоял на университетской автостоянке, осоловело глядя на машины. Мимо прошел мистер Голдман.

— Скажите, мистер, — окликнул его пьяный, покачиваясь. — Моя машина слева или справа?

— Ваша машина справа, сэр, — ответил профессор. — Машина слева — субъективное явление.

Ее не существует — просто субъективное явление. Вот точное значение индийского слова *майа*: субъективное явление, которого не существует. Но если ты веришь, оно существует. Все зависит от тебя. Ты можешь заставить его действовать почти как реальное. Есть множество вещей, которых не существует, но ты веришь в них, и для тебя это почти реальность. Ты

окружен вымыслом — религиозным, духовным, метафизическим. Тебя окружает столько вымысла — и от всего этого ты должен проснуться.

Мощны потоки! — говорит Будда.

Они везде...

Они текут отовсюду.

Эти потоки так мощны, а твой сон так крепок... Кажется, проснуться очень трудно — но ты можешь проснуться. Мое наблюдение таково, что сила этих потоков пропорциональна крепости твоего сна. По мере того как ты становишься менее спящим, теряют свою силу и они. Если ты полностью просыпаешься, их сила полностью исчезает.

Идя по перекрестку, пьяный наткнулся на большого сенбернара, и тот сбил его с ног. Мгновением позже у перекрестка с визгом затормозила спортивная иномарка.

Прохожий помог бедняге подняться и сказал:

— Вы не пострадали?

— Ну, — ответил он, — собака ничего мне не сделала, но жестянка, привязанная к ее хвосту, чуть меня не убила.

Если ты не совсем в себе, ты продолжаешь либо видеть вещи, которых вообще нет, либо проецировать. Мир становится экраном, а ты живешь в своем личном мире. В этом точный смысл слова «идиот»: жить в личном мире, жить в субъективном явлении. Вот смысл слова «идиот».

После каждого стакана в местном баре Мерфи доставал из кармана маленького пушистого котенка, ставил на стойку и разглядывал его. В конце концов бармен не мог больше сдерживать любопытство и спросил Мерфи, что он затеял.

— Значит так, — сказал Мерфи. — Я вижу одного котенка, значит, все нормально. Но когда я вижу двух, я должен кое-что предпринять.

— Что, например?

— Взять их обоих, положить в карман и пойти домой, — ответил ирландец.

Если ты опьянен, ты увидишь тот же мир, но по-другому. К нему будет примешиваться твое воображение. Ты не сможешь сделать разделения между вымыслом и фактом. У тебя не будет никакой различающей способности. Именно это делает эти потоки такими мощными. *Они текут отовсюду.*

Крепко вино!

*Если ты видишь эти всходы,
Берегись!
Вырви их с корнем.*

Поэтому, когда ты видишь, что в тебе возникает воображение, будь бдителен. Не позволяй ему расти, не позволяй ему стать большим деревом. Тогда гораздо труднее будет от него избавиться, потому что ты можешь к нему привязаться; ты можешь многое в него вложить; ты можешь начать любить его общество; без него ты можешь почувствовать себя бесприютным. Лучше обрубить его под самый корень с самого начала. В то мгновение, когда ты видишь, что оно в тебе возникает, *берегись* — берегись значит осознавай — *вырви его с корнем*.

Люди продолжают менять поверхностное. Они не вырывают вещи с корнем; они заменяют один вымысел другим. Это может дать тебе облегчение на мгновение, но это не трансформирует твою жизнь. Кто-то гонится за деньгами, затем он прекращает гнаться за деньгами; он начинает гнаться за властью. Затем он прекращает гнаться за властью и начинает гнаться за Богом, медитацией и просветлением. Но он продолжает гнаться за тем или другим. Он продолжает заменять старый вымысел новым; старый больше не действует. Он увидел, что это вымысел, но так и не понял, что суть в том, что человек должен искоренить из своего существа все воображение.

Птицы любви так преданы друг другу, что если одна из них умирает, то и вторая умирает от разбитого сердца. У женщины, которая держала симпатичную пару этих птиц, случился пожар, и одна из них задохнулась. Немедленно вторая птица начала слабеть. Пытаясь изобрести средство, которое сохранило бы ей жизнь, женщина поставила в клетку зеркало. Птица радостно защебетала и свернулась клубочком напротив зеркала, и прожила еще два года. Затем она умерла — от разбитого зеркала.

Можно откладывать — но ты прекрати откладывать. Твоя жизнь очень драгоценна. Если одна птица умирает, лучше прийти в чувство вместо того, чтобы заменять ее зеркалом или чем-то еще.

*Удовольствия текут отовсюду.
Покачиваясь на их волнах,
Ты плывешь по течению из жизни в жизнь.*

Берегись. Рискованно оставаться слишком привязанным к своим удовольствиям, к своему воображению, потому что именно так ты переходил из жизни в жизнь. Коренная причина рождения и смерти в желании, воображении, жажде большего. И помни, ты чувствуешь себя таким неудовлетворенным жизнью из-за своего воображения. Чем больше у тебя воображения, тем больше твоя неудовлетворенность.

Поэты очень неудовлетворенные люди, как — и художники, — по той простой причине, что они очень хорошо воображают. Они могут вообразить такой красивый мир, что в сравнении с ним этот мир начинает выглядеть как ад. Обычные люди не так неудовлетворены, потому что у них нет такого воображения. Им мир кажется достаточно хорошим.

Когда воображение просто исчезает из тебя, этот мир — этот самый мир — это рай лотосов. Именно из-за своего воображения ты продолжаешь осуждать этот мир. И помни, твое воображение будет с тобой, даже если тебя через черный ход проведут на небеса. Ты осудишь небеса, ты найдешь недостатки. Ты найдешь тысячу и одну вещь, которой там быть не должно. Ты найдешь проколы, изъяны. Даже в раю ты будешь оставаться несчастным. А человек без воображения, без желаний даже в аду находит рай. Не снаружи существует рай или ад; они существуют у тебя внутри.

Если твой ум свободен от облаков, если ты можешь видеть ясно, тогда ты найдешь, что блаженство изливается отовсюду. В каждое мгновение ты найдешь, что на тебя нисходит рай. В каждое мгновение ты найдешь, что тебя окружает Бог. Тебе не нужно идти в Каабу, не нужно идти в Каши, не нужно никуда идти. Бог приходит к тебе в тридцати шести потоках, но поскольку ты спишь, то, что могло стать благословением, становится проклятием. Осознавай и трансформируй проклятие в благословение. В простой осознанности трансформация случается сама собой.

*Ты бежишь, как загнанный заяц,
Преследуемый преследуемым тобой желанием,
Подгоняемый из жизни в жизнь.*

Ты думаешь, что преследователь ты, ты думаешь, что охотник ты; это неправда. Ты думаешь, что ты владеешь; это неправда. Владеет в действительности то, чем ты владеешь: твои вещи начинают тобою владеть. Наблюдай, и ты увидишь факт своей собственной жизни. Твои вещи начинают владеть тобой. Ты не используешь их — они начинают использовать тебя. Ты не охотник... фактически, на тебя охотятся твои желания; это настоящие охотники. Ты бежишь, преследуя тени, которых никогда не находишь. Кто подталкивает тебя сзади? Кто заставляет тебя бежать? Настоящая власть сосредоточена в руках желания, воображения, твоей бессознательности.

*О искатель!
Отбрось желание.
Стряхни его цепи.*

Однажды мисс Тилли увидела, что ее большой кот на кухне загнал в угол таракана. Он уже собирался убить насекомое, когда оно вдруг обратилось к мисс Тилли:

— Пусть твой кот пощадит мою жизнь, и я исполню тебе три желания.
— Миллион долларов? — сказала старая дева.
— Сделано! — сказал таракан, доставая деньги.
— Я хочу быть молодой и красивой!
— Есть! — сказал таракан, и она стала молодой и красивой.
— А теперь, — сказала Тилли, — преврати моего кота в высокого красивого принца, лежащего рядом со мной в постели.
Это было выполнено.
— Я так счастлива! — воскликнула она.
— Я рад, — сказал принц рядом с нею, — но не жалеешь ли ты о том, что сделал со мной ветеринар?

Даже если твои желания исполнены, что-то да упущено.

О искатель! Отбрось желание. Стряхни его цепи. Чем больше ты желаешь, тем крепче твоя тюрьма. Люди заключены в тюрьму вещей, люди заключены в тюрьму жен и мужей, люди заключены в тюрьму своей власти. Люди создают столько тюрем — тюрьмы внутри тюрем, коробки в коробках — и все же они хотят быть счастливыми, хотят быть радостными. Как ты можешь быть радостным? Это душит твою жизнь! И за это не ответствен никто кроме тебя.

Добрая старушка спросила:

— Скажи, добрый человек, почему ты пьешь все это виски?
— Мадам, — ответил добрый человек, — а что мне еще с ним делать?

Ты не знаешь, что еще делать со своей жизнью. Ты умеешь только создавать тюрьмы. Ты умеешь только создавать больше страдания. Ты стал действительно искусным! Веками, целые жизни, ты делал только одно: создавал цепи, создавал страдание, создавал боль себе и другим. Ты садомазохист; вот все твое искусство. Либо ты будешь мучать других, либо себя — но ты будешь кого-то мучать. Ты не знаешь, что жизнь может быть праздником, празднованием. Ты не можешь этого узнать, пока не отбросишь свое желание.

Желание окружает тебя как облако дыма; ты не можешь ничего увидеть. И ты даешь ему все больше и больше топлива, продолжаешь создавать вокруг себя больше и больше дыма. Твои глаза обожжены, твои глаза полны слез, ты не видишь, но все же думаешь, что это поможет тебе однажды достичь всех радостей жизни. То, что ты с собой делаешь, даст тебе только больше боли, больше страдания, больше несчастья.

Ты вышел из лоцины на просеку.

Просека пуста.

Почему ты спешишь обратно в лоцину?

Изредка это происходит и с тобой; ты выходишь из своей черной дыры — черной дыры желания — на просеку. Иногда ты можешь видеть.

Прямо сейчас многие из вас могут увидеть, что да... в вас возникает глубокое да. Вы прекрасно знаете, что всю жизнь создавали страдание, и не хотите... Просто вы достигли такого совершенства в этом искусстве; вы не знаете, что еще делать, и поэтому продолжаете делать это. Не делая этого, вы чувствуете себя пустыми — а вы очень боитесь быть пустыми.

Веками пустота осуждалась. Пустота прекрасна. Глупцы говорили: «Пустой ум это мастерская Дьявола!» Пустой ум это мастерская Бога! Занятый ум это мастерская Дьявола.

Но человек должен быть действительно пустым. Просто быть ленивым не значит быть пустым; если ты ничего не делаешь, это не значит, что ты пуст. Тысячи мыслей роятся внутри. Ты можешь быть ленивым снаружи, но внутри продолжается огромная работа. Создается много стен, готовятся новые тюрьмы, чтобы пресытившись старой, ты мог войти в новую. Старые цепи могут порваться в любое мгновение, и ты создаешь новые цепи на случай, если выйдут из строя старые; тогда ты почувствуешь себя очень пустым.

Иногда это происходит естественно — потому что быть свободным — в самой твоей природе. Поэтому изредка, вопреки тебе... видя закат, внезапно ты забываешь все свои желания. Ты забываешь всю похоть, всю погоню за удовольствиями. Закат так прекрасен, так ошеломляет, что ты забываешь прошлое и будущее; остается лишь настоящее. Ты так един с этим мгновением, что нет ни наблюдаемого, ни наблюдающего. Наблюдаемое становится наблюдающим. Ты не отделен от заката.

Ты соединен мостом; ты в таком единении, что *выходишь на просеку*, и из-за просеки ты чувствуешь себя радостным. Но снова ты возвращаешься в черную дыру по той простой причине, что выйдя на просеку, тебе нужна храбрость, чтобы оставаться под открытым небом.

Именно это я называю саньсой.

Эту храбрость я называю саньсой — не бежать с просеки, видеть небо без облаков, слышать песни птиц без искажения. И тогда ты снова и снова будешь более и более сонатроенным с радостью того, чтобы быть пустым. И мало-помалу, ты видишь, что пустота это не просто пустота; это наполненность, но наполненность, которой ты никогда не осознавал, наполненность, вкуса которой ты никогда не чувствовал. Поэтому поначалу она выглядит как пустота; в конце она полна, совершенно полна, переполняюще полна. Она полна мира, полна молчания, полна света.

Ты вышел из лоцины на просеку. Иногда это происходит в медитации, иногда это происходит, когда ты слушаешь музыку, иногда это происходит, когда ты танцуешь, иногда это происходит, когда ты просто сидишь и ничего не делаешь. Именно в этом вся медитация: позволять этим мгновениям приходить больше и больше, лелеять эти мгновения, чтобы ты стал способным легко выходить из черной дыры. А когда ты привыкаешь к просеке, к ее красоте и благословию, ты движешься в черную дыру

меньше и меньше. Однажды внезапно ты покидаешь черную дыру; это больше не твой дом. Просека становится твоим домом, ясность становится твоим домом. Это день великой радости.

*Желание это лощина,
И люди говорят: «Смотри!
Он был свободен.
Но теперь он отбросил свою свободу».*

Я вижу, как это происходит в вас. Много раз я вижу, как определенный человек выходит на просеку и затем снова движется в черную дыру.

Именно это происходит с Сомендрой. Он вышел на просеку, ощутил нечто от просеки, но затем сам опыт просеки сделал его эгоистичным. Он дал ему определенный благочестивый эгоизм. Он стал чувствовать себя особенным; поэтому на днях он попросил у меня подтверждения. Он сидел в третьем ряду; теперь он захотел сидеть в первом. Теперь он исчез из третьего ряда. Он сидит где-то сзади, и даже там он не сидит ко мне лицом; он сидит спиной ко мне! Снова в черную дыру!

Это случается со многими. Многие люди выходят на просеку и снова легко движутся в черную дыру. В определенном смысле это кажется логичным, потому что они жили в черной дыре так долго. Новый опыт — новый и пугающий, и черная дыра снова предьявляет на них свои права.

Это происходит с Туриейей. Она выходила на просеку, а теперь движется в черную дыру — по собственной воле. И прелесть всего этого в том, что когда люди начинают выходить на просеку, они совсем не благодарят меня. Они не пишут мне письма: «Спасибо, Любимый Мастер». Но когда они начинают снова двигаться в черную дыру, они пишут мне бесконечные письма: «Почему ты делаешь это со мной? Почему ты отнимаешь это?» Они никогда меня не благодарили. Прежде всего, я не давал этого им, так как я могу это отнять? Такие вещи не даются и не отнимаются.

Такие вещи, ты должен понять, случаются из самого центра. Ты не выучил самого фундаментального правила: когда они случаются, будут все возможности двигаться обратно в старый образец. Он тебе так знаком, ты к нему так привык — ты жил в нем так долго; он кажется таким безопасным, надежным, уютным, теплым. А просека кажется такой холодной безграничной, пустой, небезопасной. Но просеке есть настоящая безопасность, потому что просека есть вечность. Эта черная дыра — только твой ум, маленький ум. Но с этим маленьким умом ты знаком.

Тебе придется научиться любить незнакомое, неизвестное, и однажды — в конце концов — непознаваемое. Тогда ты двинешься дальше и дальше в таинственное. Тогда однажды ты можешь сказать: «Я ничего не знаю» — потому что существование непознаваемо; это тайна, которую не разгадать. Это не проблема, которая требует разрешения, но тайна, которую нужно прожить, любить, разделить.

Желание это лощина, и люди говорят: «Смотри! Он был свободен. Но теперь он бросил свою свободу». И ты готов бросить свою свободу — ради любой игрушки. Ты не знаешь ценность свободы.

Когда дочь французской аристократической семьи объявила о своей помолвке с негром, Большим Сэмом, ее родители решили, что должны попытаться помешать этому браку.

Они позвали Большого Сэма и сказали, что их дочь привыкла ко всевозможной роскоши и должна иметь самый большой и самый лучший дом в Париже. Негр поднялся и сказал:

— Если Большой Сэм любит, Большой Сэм купит, — и вышел.

И правда, он купил самый большой и самый лучший дом в Париже.

И вот родители позвали его снова и сказали, что их дочь хочет самый большой и яркий бриллиант во всей Франции.

— Если Большой Сэм любит, Большой Сэм добудет, — сказал будущий жених, вышел и вернулся с самым большим и ярким бриллиантом, который только видели родители.

В последней и самой продуманной попытке предотвратить свадьбу отец девушки пришел к нему лично и сказал, что чтобы осчастливить их дочь, абсолютно необходимо иметь член длиной в двенадцать дюймов.

Негр ответил твердо:

— Если Большой Сэм любит, Большой Сэм отрежет.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Что бы ни случилось, все хорошо

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Неужели священники совершенно ничем не могут помочь человечеству?*

Виреш,

Они помогали человечеству веками; отсюда это плачевное состояние вещей. Они очень помогли создать как можно больше лжи — лжи, которая кажется удобной. Но в конце концов ложь есть ложь. Может быть, на время она может дать тебе чувство тепла, уюта, удобства, безопасности, но лишь на мгновение. Рано или поздно ты приходишь в гораздо более мрачное состояние, гораздо более холодное.

Священники веками изобретали стратегии, чтобы ты оставался таким как есть. Ты не хочешь меняться; ты просто хочешь, чтобы тебе дали в руки удобную ложь, чтобы ты мог продолжать жить как раньше. Чтобы изменить себя, требуется храбрость. Священники помогают вам оставаться трусами. Вы боитесь смерти. Священники продолжают утешать вас: «Не беспокойтесь. Ваши души вечны». А вы не имеете ни малейшего понятия о душе.

Георгий Гурджиев обычно говорил, что очень редко можно встретить человека, у которого есть душа. Большинство просто пусто; внутри ничего нет. Да, в каждом есть потенциал создания души, но он не претворен в жизнь. Ты можешь иметь душу, ты можешь стать частью вечности, ты можешь быть бессмертным, но это только возможность. Много работы — трудной, тяжелой работы — потребуется, чтобы сделать ее реальностью, реализовать ее.

Но священники веками говорили тебе, что у тебя уже есть душа. Умирает только тело, а душа продолжает свое вечное паломничество. Это тебя утешает. В определенном смысле это удерживает тебя в собранном состоя-

нии. Тебя не слишком пугает смерть. Фактически, было бы лучше, если бы ты очень испугался смерти. Это могло бы заставить тебя предпринять исследование. Сам этот шок мог бы запустить в тебе процесс трансформации.

Будда обычно посылал учеников смотреть, как сжигают мертвые тела, продолжать смотреть, как языки пламени съедают тело. И тогда не остается ничего, только кости и пепел. Это было его обычной процедурой — посылать новых саньясинов наблюдать сожжение мертвых тел по меньшей мере на три месяца, чтобы они могли почувствовать реальность смерти, и чтобы реальность смерти глубоко впиталась в их сердца. Лишь тогда человек может проснуться.

Но священники помогают тебе оставаться спящим с как можно большими удобствами, давая транквилизаторы. Это было их службой, и мы достаточно заплатили им за эту службу. Они так же невежественны, как и ты, столь же неосознанны, что и ты. Они в той же ситуации, что и ты: они постоянно нуждаются в утешении. Они продолжают читать писания, постоянно повторяя одни и те же писания снова и снова, потому что именно так человек гипнотизирует себя. Христианский священник снова и снова продолжает читать одну и ту же Библию, а индуистский священник продолжает цитировать одну и ту же Гиту. Каждый день, каждое утро он цитирует одно и то же писание. Оно становится механическим. Оно становится подобным записи. Он продолжает повторять.

Кришна говорит: когда тело умирает, душа не умирает. Ты можешь сжечь тело, но огонь не может поглотить душу. *На ханьятэ ханьяманэ шарипурэ* — ты можешь убить тело, но не можешь убить дух, не можешь убить душу, потому что ни одна стрела до нее не достанет, ни один меч ее не разрубит. *Найнам чхиндати шастрани, найнам дахати наваках* — ни оружие не поранит меня, ни огонь не сожжет. Продолжай повторять это год за годом, снова и снова, и ты загипнотизируешь себя. Ты начнешь в это верить, хотя в тебе еще не создано никакой души.

Кришна прав: душа вечна — но прежде всего ты должен ее иметь. Ее нет. Душа означает сознание, душа означает собранность. Душа означает, что ты познал как свой собственный опыт, что ты не тело и не ум. Она возникает лишь в свидетельствовании механизма *телоума*; она не создается повторением. Повторение означает гипноз. Она переживается просто по-другому: ты должен выйти из-под гипноза, ты должен стать безусловленным. Ты должен забыть все писания и всех священников и заглянуть в самого себя. Как бы это ни было страшно, ты должен столкнуться со своим внутренним пространством.

Священники помогают тебе оставаться на периферии. Они кажутся великими друзьями, но в конечном счете оказываются величайшими врагами. Не Адольф Гитлер, Йосиф Сталин и Мао-дзедун настоящие враги религии. Настоящие враги — священники, папы, шанкарачарьи и им подобные. Они не знают, что делают. Как они могут тебе помочь? Они про-

сто продолжают повторять традицию, передавая тебе условности — древние, но мертвые.

Ты спрашиваешь меня, Виреш: «Неужели священники совершенно ничем не могут помочь человечеству?»

Да, они могут помочь... своим исчезновением! Они нам больше не нужны. Человек достиг совершеннолетия. Все эти утешения больше не нужны. Нам нужны люди, бунтари, не традиционные священники. Нам нужны будды, пробужденные люди, чтобы вас разбудить. Нам нужны будды, не священники, которые дают вам новые игрушки для игр. Они создали красивые игрушки, в этом нет никаких сомнений. Они очень хитры, коварны. За ними многовековой опыт эксплуатации человечества, эксплуатации человеческой слабости.

Но помните: что касается сознания, они ничем не отличаются от вас. Может быть, они знают больше вас, у них больше информации, чем у вас. Это количественная разница; это не та разница, которая имеет значение. Нужна некая качественная разница.

Позволять слепым вести себя опасно. Они разрушили всю красоту человеческих существ, они разрушили свободу человеческих существ. Они разрушили все, что есть ценного. Они оставили вас опустошенными, пустыми, бессмысленными. Это чувствуется повсюду в мире. Почему люди чувствуют себя такими пустыми и бессмысленными? Кто сделал это с ними? Века жречества, разных религий, дали им эти ложные утешения. Все эти ложные утешения больше не применимы. Человек стал взрослее. Хорошо давать детям игрушки, с которыми они могут играть, но когда кто-то достигает совершеннолетия, а ты продолжаешь давать ему игрушки для игр, он начнет чувствовать, что жизнь бессмысленна. Ему нужно нечто большее; ему нужно нечто более реальное.

Остерегайся, если тебя ведут слепые!

Молодая женщина, почти девочка, пришла к местному раввину.

— Вы меня не знаете, — начала она с комом в горле, — но мне просто нужно с кем-то поговорить. Видите ли, у меня нет ни матери, ни отца и я мало понимаю в мирских делах.

— Не говорите больше ни слова, — сказал раввин. — Я прекрасно понимаю. Речь идет о мужчине, не так ли?

— Да, и он все время пытается меня поцеловать. Поцелуй, поцелуй, поцелуй — вот все, о чем он думает.

— Ты должна быть твердой, — сказал раввин сурово. — Такой мужчина тебе не нужен. Просто скажи ему, что с тобой этот номер не пройдет.

Когда она уходила, раввин сказал:

— Приходи через неделю и расскажи мне, как ты со всем справляешься.

И правда, через неделю девушка вернулась еще более обеспокоенная чем прежде.

— Что теперь случилось? — спросил раввин.

— Я запретила ему все эти поцелуи, — сказала несчастная молодая дама, — но теперь — не знаю, как и сказать...

— Говори, говори! — настаивал священник. — Со мной тебе нечего стыдиться.

— Он пытается — ээ — трогать меня руками, — пробормотала она в смущении.

Раввин поднялся с сиденья в праведном гневе.

— Скажи этому негодю, что он должен держать свои грязные руки при себе! — рявкнул раввин. — Разве так обращаются с достойной еврейской девушкой? Скажи ему, чтобы он немедленно прекратил, слышишь?

Но в следующий раз она пришла к раввину почти в слезах.

— Я сделала все, что вы сказали, — простонала она, — но теперь он настаивает, что хочет спать со мной.

— Что! — закричал разъяренный раввин. — Никогда в жизни не слышал такого *чутзпах*. Иди прямо домой и в следующий раз, когда его увидишь, вышвырни его из дома. Поняла? Я приказываю! Вышвырни его!

Через несколько дней она снова пришла к раввину. Ее глаза были красны от слез, а лицо несчастно.

— Сделала ли ты, как я тебе сказал? — потребовал раввин.

Она кивнула, и все еще всхлипывая, сказала сквозь слезы:

— Теперь он хочет развода!

Твои священники так же бессознательны, как и ты, даже больше. Они даже не осознают ситуацию, в которой находится человек. Они продолжают выдавать старые рецепты, которые больше не применимы. Они продолжают давать тебе великие советы, которые, может быть, были полезны когда-то в прошлом, но в теперешней ситуации совершенно лишены контекста.

Тебе не нужно больше священников и их помощи. Тебе нужны пробужденные люди в мире. Тебе нужно больше медитирующих — не посредников. Священники были посредниками между тобой и Богом. Тебе нужно больше медитирующих, людей, которые идут глубже в свое существо, людей, которые стали центрированными, людей, которые познали внутреннее молчание, девственное молчание и его поразительную красоту. Они помогут человечеству, но и они не будут помогать человечеству непосредственно. Само их присутствие будет излучать новые вибрации, которые могут трансформировать.

Настоящий человек всегда помогает людям косвенно. Он не агрессивен. Он не дает тебе команду: «Делай это, не делай то». Он никаким образом не разрушает твою свободу. Он просто живет свою жизнь в свете того, что нашел у себя внутри. И когда ты с ним, нечто передается между ним и тобой.

Настоящий мастер — никогда не священник. Я никогда не слышал о священнике, который был бы настоящим мастером. Если ты мастер, ты прекращаешь быть священником, а если ты священник, невозможно, что-

бы ты был мастером. Священник принадлежит к определенной идеологии — индуистской, христианской, мусульманской. Мастер не принадлежит ни к какой идеологии. Он более сознательный, не более знающий. У него больше существа, не больше знания. У него больше души, не больше памяти. Он может не знать писаний — потому что он сам по себе писание! И ты не найдешь его в храмах, мечетях и церквях.

Я слышал об одном очень религиозном негре, который хотел ходить в церковь, но в округе была одна-единственная церковь, и она принадлежала белым.

Священник был добрым человеком — священники должны быть добрыми. Когда негр постучал, священник вышел. Священник был в неловком положении — сказать ему да или нет?

Сказать да опасно, потому что вся конгрегация будет против. Это была белая церковь, и в нее не разрушилось заходить неграм; это было очень строго. Но как сказать нет этому простому человеку, глаза которого полны слез, и который говорит:

— Я хочу войти и молиться Иисусу Христу.

Но священники — хитрый народ. Какими бы добрыми они ни казались на поверхности, глубоко внутри они очень хитры. Если они не хитры, они вообще не занимались бы профессией священника, потому что эта профессия гораздо хуже любой другой. Даже проститутки лучше священников! По крайней мере, они продают тело, а священники продают даже свои души.

Священник немедленно изобрел стратегию. Он сказал:

— Хорошо, заходи, но не прямо сейчас. Сначала очисти себя, и тогда твои молитвы будут услышаны.

Это была хитрая стратегия. Ни одного белого не просили сначала очистить себя, а затем заходить в церковь. И кто будет решать, достаточно ли человек чист? Это всегда будет по усмотрению священника, и он всегда может сказать: «Ты еще недостаточно чист».

Негр пошел обратно. Он действительно был в глубокой любви с Богом; он плакал и рыдал и пытался как только мог не делать ничего неправильного, избегать всего, что могло бы сделать его нечистым. Три недели он оставался в изоляции, посте и молитве. Через три недели ему явился Бог: его желание исполнилось.

После этого опыта он пошел в церковь. Священник очень боялся — этот человек пришел снова, и он был окружен такой прекрасной аурой, что священник очень боялся сказать: «Ты еще не чист». Он сиял чистотой; он был как солнце, восходящее на горизонте. Было так ясно, что отрицать это было бы грехом, и священник испугался.

Человек подошел очень близко к двери, постоял, рассмеялся, повернулся и пошел домой. Священник был очень озадачен: почему он это сделал? Он побежал и догнал его, взял за руку и спросил:

— Почему ты это сделал? Разве ты больше не хочешь в церковь?

Он ответил:

— Нет, не хочу. Я пришел еще раз посмотреть на церковь, потому что прошлой ночью мне явился Бог, и я спросил его — когда он сам был со мной, я спросил его: «Могу ли я войти в церковь? Достаточно ли я чист сейчас?» Бог сказал: «Ты чист, ты чище всех тех, что ходят в церковь, чище самого священника. Но, пожалуйста, не ходи в церковь. Тебя не пустят. Я знаю это по собственному опыту, потому что многие годы я пытаюсь войти в эту церковь, и меня не пускают. Если меня не пускают в церковь, как пустят тебя? Простись с этой идеей. Я сам с ней простился!»

Твои церкви, твои храмы пусты. Это могилы религии. Религия там больше не цветет. Да, когда Иисус был жив, было великое цветение, но не в буддистском храме, не в христианской церкви.

Священники это люди, которые извлекают выгоду из пробужденных. Когда пробужденный уходит, оставляет тело, священники набрасываются на его доктрину, организуют на ее основе великий бизнес, начинают истолковывать ее согласно самим себе.

Христианство не имеет ничего общего с Христом, помни, буддизм не имеет ничего общего с буддой, джайнизм не имеет ничего общего с Махавирой. Это странная вещь, но она следует из предшествующего. Ни одна религия не имеет ничего общего с оригинальным источником. Фактически, христиане более разрушительны с посланием Христа, чем кто-либо другой, а священники — лидеры христиан. У них нет никакой связи с Христом — и быть не может. Они боятся Христа. Должно быть, глубоко внутри они боятся, что если когда-нибудь они столкнутся с Христом, он спросит: «Что вы сделали с моим посланием?» — и что они ответят?

Я слышал:

Однажды в Ватикане в комнате папы зазвонил телефон. Кроме папы никого не было, и он сам снял трубку. Звонил архиепископ Нью-Йорка, и он весь дрожал, его голос дрожал.

— Слушайте! Слушайте! Верьте мне — в церковь вошел один человек, и он выглядит точно как Иисус Христос. Что мне делать?

Несколько мгновений папа размышлял, затем ответил:

— Сделай вид, что ты занят!

Что еще делать?

Священники властвовали над человечеством. Это политики внутреннего мира, в точности как политики это священники внешнего мира. И между священниками и политиками есть сговор, взаимопонимание, распределение: «Вы правьте человеком субъективно, а мы будем править снаружи». Они эксплуатировали, угнетали. Они многое разрушили.

И ты, Виреш, спрашиваешь меня: «Не могут ли священники так или иначе помочь человечеству?»

Единственное, чем в моем представлении они могут помочь, — поскольку они больше не нужны, они должны исчезнуть. Это будет их величайшей службой человечеству.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я чувствую непреодолимое стремление к художественному выражению; я получила очень дисциплинированное, классическое образование в западной музыке. Часто я чувствую, что это образование является тюрьмой для спонтанного творчества, и в последнее время мне очень трудно регулярно заниматься. Я больше не уверена, в чем качества истинного искусства, и в ходе какого процесса художник производит и вырабатывает подлинное искусство. Как мне почувствовать художника в себе?

Барбара Лимбергер,

Парадокс искусства в том, что сначала ты должна научиться дисциплине, а затем полностью ее забыть. Если ты не знаешь его азов, ты не сможешь двигаться в него глубоко. Но если ты знаешь только технику и продолжаешь тренировать технику, твоя жизнь технически станет очень искусной, но ты останешься техником; ты никогда не станешь художником.

В дзен говорят, что если ты хочешь быть живописцем, двенадцать лет учишься рисовать и двенадцать лет забывай, как рисовать. Просто полностью забудь — это не имеет с тобой ничего общего. Двенадцать лет медитируй, руби дрова, носи воду из колодца. Делай что угодно, только не рисуй.

И тогда однажды ты сможешь рисовать. Двадцать четыре года образования: двенадцать лет ты учишься технике и двенадцать лет забываешь технику. Тогда ты можешь рисовать. Теперь техника стала просто частью тебя; это больше не техническое знание, это стало частью твоей крови, мозга костей. Теперь ты можешь быть спонтанной. Это не мешает тебе, это не будет твоей тюрьмой.

И таков в точности и мой собственный опыт.

Не продолжай тренироваться. Забудь все о классической музыке. Делай другие вещи: работай в саду, занимайся скульптурой, живописью, но забудь о классической музыке, как будто ее вообще не существует. Позволь ей несколько лет оставаться глубоко внутри своего существа, чтобы она переварилась. Тогда это больше не техника. Тогда однажды она захватит тебя — и ты снова начнешь играть. А когда ты начнешь играть снова, не беспокойся о технике, иначе игра никогда не будет спонтанной.

Будь немного новатором — в этом и состоит творчество. Изобрети новые пути, новые средства. Испробуй что-то такое, чего никто никогда не

делал. Величайшее творчество происходит в людях, которые образованы в какой-то другой дисциплине.

Например, если математик начинает играть музыку, он внесет нечто новое в мир музыки. Если музыкант станет математиком, он внесет нечто новое в мир математики. Все великое творчество случается благодаря людям, которые движутся от одной дисциплины к другой. Это как скрещивание пород. Дети, рождающиеся от смешанных браков, гораздо здоровее, красивее.

Именно поэтому в каждой стране многие века запрещены браки между братьями и сестрами; для этого есть причина. Брак лучше, если люди состоят в отдаленном родстве или вообще не состоят в родстве — насколько это касается крови. Было бы хорошо, если бы люди одной расы женились на людях другой. А если однажды мы обнаружим жизнь на другой планете, лучше всего будут смешанные браки между Землей и другой планетой. Тогда в существование придут новые виды, новые люди.

Запрет, табу на отношения брата и сестры и их брак значителен, научно значителен. Но он не был доработан до конца, до логического конца. Логическое следствие в том, что ни один индус не должен жениться на индианке, ни один немец не должен жениться на немке. Лучше будет, если немец женится на индианке, индус на японке, японец на негритянке, негр на американке, еврей на христианке, христианин на индиустке, индуист на мусульманке. Это будет лучше всего. Это поднимает сознание всей планеты. Это даст лучших детей, более бдительных, более живых, более богатых во всех смыслах.

Но мы так глупы, что можем сделать все и принять все. Тогда что я говорю?..

Чанси, красивый, почти женственный молодой человек, вел серьезный разговор с матерью.

— Мапочка, пришло время — в самом деле пришло время — поговорить по душам о моих отношениях с Мироном. Говоря чистосердечно, наши отношения расцвели в — как это сказать по деликатнее? — ну, в нечто красивое, хорошее и даже святое. Сказать по правде, дорогая мамочка, я люблю Мирона, а он любит меня в ответ. Мы хотим пожениться как можно быстрее и надеемся, что ты согласишься нас.

— Но Чанси, — запротестовала мать, — понимаешь ли ты, что говоришь? Ты действительно ждешь, чтобы я одобрила этот брак? Что скажут люди? Что скажут наши друзья и соседи?

— Ах мама, это ужасно — тырываешь меня на части. Мы были такими хорошими друзьями. Никогда бы не поверил, что ты можешь быть такой — из всех людей. Я могу только заплакать!

— Но сынок, ты не можешь вот так взять и пойти против традиции!

— Хорошо, мама, давай поговорим в открытую, как цивилизованные люди. Какие именно возражения можешь предъявить ты или другие люди, если мы с Мироном станем мужем и женой?

— Ты прекрасно знаешь, почему я возражаю: он еврей!

Она не возражает против гомосексуального брака; она возражает, потому что он еврей. Люди так настроены против друг друга. И их приучали к этому неприятно друг друга так долго, что они совершенно забыли, что все мы человеческие существа, что все мы принадлежим к одной и той же Земле, к одной и той же планете.

Чем больше расстояние между женой и мужем, тем лучше будет плод их брака.

То же самое происходит в музыке, в живописи, в математике, в физике, в химии: своего рода скрещивание. Когда человек переходит от одной дисциплины к другой, он приносит аромат своей дисциплины, хотя и не может ее практиковать. Что ты можешь делать с музыкой, если движешься в физику? Тебе придется полностью забыть о ней, но она останется на заднем фоне. Она стала частью тебя; она будет влиять на все, что бы ты ни делал. Физика далеко, но если ты был дисциплинирован в музыке, рано или поздно ты найдешь теории, гипотезы, который в каком-то виде несут цвет и аромат музыки. Ты можешь начать чувствовать, что мир это гармония — не хаос, но космос. Ты можешь начать чувствовать, исследуя царства физики, что существование это оркестр. Это невозможно для того, кто ничего не узнал о музыке.

Если танцор движется в музыку, он привнесет нечто новое, он вложит в музыку нечто новое.

Вот мое предложение: люди должны двигаться из одной дисциплины в другую. Когда ты привыкаешь к одной дисциплине, когда техника становится твоей тюрьмой, просто выскользни из нее в другую дисциплину. Это хорошая идея, великая идея — двигаться из одной дисциплины в другую. Ты найдешь, что становишься более и более творческой.

Одно нужно помнить: если ты действительно творческий человек, то можешь никогда не стать знаменитым. Действительно творческому человеку может потребоваться время, чтобы стать знаменитым, потому что он должен создать ценности — новые ценности, новые критерии, и лишь тогда он может быть оценен. Он должен ждать, по меньшей мере, лет тридцать; к этому времени он умирает. Только тогда люди начинают ценить его. Если ты хочешь славы, забудь о творчестве. Тогда тренируйся и тренируйся, просто продолжай делать одно и то же более искусно, технически более совершенно, и ты добьешься славы — потому что это люди понимают; это уже принято.

Когда ты вносишь в мир нечто новое, оно обязательно будет отвергнуто. Мир никогда не прощает человека, который вносит в него нечто новое. Творческий человек обязательно будет наказан миром, помни это. Мир ценит не творческого, но искусного человека, технически совершенного человека, потому что техническое совершенство просто означает совершенство прошлого. Каждый понимает прошлое, каждый имеет образование, позволяющее ему понимать прошлое. Внести в мир нечто новое озна-

чает, что никто не сможет этого оценить. Это так ново, что нет критерия, чтобы его оценить. Еще не существует методов, по которым люди могли бы это понять. На это потребуется, по меньшей мере, тридцать лет или даже больше; художник умрет. К этому времени люди начнут ценить его.

Винсент Ван Гог не был оценен в свое время. Не было продано ни единой картины. Теперь каждая из его картин продается за миллионы долларов — а люди даже не хотели принимать эти картины от Ван Гога в подарок — те же самые картины. Он давал их друзьям, но никто не хотел повесить их у себя в комнате. Никто не хотел вешать эти картины в своих комнатах, потому что люди беспокоились. Другие могли спросить: «Вы что, с ума сошли? Что это за картина?»

У Винсента Ван Гога был свой собственный мир. Он принес новое видение. На это ушло много десятилетий; постепенно человечество стало чувствовать, что в этом что-то есть. Человечество медленно и летаргично; оно вяло тащится, отставая от времени. А творческий человек всегда впереди своего времени, отсюда этот промежуток.

Поэтому, Барбара, если ты действительно хочешь быть творческой, тебе придется принять, что ты не можешь быть знаменитой, ты не можешь быть известной. Если ты действительно хочешь быть творческой, тебе придется научиться простому явлению: искусство ради искусства, без всякого другого мотива. Тогда наслаждайся всем, что ты делаешь. Если ты можешь найти несколько друзей, которые им наслаждаются, хорошо; если никого нет, наслаждайся одна. Если ты наслаждаешься, этого достаточно. Если от этого ты чувствуешь удовлетворенность, этого достаточно.

Ты спрашиваешь меня: «Я больше не уверена, в чем качества истинного искусства».

Вот что такое истинное искусство: если оно помогает тебе быть молчаливой, тихой, радостной; если оно дает тебе празднование; если оно заставляет тебя танцевать — участвует ли в этом кто-то еще, неважно, — это истинное искусство. Если оно становится медитацией, это истинное искусство. Если оно поглощает тебя, настолько поглощает, что исчезает твое эго, это истинное искусство.

Истинное искусство подходит очень близко к религии. Поэтому не волнуйся о том, что такое истинное искусство. Если ты наслаждаешься, делая это, если ты теряешься, делая это, если ты ошеломлена радостью и миром, делая это, это истинное искусство. И не беспокойся о том, что скажут критики. Критики ничего не знают об искусстве. Фактически, люди, которые не могут стать художниками, становятся критиками. Если ты не можешь участвовать в забеге, если ты не можешь быть олимпийским бегуном, по крайней мере, ты можешь стоять у дороги и бросать в бегущих камни; это очень легко.

Именно это делают критики. Они не могут быть участниками, они ничего не могут создавать.

Я слышал об одном суфийском мистике, который любил живопись, но все критики его времени были против него. Каждый приходил и показывал ему:

— Вот это неправильно, вон то неправильно.

Он устал от этих людей, и однажды он собрал все свои картины напротив своего дома и пригласил всех критиков, сказав им взять кисти и краски, чтобы они могли исправить его картины, потому что они достаточно критиковали; теперь время исправлять.

Ни один критик не появился. Критиковать легко, исправлять трудно. И с тех пор критики перестали приходить и критиковать его картины. Он поступил правильно.

Люди, которые не умеют создавать, становятся критиками. Поэтому не волнуйся о них. Решающим является твое внутреннее чувство, внутреннее свечение, внутреннее тепло. Если ты делаешь музыку, и это дает тебе чувство тепла, в тебе возникает радость, исчезает эго, тогда это становится мостом между тобой и Богом. Искусство может быть самой молитвенной вещью, самой медитативной из всех возможных. Если ты можешь заниматься любым искусством, музыкой, поэзией, скульптурой, танцем, если любое искусство захватывает твое существо, это лучший способ молиться, лучший способ медитировать. Это приведет тебя — постепенно, шаг за шагом — в Бога. Это мой критерий: если это ведет тебя к Богу, это истинное искусство, подлинное искусство.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Что Ты думаешь о жизни после смерти?

Саргамо,

Я совершенно согласен с Тристаном Бернардом, франко-еврейским писателем, которому однажды задали тот же вопрос. Его спросили, что он думает о жизни после смерти. Он ответил: «С точки зрения климата я предпочел бы небеса, но с точки зрения общества я предпочитаю ад».

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Что делать с продолжением не блаженного и по-видимому бесконечного сопротивления?

Амит Прем,

200

Прими его, не сопротивляйся ему. Не сопротивляйся сопротивлению. Именно это ты делаешь. С первым сопротивлением нет никаких проблем; проблемы создает второе сопротивление. Ты сопротивляешься собственному сопротивлению. Это преумножает ненужное страдание. Отбрось второе сопротивление, и ты будешь удивлен: если ты отбросишь второе, первое испарится само собой.

Иисус говорит: Не противься злу. Очень странные слова... ни один пробужденный не произносил таких бунтарских слов. Христианские священники, миссионеры вообще не говорят об этом. Они говорят о других вещах, но не говорят об этом странном утверждении: Не противься злу. Оно кажется очень нелогичным, нерелигиозным. Злу нужно противиться — а Иисус говорит: Не противься злу. Почему?

В этом есть секрет. Если ты противься злу, ты даешь ему силы. Любое сопротивление придает сил тому, чему ты сопротивляешься. «Не противься злу» означает, что если ты ему сопротивляешься, это отпадет само собой, потому что ты не будешь питать его своей энергией; ты немедленно отсоединился.

Амит Прем, ты говоришь: «Что делать с продолжением не блаженного и по-видимому бесконечного сопротивления?»

Ничего не нужно делать. Если ты что-то делаешь, то создашь больше и больше сопротивления; именно так ты делаешь его бесконечным. Оно не бесконечно. Только Бог бесконечен, ничто больше. Как может твое сопротивление быть бесконечным? Но ты делаешь его бесконечным, потому что вливаешь в него энергию. Ты пытаешься ему противиться, борешься с ним, тонким образом подавляешь его — и оно всплывает снова и снова.

Вот мое предложение: Прими его и посмотри, что произойдет. Что бы ни случилось, все хорошо. Поначалу, может быть, будешь бояться принять его. Поначалу ты будешь думать: «Если я его приму, мне придется ему следовать». Нет, это неправда. Если ты примешь его тотально, ты тотчас же увидишь, что оно умирает — ты обрубишь самый корень. Именно это имеет в виду Иисус. Он хочет разрушить зло тотально; поэтому он говорит: Не противься злу. Если ты противься, ты тем самым продолжаешь его подкармливать.

Проблема всегда не в первом сопротивлении, а во втором. Ты ничего не можешь сделать с первым; что-то сделать можно только со вторым, потому что оно твое. Что можно сделать? Если есть сопротивление, оно есть — приветствуй его, прими его. Но ты сопротивляешься всеми способами.

Амит Прем постоянно пишет мне письма: «Мне очень грустно, я чувствую себя очень несчастным, подавленным. Я страдаю комплексом неполноценности». Когда я читал его письмо, в котором он говорит о своем страдании комплексом неполноценности, оно напомнило мне о об одном политике, который проходил психоанализ...

Через три года великой психиатрической работы однажды психиатр очень радостно приветствовал его словами:

201

— Входите. Я все понял. Теперь больше не нужно психоанализа. Ваша проблема решена!

Политик тоже был доволен. Он сказал:

— Какое же решение вы нашли?

— Вы не страдаете комплексом неполноценности — вы просто неполноценны, и нет никаких проблем!

Это приятие. Амит Прем, ты просто неполноценный — прими это! Ты страдаешь комплексом неполноценности из-за великого стремления к превосходству. Стремление к превосходству создает страдание комплексом неполноценности. Прими это.

Я неполноценный — посмотри на меня! Ты не можешь быть неполноценнее меня! Я такой обычный! Я не могу делать чудес, не могу ходить по воде. Я должен страдать комплексом неполноценности — потому что Иисус ходил по воде. Видишь, какой я обычный! Но я так блажен, потому что я постоянно говорю: «Ну и что?» Я не могу ходить по воде, это правда. Я не делаю из этого проблемы. Ты можешь сделать проблему из чего угодно.

Я слышал:

Когда Моисей шел из Египта, по его следам следовали враги, они вышли к морю, и возникла проблема: Что делать? Море преграждало путь, а враги приближались. Они подходили ближе и ближе с каждым мгновением.

Тогда внезапно случилось чудо: море разделилось на две части. Гигантские водяные столбы с обеих сторон и небольшой проход...

Моисей посмотрел на небо и сказал:

— Боже мой, я хочу тебя спросить только об одном. Почему я всегда должен быть первым? Теперь я должен первым идти в эту опасность. Почему я вечно должен быть первым?

Ты можешь пожаловаться даже на свои чудеса — а я не жалуясь даже на свою обычность.

Голда Майер, бывший премьер-министр Израиля, обычно говорила снова и снова:

— Я не могу простить Моисея. Сорок лет он вел наш народ в пустыне и нашел Израиль — единственное место, в котором нет нефти! Я не могу простить этого человека. А он проходил множество мест, в которых была нефть.

Амит Прем, просто прими себя таким как ты есть. Поскольку ты пытаешься быть кем-то другим, это создает проблемы.

Он постоянно пишет мне: «Я хочу быть участвующим в ашраме, но остаюсь на периферии». Что плохого в том, чтобы быть на периферии? Я даже не на периферии! Ты, по крайней мере, на периферии. Где бы ты ни был, наслаждайся этим. Если ты привык создавать себе страдание, даже

если ты в самом центре, ты будешь страдать и там. Ты скажешь: «Боже, почему я всегда должен быть в центре и нести всю ответственность?»

Я говорю, я не в центре, потому что я вообще не несу никакой ответственности. Ты не найдешь в мире более безответственного человека, чем я. У меня вообще нет ответственности. Даже на периферии у тебя есть некоторая ответственность. Даже у охранников, сидящих на воротах, есть некоторая ответственность.

Научись наслаждаться всем, чем бы ты ни был. Не поднимай вокруг этого много шума. Если есть сопротивление, это естественно, потому что весь процесс — капитуляция. Саньяса это капитуляция. Сопротивление естественно. Так прими его, и в этом принятии оно умрет естественной смертью.

Пятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Ты против Движения Освобождения Женщин?*

Шакти,

Я не против женщин, я полностью за. Но движение освобождения это что-то уродливое — и я знаю, что ответственны за это мужские шовинисты. Они веками причиняли женщинам столько вреда, что теперь женщина хочет отомстить. Но когда ты начинаешь мстить, ты становишься разрушительной. Это движение по-прежнему в разрушительной фазе; оно должно стать творческим. Я против разрушительности.

Бесполезно смотреть на раны прошлого. Бесполезно мстить за прошлое. Человек должен уметь простить и забыть. Да, это было неправильно — прими это. Все, что делали с женщинами веками, было абсолютно неправильно. Мужчина эксплуатировал их. Мужчина обращался с ними по-скотски. Мужчина низвел женщин до рабов; более того, он низвел их до вещей, собственности. Но какой смысл мстить? Тогда ты станешь преследователем, а мужчина — преследуемым. Тогда начнется и сформируется другой вид шовинизма. Тогда родится женский шовинизм. И это не поправит дела. Тогда женщины начнут вредить мужчинам, или рано или поздно те отомстят. Чем это кончится? Это порочный круг.

И у меня такое ощущение, что женщинам гораздо легче, чем мужчинам, прекратить это, выйти из порочного круга — потому что они более любящие, более сострадательные. Мужчина агрессивнее, насильственнее. Я не возлагаю на мужчин больших надежд, я надеюсь на женщин. Поэтому я не за агрессивный подход и взгляды феминизма.

Миссис Фарид предстала перед вратами небесными и постучала дрожащей рукой.

— Мадам, — сказал Отец Авраам, подозрительно выглядывая в глазок, — откуда вы явились?

— Из Флэтбуш, — отвечала миссис Фарид смущенно, и крупные капли пота катились по ее духовному лбу.

— Ничего, дочь моя, — ответил сострадательно патриарх. — Вечность долгое время; ты можешь это пережить.

— Мистер, я должна кое в чем сознаться, — продолжала она, очевидно встревоженная.

— В нашей религии мы не исповедуемся.

— Но это другое. Если вы просмотрите записи, может быть, вы найдете, что я не подхожу. Я... эээ... я отравила мужа и изрубила топором тестя. И более того, я...

Отец Авраам внезапно посуровел.

— Ваше агрессивное поведение, мадам, действительно представляет проблему. Были ли вы членом Движения Освобождения Женщин?

— Нет.

Ворота жемчуга и алебаstra распахнулись на своих золотых петлях, производя обворожительную музыку, и патриарх поклонился.

— Войдите в вечный покой.

Но миссис Фарид колебалась.

— Отравление, убийство и... и... — бормотала она.

— Не имеет значения, уверяю вас. Мы не будем суровы с дамой, которая не принадлежала к Движению Освобождения Женщин. Возьмите арфу.

— Но я подавала заявление. Меня не взяли.

— Возьмите две арфы.

Не волнуйся, Шакти. Здесь много женщин, которые принадлежали к Движению Освобождения Женщин. Но когда они приблизились ко мне, их подход изменился, их мировоззрение изменилось. Проблемы жизни могут быть разрешены любовью, их нельзя решить насильственным подходом.

Мужчины и женщины это разные миры; поэтому им трудно понять друг друга. Прошлое было полно недоразумений, но в будущем в этом нет необходимости. Мы можем выучить уроки прошлого, а единственный урок в том, что мужчины и женщины должны стать более понимающими друг с другом, более принимать отличия друг друга. Эти различия ценны, они не должны создавать конфликта; фактически, именно они привлекают их друг к другу. Если бы вся разница между мужчинами и женщинами исчезла, если бы у них была одинаковая психология, любовь тоже исчезла бы, потому что не было бы полярности. Мужчина и женщина как два противоположных полюса электричества: они магнетически притягиваются друг к другу; они — противоположные полюса. Поэтому конфликт естествен. Но через понимание, сострадание, любовь, видение мира другого и попытку ему сочувствовать все проблемы могут быть решены. Не нужно создавать больше конфликтов — их уже достаточно.

Мужчине нужно освобождение не меньше, чем женщине. Оба нуждаются в освобождении — освобождении от ума. Они должны сотрудничать друг с другом и помогать друг другу освободиться от ума. Это создаст настоящее движение освобождения.

В этом заключается все саньяса.

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Ты — Бог-Создатель?

Судхир,

Ты думаешь, я сумасшедший?

Почти год Папаша Шульцберг был постоянным источником смущения для своей семьи. Он взбирался на афишные тумбы на перекрестках и объявлял себя мессией. Он продолжал на потеху собирающимся толпам громко и выкрикивать грозные предупреждения и предостережения, напоминая о плачевных последствиях их греховной жизни. В своей длинной белой рясе, сшитой из простыни, с развевающейся серебряной бородой он действительно выглядел как библейский патриарх.

Постепенно состояние старого Шульцберга ухудшилось, и в конце концов его сыновья, дочери и подрастающие внуки посовещались и неохотно согласились поместить его в соответствующее заведение. Там, как они надеялись, при надлежащем лечении он сможет восстановить рассудок и вернуться домой.

В сумасшедшем доме «Ливанские Кедры» мессия прекрасно прижился среди других пациентов. То есть, все было прекрасно до тех пор пока он не совершил ошибку, призывая их оставить свои безбожные пути.

— Я воплощенный Моисей, — прогремел он как древний пророк. — Я мессия!

— Да? — закричал один из пациентов. — Кто это сказал?

— Я скажу тебе, кто это сказал, — сказал мессия Шульцберг. — Это сказал Бог!

Из дальнего угла раздался возмущенный голос другого пациента:

— Я этого не говорил!

На сегодня достаточно.

Глава 3

Для медитации нужна храбрость

*Не железо заточает тебя в тюрьму,
Не веревка, не дерево,
Но удовольствие, которое ты находишь
В золоте и драгоценностях, в сыновьях и женах.*

*Мягкие оковы,
Но они держат тебя.
Можешь ли ты их порвать?*

*Есть те, кто может,
Кто отдает мир,
Отказываясь от желания и следует пути.*

*О раб желаний,
Плыви по течению.
Маленький паук, прикинь к своей паутине.
Или оставь свои горести ради пути.*

*Покинь вчера и завтра
И сегодня.
Переплыви на другой берег,
За пределы жизни и смерти.*

*Тревожат ли тебя твои мысли?
Беспокоит ли тебя твоя страсть?
Отерегайся жажды,
Чтобы твои желания не стали стремлениями,
И стремление не поработило тебя.*

Самое фундаментальное послание Будды — не Бог, не душа... это свобода: свобода абсолютная, тотальная, безусловная. Он не хочет давать тебе идеологию, потому что каждая идеология создает собственное рабство. Он не хочет давать тебе религию, потому что религия сковывает тебя. Вот точное значение английского слова «религия» — то, что сковывает тебя вместе. Религия это оковы, очень тонкие, такие тонкие, что не будучи очень осозанным, ты не сможешь их увидеть. Он не хочет давать тебе философию жизни, потому что любая философия, данная кем-то другим, станет для тебя тюрьмой. Ты должен жить согласно своему свету, не согласно свету кого-то другого.

Весь мир полон рабов по той простой причине, что каждый живет согласно кому-то другому. Кто-то живет согласно Иисусу, кто-то живет согласно Махавире, кто-то живет согласно Кришне, кто-то живет согласно Будде.

Будда говорит: Будь светом самому себе. Пока ты не создашь свет внутри собственного существа, ты будешь оставаться рабом, ты будешь подчинен. Есть искусные священники, коварные, очень хитрые, очень мирские; они знают, они очень опытные в том, чтобы создавать для тебя новые оковы. Если ты бежишь из одной тюрьмы, они тотчас же создают другую. Они очень хитры в словах. Они продолжают интерпретировать слова таким тонким образом, что ты никогда не способен понять манипуляции и искажения, которым подвергаются эти слова будд. Слова, которые предназначались для того чтобы дать тебе свободу, были превращены в цепи.

Человек очень неосознан; поэтому он продолжит оставаться жертвой — жертвой всевозможной психологической эксплуатации.

Будда учит свободе как предельной цели, *summum bonum*, высочайшему добру. Нет ничего выше свободы. Другие ценности являются побочным следствием свободы; они следуют за свободой как результат.

Иисус говорит: сначала ищи Царство Божье, а все остальное будет тебе дано. Будда этого не скажет. Он скажет: Сначала ищи тотальной и абсолютной свободы, и все остальное будет тебе дано. Если ты ищешь бога, ты снова ищешь новую тюрьму, которая, может быть, будет лучше старой, будет золотой, очень драгоценной — но тюрьма все равно тюрьма. Сделаны ли твои цепи из золота или железа, совершенно не важно. Фактически, если цепи сделаны из золота, от них труднее будет избавиться, потому что ты привяжешься к ним. Ты будешь думать, что эти цепи не цепи, а украшения. Ты будешь их защищать, охранять — кто-то может их у тебя урвать!

Свобода это аромат всего послания Будды. Ни один другой просветленный так не настаивал на свободе. Почему Будда так настаивал на свободе? — по той простой причине, что увидел, что все идеалы превращаются в тюрьмы. Он увидел, что все красивые философии отравлены священниками. Остерегайся священников!

Будда не священник, как и Иисус, как и Махавира. Ни один просветленный не был священником. Священник живет за счет слов просветленных и продолжает эксплуатировать непросветленных. Он, несомненно, умен, но не мудр; он знающий, но не просветленный. Он преуспевает в том, чтобы манипулировать тобой, потому что ты несознателен.

Поэтому второе, на чем настаивает Будда, это медитация, осознанность. Свобода может прийти только в большей и большей осознанности. Под свободой он не подразумевает какое-либо социальное явление или политические перемены. Есть люди... Я сталкивался с коммунистами, марксистами, социалистами, у которых пытаются доказать, что свобода Будды означает коммунизм, социализм, что его свобода означает социальную революцию, политическую революцию. Это полный вздор! Будда не имеет ничего общего с миром внешнего; его заботит твое внутреннее пространство. Он хочет превратить твою бессознательность в сознание, он хочет превратить твою тьму в свет, он хочет превратить твою смерть в бессмертие.

Он действительно делает работу пророков Упанишад, которые молились Богу: «*Асато ма мадхгамайа*. О Боже, о Господи, возьми нас из ложного, неистинного, в истинное. *Тамазо ма джйотиргамайа*. О Боже, о Господи, возьми нас из тьмы в свет. *Мритор ма амритамгамайа*. О Боже, о Господи, возьми нас из смерти в вечную жизнь». Но они молились Богу.

Будда говорит: Никакая молитва не поможет. Пока ты что-то делаешь, твоя молитва бессильна. Нет необходимости молиться, но есть великая необходимость медитировать. Его религия — не религия молитв. Его религия очень научна в том смысле, что он не предполагает заранее никакого верования. Тебе не нужно верить в Бога, тебе не нужно верить в жизнь после смерти. Он говорит, что ты можешь испытать опыт, тогда зачем верить? Все верования в конечном итоге низводят вас до рабов.

Будда против всех возможных верований и неверований. Он агностик. Он говорит оставаться открытым; если ты веришь, то станешь закрытым. Индуст закрыт, мусульманин закрыт, христианин закрыт: они уже пришли к заключению. Они уже приняли определенное верование за истинное, не пережив его опыта. Это нечестность! А эти люди считаются религиозными людьми. Они даже не подлинны, они даже не честны — не говоря уже об их религиозности! С самого начала они нечестны; верование делает тебя нечестным.

Сам процесс верования есть верование во что-то, чего ты сам не испытал на опыте. Как ты можешь верить, если ты искренний? Если твой поиск истины подлинный, ты не можешь верить; не можешь ты и неверить. Ты не можешь сказать, что Бог есть, ты не можешь сказать, что Бога нет. Ты

можешь только сказать: «Я не знаю, и я ищу и исследую, экспериментирую и пытаюсь пережить опыт».

Это путь медитации.

Для молитвы как предварительное условие требуется верование; без верования нет возможности молиться. Кому ты будешь молиться? — какому-то Богу, про которого тебе говорили с самого детства, которым тебя загипнотизировали.

Всякое верование есть не что иное как гипноз. Одному под гипнозом внушили, что он индуст, другому — что он мусульманин; оба они живут в своего рода сне. Гипноз значит сон; само слово значит сон. Тебе дали столько яда, медленного яда, что в этом веровании ты уснул. Ты больше не осознаешь, что ты делаешь и почему ты это делаешь. Почему ты ходишь в храм? Почему ты кланяешься каменной статуе? Почему ты цитируешь что-то бессмысленное? Почему ты идешь в Каабу, Каши или Гирнар? Зачем? Есть нечто принятое заранее. Ты уже веришь, что это и есть религия, без опыта, без исследования.

Это путь труса, это путь зомби.

Для медитации требуется храбрость. Для нее требуется в самой основе цельность, искренность, уважение к собственному существу. По крайней мере, не обманывай себя.

Будда говорит: Пусть все решает твой собственный опыт. Если это понято, ты обязательно будешь двигаться к медитации вместо молитвы. Тогда медитация принесет собственную молитву — скорее, молитвенность. Ты не будешь молиться, но будешь в молитве, потому что ты будешь становиться более и более молчаливым, более и более тихим. Более и более ты будешь переживать присутствие, таинственное присутствие, которое ошеломляет все, проникает во все. Может быть, ты захочешь или не захочешь назвать его Богом; неважно, как ты его назовешь. Ты можешь назвать его как угодно; ты можешь молчать об этом, потому что это самое правильное, что можно сделать. Это нельзя вложить в слова; никакие слова не адекватны для его выражения.

Но Будду не слушали. Человечество продолжает жить по-старым, во сне, как зомби. Оно осталось загипнотизированным, бессознательным.

Ховард Рабинович, огромный парень с косою саженью в плечах и каменными кулаками, пил виски в баре и услышал по радио объявление Шестидневной Войны. Исполненный волнения и еврейского пыла, он поспешил в аэропорт, взял билет на ближайший рейс в Израиль и незамедлительно вступил в армию.

Но прием, оказанный ему на военной базе, был несколько холодным. Израильские солдаты не избегали его, но и не отвлекались от дел, чтобы его встретить.

— Слушайте, что стряслось с вашими ребятами? — пожаловался он сержанту. — Я приехал сюда с другого конца мира, чтобы вам помочь, а меня

почти игнорируют. Что должен сделать американец, чтобы его приняли в эту армию?

Сержант окинул глазом мускулистого молодого гиганта, огляделся вокруг немного таинственно, чтобы его никто не услышал, и сказал, понизив голос почти до шепота:

— Откровенно говоря и не для протокола, если ты действительно хочешь быть одним из нас, ты должен сделать три вещи.

— Назови их, — сказал Рабинович.

— Первое, — объяснил сержант, — ты должен выпить кварту нашего крепчайшего вина «Гора Кармел», не переводя дыхания. Второе, ты должен убить офицера арабской армии. Третье, ты должен заниматься любовью с израильской красоткой.

И вот Рабинович без передышки выдул целую кварту «Горы Кармел».

— А теперь, — потребовал он, — где мне найти арабского офицера?

— По ту сторону Суэцкого канала, — ответил сержант. — Боюсь, что тебе придется плыть в обе стороны — если, конечно, ты останешься жив.

— Я останусь жив, — пообещал американец и отправился в путь. — Черт, я был самым сильным, крепким и большим парнем на Ист Сайд. Что мне это маленькое приключение?

Через несколько часов он вернулся мокрый насквозь, в разорванной одежде и поцарапанным и окровавленным лицом.

— Все в порядке, я позаботился об арабском офицере, — рявкнул он. — Где израильская красотка, которую я должен убить?

В такой же точно ситуации находится человечество. Ты не знаешь, кто ты, ты не знаешь, что ты делаешь, ты не знаешь, почему, прежде всего, ты это делаешь. Ты не знаешь, даже добившись успеха, какой во всем этом смысл. Но все же ты продолжаешь что-то делать. Это удерживает тебя занятым и позволяет не осознавать своей неосознанности.

Все твои занятия в своей основе это не что иное как попытка избежать осознания своей неосознанности — потому что это болезненно. Болезненно знать: «Я зомби», болезненно знать: «Я раб». Поэтому ты продолжаешь хвастаться своим рабством, как будто это нечто очень драгоценное. Ты продолжаешь хвалиться тем, что ты индус, пакистанец, израильтянин, немец или американец. Ты продолжаешь хвалиться тем, что ты индуист, мусульманин, христианин, джайн — и не знаешь, что ты хвалишься своими тюрьмами!

Как будто говорят двое заключенных: «Моя тюрьма лучше твоей. Посмотри на ее флаг! В моей тюрьме самый лучший флаг в мире, самый высокий. Никогда не критикуй мою тюрьму; иначе ты пострадаешь за это, заплатишь за это».

Моя нация, моя страна, моя церковь, моя религия выше твоей религии, выше твоей церкви, выше твоей нации — и мы хвалимся нашими тюрьмами. Это совершенно глупо. Но почему мы продолжаем это делать? — потому что это единственный способ спасти свое лицо.

Если мы попытаемся увидеть суть — что все это тюрьмы, как мы можем избежать знания того, что мы заключенные — не одной тюрьмы, но многих тюрем, тюрем внутри тюрем? Это разрушит наши эго. Нашим эго очень помогает думать: «Мы — великая нация», «Наша история полна храбрости», «Мы создали великих воинов»... величайших святых или кого бы то ни было. «Мы создали самую религиозную страну в мире» — самое демократическое общество, самое коммунистическое общество. Это помогает нам защищать свои эго. Мы находим все способы и пути, средства и стратегии, чтобы сохранить эго в целостности.

А эго — самое ложное явление в существовании; нет ничего ложнее эго. Оно не вещественно. Это воздушный шар, наполненный горячим воздухом — а может быть, нет и шара, только воздух! Но мы живем согласно диктатуре этого ложного бога, эго. Есть священники, которые продолжают нам помогать, которые продолжают давать нам новые стратегии, новые интерпретации. Времена меняются, а священники по-прежнему готовы давать нам новые интерпретации.

Маленький мальчик в воскресной школе был очень озадачен, когда священник сказал ему, что Бог создал все. Мальчик выглядел озадаченным, и в его глазах был вопрос.

Священник спросил:

— В чем дело, Джонни? Ты выглядишь очень озадаченным.

Джонни сказал:

— Да. Вы говорите, все — вы имеете в виду все-все? Где говорится, что Бог создал железнодорожные поезда? Никогда не встречал такого.

Священник сказал:

— Да, должно быть, ты это просмотрел. Такое место есть. В Библии говорится, что Бог создал все ползучие твари; это включает и поезд!

Они обманывают не только маленьких детей; они обманывают и тебя.

— Раввин, — сказал встревоженный отец, — я хотел бы, чтобы вы переговорили с моим сыном. Он достиг возраста матцвах, а думает только о бейсболе.

Раввин вздохнул. «В сравнении с другими подростками, попадающими в беду, — подумал он, — это кажется небольшой проблемой».

— Жаль вас разочаровывать, — сказал он, подавляя желание показать свое раздражение, — но я не могу ругать вашего сына за то, что мы, евреи, практиковали тысячи лет. Фактически, в Библии есть строгие указания заниматься бейсболом.

— Вы не шутите? — недоверчиво сказал отец. — И что это за указания?

— Ну, к примеру, вы, может быть, припомните, что Ева украдала первой, а Адам вторым²; Гидеон гремел кувшинами³; Голиафа победил Давид⁴, а блудный сын прибежал домой⁵!

Священники — самые коварные люди на земле.

На рубеже столетия в Балтиморе бродячего проповедника, смотрящего на мир взглядом друвних пророков, с его величественной седой бородой и развевающейся белоснежной рясой, пригласили прочитать проповедь в Храме Санхедрина. Раввину этой синагоги некоторые опасения внушали несколько ультра-ортодоксальные взгляды старика, но он пришел с великолепными рекомендациями. Как оказалось, страхи раввина были не беспочвенны. Маггид ошеломил конгрегацию пылкой речью, которая сделала бы честь громогласному проповеднику-баптистскому фундаменталистского толка. Когда же почтенный патриарх подводил проповедь к завершению, он закричал:

— Я говорю вам, близится Судный День, и если вы не живете в сторогом согласии с законом, переданным самим Моисеем, будет плач и крик и скрежет зубовой!

Пожилая дама в первом ряду, наполовину обезумев от страха, вскрикнула: — Но, Реббе, у меня нет зубов!

— Добрая женщина, — прогремел праведный маггид, — зубы выдадут!

Будда не священник и не пророк; он человек совершенно другого рода. Он пробужденное существо, он познал себя. Он не воплощение Бога — у него нет таких претензий. Он не особый посланник Бога; у него нет такого эго. Он не претендует на то, что он единственный едиnorodный Сын. Если представить Будду в этой роли, это выглядит абсурдно. Он очень прост, и все же его послание очень практично, очень научно, очень пронизательно.

Он говорит: «Я был таким же бессознательным, как и ты; теперь я стал сознательным, и все мои страхи и горести исчезли. Однажды я был таким как ты, однажды ты можешь стать таким как я; между нами нет качественной разницы. Я пробужден, ты спишь; это единственная разница. Я не необычный, я такой же обычный, как и ты. Единственное, что случилось со мной — я открыл глаза, а ты все еще держишь их закрытыми. Открой глаза и увидь себя!»

Сутры:

² Steal: способ подачи в бейсболе.

³ ...rattled the pitchers: перехватил подачу...

⁴ ...put out: вывел из игры...

⁵ ...made a home run: вернул подачу своей команде!

Не железо заточает тебя в тюрьму,

Нет веревка, не дерево,

Но удовольствие, которое ты находишь в золоте и драгоценностях,

В сыновьях и женах.

Не железо заточает тебя... твоя тюрьма не так груба, она очень тонка. Она не очевидна, она очень невидима. Она прозрачна. Ты не остаешься в тюрьме; напротив, тюрьма окружает тебя; куда бы ты ни шел, она передвигается вместе с тобой. Это что-то у тебя в уме, не что-то, окружающее тело. Это нечто в самом твоём подходе к жизни.

Он говорит: *Не железо заточает тебя в тюрьму, не веревка и не дерево, но удовольствие, которые ты находишь в золоте и драгоценностях...*

Нужно помнить одну очень важную вещь: эту сутру веками понимали неправильно. Двадцать пять веков имела место неверная интерпретация. Впервые я говорю вам, что эта сутра значит совсем не то, что говорят буддисты. Они думают, что ее смысл в том, что нужно отречься от золота и драгоценностей; смысл не в этом — это так ясно — но в *удовольствии, которое ты получаешь от золота и драгоценностей...* Не золото сковывает тебя, но *удовольствие*, которое ты в нем находишь. Если ты не находишь в этом удовольствия, ты можешь жить во дворце и быть настолько же свободным, что и тот, кто живет в гималайской пещере. Если ты находишь удовольствие в гималайской пещере, ты так же несвободен, как и всякий, кто живет во дворце. Вопрос в психологии.

И еще одно: почему ты находишь удовольствие в дворце, в золоте, в драгоценностях, в бриллиантах? Все они украшают твое эго. Твое эго само по себе пусто. Ты должен постоянно что-то в него вливать, чтобы оно давало это давало тебе ощущение, что это нечто вещественное. Оно постоянно требует: «Дай мне это, дай мне то». Оно продолжает требовать. Оно существует в требовании, оно существует в желании.

Точно также, когда ты едешь на велосипеде, ты должен постоянно крутить на педали. Если ты перестанешь крутить педали, может быть, велосипед проедет еще несколько футов по инерции, но затем обязательно упадет. Это похоже на велосипед: ты должен постоянно крутить педали. Если ты прекращаешь крутить педали, оно сдувается и падает на землю.

Поэтому, если у тебя есть дворец, оно потребует больший дворец и найдет огромное удовольствие во дворце. Оно будет хвастаться им, оно очень раздуется. Если ты президент, оно очень раздувается. Если ты становишься знаменитым, респектабельным, оно очень раздувается. Пути эго очень тонки. Оно толкает тебя в бессознательность, в темные слои твоего существа. Оно может находить удовольствие в золоте, оно может находить удовольствие в отречении от золота, но это одно и то же.

Я знаю многих так называемых святых, которые продолжают хвастаться даже через тридцать или сорок лет. Сорок лет назад они отреклись от мира и все еще продолжают говорить: «Мы отреклись от большого коли-

чества денег, золота». По-прежнему они продолжают говорить об этом! Прошло сорок лет, но они все еще гонятся за удовольствием.

Видишь ли ты суть? Ты можешь находить удовольствие, когда у тебя есть золото, ты можешь находить удовольствие, отрехшись от золота. Фактически, когда у тебя есть золото, ты не можешь получить столько удовольствия, как отрехшись от него. Почему? — потому что золото есть у миллионов других людей, в этом нет ничего особенного. Но когда ты отречаешься от золота, ты редкий человек: твое эго становится более незаурядным, высшим, святее-чем-ты.

Я знаю одного человека, он гомеопатический врач. Знаете гомеопатических врачей — кое-как им удается прожить. Очень редко я вижу, чтобы их посещали пациенты. Да, некоторые люди приходили — они приходили читать газеты! Фактически, именно поэтому я стал заходить к нему в приемную — почитать газеты и немного поболтать, и так мы стали друзьями. Он всегда говорил о своих заботах и был очень обеспокоен.

И тогда однажды я услышал, что он отрехся от мира; он стал святым. Через три года я встретил его в Калькутте. Ему поклонялись, и люди говорили мне, что у него были миллионы рупий, и он отрехся. Я сказал:

— Не будьте глупыми — я знаю этого человека! У него в банке было только триста шестьдесят рупий!

Теперь они превратились в миллионы!

Когда ты отречаешься, ты можешь увеличивать сумму; никто не может тебе помешать и никто не может проверить — невозможен никакой аудит. Ты можешь продолжать распространять слух о том, от чего ты отрехся.

Когда я его увидел, я спросил его:

— Доктор...

— Я больше не доктор, — сказал он.

— Вы остались прежним, — сказал я. — Я прекрасно знаю, что у вас было триста шестьдесят рупий в почтовой конторе! О каких миллионах вы говорите? Вы должны просто сказать, что отрехлись от трехсот шестидесяти рупий!

Он посмотрел на меня и сказал:

— Не говорите так громко. Вы разрушите всю мою репутацию!

Репутация зависит от того, сколько он оставил, поэтому когда он переходит из одного города в другой, сумма, от которой он отрехся, все возрастает. Так это и продолжалось. В этом нет ничего нового; это случилось и раньше.

Даже в истории жизни Будды буддисты написали, что он отрехся от столько золотых колесниц, слонов, лошадей и дворцов. Все это вздор, потому что он не был сыном великого императора или кем-то в этом роде. Королевство, к которому он принадлежал, Капилвату, было таким маленьким, что почти исчезло с лица земли бесследно... От всех этих дворцов не осталось и развалин. Никаких дворцов не было, это была такая малень-

кая деревня, что держать в ней все эти золотые колесницы, слонов и лошадей было бы просто невозможно. Но люди, которые писали эти истории, должны были сделать так, чтобы этого было как можно больше.

Между буддистами и джайнами продолжается великое соревнование, потому что Махавира и Будда были современниками. Поэтому ты можешь заглянуть в писания... Джайны пишут: «Так много лошадей, так много слонов, так много колесниц», затем буддистское писание повышает ставки еще больше. Затем идет другое джайнское писание, которое претендует на большее, чем буддистское — и это продолжалось сотни лет, и теперь кажется, что Махаира и Будда были великими императорами, будто бы они правили всей Индией.

Истина в том, что во времена Будды в Индии было две тысячи королевств. Две тысячи королевств? — это значит, что каждое королевство не могло быть больше одного района, и самое большое, отец Будды был заместителем сборщика налогов... или, если вы настаиваете, полицейским комиссаром, но не более того.

Люди находят такое удовольствие в золоте, что даже когда они отречаются от него, удовольствие продолжается; человек продолжает об этом думать. Эго может удовлетвориться либо получив больше денег, либо отрехшись от большого количества денег, но ему всегда нужны деньги и всегда нужно больше. Помни это.

Будда говорит: *Но удовольствие, которое ты находишь в золоте и драгоценностях...* вот настоящее заключение; это создает твое рабство — не золото, не драгоценности. Что они могут сделать? Как они могут тебя сковать?

Я жил в бедных хижинах, они не могут тебя сковать; я жил во дворцах, они не могут тебя сковать. Я жил как бедный человек — бедность не может тебя сковать; я жил как богатый человек — богатство не может тебя сковать. Эти вещи снаружи. Если ты начинаешь находить в них удовольствие, определенное самоутверждение, тогда начинается рабство. Если ты находишь удовольствие... *в сыновьях и женах.* Это тоже было неверно истолковано: отрехись от жен и сыновей.

Не нужно ни от чего отречаться; просто пойми.

Я интерпретирую Будду так, что суть не в отречении; суть в понимании. И если из понимания нечто отпадает в твоей жизни, ты не отрехся от этого; ты просто отпал, как мертвый лист с дерева. Ты не можешь претендовать ни на какую заслугу.

Просто посмотри на твои отношения с женой, с сыном, с мужем, посмотри, как они хрупки. Они бесплотны. Все это поэзия и вымысел, это не факт.

Несколько дней назад ко мне пришел человек и сказал: «Я хотел бы стать саньясином, но моя жена говорит, что убьет себя!»

Я сказал: «Давай попробуем для разнообразия, потому что я никогда не видел, чтобы кто-то... У меня во всем мире сто тысяч саньясинов. Ни

одна жена не убила себя, ни один муж не покончил с собой, хотя многие обещали».

Люди принимают эти вещи очень серьезно. Твоя жена или твой муж может сказать: «Я не могу без тебя жить» — а раньше они прекрасно жили! Лишь несколько дней назад она даже не знала о тебе и прекрасно жила — фактически, лучше чем сейчас! Но она говорит, что не может жить без тебя, и ты веришь, потому что это питает твое эго.

Миссис Голдфарб стояла и плакала у могилы мужа; к ней приблизился любезный незнакомец.

— Мадам, я сожалею о несчастных обстоятельствах, при которых я это говорю, — начал он уважительно, — но я должен вам сказать, что влюбился в вас с первого взгляда.

— Негодяй! Бродяга! — закричала миссис Голдфарб гневно, возмущенная этим поприщем святых. — Убирайтесь с глаз долой, или я позову полицейского! Разве время сейчас говорить о любви?

— Уверю вас, мадам, что я не намеревался открыть свои чувства в это печальное время, — объяснил обходительный незнакомец, — но я был просто ошеломлен вашей утонченной красотой!

— Послушайте, — сказала миссис Голдфарб, — вы должны на меня посмотреть, когда я не заплаканная.

Все меняется за одно мгновение. В этом мире все твои отношения просто сотканы из той же материи, что и поэзия; это даже не проза, это вымысел. Люди живут в вымысле и продолжают красить и перекрашивать свои вымыслы; они продолжают поддерживать в вымыслах жизнь.

Миссис Саперштейн только отправила детей в школу, как зазвонил телефон.

— Вашего мужа зовут Филип Саперштейн? — спросил сочувственный голос на другом конце провода.

— И что дальше? — ответила дама.

— Это звонят из морга. Я очень сожалею, но у нас жертва автомобильной катастрофы. В его кармане мы нашли ваш номер. Не могли бы вы подъехать сюда и опознать его тело?

Через полчаса миссис Саперштейн прибыла в морг, и служащий подвел ее к фигуре, покрытой белой простыней. Служащий приподнял уголок простыни и открыл лицо жертвы.

— Был ли этот человек вашим мужем? — спросил он.

— Ай-яй-яй! — глаза миссис Саперштейн расширились. — Как вам — да, это мой муж, — удастся сохранять простыни такими белыми?

Не верь в вымысел. Твоя жена, твой муж, твои дети, твои родители — все это красивый вымысел. Я не говорю от них отречься; я просто говорю понять их вымышленность. Живи там, где живешь, но не отождествляйся с

этими воображаемыми ролями. Играй, но не отождествляйся со своей ролью.

Именно это имеет в виду Будда:

*Мягкие оковы,
И все же держат тебя.
Можешь ли ты их порвать?*

Это не крепкие оковы, очень мягкие, но *можешь ли ты их порвать?* Ты не можешь их порвать, потому что ты не сознательен; если ты сознательен, их не нужно рвать — их больше нет. Ты просто видишь суть того, что мы приходим в этот мир в одиночестве, живем в одиночестве и уходим в одиночестве. Да, мы играем во многие игры — играем в мужа или жену, играем в друга или врага.

Мы играем в игры, потому что нам нужно чем-то заполнить время, или «убить время», как говорят, играя в карты, шахматы... Все это одни и те же вещи, ничуть не более серьезные. Ты играл в карты — короли и королевы — а когда ты играешь в карты, они становятся очень реальными. Ты можешь сражаться, некоторые люди даже убивали друг друга; просто игра в карты может стать такой серьезной!

Мы так отождествляемся, потому что мы совсем не сознательны. Именно сознание помогает тебе разотождествиться.

Тогда ты можешь играть во всевозможные игры — я не против игр. Играй в них так искусно, как только можешь. Пусть твоя жизнь будет интересной! Я не хочу, чтобы вы были серьезными, я не хочу, чтобы у вас были вытянутые лица. Довольно! Религиозные люди очень страдали; в этом нет необходимости. Ты можешь смеяться и наслаждаться, но помни одно: все это только игра. Приходит смерть, падает занавес, игра исчезает, и представление окончено.

*Есть те, кто может,
Кто отдает мир,
Отвергает желание и следует пути.*

Кто те, кто может разорвать эти отождествления? Это смелые люди, медитирующие: люди, которые пытаются внести осознанность в свою жизнь, в свои действия, в свои мысли, в свои чувства.

Одно было настойчивым усилием Будды: позволить тебе осознавать, что ты делаешь. Если ты идешь, иди осознанно. Если ты ешь, ешь осознанно. Не продолжай набивать себя машинально. Деавтоматизируй себя. Не будь машиной, будь человеком.

И тогда ты будешь удивлен, узнав, что желание начинает бежать от тебя, и путь открывается.

Моу и Айк, девяноста и деноста двух лет, много лет были вдовцами. Оба были здоровыми и красивыми — несмотря на свои годы. Им подходил климат Флориды, и множество милых вдовиц невзирая на годы продолжало класть на них глаз.

Однажды Моу сказал Айку:

— Айк, мне очень одиноко. С тех пор, как я потерял Беки, прошли годы, и я так и не женился снова. Но теперь мне кажется, я снова хочу рискнуть и жениться — даже в свои годы.

— Звучит как хорошая мысль, — сказал Моу. — Фактически, может быть и я должен взять новую жену.

Вскоре после этого Моу и Айк женились на очаровательных женщинах — восьмидесяти девяти и девяноста — и отправились в свадебные путешествия.

Несколько дней спустя Моу и Айк встретились на прогулке.

— Ну как, — спросил Моу, — идет медовый месяц?

— Сказать по правде, Моу, я не смог претворить в реальность нашу свадьбу.

— Сказать по правде, — ответил Моу, — я об этом даже не думал!

Но даже в возрасте девяноста лет люди хотят продолжать играть в старые детские игры. Детям это прощительно. Им нужно играть, им нужно отождествляться, им нужно заблуждаться, им нужно совершать ошибки, глупости, потому что это единственный способ стать зрелым. Но даже в старости люди ведут себя как будто они совсем не выросли.

Помни, ты растешь только пропорционально своей осознанности. Ты растешь только пропорционально своей разотождествленности со всеми играми, которые предлагает тебе жизнь.

О раб желаний,

Плывущий по течению.

Маленький паук, прильни к своей паутине.

Или оставь свои горести ради пути.

Будда называет так людей, которые просто рабы своих желаний... они не что иное как бревна, плывущие по реке, жертвы слепых сил. Они не знают своей точки назначения, они не знают своего смысла. Они просто случайны; они не испытали в жизни никакого внутреннего смысла. Из одной игры они движутся в другую. Вся их жизнь это серия попыток чем-то себя занять, чтобы не осознавать тот факт, что они тратят впустую великую возможность расти, прийти домой, стать сознательным существом, стать тем, чем им предназначено быть.

Маленький паук, говорит Будда, прильни к своей паутине.

Это твое собственное создание. Мир, в котором ты живешь, твое собственное создание, точно как паук создает из себя паутину, ловится в эту паутину и не может ее оставить. Ты проецируешь мир из собственного

ума, ты проецируешь тысячи желаний. Именно так ты создаешь паутину и сам в нее ловишься. Кто-то ловится на желание денег, кто-то ловится на желание отречения, кто-то ловится на желание рая — все это желания!

У настоящего человека понимания нет желаний. Он живет в мгновении и наслаждается всем, что ему доступно, во всей его полноте. Он выжимает досуха каждое мгновение, он пьет каждое мгновение! Он ест все, что доступно. Он спит, но он тотален во всем, что делает.

Дзенского монаха, Ринзая, спросили:

— В чем твоя медитация?

— Когда я голоден, я ем, когда мне хочется спать, я сплю, вот и все. У меня нет другой медитации.

Он настоящий последователь Будды! Но ты упустишь суть, если тебе не сказать, что когда он говорит: «Когда я голоден, я ем», он ест в полной осознанности.

Фактически, человек, живущий в осознанности, и спит в осознанности.

Кришна в Гите говорит: Настоящий искатель пробужден даже тогда, когда другие спят. Когда для других ночь, для него по-прежнему день. Нечто у него внутри постоянно остается бдительным.

То, что ночь для всех остальных, не ночь для осознанного, бдительно-го, медитативного, уравновешенного, живущего в равновесии, живущего в молчании. Нечто у него глубоко внутри удерживает его пробужденным. Тело спит, ум спит, но душа всегда бдительна. Она никогда не устает, поэтому ей совсем не нужен сон. Она — сама осознанность; она состоит из осознанности.

Маленький паук, прильни к своей паутине.

Хильда и Герман проводили дома спокойный вечер. Точнее, Герман был погружен в мирное чтение книги, а Хильда была в настроении поговорить.

— Милый, — начала она, — если я умру раньше тебя, обещаешь ли ты мне сделать одну важную вещь?

— Да, — пробурчал Герман, не отрывая глаза от страницы.

— Обещай, что моя могила всегда будет зеленой.

— Не будь такой мнительной, — ответил он. — Зачем говорить о смерти? По-моему, ты выглядишь вполне здоровой.

Он снова уткнулся в книгу, совершенно погрузившись в чтение в надежде, что его больше не будут отвлекать.

— Ну да, дорогой, я чувствую себя здоровой, — прервала Хильда блаженное молчание, — но я хочу быть уверенной, что место моего последнего отдыха не будет в пренебрежении. Может быть, ты захочешь жениться снова или еще что-нибудь, и забудешь обо мне.

— Слушай, Хильда, я буду помнить тебя вечно. Прекрати делать за гробовщика его работу и дай мне почитать!

На этот раз он был вознагражден тремя минутами мира и покоя прежде чем его жена поймала нить разговора точно там, где он его оставил.

— Ужасно быть забытой собственным мужем. Думаю, это из-за того, что я так чувствительна — и так эмоциональна. Милый, ты уверен, что моя могила будет зеленой?

— Да, уверен, — буркнул он, и глаза его оставались приклеенными к странице.

— Это большое утешение. Мне только хотелось бы, чтобы ты сказал это с большим чувством... Драгоценный, ты абсолютно, на сто процентов уверен, что будешь...

— Хильда, — закричал он в раздражении, отшвыривая книгу, — твоя чертова могила будет зеленой, даже если мне придется красить ее своими руками!

Сначала мы создаем эти отношения — жена и муж... они хотят детей, возникает огромное желание иметь детей... и это продолжается без конца. Затем они хотят, чтобы женились их дети; затем они хотят, чтобы женились дети детей. Это бесконечный процесс. Они продолжают и продолжают думать, что это принесет им удовлетворение; если это не принесет им удовлетворения, то что-то другое... Вся ваша жизнь потрачена впустую.

Я не говорю не любить, не иметь жены или мужа или не иметь детей. Я говорю, что сначала нужно посмотреть на самое существенное. Сначала осознавай, будь медитативным, и если тогда ты захочешь немного развлечься, насладиться некоторым страданием, пожалуйста! Женись, заведи детей и детей детей, но не забывай осознанность, потому что только она пойдет с тобой. Только осознанность пройдет огонь смерти; все остальное останется позади.

Одно очень важно, говорит Будда: *Или оставь свои горести ради пути.*

Людам очень трудно оставить свои горести. На поверхности это выглядит неправильно. Почему люди должны колебаться прежде чем оставить свои горести ради пути?

Настоящий мастер никогда не требует никаких жертв кроме твоих горестей. Он хочет, чтобы ты отдал ему свои горести и ничего больше. Но самая трудная вещь — покинуть свои горести, потому что ты жил с ними так долго, так с ними подружился, что жить с привычными горестями кажется так уютно, так тепло — старые друзья, и бросить их... И внезапно все твои стены исчезают, и ты окажешься под открытым небом, потому что твои стены состояли из горестей. Твоя тюрьма исчезнет! — а ты жил в тюрьме так долго, столько жизней, что она стала твоим домом.

Я знаю многих заключенных. Когда их выпускают из тюрьмы, через три или четыре месяца они возвращаются; они что-то делают и попадают обратно в тюрьму. Я посещал тюрьмы и спрашивал некоторых людей, которые возвращались в тюрьмы снова и снова: «В чем дело?»

— Когда мы выходим из тюрьмы, — говорили они, — у нас такое чувство, словно мы покидаем дом! Мы жили здесь так долго, и здесь все наши друзья.

Один человек сказал:

— Здесь не только мои друзья, но и вся моя семья! Снаружи я просто незнакомец, и мною овладевает тоска по дому, и мне приходится что-то сделать и вернуться.

Если человек попадает в тюрьму, очень редко он не возвращается снова. Он вернется снова, потому что тюрьма дает ему безопасность, надежность. Тебе не нужно беспокоиться, не нужно тревожиться о завтрашнем дне. В свое время будет доставлена еда, в свое время ты ляжешь спать, в свое время тебя разбудят утром. Жизнь так дисциплинирована — как в монастыре!

Фактически, монастыри и тюрьмы мало чем отличаются, отличаются только названия. Монастыри немного жестче, вот и все! Тюрьмы немного гуманнее. Современные тюрьмы, особенно в развитых странах, значительно превосходят монастыри. Лучше быть в тюрьме, чем в монастыре.

Я слышал об одном траппистском монастыре. В него вошел человек, и аббат сказал ему:

— Помни наше правило: говорить можно только раз в шесть лет.

Шесть лет этот человек оставался в молчании, кипя внутри.

Через шесть лет аббат спросил:

— Хочешь ли ты что-нибудь сказать?

— Да. Кровать слишком жесткая. Мне нужна другая кровать.

— Хорошо, — сказал аббат. — Будет сделано. Можешь идти.

Еще через шесть лет он снова пришел, и аббат спросил его:

— Хочешь ли ты что-нибудь сказать?

— Да, — сказал он. Он был очень зол. — Люди, принесшие кровать, разбили окно, и теперь мне очень холодно.

— Хорошо, — сказал аббат, — ее починят. Иди обратно.

Еще через шесть лет он кипел внутри. Его позвали, и аббат спросил:

— Хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Он только собрался заговорить, но аббат сказал:

— Подожди! Восемнадцать лет ты жалуешься и жалуешься. Убирайся из монастыря! Ты не предназначен быть монахом. Ты хочешь мягкой и легкой жизни.

Тюрьмы гораздо лучше, в современных тюрьмах действительно стоит жить — с цветными телевизорами и всем остальным!

Человек совершенствовался с течением веков. Особенно улучшены тюрьмы. Они стали очень изошренными, культурными, цивилизованными. Это не что иное как попытка раскрасить тюрьмы, сделать их красивее. И тут внезапно приходит будда и говорит: «Выйди наружу. Оставь свои

страдания, свои горести». Ты не можешь оставить свои страдания и горести так легко.

Вот почему люди, которые покидают мир, отрекаются от мира, создают новые, собственные страдания. Если больше нет никого, кто создавал бы для тебя страдание — ни жены, ни мужа, никого, кто поддержал бы тебя в страдании, — ты создашь его сам. Люди спят на ложах из шипов... никакая жена не стелит эту постель, они сами над ней работают! Люди постыются, почти убивая себя. Никто не делает этого для них, это их собственная идея.

Аскеты суицидальны; это самоубийцы, мазохисты, извращенцы, но им поклоняются. Им поклоняются, потому что они создают собственное страдание! Вы поклоняетесь людям как святым, как махатмам, если они создают собственное страдание. Их нужно поместить в психиатрические лечебницы, их нужно лечить! Им нужна медицинская помощь. Они не махатмы, они просто мазохисты. Они отреклись от мира, но не могут отречься от страдания, поэтому они создают собственное страдание. А когда человек создает себе страдание, все вы уважаете его. Вам говорили, что это что-то потрясающее; он жертвует своей жизнью ради Бога.

Бог не садист. Он не наслаждается вашими страданиями и горестями. Не будьте глупыми, не будьте дураками! Но причина в том, что люди не могут покинуть свои страдания. Они могут отречься от золота, дворцов, денег и власти, они могут отречься от всего, но если речь идет о том, чтобы отречься от страдания, им приходится трудно, потому что страдания были с тобой так долго, что ты не знаешь никакого другого образа жизни. Единственный образ жизни, к которому ты привык, это отчаяние.

Именно поэтому ваши святые так уродливы, так печальны, так серьезны. И чем более они печальны и серьезны, тем больше им поклоняются, тем лучше подпитывается их эго. Когда их эго подпитывается, они мучают себя еще больше; вы поклоняетесь еще больше, и они мучают себя еще больше. Это становится порочным кругом.

*Оставь вчера, завтра
И сегодня.
Переплыви на другой берег,
За пределы жизни и смерти.*

Если ты действительно хочешь достичь предельного, бессмертного, безвременного, тебе придется покинуть вчера. Что прошло, то прошло навсегда. Не оглядывайся и не заглядывай вперед. Чего еще нет, того еще нет. Не высматривай завтра.

Но люди так глупы: они не только всматриваются в завтра, они думают и о жизни после смерти; они думают о небесных удовольствиях. Они наслаждаются идеей, что у них будет возможность вечно наслаждаться теми глупостями, от которых они отреклись здесь. Странная логика! Здесь они говорят: «Не пей алкоголь, это нерелигиозно». Но в бахисте, мусульман-

ском раю, реки, потоки, водопады алкоголя! Там ты можешь пить сколько хочешь, можешь плавать в алкоголе, нырять в алкоголь — и за это ничего не нужно платить!

Здесь они говорят: «Женщина это двери к Дьяволу»; особенно индуистские писания говорят: «Женщина это двери к Дьяволу». А что происходит на небесах? Красивые женщины, и они постоянно танцуют! Как эти женщины туда попали? Если это двери в ад... Должно быть, все ваши боги давно достигли ада! Здесь отрекись от женщины, и тогда ты будешь награжден красивыми женщинами на небесах. И знаете? — эти женщины никогда не стареют. В индуистском раю ничего не говорится о мужчинах, стареют они или нет, но абсолютно определенно, что женщины застревают в возрасте шестнадцати лет и не могут стать старше. Это индуистские представления: шестнадцать лет это кульминация красоты, согласно индуистским представлениям. Представления бывают разные...

В мусульманском раю доступны даже красивые мальчики, не только девочки, потому что в те времена, когда был написан Коран, был очень распространен гомосексуализм. И конечно, святые не будут довольствоваться только девочками, им нужны и красивые мальчики.

Луи Джордан, французская кинозвезда, был в Соединенных Штатах и искал хороший сценарий для следующего фильма. Случилось так, что он столкнулся с Буддом Шулбергом, американским писателем и драматургом.

— Есть новая книга, которая называется «Рано развившаяся Паула», — пустил пробный шар Шулберг. — Она даст вам одну из превосходных главных ролей.

— Никогда не слышал об этой книге, — сказал Джордан.

— Немного похоже на книгу Набокова «Лолита», — объяснил Шулберг.

— А о чем эта «Лолита»?

— Ну, откровенно говоря, она о том, как человек средних лет влюбляется в двенадцатилетнюю.

Француз посмотрел непонимающе:

— В двенадцатилетнюю кого?

Мужчина, женщина, животное — кто? У француза свои идеи. Не знаю, что происходит во французском раю — наверное, его стоит посетить! Жить не стоит, но посетить стоит. Вы увидите все виды сексуальных извращений.

Два профессора, американский и французский, обсуждали, сколько существует поз для любви.

Француз сказал сто двенадцать, а американец — сто тринадцать.

Француз сказал:

— Вы меня удивляете, потому что мы, французы, в этом эксперты. Начните перечислять мне эти сто тринадцать поз.

Американец сказал:

— Первая: женщина лежит на спине, а мужчина на ней.

— Подождите! Правильно, всего сто тринадцать поз. Я никогда не думал об этой!

Наверное стоит посетить французский рай! Не говорю уже о французском аду! Может быть, там даже стоит жить! Ты найдешь там прекрасное общество, и сюрпризы будут ждать тебя на каждом шагу.

И это те люди... во всем мире они думали о тех же радостях, но в гораздо большем объеме — о тех же радостях, которые они осуждают здесь! Это не отречение; это просто подавление.

Настоящее отречение приходит из понимания. Это вообще не отречение. Настоящее отречение это вообще не отречение, это чистое понимание. Ты видишь суть, и все, что глупо и ложно, исчезает, и ты начинаешь жить обычной жизнью с большей осознанностью.

Покинь вчера, покинь завтра, покинь сегодня. Будда говорит: Покинь время — прошлое, будущее, настоящее, покинь все. Забудь о времени; именно таким путем можно войти в безвременное пространство у себя внутри. Это медитация. *Переплыви на другой берег, за пределы жизни и смерти.*

Беспокоят ли тебя твои мысли?

Если они тебя беспокоят, значит срочно что-то необходимо. Если тебя беспокоят мысли, это значит, что ты пока не смог разотождествиться с умом.

Беспокоит ли тебя страсть?

Если тебя беспокоит страсть, это значит, что ты все еще отождествляешься с телом. Ты думаешь: «Я — тело», и тогда тебя беспокоит страсть. Если ты думаешь: «Я — ум», тебя беспокоят мысли.

Остерегайся жажды...

Слово «жажда» это перевод буддистского слова *танха*. У танхи гораздо больше измерений, чем у жажды; жажда это буквальный перевод. Танха значит желание, желание большего, бесконечное желание, нескончаемое желание. Чем больше ты получаешь, тем больше хочешь. Это только подливает масла в огонь. Это называется танха, и танха — основная причина твоего страдания.

Остерегайся жажды, чтобы твои желания не стали стремлениями... Остерегайся, потому что стремления не возникают внезапно. Сначала это пожелания, затем постепенно они конденсируются и становятся стремлениями. А когда они стали стремлениями, очень трудно осознать; осоз-

навать легче, когда они просто пожелания. Уничтожь семя, чтобы не пришлось рубить целое дерево; это будет ненужная работа.

*Пока твои пожелания не стали стремлениями,
И стремление не сковало тебя.*

Стремление это наша тюрьма. Человек, который ничего не хочет, который абсолютно удовлетворен такой как он есть, свободен от всех оков. Он достиг предельной свободы, нирваны — а это цель жизни. Только достигнув этой свободы, ты узнаешь значительность бытия, песню бытия, празднование бытия. Твоя жизнь станет постоянным блаженством, и не только ты будешь блажен, но и другие будут блаженны. Все существование будет благословлено тобой, твоим присутствием.

На сегодня достаточно.

Глава 4

Трансценденция — истинная терапия

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Ты говоришь о психологии будд, психологии трансценденции как о
существовании происходящей здесь, в поле будды, работы. В чем уни-
кальность этой третьей психологии? Есть ли психотерапия
трансценденции?*

Амитабх,
Зигмунд Фрейд представил миру психоанализ. Оно укоренено в анализе
ума. Он прикован к уму. Он не выходит из ума ни на дюйм. Напротив, он
углубляется в ум, в скрытые слои ума, в бессознательное, чтобы найти
способы и средства сделать ум по крайней мере нормальным. Цель фрей-
дистской психологии не слишком велика.

Цель в том, чтобы удерживать людей нормальными. Но нормальности
недостаточно. В том, чтобы просто быть нормальным, нет никакой зна-
чимости. Нормальность означает обычную рутину жизни и твою способ-
ность с нею справляться. Это не придает тебе смысла, это не придает тебе
значимости. Это не дает тебе прозрения в природу вещей. Это не выводит
тебя за пределы времени, за пределы смерти. Самое большее, это полезное
средство для тех, кто стал ненормальным и неспособен справляться со сво-
ей повседневной жизнью — они не могут жить с людьми, не могут рабо-
тать, они разбиты. Психотерапия придает им некоторую собранность —
не целостность, имей в виду, но некоторую собранность. Она связывает их
в пучок. Они по-прежнему остаются фрагментарными. В них ничто не
кристаллизуется, не рождается никакой души. Они не становятся блажен-
ными, они только менее несчастны, им не так больно.

Психология помогает им принять свое страдание. Она помогает им
принять, что это то, что может дать им жизнь, чтобы они не просили

большого. В определенном смысле это опасно для их внутреннего роста,
потому что внутренний рост случается лишь тогда, когда есть божествен-
ная неудовлетворенность. Когда ты абсолютно неудовлетворен тем, как
есть — лишь тогда ты отправляешься на поиски, лишь тогда ты начинаешь
подниматься выше, лишь тогда ты совершаешь усилия, чтобы вытянуть
себя из грязи.

Юнг проник в бессознательное немного глубже. Он вошел в коллек-
тивное бессознательное. Это значит нырять глубже в грязную воду, это не
поможет.

Ассагиоли подошел к другой крайности. Видя поражение психоанали-
за, он изобрел психосинтез. Но он укоренен в той же идее. Вместо анализа
он делает ударение на синтезе.

Психология будд это не анализ и не синтез; это трансценденция, это
выход за пределы ума. Это не работа внутри ума, это работа, которая вы-
водит тебя за пределы ума. В точности таково значение английского слова
«экстаз» — стоять снаружи.

Когда ты способен стоять снаружи собственного ума, когда ты спосо-
бен создать дистанцию между умом и твоим существом, тогда ты совер-
шил первый шаг психологии будд. И случается чудо: когда ты стоишь сна-
ружи ума, все проблемы ума исчезают, потому что исчезает сам ум; он те-
ряет свою хватку.

Психоанализ похож на подстригание листьев дерева. Но вырастут но-
вые листья. Он не обрубают корни. Психосинтез снова лепит на дерево
упавшие листья — приклеивает к дереву. Это тоже не даст им жизни. Это
просто будет выглядеть уродливо; они не будут живыми, они не будут зе-
леными, они не будут частью дерева — но как-то будут держаться.

Психология будд обрубают сами корни дерева, которое создает все ви-
ды неврозов, психозов, которое создает фрагментарного человека, меха-
нического человека, машиноподобного человека. И путь прост...

На психоанализ уходят годы, и все же человек остается прежним. Он
обновляет старые структуры, штопает дырки, покрывает старый дом но-
вой штукатуркой. Но это один и тот же дом, ничего не изменилось ради-
кально. Это не трансформировало сознание человека.

Психология будд не работает внутри ума. Она не интересуется ни ана-
лизом, ни синтезом. Она просто помогает тебе выйти из ума, чтобы ты
мог посмотреть снаружи. И сам этот взгляд и есть трансформация. В то
мгновение, когда ты можешь смотреть на ум как на объект, ты отсоединя-
ешься от него, разотождествляешься с ним; создано расстояние, корни об-
рублены.

Почему таким образом обрубаются корни? — потому что именно ты
продолжаешь кормить ум. Если ты отождествлен, ты продолжаешь кор-
мить ум; если ты не отождествлен, ты прекращаешь его кормить. Он пада-
ет замертво сам собой.

Есть прекрасная история. Я очень люблю ее...

Однажды Будда шел по лесу. Был очень жаркий летний день, и он испытывал сильную жажду. Он сказал Ананде, своему главному ученику:

— Ананда, вернись. Три или четыре мили назад мы пересекли небольшой ручей. Принеси немного воды — возьми мою чашу для подаяния. Мне очень хочется пить, и я устал.

Он старел.

Ананда вернулся назад, но к тому времени как он достиг ручья через него проехало несколько воловьих упряжек, и они замутили воду. Мертвые листья, опустившиеся на дно, всплыли; пить эту воду было нельзя — она была слишком грязная. Он вернулся с пустыми руками и сказал:

— Тебе придется немного подождать. Я пойду вперед. Я слышал, что всего через две или три мили будет большая река. Я принесу воды из нее.

Но Будда настаивал. Он сказал:

— Пойди обратно и принеси воды из того самого ручья.

Ананда не мог понять этой настойчивости, но если мастер говорит, ученик должен следовать. Видя всю абсурдность этого — снова он пройдет три, четыре мили, зная, что воду не стоит пить — он пошел.

Когда он уходил, Будда сказал:

— И не возвращайся, пока вода будет грязной. Если она грязна, просто молча сядь на берегу. Ничего не делай, не входи в ручей. Сядь на берег молча и наблюдай. Рано или поздно она снова станет прозрачной, и ты наполнишь чашу и сможешь вернуться.

Ананда пришел на место. Будда оказался прав: вода почти чистая, листья уплыли, пыль осела. Но она еще не была абсолютно чиста, и он сел на берегу, наблюдая, как мимо течет река. Мало-помалу она стала кристально чистой. Тогда он вернулся, танцуя. Он понял, почему Будда так настаивал. В этом было определенное послание для него, и он понял послание. Он отдал воду Будде, поблагодарил Будду и коснулся его ног.

— Что ты делаешь? — спросил Будда. — Это я должен тебя поблагодарить, потому что ты принес мне воды.

— Теперь я понимаю, — сказал Ананда. — Сначала я разозлился; я этого не показал, но я разозлился, потому что было так абсурдно идти обратно. Но теперь я понимаю послание. Именно это мне действительно было нужно в это мгновение. Так же и с моим умом — сидя на берегу этой маленькой речки, я осознал, что так же и с моим умом. Если я прыгну в ручей, я снова подниму грязь. Если я прыгаю в ум, это создает больше шума, и появляется, всплывает на поверхность больше проблем. Сидя на берегу, я изучил технику.

Теперь я буду сидеть на берегу своего ума, наблюдая всю его грязь, проблемы и старые листья, обиды и раны, воспоминания, желания. Беззаботно я буду сидеть на берегу и ждать мгновения, когда все станет прозрачным.

Это случается само собой, потому что в то мгновение, когда ты сидишь на берегу своего ума, ты больше не даешь ему энергии. Это настоящая медитация. Медитация это искусство трансценденции.

Фрейд говорит об анализе, Ассагиоли — о синтезе. Будды всегда говорили о медитации, осознанности.

Ты спрашиваешь меня, Амиабх: «В чем уникальность этой третьей психологии?»

Медитация, осознанность, наблюдательность, свидетельство — вот в чем уникальность. Не нужен никакой психоаналитик. Ты можешь делать это сам; фактически, ты и должен делать это сам. Не нужно никаких указаний, это такой простой процесс — простой, если ты его понимаешь; если ты его не понимаешь, он выглядит очень сложным. Даже слово «медитация» пугает многих людей. Они думают, что это что-то трудное, тяжелое. Да, если ты этого не делаешь, это очень трудно, тяжело. Это как плавание. Это очень трудно, если ты не умеешь плавать, но если умеешь, это очень простой процесс. Нет ничего проще плавания. Это совершенно не искусство; оно так спонтанно и так естественно.

Осознавай лучше свой ум. И осознавая свой ум, ты будешь более осознавать тот факт, что ты не ум, и это начало революции. Ты начал течь выше и выше. Ты больше не привязан к уму. Ум действует как камень у тебя на шее. Он удерживает тебя в поле гравитации. В то мгновение, когда ты больше не привязан к уму, ты входишь в поле будды. Когда гравитация теряет свою власть над тобой, ты входишь в поле будды. Войти в поле будды значит войти в мир левитации. Ты начинаешь течь вверх. Ум продолжает тянуть тебя вниз.

Поэтому вопрос не в анализе или синтезе. Вопрос просто в том, чтобы начать осознавать. Именно поэтому на Востоке мы не развивали психотерапий подобных фрейдистской, юнгианской или адлерианской — сейчас на рынке их много. Мы не развили ни единой психотерапии, потому что знаем, что психотерапии не могут исцелять. Они могут помочь тебе принять свою рану, но не могут ее исцелить. Исцеление приходит, когда ты больше не привязан к уму. Когда ты отсоединен от ума, неотожествлен, абсолютно непривязан, когда в оковах покончено, случается исцеление.

Трансценденция это истинная терапия, и не только психотерапия. Это не просто явление, привязанное к твоей психологии, это гораздо большее. Она духовна. Она исцеляет само твое существо. Ум это лишь периферия, не центр.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я чувствую, что прыгнул в океан, ничего не зная о его водах. Я смотрю на Тебя как на спасателя. Я боюсь, потому что плаваю

ужасно плохо, а нас здесь так много, что Ты не увидишь и не узнаешь, когда я утону.

Все мое усилие здесь в том, чтобы помочь тебе утонуть, потому что в то мгновение, когда исчезаешь ты, появляется Бог. Утонуть значит достичь другого берега.

Да, ты права, Мрадула. Если бы я пытался переправить каждого на другой берег, это было бы действительно трудно: один спасатель и сто тысяч человек, которых нужно переправить на другой берег. Это было очень утомительно и действительно невозможно, неосуществимо. Тогда, скорее всего, вы утопили бы спасателя!

Но вот красота моей работы: вопрос не в том, чтобы переправиться на другой берег. Если ты тонешь, тем самым ты оказываешься на другом берегу. Поэтому мне не нужно помнить каждого, его имя, лицо — мне не нужно обо всем этом беспокоиться. Вся моя забота в том, чтобы столкнуть тебя в воду, а об остальном позаботится вода. И океан действительно глубокий, и совершенно невозможно, чтобы кто-то его переплыл — поэтому хороший ты пловец или нет, это совершенно неважно. Если ты плаваешь ужасно плохо, тем лучше, потому что ты утонешь быстрее других! Тем, кто останется наплаву немного дольше, придется дольше страдать, потому что они будут спасать себя.

Здесь есть люди, которые хорошие пловцы, но они несчастны. Действительно повезло тем, кто не знает даже азов плавания, и когда я их толкаю, они в то же мгновение скрываются под водой! Это способ достичь другого берега — потому что тонет только эго; ты не можешь утонуть. Умирает только эго; ты не можешь умереть. Ты никогда не рождалась и никогда не умрешь. Ни один океан не может тебя разрушить. Никакая сила не может тебя разрушить. Никакой огонь не может тебя поглотить. Именно поэтому я толкаю тебя без всякого беспокойства — умеешь ли ты плавать или нет, сможешь ты достичь другого берега или нет. Я говорю о другом берегу лишь для того, чтобы убедить тебя прыгнуть в океан. Как только ты прыгаешь, я полностью забываю о тебе! Я должен убедить и других!

Поэтому, Мрадула, не волнуйся. Тебе повезло, что ты не хороший пловец. Вскоре ты утонешь. И то мгновение, когда тебя не станет, будет величайшим мгновением в твоей жизни, потому что сама эта смерть есть восхождение.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Что Ты подразумеваешь под тем, чтобы что-то понять в медитации? Как человек к этому подходит, какая его часть участвует в этом понимании?

Нигель,

Медитация и понимание синонимичны. Поэтому когда я говорю: «Поймите медитацию», я просто говорю быть молчаливыми, тихими, спокойными и видеть. Ты не должен делать больше ничего, тебе просто нужно быть молчаливым, спокойным и холодным и видеть. И понимание возникает само собой. В аромате твоего молчания.

Непонимание возникает, потому что твой ум очень затуманенный и шумный. Ум никогда не позволяет тебе видеть то, что есть, никогда не позволяет слышать то, что тебе говорят. Будды приходят и уходят, но вы остаетесь прежними. Да, вы становитесь христианами, вы становитесь буддистами, вы становитесь индуистами, но не меняетесь. Это ваши стратегии избежать перемен, избежать пробужденных.

Ты спрашиваешь меня: «Что ты подразумеваешь под тем, чтобы что-то понять в медитации»? Это небольшая проблема. Медитация и есть понимание. Ты пытаешься уяснить это интеллектуально, а это невозможно. Ты пытаешься думать об этом, понять, что это такое. Любое заключение, к которому ты придешь, будет ложным.

Вопрос не в том, чтобы думать, что под этим подразумевается. Это нечто такое, что должно быть пережито.

Ты говоришь: «Как человек к этому приходит?..»

Человек к этому вообще не приходит, иначе он будет приходить и приходить. Слово «к» подразумевает вокруг да около, ты будешь ходить вокруг да около — кругами. Не делай это интеллектуальным вопросом; это экзистенциальный подход. Само слово «понимание» завело тебя в тупик, потому что «пониманием» мы всегда считаем «интеллектуальное понимание». Это не так. Нет ничего подобного интеллектуальному пониманию. Интеллектуальное понимание ложно. Это непонимание, притворяющееся пониманием. Слово «понимать⁶» красиво.

Когда ты в медитации, все стоит⁷ под⁸ тобой, ты сверху. Вот смысл понимания. Все глубоко внизу, под тобой, и ты видишь... как взгляд с высоты птичьего полета. С этой высоты тебе видно целое. Интеллект не может его увидеть; он на том же уровне. Понимание происходит только когда проблема на одном уровне, а ты на более высоком уровне. Если ты на том же самом уровне, понимание невозможно. Возможно только недоразумение. И это одна из величайших проблем, с которыми сталкивается каждый искатель.

⁶ Understand.

⁷ ...stand...

⁸ ...under...

Иисус снова и снова говорит ученикам: «Имеющие уши да услышат, имеющие глаза да увидят». Он не говорил со слепыми или глухими, он говорил с такими же людьми как вы. Но почему он продолжает настаивать? — по той простой причине, что слышание это не слушание, видение это не настоящее видение. Ты видишь одно, а понимаешь что-то другое. Ум немедленно искажает. Ум перевернут вверх ногами. Он все перемешивает. Он в замешательстве, и ты смотришь сквозь это замешательство, и в замешательстве кажется весь мир.

Старый Наджент любил так своего кота Томми, что попытался научить его говорить.

— Если я могу сделать так, чтобы Томми со мной беседовал, — рассуждал он, — меня вообще не будут интересовать обычные люди.

Сначала он испробовал диету из консервированного лосося, потом из канареек. Томми это понравилось — но говорить он не научился. Тогда однажды Наджент приготовил в масле двух чрезвычайно красноречивых попугаев и подал Томми с аспарагусом и картофелем фри. Томми вылизал тарелку дочиста, и тогда — чудо из чудес — внезапно обернулся к хозяину и закричал:

— Берегись!

Наджент не двинулся с места. Потолок обрушился и погреб старика под обломками. Томми покачал головой и сказал:

— Восемь лет этот тупица потратил, чтобы научить меня говорить, а теперь не слушает!

Ты проходишь тысячи миль, чтобы послушать мастера, а теперь «этот тупица не слушает».

Ум не может, невозможно, чтобы ум слушал; он не в состоянии восприимчивости. Ум агрессивен, он прыгает к заключениям так быстро, так скоро, что упускает всю суть. Фактически, он уже заключил и просто ждет, чтобы его заключение оказалось правильным.

Нигель, пожалуйста, не пытайся понять; лучше попытайся медитировать. Наверное, ты здесь недавно. Танцуй, пой, медитируй, и пусть ум немного успокоится. Пусть этот поток ума, полный мертвых листьев и грязи, немного осядет. Пусть он станет чистым и ясным, прозрачно ясным; лишь тогда ты сможешь понять, что я говорю. Тогда это так просто. Я не высказываю очень сложной философии — это совсем не философия — я просто указываю на определенные истины, которые пережил и ты можешь пережить в любое мгновение, когда решишь переживать. Но это должно быть путешествием.

Ты говоришь: «Как человек к этому приходит и какая часть его вовлечена в это понимание?»

Вопрос не в том, какая часть вовлечена в это понимание. Вовлечена твоя тотальность.

Медитация не от тела, не от ума, не от души. Медитация просто значит, что тело, ум, душа действуют в такой гармонии, в такой целостности, в таком красивом созвучии; они — мелодия... одно. Твое существо — тело, ум, душа — все вовлечено в медитацию. Именно поэтому здесь я пытаюсь начинать каждую медитацию с тела. Это нечто новое.

В древности люди пытались начинать медитацию непосредственно с глубочайшего ядра. Это трудный процесс. Ты ничего не знаешь о своем внутреннем центре; как ты можешь начать путешествие с места, в котором ты никогда не был? Ты можешь начать путешествие только оттуда, где ты уже есть. Ты в теле, поэтому я настаиваю на танце, пении, дыхании — чтобы ты мог начать с тела. Когда тело начинает становиться медитативным... Пусть тебя не озадачивает слово «медитативный» в применении к телу. Да, тело становится медитативным. Когда оно в глубоком танце, когда оно действует красиво, без разделения, как целое, в нем есть медитативное качество, определенная грация, красота.

Затем двигайся вовнутрь, затем начни наблюдать ум. Ум начинает успокаиваться. А когда ум успокоился и стал одним с телом, обратись к центру — разворот на сто восемьдесят градусов — и на тебя низойдет великий мир. Он будет пульсировать в тебе от души до тела, от тела до души. В этой пульсации ты будешь единым.

Поэтому не спрашивай, какая часть человека вовлечена в понимание. Вовлечена твоя тотальность. И лишь когда вовлечена тотальность, есть понимание. Твое тело это знает, твоя душа это знает. Тогда ты начинаешь действовать в унисон, в единстве. Иначе тело говорит одно, ум другое, а душа идет своим путем. Ты всегда движешься одновременно в разных направлениях. Твое тело голодно, ум полон похоти, а ты пытаешься быть медитативным. Вот почему я не за то, чтобы поститься — если это не делается в целях здоровья, понижения веса, или, может быть, иногда в качестве очистки, чтобы желудок один день отдохнул, чтобы устроить выходной всей пищеварительной системе. Она постоянно работает и работает — она тоже устает.

Сейчас ученые говорят, что даже машины устают. Это называют усталость металлов — почти ментальная усталость. Даже металлу нужен отдых, а твой желудок не железный, помни. И даже не пластмассовый. Он состоит из хрупкого материала, очень хрупкого. Но работает всю жизнь. Хорошо иногда устраивать ему выходной. Даже Бог отдыхал один день — после шести дней работы он один день отдыхал. Даже Бог устает.

Поэтому иногда просто по доброте к бедному желудку, который постоянно на тебя работает, поститься хорошо. Но я этого не предлагаю — это не поможет в медитации. Когда ты голоден, твое тело хочет подойти к холодильнику.

Я против подавления секса, потому что если ты подавляешь секс, каждый раз, когда ты сидишь в молчании, ум начнет фантазировать о сексе. Когда ты занят другим, ум продолжает фантазировать «подпольно», но когда ты ничего не делаешь, это выходит на свет. Он начинает требовать,

он создает красивые фантазии: тебя окружают соблазнительные красотки. Как ты можешь медитировать?

Фактически, старые традиции создали все возможные препятствия к медитации а потом сказали: «Медитация очень трудна». Медитация не трудна; медитация это простой процесс, естественный процесс. Но создавая ненужные барьеры, тем самым ты устраиваешь себе бег с препятствиями. Ты создаешь препятствия: кладешь камни на пути... вешаешь камни себе на шею, сковываешь цепями, сажаешь в тюрьму, запираешь внутри и выбрасываешь ключ наружу... Тогда, конечно, медитация становится более и более трудной, более и более невозможной.

Мое усилие здесь в том, чтобы сделать медитацию естественным явлением. Дай телу то, что нужно телу, дай уму то, что нужно уму. Тогда ты будешь удивлен, они станут очень дружелюбными. И когда ты скажешь телу: «А теперь позволь мне час сидеть в молчании», тело скажет: «Ладно. Ты столько сделал для меня, ты меня так уважал, и это самое меньшее, я могу для тебя сделать».

И когда ты говоришь уму: «Пожалуйста, оставайся молчаливым несколько минут. Дай мне немного отдыха», ум тебя поймет. Если ты не подавлял, если ты чтил ум, уважал ум, если ты не осуждал его, тогда ум тоже станет молчаливым.

Я говорю это из собственного опыта. Уважай тело, уважай ум, чтобы они уважали тебя. Создай дружелюбие. Они твои; не противоречь. Все старые традиции учат тебя идти против тела и ума; они создают враждебность, и из этой враждебности ты не можешь двигаться в медитацию. Тогда ум будет больше тебя беспокоить во время медитации, чем в любое другое время. Тогда тело станет беспокойным — более в медитации, чем в любое другое время. Оно отомстит, оно не позволит тебе сидеть в молчании. Оно создает тебе множество проблем.

Если ты попытаешься сидеть в молчании хотя бы несколько минут, ты узнаешь. Начнут происходить воображаемые вещи. Ты будешь думать, что у тебя по ноге ползет муравей, а когда помотришь, то увидишь, что никакого муравья нет. Странно... Сидя с закрытыми глазами, ты был абсолютно уверен, что муравей полз, выше, выше, выше... а когда ты открыл глаза, то увидел, что нет ни муравья, ни чего-то другого. Просто тело играло с тобой трюки. Ты играл трюки с телом. Много раз ты обманывал тело, и тело обманывает тебя. Когда тело хочет спать, ты заставляешь его сидеть в кино. Тело говорит: «Ладно. Когда представится возможность, я об этом позабочусь». Поэтому когда ты сидишь в медитации, тело начинает создавать тебе проблемы. Внезапно ты начинаешь чувствовать, что чешется спина... ты удивлен, потому что обычно этого не случалось.

Одна женщина принесла мне пластмассовую руку с батареей, чтобы чесать спину. Я сказал:

— Почему ты мне это принесла?

— Наверное, ты сидишь в медитации... — сказала она. — Когда я сижу в медитации, начинается проблема со спиной... Я чувствую, что мне так

хочется почесать спину, а я не могу дотянуться. Поэтому я купила эту руку. Это так удобно! Только включи ее и чеши где хочешь. Поэтому я подумала, что ты, должно быть, сидишь в медитации... тебе это пригодится!

Я сказал:

— Я никогда не сижу в медитации. Я в медитации, поэтому мне не нужно сидеть. Что бы я ни делал, я в медитации. Если у меня чешется спина, я чешу ее медитативно. Что плохого в том, чтобы почесать собственную спину? Ты не чешешь спину кого-то другого.

Просто позаботься о теле, и тело оплатит сторицей. Позаботься об уме, и ум будет полезен. Создай дружбу, и медитация придет легко. Вместо того, чтобы пытаться понять... потому что до медитации понимание невозможно, возможно лишь непонимание.

Однажды вечером человек зашел в бар и сел у стойки, чтобы выпить пива. Пока он был занят разговором со стоящим рядом человеком, по одному из столов спустилась обезьяна, остановилась у его стакана и написала в его пиво.

Человек заметил это слишком поздно.

— Эй! — воскликнул он. — Видели? Обезьяна написала в мое пиво!

— Ну, я ничего не могу вам помочь, — сказал сосед. — Скажите владельцу бара — он здесь хозяин.

Человек позвонил владельцу бара.

— Эй! — сказал он. — Знаете ли вы, что пока я говорил вот с этим джентльменом, ко мне подошла обезьяна и написала в мое пиво?

— Я здесь не при чем, — сказал владелец. — Пойдите и скажите это вон тому пианисту — это его обезьяна!

Человек подошел к нему со своей пивной кружкой, хлопнул пианиста по плечу и сказал:

— Эй, знаете ли вы, обезьяна только что написала в мое пиво?

— Нет, — сказал пианист, — но если вы напоете слова, я сыграю.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Разве это не часть божественной игры? Кто я, чтобы его отбросить?

Ведант Бхарти...

Пожалуйста, не отбрасывай его!

Почтенный старый раввин, известный всей округе своей мудростью, лежал в коме при смерти. На другой стороне кровати столпились его самые преданные ученики.

— Реббеню, — взмолился представитель скорбящих, — пожалуйста, не покидай нас без последнего слова мудрости. Поговори с нами в последний раз, дорогой раввин.

Несколько секунд ответа не было, и плачущие посетители боялись, что он уже отбыл на свой заслуженный отдых. Но внезапно губы раввина шевельнулись. Они склонились над ним, чтобы услышать его последние слова.

— Жизнь это чашка чая, — прошептал он слабым голосом.

Ученики в замешательстве переглянулись. Что он имеет в виду? Какой секрет жизни скрыт в этом мистическом утверждении? Битых полчаса они обменивались мнениями, анализировали предложение со всех воображаемых точек зрения, но не смогли расшифровать глубокого смысла.

— Мы должны его спросить, пока не слишком поздно, — сказал их лидер.

Снова он склонился над тихой фигурой почтенного мудреца.

— Раввин, раввин, — позвал он настойчиво, — мы умоляем объяснить.

Почему жизнь это чашка чая?

С последней искрой энергии раввин всплеснул руками и каркнул:

— Ну ладно, жизнь это не чашка чая!

Ведант Бхарти, ты говоришь: «Разве это не часть божественной игры? Кто я, чтобы его отбросить?»

Если ты наслаждаешься божественной игрой, пожалуйста, не отбрасывай его. И есть еще одна опасность: кто-то может его подобрать. Лучше иметь свое. Одного более чем достаточно; если ты его отбросишь, у кого-то будет два.

Понимаешь ли ты, что подразумевается под божественной игрой? Если понимаешь, где это? Если ты понимаешь, что все это божественная игра, это исчезло. Это существует только если ты принимаешь жизнь всерьез. Это это очень серьезное явление — ложное, но серьезное. Если жизнь это божественная игра, если ты пришел к этой великой мудрости, тогда где это? Тогда ты просто играешь роль, не нужно с нею отождествляться. Ты только играешь. Тебе не нужно становиться этой игрой. Это просто означает, что ты отождествился со своей ролью настолько, что забыл, что ты от нее отделен, забыл, что ты сознание. Ты потерялся в самой игре, ты стал ею — вот что такое это.

Это это не нечто такое, что ты должен отбросить. Это это только непонимание. Ты не отбрасываешь непонимания, ты просто понимаешь, и непонимания больше нет. Ты не отбрасываешь тьму, ты просто приносишь в нее свет, и ее больше не найти. Ты не приносишь свет, потому неловишь темноту за руку и не выбрасываешь ее из дома — в этом нет необходимости. Если ты действительно осознаешь, что это божественная игра, это означает, что свет принесен. Тогда ты не можешь спросить второе.

Если это твое понимание — жизнь это божественная игра, ты не можешь спросить: «Кто я, чтобы его отбросить?» Тогда тебя нет, ты исчезаешь. Тогда не отбрасывающего и нет отбрасываемого.

Но первая часть твоего вопроса не является твоим пониманием. Поэтому пожалуйста, если ты его отбросил, возьми его обратно, потому что есть столько глупых людей, и кто-то может его подобрать.

Взбешенная мать притащила к врачу своего девятилетнего сына и спросила:

— Может ли девятилетний ребенок провести операцию на аппендикс?

Врач рявкнул нетерпеливо:

— Конечно, нет!

Мать сказала ребенку:

— Слышишь, я права! Верни его на место!

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Когда я слушаю Тебя, возникает желание осознанности; но разве это желание не противоположно осознанности?

Прем Сундерам,

Если слушаю меня, ты испытываешь желание осознанности, ты упустил суть. Слушая меня, ты станешь осознанным. Если ты слушаешь правильно, осознанность случится в слушании. Если ты не слушаешь, возникнет желание быть осознанным. Желание означает, что завтра ты будешь осознанным — ты хочешь быть осознанным завтра. Если ты действительно слушаешь меня, кто заботит о завтра? Это мгновение есть все, что есть, — ты осознан.

Увидь прямо сейчас...

Вот осознанность: птицы чирикают, молчание, три тысячи человек потеряны в органическом, океаническом единстве, как будто никого нет. Это осознанность, и ее вкус трансформирует тебя. И тогда ты можешь быть осознанным везде, где бы ни захотел. Это нечто, что в тебе происходит. Слушать меня это только средство.

Я не проповедую; это только медитативное средство. Точно как вы делаете другие медитации, вы делаете и эту, в которой участвую я вместе с вами, чтобы ваши умы могли вовлечься в меня, чтобы ваши сердца могли проскользнуть глубоко ваш собственный центр.

Сундерам, если возникает желание медитации, осознанности, ты упустил всю суть, потому что желание это преграда. Либо осознавай прямо сейчас — сейчас или никогда! Ты не можешь говорить: «Завтра...» В то мгновение, когда ты сказал завтра, ты отложил это навсегда.

Да, желание противоположно осознанности. Слушая меня, пойми, что желание противоположно осознанности. Отсутствие желаний есть осознанность. Видя, что отсутствие желаний есть осознанность, как ты мо-

жешь желать осознанности? Когда, сидя со мною каждое утро, ты становишься молчаливым, что происходит? Нет желания быть молчаливым — вот что происходит. Поскольку нет желания быть молчаливым, ты просто молчалив, и тогда это молчание продолжает окружать тебя целый день.

А если ты видишь суть, не нужно никакой особенной ситуации для того, чтобы быть осознанным. Ты можешь быть осознанным везде. На самой рыночной площади внезапно ты становишься осознанным. Вопрос не в желании; ты становишься осознанным внезапно. В любое мгновение немного встряхни, разбуди себя.

Два пьяных катались на американских горках, и один из них повернулся к другому и сказал:

— Мы отлично проводим время, но у меня такое чувство, что мы сели не в том автобус.

Если ты откладываешь на завтра, ты сел не в тот автобус; ты бессознателен.

Полицейский выступал в суде как свидетель по делу Макса Леба, арестованного за появление на публике в пьяном виде.

— Откуда вы знаете, что подзащитный был опьянен? — спросил адвокат.

— В этом нет никаких сомнений, — сказал офицер. — Когда я его увидел, он бросал монету в автомат по оплате парковки. Затем он посмотрел вверх на большие часы Сити Холла и простонал:

— Боже мой, я выиграл одиннадцать фунтов!

Лишь немного сознания... А это может случиться прямо сейчас. Бог знает лишь одно время, сейчас, и лишь одно место — здесь. Он не знает ни прошлого, ни будущего, он знает только настоящее. Если ты хочешь иметь какую-то связь с реальностью, тебе придется осознать прямо сейчас.

Жена: Как тебе удалось ударить телеграфный столб?

Пьяный: Это была самозащита.

Просто понаблюдай свою жизнь, что ты делаешь с собой.

Пожарный вытаскивал пьяного из горящей постели.

— Дурак! — кричал он, — это научит тебя курить в постели!

Пьяный ответил:

— Я не курил в постели — когда я лег, она уже горела.

Встряхнись. Не говори «завтра». Когда бы ты ни вспомнил, когда бы ты ни вспомнил меня, когда бы ты ни вспомнил Будду, когда бы ты ни вспомнил Иисуса, просто встряхнись. Проснись! Оглянись вокруг — люди, деревья, птицы. Будь молчалив, доступен существованию, в глубоком

разрешении... и осознанность, мало-помалу, будет проникать в тебя глубже и глубже.

Мулла Насреддин говорил мне:

— Я чувствительный тип — поэт. Когда я вижу красивую женщину, мне хочется заплакать... или написать стихотворение... или наброситься на нее! Я был на вечеринке в гостинице и встретил действительно потрясающую девушку, и мы пили шампанское. Мне удалось завлечь ее в свою комнату. Я запер дверь и снял очки. И я подмигнул — и она подмигнула. Я снял рубашку — и она сняла рубашку. Я снял штаны... и она сняла штаны — и я прыгнул на нее. Тогда я осознал, что смотрел в зеркало. Я вынимал стекло из ног много недель. Должен сказать, из всех, кто у меня был, я был самый лучший!

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Ты антисемит?*

Левин, я? Антисемит? Наверное, ты сумасшедший!

Луи Фельдман — коммивояжер — сел в последний поезд на Гранд Централ Стэйшн, но в спешке забыл упаковать свой туалетный набор. На следующей утро он поднялся с первой зарей и прошел в уборную в конце вагона. Он подошел к свободной раковине.

— Извините, — обратился Луи к человеку, склонившемуся над соседней раковиной, — вчера я забыл упаковать свои вещи. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим мылом?

Незнакомец вопросительно поглядел на него, и после некоторого колебания сказал:

— Ладно, пожалуйста, берите.

Луи пробормотал слова благодарности, умылся и снова повернулся к этому человеку.

— Не возражаете, если я возьму ваше полотенце?

— Нет, думаю, нет.

Луи вытерся, бросил мокрое полотенце на пол и изучил свое лицо в зеркале.

— Мне не мешало бы побриться, — заметил он. — Ничего, если я воспользуюсь вашей бритвой?

— Конечно, — ответил незнакомец любезно.

— А как вы относитесь к крему для бритья?

Без слов незнакомец передал Луи свой крем для бритья.

— А у вас есть свежее лезвие? Ненавижу бриться лезвием, которое уже кто-то использовал. Знаете ли, получается не очень тщательно.

Луи дали свежее лезвие. Он окончил бритье и снова обернулся к незнакомцу:

— А нет ли у вас под рукой расчески?

Терпение человек раскалилось до опасного предела, но ему удалось улыбнуться и дать Луи свою расческу.

Луи пристально изучил ее.

— Вам стоило бы мыть ее почаще, — наставительно изрек он, подставляя ее под струю воды. Затем он расчесался и снова обратился к своему благодетелю, рот которого теперь растянулся в тонкую тугую линию.

— А теперь, если не возражаете, мне нужно немного талька, лосьона после бритья, а также паста и зубная щетка.

— Боже правый, никогда в жизни не видел такого нахальства! — зарычал разъяренный незнакомец. — Черт возьми, нет! Никто в мире не может чистить зубы моей щеткой!

Он швырнул свои принадлежности в кожаный чехол и побрел прочь, бормоча:

— Пора, наконец, и честь знать!

— Антисемит! — крикнул Луи.

На сегодня достаточно.

Глава 5

Будда — первое право от рождения

Успокой ум.

Отражай.

Наблюдай.

Ничто не сковывает тебя.

Ты свободен.

Ты силен.

Ты подошел к концу.

Освободись от страсти и желания.

Ты вырвал шипы из стебля.

Это твое последнее тело.

Ты мудр.

Ты свободен от желания

И ты понимаешь слова

И швы между словами.

И ты ничего не хочешь.

«Победа за мной,

Знание за мной,

И вся чистота,

Вся самоотдача.

Я ничего не хочу.

Я свободен.

Я нашел путь.

Кого я назову своим учителем?»

Дар истины за пределами передачи.

Вкус за пределами сладости,

Радости за пределами радости.

Вся философия Гаутамы Будды содержится в первой сутре. Она имеет огромную важность. Она должна быть не только интеллектуально понята, но и прожита; лишь тогда вы сможете ее понять.

Успокой ум.

Будда не проповедует никакого верования — верования в Бога, небеса или ад. Все его ударение на создании у тебя внутри молчаливого пространства. Ты уже полон знания; больше знания не нужно. Тебе нужно больше невинности. Тебе нужна невинность подобная невинности маленького ребенка. Тебе нужно больше удивления, больше трепета, больше ясности.

И все это приходит, когда ум молчалив. Когда ум молчалив, ты в причастии с существованием: когда ум шумный, ты отсоединен. Твой собственный шум действует как окружающая тебя стена. Молчание это мост; знание, шум это преграда. Все знание создает в тебе шум. Чем больше ты знаешь, чем более ты привержен определенной доктрине, тем больше в тебе мусора, хлама.

Тебе нужно просторное существо внутри, совершенно пустое, настолько пустое, чтобы там не было даже тебя, такое молчаливое, чтобы исчезла даже идея «я». Тогда между тобой и существованием нет преград. Ты попадаешь в гармонию. Ты становишься частью великого празднования, которое продолжается и продолжается. Ты танцуешь со звездами, ты танцуешь с ветром, ты танцуешь с облаками. Все твое существо становится танцем, песней. Ты взрываешься тысячами цветов. Но для этого обязательно необходимо молчаливое существо; в шумном существе ничто не возможно. Шумный ум бессилен; он не плодороден, не созидателен. Молчаливый ум это нужная почва для того, чтобы росло существо — росло к своим предельным высотам и глубинам.

Поэтому вот первая сутра: *Успокой ум.*

Иногда человек удивляется тому, с чего начинает Будда. Подход Будды к реальности уникален. Он совершенно революционный, радикальный. Человек подумал бы, что он начнет с молитвы Богу — но Бога нет. В видении Будды Богу нет места. Бог это изобретение невежественных людей.

Для Будды нет Бога как личности; нет творца, потому что творение вечно. Да, есть творчество, но нет творца. Есть божественность, но нет Бога. Все существование переполнено божественностью, но Бог не личность, которой ты мог бы молиться.

Помни, с Буддой молитва невозможна. Молитва предполагает Бога, личного Бога, который может тебя отличить, если ты его хвалишь, который может быть очень немилостивым, если ты его раздражаешь. Это инфантильно — весь этот подход инфантилен; он совершенно не религиозен.

Будда начинает очень научным образом. Вместо того, чтобы говорить о Боге, он говорит о тебе и твоей реальности. Как ты есть, ты не что иное как шум. Посмотри вовнутрь, и ты увидишь фактичность Будды: ты просто шум; с тобой не случается ни мгновения молчания. Поэтому двери и окна остаются закрытыми. Тебя окружает твой собственный мусор, который ты продолжал создавать и накапливать, думая, что это великое сокровище.

Успокой ум... Это утверждение очень значительно, потому что в то мгновение, когда ум тих, ум исчезает. Тихий ум значит не-ум. Тихий ум это вообще больше не ум. В отрицательных терминах его можно назвать не-умом. Именно это сделали люди дзен, именно это сделали такие мистики как Кабир, Нанак. Они назвали его *амани* — состояние не-ума. Но ты можешь использовать и утвердительный термин. Буддисты махаяны называют его *бодхичиттой* — вселенским Умом. Ум с большой буквы, помни, не твой ум, не мой ум, но просто Ум: океанический Ум, Ум целого.

И то и другое хорошо. Если тебе нравится утвердительный способ выражения, ты можешь называть его бодхичиттой — Умом Будды, вселенским Умом. Или, если ты любишь быть аккуратным, гораздо правильнее отрицательный способ выражения; тогда называй его не-умом, потому что когда исчезает шум, исчезает и ум. Точно так же, когда исчезает твоя болезнь, остается здоровье — у тебя не появляется здоровая болезнь. Болезнь никогда не здорова, а ум никогда не молчалив. Болезнь это болезнь, а ум это шум. Когда нет болезни, есть здоровье; когда нет шума, есть не-ум.

Но новый опыт возникает у тебя в глубочайшем центре: опыт молчаливой музыки, беззвучного звука. Мистики называли его *анахат над*, беззвучный звук; или, как говорят люди дзен, звук хлопка одной ладонью. Он парадоксален в своей основе; отсюда это выражение, звук хлопка одной ладонью.

Будда говорит: *Успокой ум.* На самом деле он говорит: Выйди за пределы ума, отбрось ум, покончи с ним. Каким образом? Как это сделать?

Отражай...

Это первая основа. Помни, под «отражай» он не подразумевает созерцание, мышление. Нет, под отражением он действительно подразумевает отражение — как зеркало. Зеркало отражает; что бы ни прошло мимо зеркала, оно отражает это. Оно не думает об этом, оно не созерцает; оно просто отражает. Когда предмет удален, отражение исчезает.

Это должно быть основой: отражай вещи, а когда они исчезают, пусть исчезнут. Не продолжай носить прошлое. Не становись фотопластиной; помни и оставайся зеркалом. Фотопластина тоже отражает, но привязывается к отражению, становится одержимой отражением. Она цепляется за него, отражение впечатывается в нее. Зеркало остается чистым; отражаемое не впечатывается в него. Оно не становится красивым, когда отражается красивое лицо; оно не становится уродливым.

Таким же должен быть и ищущий. Когда приходит успех, отражай; не привязывайся к нему. Когда приходит поражение, отражай; пусть оно тебя не беспокоит. Когда ты во дворце, отражай дворец, а когда в хижине — хижину. Не привязывайся ни к дворцу, ни к хижине. Пусть все приходит и уходит, а сам будь просто зеркалом.

Если ты зеркало, ты не можешь носить с собой прошлого, а если ты не носишь прошлого, ты будешь оставаться свежим, ты будешь оставаться молодым, ты будешь оставаться в постоянном процессе рождения. В каждое мгновение ты будешь рождаться заново. Мы стареем... я не говорю о физиологическом возрасте, я говорю о психологическом возрасте. Мы становимся очень старыми по той простой причине, что мы собираем прошлое.

Ты по-прежнему носишь с собой то, что случилось тридцать лет назад. Кто-то оскорбил тебя, и рана осталась прежней; ты по-прежнему хочешь отомстить. Пятьдесят лет назад ты был богат, и все еще не можешь этого забыть; или ты был беден и все еще носишь это с собой.

Именно поэтому ты видишь мир, полный несчастных людей. Откуда они берутся? Эти бедные люди, которые разбогатели, по-прежнему цепляются за свою бедность. Лишь на поверхности у них есть собственность, но глубоко внутри они бедны, очень бедны. Они не могут бросить свою бедность — они не могут уйти из прошлого. Они носят его с собой; это стало привычкой, это стало их второй натурой. Поэтому они цепляются за деньги. Они не могут тратить, не могут использовать свои деньги.

Я знаю человека, у которого есть по крайней мере три дома, и он зарабатывает много денег, но живет в очень грязном доме. Все его здания красивые, но эти здания сдаются в наем, а он живет в грязной темной дыре. У него нет ни жены, ни детей; он один.

Причиной, приведшей к моему знакомству с ним, было то, что когда он приближался по улице, на которой я жил, по крайней мере за фарлонг я знал об этом, потому что он ездил на таком старом велосипеде, что, должно быть, им пользовались еще Адам и Ева! Он производил столько шума, что я заинтересовался этим человеком.

Я спросил, кто этот человек, и мне сказали:

— Один из богатейших людей города. На его велосипеде нет тормозов, но в нем одно хорошо: если сказать ему купить новый, он откажется, потому что он может оставить его где угодно — никто никогда его не украдет!

Кто его украдет? Если кто-то это сделает... об этом узнает весь город, потому что он производит столько шума!

Я сказал нашему общему другу, что я хотел бы встретиться с этим человеком, и я спросил его:

— Почему вы живете в такой нищете, когда могли бы жить красиво, в красивом доме? У вас достаточно денег, больше чем нужно, а когда вы умрете, не будет никого, чтобы все это получить.

Он сказал:

— Я знаю это, но почему-то не могу тратить. Это невозможно. Как только я получаю деньги, труднее всего для меня их потратить.

Слезы навернулись ему на глаза, и он сказал:

— Я тоже чувствую: «Что я делаю с собой?» Но я жил в бедности — мои родители умерли, когда я был очень молод. Я был нищим; мало-помалу я заработал денег. Я играл, я делал все возможные вещи, и эта бедность по-прежнему у меня внутри — я все еще сирота. Я не богатый человек — я беднейший человек этого города.

И мне это было видно в его глазах. Вот что происходит с людьми.

Просто наблюдай свой ум, и ты увидишь очередь прошлого, уходящую далеко назад, к возрасту трех или четырех лет. Все это накопилось; все это тебе в тягость.

Будда говорит: Если хочешь успокоить ум, первое, что тебе нужно сделать, это научиться искусству отражать. Просто отражай и иди дальше. Да, живи в этом мгновении, живи тотально. Отражай все, что есть, и позволь ему уйти. Не цепляйся к нему, чтобы ты оставался чистым, снова невинным, снова доступным, снова пустым, готовым к новому опыту.

Именно из-за прошлого ты не можешь переживать настоящее; твое прошлое искажает все. Именно из-за прошлого ты продолжаешь желать будущего, потому что ты не хочешь повторять ошибки прошлого и хочешь снова и снова получать в будущем все те удовольствия, которыми наслаждался в прошлом. Поэтому будущее это не что иное как модифицированное прошлое: вся боль уничтожена, а все удовольствия преумножены. А между прошлым и будущим маленькое настоящее — которое реально. Между двумя нереальными вещами ты уничтожаешь реальную. Если ты научишься отражать, тогда прошлое несущественно, будущее несущественно; единственное, что имеет значение, это настоящее.

Присутствуй в настоящем — вот значение отражения.

Наблюдай.

Что ты будешь делать, отражая? Ты не мертвая вещь, ты не как мертвое зеркало. Будь как зеркало, но ты не можешь быть мертвым — ты живой. Что же ты будешь делать? *Наблюдай.*

Ты думаешь, ты воображаешь, но никогда не наблюдаешь. Наблюдение это совершенно другой процесс. Он значит, что у тебя нет ни антипа-

тий, ни симпатий. Ты ничего не осуждаешь, ничего не одобряешь. Ты просто видишь и осознаешь, ты бдителен — не мертв как зеркало. Ты осознаешь. Ты наблюдаешь, что происходит.

Ты видишь цветок розы; ты отражаешь его и наблюдаешь его. Ты ничего не говоришь о розе. Ты не вносишь слова между собой и розой, потому что все эти слова бесполезны. Когда ты лицом к лицу с настоящей розой, зачем вносить слова? Зачем разрушать реальность розы, внося интерпретации прошлого? Ты можешь цитировать великих поэтов, — Шелли и Йитса, — но цитируя их, ты вносишь преграду между собой и розой. Пусть твои глаза останутся абсолютно пустыми — но не засыпай. Наблюдай, просто смотри молчаливо. Будь свидетелем.

Наблюдение означает смотреть на вещи без всякой оценки, не говоря, что это хорошо и не говоря, что это плохо — потому что ничто не хорошо и ничто не плохо. Вещи это просто то, что они есть.

Роза это роза, а шип это шип; ни шип не плох, ни роза не хороша. Если человек исчезнет с земли, будут розы и будут шипы, но не будет никого, чтобы говорить, розы хороши, а шипы плохи. Мы создаем эти ценности в своих умах. И они постоянно меняются.

Лишь сто лет назад никто и не подумал бы завести в доме кактус. Кактус это сплошные шипы. Если бы ты принес домой кактус, люди сочли бы тебя сумасшедшим, подумали бы, что с тобой что-то не в порядке! Но выращивать розы в доме ортодоксально. Люди авангарда выращивают кактусы; они действительно культурны. Они держат кактусы даже в спальнях — ядовитые, опасные, но кактус «вошел», а розы «вышла». Моды меняются.

В этом столетии уродливые вещи стали красивыми, а красивые стали уродливыми. Пикассо ценится — один из уродливейших художников, которых только знал мир! Двести или триста лет назад его заставили бы жить в приюте для умалишенных, если бы он рисовал что-нибудь подобное. Его считали бы ненормальным, совершенно ненормальным, потому что мир Микеланджело это совершенно другой мир; существовала другая система оценки. Мир Леонардо да Винчи — совершенно другой мир.

Моды постоянно меняются. Каждый день человек меняется. Ничто, фактически, не хорошо и не плохо, не красиво и не уродливо. Все зависит от тебя. Что бы ты ни начала считать хорошим и красивым, это становится хорошим и красивым. Джайнского монаха, который ходит голым, джайны считают великолепным, но другие думают, что это несколько непристойно. Много раз возникали проблемы.

Лишь несколько дней назад в одной деревне произошли беспорядки, потому что в деревню вошел джайнский монах, а не-джайны запротестовали простив того, чтобы по городу ходил голый человек... «Это плохо для наших детей, жен и дочерей».

Я не против наготы, но я и не за джайнских монахов, которые ходят голыми. У меня на это совершенно другие причины; причины в том, что они выглядят так уродливо. Если только у тебя не красивое тело, ты не

имеешь права ходить обнаженным. Я могу понять, почему Махавира ходил голым. Говорят, что у него было одно из самых красивых тел — и кажется, это так, потому что все его статуи так красивы. Должно быть, у него было очень красивое, очень пропорциональное тело. Если он ходил голым, это понятно. Прикрывать это прекрасное тело одеждой было бы неправильно. Но джайнские монахи преднамеренно разрушают свои тела. Это мазохисты: они калечат свои тела, как только могут. Они делают их как можно уродливее, потому что чем уродливее тело, тем больше тебя уважают. И они становятся карикатурами. Они — персонажи мультфильмов, не настоящие люди. Лучше прикрыть их красивой одеждой.

Все зависит от того, какие у тебя критерии, какие у тебя ценности. Но в реальности ничто не хорошо и ничто не плохо; вещи просто такие, какие они есть. Если ты свидетельствуешь, нет вопроса выбора. Тогда в тебе возникает невыбирающая осознанность.

Именно это продолжает говорить Джидду Кришнамурти; это основа послания Будды. Последователи Кришнамурти думают, что он учит чему-то очень оригинальному. В этом нет ничего оригинального; это по своей основе послание Будды. Это не изобретение Джидду Кришнамурти. В другом смысле это оригинально; это оригинально в том смысле, что это его опыт. Он тоже знает столько же, сколько и Будда, но это не ново — не оригинально в смысле новизны. Это оригинально в том смысле, что исходит от него. Он не повторяет Будду, это правда. Он не подражает Будде, это правда. Он просто говорит то, что узнал. Но что бы он ни узнал, это та же самая истина, которую узнал Будда.

Фактически, в мире не две истины, поэтому все пробужденные узнают ту же самую истину снова и снова. У них разные языки, у них разные выражения; так и должно быть. Двадцать пять веков прошло со времен Будды. Как я могу говорить тем же языком? Как Будда мог говорить тем же языком, что говорю я? Это невозможно. Но так как последователи Кришнамурти продолжают претендовать на то, что его учение абсолютно оригинально, ново — это абсолютная чепуха. В своей основе это то же послание, что и учение Будды: невыбирающая осознанность. Вот смысл слов «отражать» и «наблюдать».

Осознавай, не выбирай. Если ты выбираешь, ты потеряешь наблюдение. Если ты начинаешь цепляться, — потому что в мгновение выбора ты начинаешь цепляться, — тогда отражение теряется. А как только ты выполняешь эти простые вещи — отражение и наблюдательность...

Ничто не сковывает тебя.

Ты свободен.

Этих простых сутр достаточно. Если ты можешь практиковать только эти две вещи — отражение и наблюдательность — больше ничего не нужно. *Ты свободен, ничто не сковывает тебя.* Все оковы — воображаемые. Ты думаешь, что ты в оковах; поэтому ты в оковах. Это твоя мысль.

Харви Пинкус, страстный шэйбой из Проспект Парка, презрев человеческие ограничения разогнался там, где нужно было остановиться. К своему удивлению и разочарованию тремя днями позже он проснулся в больнице Беллеву, где его поместили на строгую диету из сырых яиц и устриц с зерновой бактериальной культурой, приправленных женьшенем и проросшими соевыми побегам.

Неделю спустя его физические желания восстановились, будучи отвергнутым медсестрами Беллеву разнообразных форм, размеров, возрастов и национальной принадлежности, он потребовал, чтобы его отпустили, чтобы он смог восстановить свое «*al fresco*» рыская по окрестностям Проспект-Парка.

Пинкус вскоре предстал перед доктором Зигелем, штатным психиатром больницы.

— Прежде чем мы вас выпишем, — объяснил медик, — вы должны пройти тест Роршаха.

— А что это такое? — подозрительно спросил Пинкус.

— Своего рода личностная оценка. Я просто буду показывать вам чернильные кляксы, а вы будете говорить, что они для вас означают.

— Так давайте начнем.

Доктор Зигель показал ему первую кляксу.

— Что приходит вам в голову?

— Это легко, — мгновенно ответил Пинкус, и глаза его сверкнули от удовольствия. — Это бедра девушки.

— А это? — спросил психиатр, передавая ему другую кляксу.

— Грудь женщины. Тоже очень приятно.

— Гмм — а эта?

— Вот это да, доктор, какие прекрасные ноги!

Зигель уже пришел к очевидному заключению об этом пациенте, но на всякий случай показал ему еще полдюжины клякс. Пинкус продолжал отвечать так, будто все «картинки» были сексуальными символами, до самой последней кляксы, и доктор откинулся в кресле и выдал свой диагноз.

— Мой друг, — начал он несколько сурово, — если вам этого никто еще не говорил, у вас ненормальная фиксация на сексе.

— Что это значит, осмелюсь спросить?

— Это значит, сэр, — объяснил Зигель резко, — что у вас грязный ум.

— Кто бы это говорил! — закричал взбешенный Пинкус. — Вы показываете мне все эти грязные картинки, а у меня грязный ум!

Того, что ты видишь в мире, на самом деле нет; это твоя проекция. Ты сможешь увидеть, что такое мир, лишь когда твой ум научится быть молчаливым, наблюдать, отражать. Тогда ты узнаешь то, что есть. Прямо сейчас ты не знаешь ничего, кроме того, что твой собственный ум проецирует на экран мира. Все служит тебе экраном, и ты продолжаешь проеци-

ровать свои идеи; поэтому Будда так настаивает на том, чтобы сделать ум абсолютно тихим.

Когда ум молчалив, проектор выключается, экран становится чистым, и тогда впервые ты видишь славу существования. Впервые ты осознаешь великолепие и блаженства покоя, который окружает все. Ты осознаешь божественность, бьющую через край повсюду. Тогда все познается в своей подлинной реальности, не искаженное тобой.

Проповедник говорил своей конгрегации, что есть семьсот разных видов греха.

На следующий день его стали осаждать звонки и письма людей, которые требовали список — чтобы убедиться, что они ничего не упускают.

Если ты говоришь о грехе и хочешь, чтобы люди остановились, они слышат нечто совершенно другое. Они начинают чувствовать, что они что-то упускают:

— Семьсот грехов — подумать только!

И тоже начнешь чувствовать:

— Боже мой, сколько я упускаю! Есть семьсот грехов, а я не совершил и семи! Я продолжаю совершать несколько грехов, два или три, снова и снова — а всегда грехов семьсот! Это пустая растрата жизни!»

Ты даже не знаешь их названий.

Ночной служащий в отеле Алгонкуин с удивлением поглядел на человека, выглядевшего так, словно его только что избили, который вошел в холл с улицы. Незнакомец нетвердой походкой подошел к столу и остановился, раскачиваясь.

— Что я могу для вас сделать? — спросил клерк.

— Я хотел бы, чтобы меня проводили в комнату 302. — сказал полуголый человек.

— Комната 302. — повторил клерк. Он проконсультировался у стойки. — Извините, сэр, но комната занята мистером Оскаром Дж. Левином из Толедо. Уже довольно поздно для приема гостя!

— Я знаю, сколько сейчас времени не хуже вашего, — фыркнул тот. — Просто проводите меня в комнату 302 без всяких дальнейших разговоров.

— А как вас зовут?

— Меня зовут Оскар Дж. Левин, и, к вашему сведению, я только что выпал из окна!

Люди почти спят, люди пьяны тысячей и одним желанием. Ничто не опьяняет больше желания. И тебя опьяняет не только одно желание, но множество желаний — по крайней мере, семьсот желаний! Все они опьяняют тебя и не позволяют видеть то, что есть. Ты не сможешь увидеть то, что есть, пока не перестанешь желать.

Желание исчезает само собой, если ты становишься молчаливым, потому что в молчаливом уме не может расти ни одно желание. Желание может расти только в затуманенном, неуклюжем и запутанном уме.

Будда говорит:

Ты силен.

Ты подошел к концу.

Свободный от страсти и желания,

Ты вырвал шипы из стебля.

Это твое последнее тело.

Если ты можешь выполнить эти условия: быть молчаливым, отражающим, свидетельствующим, тогда *ты силен*, ты больше не слаб. Человек, который живет в желаниях, всегда слаб, потому что тысячи желаний тянут его в разные стороны. Он почти разваливается на части. Кое-как ему удается удерживать, стаскивать себя вместе. Он устал, но не знает, что еще делать. Все остальные делают то же самое. Люди гонятся за желаниями. Кажется, никто не удовлетворен, никто ни к чему не приходит, но что еще делать? Если каждый бежит, ты тоже начинаешь бежать. Это психология толпы.

Быть саньясином, быть искателем истины означает выйти из мира психологии толпы, из менталитета толпы. Пока ты не осознаешь, что толпа тащит тебя с собой, и не выйдешь из-под власти толпы, ты никогда не сможешь узнать, что такое истина, ты никогда не станешь буддой. А быть буддой — твое право от рождения.

Ты силен... но твои желания продолжают делать тебя слабым. Как только ты становишься молчаливым, ты способен это увидеть. Молчаливое состояние существа так сильно, что ты знаешь, что подошел к самому концу, к свершению. Человек приходи к своему свершению не достигая чего-то во внешнем мире, но достигая собственного глубочайшего ядра: Иисус называет его Царством Божьим, Будда называет его нирваной, Махавира называет его мокшей.

Когда ты достиг своего внутреннего центра, внезапно ты осознаешь, что все, чего ты продолжал желать, было бесполезным, и что тебе действительно было нужно, что действительно питало тебя, ждало тебя внутри. Твой поиск должен быть внутренним, не внешним. Ты можешь стать Александром Великим, ты можешь завоевать весь мир, и все же умереть с пустыми руками. Не беспокойся обо всей этой чепухе. Будь Буддой, не Александром!

Будда значит тот, кто увидел истину и удовлетворен, полностью удовлетворен ею. *Свободный от страсти и желания, ты выдернул шипы из стебля. Это твое последнее тело.* Если ты можешь быть свободным от страсти и желания...

Страсть это состояние лихорадки, горячее состояние. Мы знаем только два состояния: либо мы очень горячи — это страсть, — либо очень холод-

ны — это анти-страсть. Если ты любишь, ты становишься очень горячим; если ты ненавидишь, ты становишься очень холодным. И точно посередине есть точка, где ты должен остановиться. Она трансцендентальна к тому и другому, она прохладна. А когда ты действительно спокойный, молчаливый, мирный, тайны открывают перед тобой свои двери. Лихорадочный человек в состоянии страсти почти слеп.

Файнберг приехал домой из командировки, и его жена холодно сообщила ему, что была неверна во время его отсутствия.

— Кто же это был? — закричал Файнберг. — Этот мерзкий Голдберг?

— Нет, — ответила жена, — это был не Голдберг.

— Значит это был мой жуликоватый партнер — этот мерзавец Леви?

— Нет, не Леви.

— Я знаю, кто это был — этот сосунок Шапиро!

— Нет, и не Шапиро.

Файнберг посмотрел на жену исподлобья.

— В чем дело? — рявкнул он. — Мои друзья недостаточно хороши для тебя?

Люди живут... в действительности не живут, просто механически движутся, жертвы слепых сил. Когда тебя охватывает секс, ты себе не хозяин. Или когда тебя охватывает жадность, или гнев, или ревность, ты себе не хозяин. Тебя тянет. Очень странно, что ты позволяешь этому случиться — и не чувствуешь себя оскорбленным или униженным! Каждый инстинкт делает тебя рабом. Ты не только терпишь это рабство; напротив, ты наслаждаешься им. Напротив, ты думаешь, что именно такой должна быть жизнь. То, чем ты живешь, это не жизнь. Это биология, физиология, химия, но не жизнь. Жить под влиянием инстинктов значит вообще не жить.

Жизнь начинается лишь когда ты поднимаешься над своими инстинктами. И вот путь подняться: *Ничто тебя не сковывает.* Ты свободен. Ты мастер. В твоей наблюдательности мало-помалу страсть исчезает, потому что наблюдательный человек не может быть горячим.

Желания всегда ведет тебя в будущее; оно может случиться только завтра. Поэтому ты продолжаешь заглядывать в завтра, а тем временем время идет. И завтра никогда не приходит; оно не может прийти по самой природе вещей. Поэтому всю свою жизнь ты просто ждешь ничто — ждешь Годо! А Годо никогда не приходит. Фактически, никто не знает, кто этот Годо.

Но мы продолжаем ждать, что однажды что-то случится, и мы знаем, что этого не случилось ни с кем. Этого не случилось с твоим отцом, с отцом твоего отца. Этого не случилось с нашими соседями. Можешь посмотреть на лица людей вокруг: этого не случилось. Ты не видишь свечения, ты не видишь в их глазах удовлетворенности, ты не видишь радости. Ты видишь только отчаянное усилие достичь чего-то, и на самом деле они

не осознают, что это такое и возможно ли это. Но они продолжают горячую гонку — они продолжают разрушать свои жизни.

— Бабушка, сколько времени вы женаты с дедушкой? — спросила романтическая молодая внучка.

— Сорок девять лет, — ответила старая дама.

— Ах, какая, наверное, у вас была красивая жизнь, — вздохнула девушка.

— И держу пари, вы никогда и не помышляли о разводе.

— Ну, — сказала бабушка, — о разводе нет, а об убийстве — да!

Просто спроси старых людей, чего они достигли и что они делали. И если они правдивы и подлинны, если они искренни, вот что они скажут: «Жизнь была сказкой, рассказанной идиотом, полной гнева и шума, ничего не значащей. Теперь подходит смерть, и все кончено». Но для медитирующего смерть это не конец, но начало новой жизни.

Будда говорит: *Это твое последнее тело*. Если ты успокоил ум, если ты стал свободным от страсти и желания: *Это твое последнее тело*. Теперь ты родишься в бестелесное существование. Теперь ты будешь частью невидимой жизни, вечной жизни, которая не знает ни рождения, ни смерти.

Тело это ограничение, тело связывает тебя. Ты — безграничное сознание, но тело заталкивает тебя в маленькую темную нору. Ты живешь в темной норе, в темной пещере. Конечно, это будет страданием. Ты безграничен, и каким-то образом тебя заставили жить в маленьком пространстве. Никто не сделал этого с тобой; ты сам продолжаешь это делать. Каждый раз, когда ты умираешь, ты умираешь с желаниями. Эти желания снова приводят тебя в новые матки. Эти желания дают тебе новое тело.

Если ты умираешь без желаний, тогда рождения больше нет. Когда нет рождения, нет ни старости, ни смерти. А когда нет ни рождения, нет и времени. Ты выходишь за пределы времени. Ты живешь в вечности, ты становишься божественным. Именно это Будда подразумевает под божественностью — *бхагаватой*.

Ты мудр.

В молчании ты становишься мудрым, не в учении, не в получении большей информации, но будучи абсолютно молчаливым. *Ты мудр...* в противном случае ты знаешь только слова — пустые слова, бессмысленные слова. Да, ты можешь накопить много знания. Ты можешь знать Веды, Коран, Библию, Гиту и повторять их, но ты ничего не поймешь. Вероятнее, что ты поймешь неправильно. Как тебе найти нужную точку зрения, чтобы их понять? С всеми твоими страстями и желаниями, со всем твоим замешательством и затуманенным умом как ты поймешь Упанишады, Коран? Невозможно. Они приходят к людям, вышедшим за пределы тела. Пока ты не выйдешь за пределы тела, ты их не поймешь. Ты можешь понять лишь то, что уже пережил.

Но знающие люди не только обманывают других, они начинают обманывать самих себя — может быть, не зная об этом, не преднамеренно. Если ты продолжаешь обманывать других всю жизнь, притворяясь, что знаешь, мало-помалу ты можешь начать верить в собственное притворство. Ты забываешь, что не знаешь; ты не хочешь об этом помнить. Кто хочет знать: «Я невежествен?» Каждый хочет чувствовать, что знает.

Спроси кого угодно о Боге, и очень редкий человек скажет: «Не знаю». Очень редко... почти невозможно. Многие скажут: «Да, Бог есть, Бог существует». И они готовы сражаться, спорить, убивать и быть убитыми ради чего-то, чего они не знают, совершенно не знают. Есть некоторые, которые скажут: «Нет, Бога нет». Но очень редко можно встретить человека, который скажет: «Я не знаю» — и это действительно религиозный человек.

Агностик это действительно религиозный человек — ни теист, ни атеист. Один верит без знания, другой неверит без знания; оба они обманывают. Но я не сомневаюсь в их искренности. Может быть, они думают... может быть, они абсолютно убеждены, что знают. Тогда ты задаешь другие вопросы о Боге, и им приходится изобретать ответы, потому что они приняли за основу, что знают.

Спроси у них, сколько у Бога голов, и они скажут, что их три или четыре и много прочей чепухи. Они скажут, что у Бога четыре головы, потому что есть четыре направления, и он должен смотреть в четырех направлениях, или три, потому что есть три измерения, и он должен смотреть во все измерения. Сколько у него рук? Некоторые говорят, что тысяча, потому что он должен так много работать, и он один должен создать мир и организовать весь этот театр. Тысяча рук... двух рук недостаточно. Думаешь ли ты, что тысячи рук достаточно, чтобы справиться с этой безграничной вселенной? Думаешь ли ты, что четырех голов достаточно, чтобы видеть все?

Но люди продолжают изобретать ответы. Задай им вопрос, и они будут изобретать — им придется изобретать, потому что они не могут принять одно: что они не знают.

Блондинка привела свою собаку к ветеринару, и он посоветовал ей купить немного Нэйра, чтобы удалить лишние волосы вокруг глаз и ушей шнауцера.

Блондинка вошла в аптеку и попросила средство для удаления волос.

— Используйте раствор для волос на ногах, — сказал аптекарь, — но разведите на половину для удаления волос под мышками.

— Ах, — сказала девушка, — но я хочу использовать его для моего шнауцера.

— В таком случае, — сказал аптекарь, — лучше разведите его на три четверти, и я бы на вашем месте не стал пару недель ездить на мотоцикле.

Знающий человек не может спросить: «Что такое шнауцер?» Это показывает его невежество, а он не может его показать. Иногда знающие люди совершают такие глупости, которые не может совершить ни один невежественный человек, потому что невежественный человек всегда спросит, что это такое — «Я не знаю». Но знающий человек находит, это невозможно. Они не может сказать эти три слова: «Я не знаю». Если ты можешь сказать: «Я не знаю», ты совершил один из величайших шагов к настоящему знанию, к мудрости.

Будда говорит: Когда ум пуст, молчалив, ты мудр. Под мудростью он не подразумевает эрудицию; под мудростью он подразумевает невинность. Знание создает шум, мудрость приносит больше и больше молчания. Мудрый человек мало-помалу становится совершенно молчаливым. Даже если он говорит, его слова несут аромат молчания, музыку молчания.

Под мудростью он подразумевает спонтанность, детскую спонтанность, глаза, полные удивления. Когда твои глаза полны удивления, ты видишь окружающую тебя красоту. Когда твои глаза полны знания, ты не можешь видеть красоту, потому что у тебя на все есть объяснения — а объяснения помогают тебе отмахиваться от вещей, не более того.

Но знающие люди имели хороший бизнес. Они слишком долго властвовали человечеством; в этом их радость.

— У меня проблема, Док, — начал пациент.

— У всех нас есть проблемы, — ободряюще улыбнулся доктор.

— Вот в чем моя проблема, Док: каждый раз, когда я думаю о своей жене, у меня начинается приступ мигрени. Каждый раз, когда я думаю о своей работе, я покрываюсь сыпью. Каждый раз, когда я думаю о своем счете в банке, меня прошибает холодный пот. А вы говорите о проблемах! Боже мой, вот это проблемы!

— Каждая проблема имеет решение, конечно, и я прекрасно понимаю эту проблему, — сказал психиатр, кивая. — Вам понадобится сто сеансов на кушетке, двадцать пять долларов каждый.

Пациент судорожно глотнул.

— Ладно, Док, — сказал он после мучительной паузы, — это решает вашу проблему. А теперь как насчет моей?

Знающий человек делает хороший бизнес. Священники, профессора, пандиты, педанты, теологи — все они делают хороший бизнес. Ничего не зная о Боге, ничего не зная даже о себе, они продолжают говорить о метафизике, о философии. У них на все есть заготовленные ответы.

Остерегайся этих людей! Они есть везде и всюду, в церквях, мечетях, храмах, университетах; ты найдешь их везде. Остерегайся их. Именно эти люди, которые никогда не позволяют человечеству стать мудрым, потому что как только человечество станет мудрым, с их профессией все будет кончено.

Ты мудр.

Ты свободен от желания,

И ты понимаешь слова,

И соединяющие их швы.

И ты ничего не хочешь.

Будда говорит: Когда ты мудр... не когда ты знающий, не когда ты ин-формированный, но когда медитация высвободила твой внутренний аромат, когда твое внутреннее сознание стало полностью открытым лотосом, тогда ты сможешь понимать слова — слова будд — не раньше. Не трать понапрасну время на Гиту, Коран или Гуругрантху — пока не станешь медитативным.

Познав собственное существо, в глубоком молчании, столкнувшись с самим собой, конечно, ты найдешь писания безмерно красивыми. Тогда ты сможешь понять, потому что ты будешь находиться в том же положении, обладать тем же видением. Теперь писания станут твоими свидетелями, они будут свидетельствовать за тебя. Когда ты познал нечто сам по себе, читая Гиту или Коран, внезапно ты сталкиваешься с предложением, в котором говорится точно то же, что ты пережил, и внезапно открывается новый смысл.

Сначала смысл должен прийти к тебе через опыт; лишь тогда ты сможешь понять слова — особенно слова будд. В обычном мире мы не понимаем даже слов тех, кто не просветлен. Это можно увидеть повсюду. Поговори со своей женой, и ты поймешь; вы говорите на одном и том же языке, но никакой разговор невозможен. Ты говоришь одно, она понимает другое. Ты пытаешься объяснить ей это, она уходит еще дальше в сторону. Она пытается объяснить что-то тебе, а ты перескакиваешь к какому-то другому заключению. Кажется, разговор невозможен. Оба вы в состоянии безумия. Оба так полны собственными идеями, что прежде чем другой что-то скажет, они уже знают, что он имеет в виду.

Никто не слушает никого другого. Даже когда кто-то молчит и притворяется, что слушает тебя, он не слушает. Он думает о тысяче и одной вещи. Пока ты говоришь, он готовится сказать тебе что-то свое, когда ты умолкнешь.

Проходя рано утром мимо Синагоги Бет Израэль на Острове Штатен, пьяный заметил вывеску: «Шаммес: звоните в звонок»¹⁰. Он так и сделал, и двери открыл сонный старик.

— Какой черт вас принес в такое время? — сурово спросил Шаммес.

Пьяный осматривал старика с головы до ног добрых двадцать секунд и отвечал:

¹⁰ Ring the bell for the Shammes: ...«Звони в звонок за Шамме-за(привратника)»...

— Я хотел узнать, почему вы сами не можете звонить в этот дурацкий звонок!

Люди обязательно все понимают согласно своим умам.

Танненбаум долго откладывал деньги, чтобы осуществить свою заветную мечту — круиз по Карибскому морю. Но он упустил из виду морскую болезнь. На второй день после выхода из порта капитан заметил, что он стоит на палубе, перегнувшись через перила.

— Извините, сэр, — сказал капитан вежливо, — но здесь вы не сможете это делать.

— Вы думаете? — сказал Танненбаум. — Смотрите!

Раввин Лонгблайт из Фар Рокавэй имел заслуженную репутацию много-речивого человека. В этот Саббат он был в особенно хорошей форме. Темой дня было: «Библейские пророки».

— А теперь, — добавил он, проговорив добрых полчаса, — мы покончили с основными пророками. Теперь перейдем к второстепенным. Какое место, дорогие друзья, мы им предоставим?

С заднего сиденья церкви встал незнакомец скучающего вида. Он помахал рукой над сиденьем, которое только что освободил, и сказал:

— Один из них может сесть сюда!

Невозможно понять даже тех людей, которые такие же как ты. Что говорить о буддах? Они говорят с освещенных солнцем вершин, а ты живешь в темных долинах. К тому времени, как их слова тебя достигнут, они уже не те. К тому времени как ты их услышишь происходит огромная интерпретация. Твой ум окрашивает их в собственный цвет.

Будда говорит: *Теперь ты мудр. Ты свободен от желания.* Это признак мудрости: свобода от желания. Желают только дураки. Мудрые люди живут и живут радостно, но без желания. Ты можешь либо желать, либо жить, но не можешь то и другое одновременно. Если ты желаешь, ты откладываешь жизнь; если ты живешь, зачем желать? Сегодня достаточно самого по себе.

...И ты понимаешь слова и швы между словами.

Это очень красивая сутра. Будда говорит: Слова пробужденных можно понять только особенным способом, потому что они сшиты особенным способом. Между словами есть молчание; это и есть шов. Ты должен читать между строк. Если ты можешь понимать только строки, ты упустишь всю муть. Ты должен читать между строк. Ты должен читать молчания, паузы. Поэтому легче понять живого будду, чем мертвого, потому что с живым буддой ты можешь переживать его паузы, периоды, когда между двумя словами внезапно появляется промежуток, интервал, который содержит гораздо больше, чем сами слова.

И швы между словами.

И ты ничего не хочешь. если ты стал молчаливым и понял слова пробужденных, чего желать? Ты уже получил. Ты получил неисчерпаемое сокровище. Ты стал королем.

*«Победа за мной,
Знание за мной,
И вся чистота,
Вся самоотдача».*

В молчании все становится твоим: победа — победа, за которую ты сражался всю жизнь, может быть, многие жизни, внезапно — твоя. И она твоя без борьбы, потому что она была твоей с самого начала. Ты просто никогда не смотрел вовнутрь. Ты не нищий, как и никто другой; каждый рождается императором. Но смотри вовнутрь. Если ты смотришь наружу, ты нищий. Фактически, смотреть наружу значит стать нищим, смотреть вовнутрь значит стать императором.

«Победа — моя, знание — мое...» И теперь с тобой происходит совершенно другой род знания. Оно не исходит снаружи; оно возникает в самой твоей глубине, оно бьет ключом у тебя внутри. Оно не заимствовано; она подлинно твое.

«...И вся чистота...»

Молчание девственно. Самый невинный и чистейший опыт жизни — познать глубокое молчание, в котором все прекращается. Время останавливается, пространство исчезает, эго нигде нет. Ни единой мысли в уме, лишь молчание от края до края. Это чистота.

Под «чистотой» Будда не подразумевает моральную чистоту. Моральная чистота это никогда не настоящая чистота. Это расчетливость, это жадность. Это жадность к другому миру, это жадность к небесным удовольствиям.

В мире есть три вида людей, три категории. Первая, грешники: они выбрали быть аморальными. Вторая, святые: они выбрали быть моральными. Оба они половинчаты, никто не целый. Грешник это половина, святой это половина. Грешников привлекают святые, и грешники идут и кланяются святым. А святые постоянно думают, что что-то упускают; может быть, грешники наслаждаются жизнью.

Я слышал, что один великий святой и проститутка, которая жила напротив него, умерли в один день, и посланцы из запредельного пришли и потащили святого в ад, а проститутку — в небеса. Святой сказал:

— Подождите! Наверное, здесь какая-то ошибка. Вы неправильно поняли приказы. Я великий святой, а эта женщина величайшая грешница. Что вы делаете?

И посланцы сказали:

— Мы спросили Бога. Мы тоже думали, что здесь какое-то недоразумение... Но Бог сказал: «Нет никакого недоразумения нет. Проститутка по-

стоянно думала о том, как она плоха, как она уродлива, она постоянно думала о том, как чист святой. И когда святой совершал свои молитвы, она читала его сутры, сидела молча у дверей и слушала. Она никогда не считала себя достойной войти в храм. Она сидела снаружи и слушала оттуда, и слезы текли из ее глаз. Она всегда думала, что святой живет жизнью блаженства.

А святой? Он постоянно думал о проститутке, о том, как она красива. И когда к ней приходили посетители, он очень страдал. «Наверное, они наслаждаются жизнью, а что я делаю с собой? Я стал аскетом. Кто знает, может быть, я что-то делаю неправильно». Святой был постоянно одержим этой проституткой. В своих снах он занимался любовью с нею. А сны проститутки имели совсем другой аромат: она постоянно поклонялась святому, кланялась святому — отсюда это решение».

Бог сказал: «Отведите святого в ад; он достаточно долго жил уважаемой жизнью. А проститутку возьмите в рай; она достаточно долго страдала в мире».

Грешник это половина, святой это половина — они привязаны друг к другу, они думают друг о друге. Я знаю многих святых, которые тайно признавались мне: «Иногда в наших умах возникает вопрос: Может быть, весь мир прав, а мы неправы? Но теперь слишком поздно. Может быть, мы упустили настоящие радости, чтобы достичь чего-то абстрактного, чего, может быть, вообще не существует. Кто знает, есть ли Бог и рай? Может быть, в конце концов мы окажемся дураками».

Это сомнение остается в умах так называемых святых; оно обязательно остается. Чем больше они чувствуют таких сомнений, тем больше осуждают грешников. Чем больше но и осуждают грешников, тем больше грешник думает, что они великие святые; он идет и поклоняется им. Противоположности притягиваются.

Но есть и третья категория: мудрец. Он не святой и не грешник; он за пределами их обоих. А это человек, которого в мире всегда понимают неправильно. Грешника вы понимаете очень хорошо: он живет в безнравственности. Вы понимаете святого: он живет в нравственности. Мудрец это загадка; вы не можете его понять. Он кажется недоступным для восприятия; поэтому Иисус был непонят, Сократ был непонят, Будда был непонят. Это было судьбой всех мудрецов. Они были непоняты по той простой причине, что их нельзя понять в обычных категориях; они за пределами категорий.

Когда Будда говорит «чистота», он подразумевает чистоту мудреца, который ничего не знает о нравственности и безнравственности, кто снова стал ребенком, кто родился заново.

«Победа — моя, знание — мое, и вся чистота, и вся самоотдача». Когда ты становишься абсолютно молчаливым, это исчезает; его вообще нет.

Только вчера Ведант Бхарти спросил: «Почему я должен отбрасывать эго? Это тоже часть божественной игры». Ты не понимаешь, что такое божественная игра, ты не понимаешь, что ни один будда никогда тебе не говорил: «Отбрось эго». Я тоже не говорю тебе: «Отбрось эго». Вот что я

говорю: Попытайся его найти... и ты не найдешь его! Вот как оно исчезает, вот как оно отбрасывается. Если ты не можешь его найти, что ты можешь с ним сделать? Его никогда никто не находил. Оно существует лишь до тех пор, пока ты его не ищешь. Оно существует только как тень. Если ты смотришь и ищешь, ты приходишь к пониманию того, что тень есть тень; она бесплотна. Ее не нужно отбрасывать; она отбрасывается, когда ты понимаешь ее, не находишь ее.

Это самоотдача. В молчании происходит самоотдача, потому что в молчании ты не можешь найти эго. Самоотдача это не что-то такое, что ты должен сделать. Если ты это делаешь, это не самоотдача, потому что если ты — делающий, как это может быть самоотдачей? В один день ты это сделаешь, в другой можешь передумать. Однажды ты можешь сказать: «Я сдаюсь»; в другой день ты можешь прийти и сказать: «Я беру свои слова назад». Кто может тебе помешать? Это было твоим действием, и ты отменяешь его. Но самоотдачу нельзя отменить, нельзя передумать, потому что, прежде всего, это не твое действие. Это событие. Когда ты молчалив, внезапно ты видишь, что эго нет; эго исчезает. Это самоотдача, это чистота, это мудрость, это свобода.

«Я ничего не хочу.

Я свободен.

Я нашел свой путь.

Кого мне назвать учителем?»

Будда говорит: Теперь *кого мне назвать учителем?* Всю жизнь я учился, вся жизнь была моим учителем. Я учился в поражениях, в успехах, в бедности, в богатстве. Я учился в боли, в удовольствии. Я учился в агонии, в экстазе. *Кого мне назвать учителем?*

Это невозможно, потому что вся жизнь, фактически, это обучающее средство. Жизнь существует, чтобы ты мог расти в мудрость, чтобы ты мог расти к божественности.

Очень красивая сутра:

Дар истины за пределами передачи.

Истина это всегда дар. Ты не можешь ее вырвать, ты не можешь ее завоевать. Это всегда дар. Когда ты молчалив, она просто нисходит на тебя. Она наполняет твое молчание, переполняет его, начинает выливаться через край.

Дар истины за пределами передачи. Но когда он у нас есть, проблема в том, что ты не можешь дать его кому-то другому. Ты хотел бы, ты с радостью поделился бы им, но как им поделиться? Другой человек должен быть предельно молчалив, лишь тогда им можно поделиться. но когда другой человек молчалив, тебе не нужно делиться своей истиной; истина низойдет на него сама собой. Поэтому он за пределами передачи.

Вкус за пределами сладости...

Он гораздо слаще самой сладости, за пределами сладости.

Радость за пределами радости.

Мы называем это блаженностью, но эта блаженность далеко за пределами нашего представления о блаженности. Фактически, она невообразима для ума. Невозможно выразить ее в адекватных словах. Мы можем назвать ее радостью, да, но лишь немного будет выражено. Если мы назовем ее сладкой, будет выражен лишь фрагмент; целое останется невыраженным. Она должна быть пережита, другого пути нет.

Конец желания есть конец страдания.

Сделай только одно: позволь желанию уйти. Как уйдет желание?

Успокой ум.

Отражай.

Наблюдай.

Ничто не сковывает тебя.

Ты свободен.

Созерцай эти сутры. Попытайся пережить их... потому что Будда не обычный религиозный человек. Он не интересуется чудесами. Он не интересуется ничем оккультным, эзотерическим. Он заинтересован в том, чтобы трансформировать тебя. Он очень приземлен.

Моисей и Иисус играли партию в гольф в Небесном Клубе. Сначала Иисус размахнулся и сделал хоул-ин-ван. Затем Моисей размахнулся и делал хоул-ин-ван.

— Ну-ну, Моу, пока ничья, — сказал Иисус.

— Послушай, Джэйк, — возразил Моисей. — Довольно. Что ты скажешь, если мы прекратим все эти чудеса и немного поиграем в гольф?

Будда никогда не делал никаких чудес — это величайшее чудо. Он не заинтересован в том, чтобы вас мистифицировать. Все его усилие в том, чтобы дать вам ключ, которым вы можете открыть двери всех тайн. Он очень экзистенциален, не философичен, не интеллектуален в своем подходе. Он не живет в голове — он очень практичен, прагматичен. Весь его подход — подход эксперимента, опыта. Поэтому ты не сможешь его понять, если продолжаешь только читать.

Попытайся экспериментировать с тем, что он говорит. Попытайся успокоить ум, отражать, наблюдать и посмотри сам, что происходит: свобода, блаженство, истина, мудрость, невинность, чистота... тысячи цветов начинают расцветать в тебе. Внезапно взрывается весна.

На сегодня достаточно.

Глава 6

Жизнь

трансцендирует логику

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Желая узнать, кто я, я часто чувствую себя в пространстве ничто. С одной стороны это пугает меня, с другой это приносит удовлетворенность. Я чувствую и все, и ничто. Как почувствовать одно или другое? И где проходит разграничение между вакуумом — этим пространством, не принадлежащим ни прошлому, ни будущему, — и мертвым пространством?*

Прахато,

Первое указание на то, что ничто правильно, в том, что оно будет парадоксальным. Ты будешь чувствовать его как ничто и все одновременно. Тогда оно живо. Все, что живо, парадоксально; только мертвое логично. Логика применима только к мертвым вещам; логике нечего сказать о жизни. Жизнь трансцендирует логику. Жизнь нелогична в своей основе. Именно это я подразумеваю, когда называю ее парадоксальной: она содержит собственную противоположность.

Поэтому то, что ты чувствуешь и ничто, и все — хороший признак. Если ты чувствуешь только ничто, это мертвое пространство; если ты чувствуешь все, тогда это просто воображение. Когда ты чувствуешь оба вместе, это не мертвое пространство и не проекция; это нечто подлинно истинное.

Когда ты чувствуешь ничто и все вместе, с одной стороны, ты испуган, потому что ничто выглядит как смерть... Это и есть смерть; смерть эго, смерть всего, чем до сих пор ты считал себя. Это полный разрыв продолжительности прошлого; поэтому возникает страх. Ты теряешь свою тождественность, а это величайший в жизни кризис. Человек хочет цепляться за свою тождественность; по крайней мере, он знает, кто он. Хотя эта тож-

дественность не более чем ад, все же тебе хочется за нее цепляться. По крайней мере, это нечто осязаемое. Теперь все осязаемое исчезает, и все, что ты знал о себе, испаряется. Кажется, будто ты собираешься умереть. Естественно чувствовать испуг.

Но чувствуешь также, с другой стороны, глубокую удовлетворенность, потому что это смерть и воскресение, распятие и воскресение. Когда ты готов потерять старую тождественность, ты рождаешься заново. Начинает пульсировать новая жизнь, начинает биться новое сердце. Как эго ты исчезаешь, но появляешься как часть целого, безграничного простора, тотальности.

Это действительно рождение святого человека, потому что человек становится частью целого. Это рождение будды, Христа. Поэтому несмотря на все свои страхи иди в это, не цепляйся за прошлое. И помни, страх очень силен, потому что его будет поддерживать все твое прошлое, а у тебя безгранично прошлое миллионов жизней. Не только эта жизнь, но и многие многие жизни содержатся в вашем коллективном бессознательном. Они будут тащить тебя обратно. Они скажут: «Куда ты идешь? Не сходишь ли ты с ума? Вернись в старый приют, в старую безопасность!» Прошлое долго; оно имеет огромный вес, огромную гравитацию. А новое, которое рождается как новый побег, очень хрупко. Его очень легко раздавить, его очень легко уничтожить.

Помни, что если ты не будешь продолжать несмотря на все страхи, ты никогда не войдешь в неизвестное. А войти в неизвестное значит войти в Бога. Бог никогда не известен. Он — всегда неизвестное, непознаваемое. И что бы ты ни знал о Боге, это лишь твои идеи о Боге, не твой опыт.

Те, кто пережил Бога, оставались немыми, оставались совершенно молчаливыми. Они не произнесли о Боге ни единого слова. Они указали путь. Будда говорит: Будды указывают путь, но ничего не говорят о предельном опыте. Они показывают, как его достичь, но никогда не говорят, что это в точности такое. Он неопределим, невыразим. Бог это тайна. Фактически, Бог это другое имя для таинственной вселенной, в которой мы живем, дышим. Мы — часть этого великого таинства, и нет способа его разоблачить.

Поэтому тебе придется идти намеренно, умышленно. Тебе придется рискнуть своим прошлым. Тебе придется слушать зов неизвестного. Это далекий, отдаленный зов, и он не дает никаких гарантий. Никто не может дать тебе гарантии, только намеки.

Я могу тебе сказать: Ты услышал правильный зов. Но это рискованно, потому что ты будешь рисковать всем, что ты узнал о себе ради чего-то отдаленного, невидимого, таинственного. Человек никогда не может быть уверенным. Ты не можешь быть расчетливым с Богом, ты не можешь быть коварным и хитрым с Богом. Тебе придется идти в простой невинности, как маленький ребенок, держащийся за руку отца может войти в лес без страха. Будут рычать львы, но ребенок не боится, потому что он знает, что его рука в руке отца. Сам отец может дрожать, но ребенок очарован всем

путешествием, всем приключением. Нужна такая простота, нужна такая невинность; лишь тогда ты можешь рискнуть.

Ребенок — самое храброе существо. По мере того как он растет в возрасте, в опыте, он начинает становиться трусливым, расчетливым. Он думает дважды, прежде чем предпринять любой шаг, а когда ты слишком много думаешь, ты никогда не совершишь никакого шага. Очень расчетливые люди остаются застрявшими всю жизнь. Они никогда не движутся с места, потому что каждое движение порождает в них страх — а это величайшее движение.

Прахато, иди в это радостно. И не беспокойся о разграничении между пустым пространством, негативным пространством и пространством, которое позитивно. Не волнуйся. Именно так ум начинает рассчитывать, именно так ум начинает функционировать. Нет необходимости — ты на правильном пути.

Когда бы ты ни почувствовал, что происходит парадокс, помни, что это критерий того, что ты на верном пути. Если ты не сталкиваешься с парадоксом, наверное, ты где-то упустил, ты движешься в неправильном направлении.

Поэтому не спрашивай меня: «Как почувствовать одно или другое?» Если ты чувствуешь одно или другое, ты будешь неправ. Когда ты чувствуешь оба, тогда ты чувствуешь тотально. Тотальное обязательно будет обоими, позитивным и негативным. Оно обязательно будет и жизнью, и смертью, и зимой, и летом.

И именно в этом ум чувствует, что зашел в тупик и сбит с толку. Уму нравятся четко очерченные вещи, но с этим ничего не поделаешь. Ожидания и требования ума нельзя удовлетворить. Существование не обязано выполнять требования и ожидания ума. Ты должен принимать существование как оно есть. Оно парадоксально, а ум не парадоксален. Ум линейен, логичен, не диалектичен. Что касается ума, он аристотелианский, а что касается жизни, она более гегелианская, чем аристотелианская. Это диалектика: она движется от тезиса к антитезису, и так далее, и так далее. Все движение зависит от тезиса и антитезиса. Полярные противоположности на самом деле не противоположны, но взаимодополняющи.

Наслаждайся полярностью, парадоксом. Наслаждайся тем, что ты на правильном пути. И продолжай двигаться вопреки всем страхам. Они естественны. Я не могу сказать, что ты не должен чувствовать эти страхи — они абсолютно естественны, но ты можешь идти невзирая на них.

Помни, разница между трусом и храбрым человеком не в том, что трус чувствует страх, а храбрый человек не чувствует страха. Нет, разница между трусом и храбрым человеком не в этом. Оба чувствуют страх. Разница в том, что трус слушает страх и прекращает двигаться, а храбрый человек принимает его во внимание, отталкивает его в сторону и движется вопреки ему.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Почему Ты говоришь, что правильно медитировать и неправильно молиться? По моему мнению медитация дает человеку внутреннее спокойствие ради него самого, но если молиться спокойно и глубоко, это дает тебе прямую и интенсивную связь с Богом, и его святой дух нисходит на тебя.

Розмэри,

Я не говорил то, что ты услышала. Наверное, ты слушала сквозь толстый слой христианства, толстый слой мусора.

Прежде всего, ты говоришь: «Почему ты говоришь, что правильно медитировать, но неправильно молиться?» ...Потому что медитация это единственная возможная молитва, молитва возможна только в медитации; любая другая молитва будет ложной, поддельной. Если ты не была в глубокой медитации, как ты узнаешь, что есть Бог? Тогда идея о Боге это только обусловленность, которую дали тебе другие.

Просто подумай, Розмэри, если бы ты родилась в Советской России, ты вообще не говорила бы о Боге. Ты не говорила бы о Библии; ты говорила бы о «Коммунистическом манифесте» или «Капитале». Ты не говорила бы о Святой Троице Бога-отца, Сына и Святого Духа; ты говорила бы о святотатственной троице Карла Маркса, Фридриха Энгельса и В. И. Ленина, потому что тебе бы это сказали, тебя обусловили бы коммунистическим образованием.

Если бы ты родилась в джайнской семье, ты никогда и не подумала бы о молитве, никогда — потому что если нет Бога, кому молиться? Если бы ты родилась в буддистской семье, все было бы совершенно по-другому, потому что тебя обусловили бы по-другому. Это не ты, Розмэри, задаешь этот вопрос; это твоя обусловленность. А все обусловленности неправильны.

Медитация означает состояние необусловленного ума. Медитация это процесс исправления вреда, который каждое общество продолжает причинять каждой индивидуальности — коммунистическое или католическое, джайнское или еврейское, это неважно. Я не говорю, что какая-то конкретная обусловленность неправильна; я говорю, что неправильна обусловленность как таковая.

Обусловленность это не что иное как процесс гипнотизирования людей: продолжительное повторение с самого детства, со школы, в воскресной школе... Тебе говорили о Боге и молитве, тебе говорили родители, учителя, священники и все люди, облеченные авторитетом. А маленький ребенок учится подражать тем, кто у власти. Теперь ты совершенно забыла начало обусловленности.

Ни один ребенок не рождается христианином или индуистом. Ни один ребенок не рождается с идеей о существовании Бога — существует Бог или нет, есть ли семь адов, семьдесят или семьсот. Ни один ребенок не рождается ни с какой теологией.

Медитация значит процесс удаления всего, что было тебе навязано, чтобы ты снова могла стать ребенком. Именно это говорит Иисус. Он говорит: Пока вы не станете как дети, вы не войдете в мое Царство Божье. Он говорит о разобушлавливании, о выходе из-под гипноза. Он не использует слов «разобушлавливание», «выход из-под гипноза», потому что в те времена таких слов не существовало, но именно это он говорит. Он говорит: Пока вы не родитесь снова... потому что это рождение было загрязнено людьми; они отравили ваши умы. Вам нужно новое духовное рождение. Оно возможно лишь в медитации; другого пути нет.

Молитва означает, что ты будешь продолжать обусловленность. Если ты христианка, твоя молитва будет христианской. Сам твой вопрос говорит... от него разит христианством! Индуист этого не скажет, он не выберет таких слов: «И его святой дух низойдет на тебя». Джайн никогда не будет использовать такой терминологии — невозможно, потому что для джайна ничто не нисходит, все возносится! Он верит в рост в бога. Бог это не кто-то высоко наверху, кто нисходит на тебя; он растет вверх. Святой дух нисходит на тебя, просто потому что тебя чему-то научили.

Ты говоришь: «По моему мнению...»

Мнения ничего не значат! Если у тебя есть какой-то опыт, это важно. Мнение это просто мнение. Мнение значит нечто от ума. Ты ничего не испытала на опыте; это только мысль. У людей есть все возможные мнения.

Я слышал:

Два верблюда шли по пустыне. Оба казались очень усталыми и хотели что-то друг другу сказать, но кое-как держали себя в руках.

В конце концов, один из них взорвался и сказал:

— Что бы люди ни говорили, каким бы ни было их мнение, я хочу сказать, что хочу пить!

Жажда это не мнение, это твой опыт. Это твой опыт? Если это твой опыт, такой вопрос не может возникнуть, потому что тогда ты поняла бы именно то, что я сказал.

Медитация это процесс, который очищает тебя, и когда ты совершенно очищена, в тебе возникает аромат. Это молитва. Молитва это следствие медитации. Я не против молитвы; я против твоей молитвы, но не против самой молитвы. Твоя молитва ложна. Твоя молитва это лишь часть твоей обусловленности. Индуисты молятся по-индуистски, мусульмане — по-мусульмански, но настоящая молитва не индуистская и не мусульманская. Она исходит из необусловленного существа. Как оно может быть индуистским или мусульманским?

Настоящая молитва это просто молитва. В ней нет слов; это чистое молчание. Это самоотдача в глубоком молчании. Фактически, она не адресована ни к какому Богу; это поклон всему существованию. У нее нет адреса. Бог везде, все есть Бог, поэтому ты просто кланяешься в огромной благодарности, в экстазе, в радости, в любви. Но сначала должны быть высвобождены твоя любовь, твой экстаз, твоя радость. Ты — только семя, и если ты говоришь об аромате, это только заимствованное, услышанное от других мнение. Все заимствованное уродливо. Все заимствованное будет только вербальным.

А произошло именно это: когда ты услышала меня, то поняла только буквальный смысл слов. Ты упустила их значение.

Нееврейский друг... Христианский друг обольщал раввина Берковича посетить собор Святого Иосифа в городе, прославившем Шлитца. Старый раввин, давно вышедший в отставку, в конце концов согласился, когда ему объяснили, что посещение такого сановника будет говорить о еврейском влиянии на формацию церкви.

Глаза раввина Берковича, сидящего в первом ряду, расширились, когда лектор объявил свою тему: «Меня зовут Йосиф, отец Иисуса».

В завершение беседы, когда их представили друг другу, раввин сказал сухо:

— Мой друг, у вас был в высшей степени необычный опыт!

Он все понял неправильно. Он принял заглавие буквально: Меня Зовут Йосиф, Отец Иисуса. Это должно было быть темой. Человек не говорит, что он Йосиф, отец Иисуса. Раввин сказал: «Мой друг, у вас был в высшей степени необычный опыт!» — быть отцом Иисуса через две тысячи лет! Иисус был сыном девственной женщины; несомненно, для отца это необычный опыт!

Именно это случилось с тобой, Розмэри. Я ничего не говорил против молитвы, но я сказал, что медитация готовит путь. Она очищает тебя — она очищает тебя от мыслей, данных другими. Она создает пространство, в котором может расцвести молитва. Медитация приносит весну — другого пути нет. Если ты молишься без медитации, тогда твои цветы будут пластиковыми цветами. Настоящие цветы молитвы растут лишь только в медитации. И тогда молитвы не адресованы Богу; фактически, Бога нет.

Вся идея Бога-отца инфантильна, и Зигмунд Фрейд прав в том, что это проекция нашего великого желания цепляться за родителей. Это проекция нашей идеи отца, потому что твой отец не может быть с тобой вечно. Однажды он умирает, и тебе не хватает защищенности, определенности, безопасности. И ты проецируешь отца в небесах, который вечен, который никогда не умрет и позаботится о тебе. Ты молишься, преклонив колени, отцу в небесах. Эта идея — твое создание, эта молитва — твое создание. И ты продолжаешь думать эти глупости всю жизнь, думая, что делаешь нечто религиозное.

И иногда случается так, что определенные молитвы исполняются. Это просто совпадение. Если ты продолжаешь молить о тысяче вещей, однажды это обязательно случится.

Один человек пришел ко мне и сказал:

— Я никогда не верил в Бога, но теперь я верю.

— Что случилось? — спросил я.

— Я предъявил Богу ультиматум, что если в течение пятнадцати дней мой сын не найдет работу, я навсегда стану отъявленным атеистом. И эта угроза подействовала: за пятнадцать дней мой сын нашел работу. Теперь я тверд в своей вере.

Я сказал:

— Это очень хорошо, но никогда больше не предъявляй ультиматумов, потому что это может не всегда сработать. Это было просто совпадением. Но он не послушался меня. Через два года он снова пришел ко мне и сказал:

— Ты был прав. Я снова предъявил ультиматум. Моя жена была очень больна, и я сказал ему, что он должен ее спасти, иначе я стану атеистом. Он подумал, что однажды трюк удался; теперь он знает, как принудить Бога служить ему.

Именно это делают люди, которые молятся; они пытаются использовать Бога. Они пытаются использовать Бога как средство для достижения определенных целей.

И жена умерла. Конечно, он стал атеистом.

Молитвы иногда будут удовлетворены — и дело не в том, что есть кто-то, кто их слышит и удовлетворяет, — иногда они не будут удовлетворены. А священники очень хитры. Они скажут: «Когда молитва удовлетворена, это значит, что ты молился глубоко, правдиво, искренне». А когда молитва не удовлетворена, они скажут: «Твоя молитва была поверхностной». И этот аргумент очень привлекателен, потому что, фактически, все молитвы поверхностны, и ты прекрасно знаешь, что молитвы поверхностны. Священник всегда может сказать, что ты молился, но глубоко внутри было сомнение.

Всегда есть сомнение, потому что твоя вера в Бога не может разрушить сомнения; она только подавляет сомнение. А подавленное сомнение всегда сохраняется, кипит внутри, готовое взорваться.

Поэтому не обманывайся, если иногда случается совпадение. Именно так в мире продолжают многие вещи, могут продолжаться многие вещи. Все это фокус-покус!

Например, в мире есть много «патий»: гомеопатия, натуропатия, аюрведа и многое другое. Они претендуют на то исцеление — и все их претензии не ложны; они исцеляют многих. Попробуй. Просто продолжай давать людям сахарные пилюли, и ты будешь удивлен: многие излечены, и ты изобрел новую терапию. Семьдесят процентов людей больны ложными

болезнями, в самом деле не больны. Семьдесят процентов болезней имеют психологическую природу, и все что нужно это чтобы кто-то убедил их: «Это поможет». Люди продолжают прибегать к гомеопатии другим экзотическим видам медицины только когда им больше ничего не помогает.

Проблема аллопатии в том, что она может помочь только если твоя болезнь реальна. Если твоя болезнь нереальна, лекарство повредит тебе вместо того, чтобы помочь. Поэтому ты должен найти шарлатана, кого-то, кто даст тебе ложное лекарство чтобы излечить твою ложную болезнь.

Ваши молитвы ложны, ваши болезни ложны. Иногда они помогают, и когда они помогают, вы больше и больше убеждаетесь в их действенности. И в отчаянии, в глубокой беспомощности вы не знаете, куда еще идти. Когда все человеческие усилия терпят поражение, вы начинаете смотреть в небо. Так было всегда; мало что изменилось.

В Ведах сказано: Когда в небесах сверкает молния, Бог гневается; это его гнев. Молись Богу. Теперь мы знаем, что это не Бог и не его гнев; это электричество, естественное электричество. Теперь мы используем гнев Божий, чтобы приводить в движение наши вентиляторы и машины. Теперь никто не молится. В Индии по-прежнему если вечером зажечь свет, индуисты немедленно поклонятся со сложенными руками — электрической лампочке! Просто старая обусловленность.

Бог раньше делал многое; теперь все это делает наука. Бог освобожден от своих обязанностей каждый день! Фактически, вскоре он станет безработным; ты найдешь его стоящим в очереди бюро трудоустройства! Твой Бог это твое изобретение. Фридрих Ницше прав, когда говорит о твоём Боге — этот Бог умер. Поэтому не удивляйся и не убеждайся слишком, когда случаются совпадения. Совпадения бывают всегда.

На борту самолета Эль-Аль, летящего в Израиль, молодая мать и двое детей устраивались на местах, и вдруг дети стали канючить, что хотят в туалет. Два священника, направляющиеся в паломничество в Святую Землю, сидящие впереди небольшой семейной группы улыбнулись, когда смущенная мать быстро отвела детей в уборную самолета. После мгновения колебания она посадила маленького мальчика в отделение с надписью «Джентльмены», а сама вошла в дамскую комнату с маленькой дочерью. Мальчик быстро вышел, а один из священников вошел, забыв запереть двери. Через несколько секунд мать появилась в дверях дамского отделения, и чуть приоткрыла дверь, думая, что ее мальчик еще там:

— Не забудь застегнуть ширинку, — прошептала она.

Вернувшись на свое место, священник был в полном восторге от авиакомпани.

— Ах эти еврейские стюардессы, — сказал он коллеге-священнику, — они обо всем позаботятся!

Остерегайся совпадений!

Ты говоришь, Розмэри: «Почему ты говоришь, что медитировать правильно, а молиться неправильно?»

Молиться неправильно; правильно быть в молитве. Молиться значит, что ты будешь что-то говорить Богу. Твой Бог это твое изобретение, твоя молитва это твое изобретение. И что ты ему скажешь? Что-то тривиальное: Делай то-то и то-то, не делай того-то и того-то. Или: Ты потрясающий. Он слышал это так долго, наверное, ему надоело! Наверное, он пользуется затычками для ушей, чтобы спастись от этих так называемых религиозных людей! Миллионы людей молятся и говорят Богу всевозможные вещи. Наверное, он устаёт, ужасно устаёт.

Но быть в молитве это совершенно другое явление. Молиться это одно; это инфантильно, это исходит из обусловленного ума. Но быть в молитве означает быть влюбленным в существование, танцевать с существованием, танцевать со звездами, петь с птицами, течь с рекой. Это молитва. Но эта молитва возникает лишь когда медитация создаст для этого нужное пространство. Поэтому я делаю ударение на медитации и не говорю слишком много о молитве, потому что когда медитация совершенна, молитва приходит сама собой. Не нужно о ней говорить — потому что если я буду говорить о молитве, возникнет большая опасность непонимания, потому что молитва легка, а медитация трудна.

Молитва легка, очень дешева. Ты можешь войти в церковь, преклонить колени, сложить руки и поговорить с Богом. Это ничего не стоит. Или каждый вечер, прежде чем лечь спать, ты можешь молиться Богу...

Я слышал об одном очень разумном человеке, который поместил свою молитву на стену у кровати. И прежде чем лечь спать он говорил Богу: — Пожалуйста, прочти это.

Какой смысл говорить одно и то же каждый день? И можно надеется, что Бог по крайней мере способен это прочитать! Это кажется гораздо более умным, разумным. Зачем продолжать повторять это каждый день как попугай?

Я не говорю тебе молиться, потому что знаю, что что бы ты ни сделала прямо сейчас, это будет неправильно. Я учу медитации — а молитва приходит неизбежно; ее нельзя избежать, но это молитва совершенно другого рода, с другим ароматом, другой текстурой. Это просто радость, веселость, благодарность. Ты чувствуешь себя таким удовлетворенным, таким блаженным, что все твое сердце говорит спасибо — немногословно — все твое сердце говорит да. Все твое сердце становится да. Ты сдалась. Твоя жизнь это молитва. Тогда тебе не нужно ходить в церковь, храм или мечеть. Ты живешь свою молитву. Ты дышишь, ты пьешь, ты движешься... и все это молитва.

Ты говоришь: «По моему мнению, медитация дает человеку внутреннее спокойствие ради него самого...» Розмэри, ты когда-нибудь медитировала? Просто мнение не имеет ценности — это просто мнение. Может быть,

ты читала, может быть, ты слышала об этом, но не придавай слишком много значения мнениям.

Ты говоришь: «Медитация дает человеку внутреннее спокойствие ради него самого...» У тебя нет никакого опыта, никакого вкуса медитации. В медитации «я» исчезает, эго исчезает. Нет вопроса о «ради него самого». Человек больше не остров; человек становится частью безграничного континента существования. Медитация означает, что ты исчезаешь, испаряешься. Тебя больше нет, лишь чистое ничто. Как это может быть ради него самого? Не остается никакого «я». В медитации не остается никакого эго — как он может быть эгоистичным?

Ко мне приходят люди и спрашивают меня — особенно христианские миссионеры — пишут мне письма: «Ты учишь людей медитации; это род эгоизма». Они не знают, о чем говорят.

Медитация это единственный способ избавиться от «я». Медитация это единственная возможность воздать в мире не-эгоизм. Все остальное эгоистично. Христианский миссионер служит бедным, калекам — все это эгоистично. Мать Тереза из Калькутты и вся ее работа абсолютно эгоистична.

Почему я называю такую работу эгоистичной? Они оказывают человечеству великую службу, но их служба человечеству это средство чтобы достичь небес. Они используют бедных, слепых, калек и прокаженных как лестницу, чтобы достичь небес.

Только подумай о мире, в котором никто не беден, никто не покалечен, никто не прокажен, никто не слеп. Что тогда будет делать Мать Тереза? Дашь ли ты ей по-прежнему Нобелевскую Премию? За что? Основное требование — чтобы были слепые, чтобы были бедные, чтобы были прокаженные, чтобы были вдовы, чтобы были сироты. Тысячи сирот нужны для того чтобы одна женщина оставалась великим слугой человечества.

Один из индуистских священников, Карпатри, написал книгу, «Против Социализма». Он приводит много доводов против социализма, но самое забавное основание, которое он приводит, в том, что в индуистских писаниях сказано: Пока вы делаете пожертвования бедным, вы никогда не попадете на небеса. А социализм пытается уничтожить классы, чтобы не было ни бедных, ни богатых. Если никто не богат и никто не беден, кто будет делать кому пожертвования? И что случится с небесами? Очень логично! Все эти люди великие слуги человечества! Эти глупые люди считаются святыми!

В медитации ты исчезаешь; в молитве тебя очень много. Ты должен оставаться, чтобы молиться; иначе кто будет молиться и кому?

Мартин Бубер написал одну из величайших книг нашего времени, «Я и Ты». Он говорит, что молитва это отношения между я и ты; нужны оба. Нужно «я» — человек, который будет молиться, — и «ты», концепция Бога. Тогда молитва возможна. Молитва это диалог между «я» и «ты». Молитва в своей основе эгоистична, центрирована в «я».

Но медитация это вообще не диалог. Не нужно ни «я», ни «ты». Нет ни «я», ни «ты». Вся идея меня-и-тебя исчезает. Воцаряется молчание, девст-

венное молчание, не тревожимое никаким диалогом. Оно не ради самого человека. Человек исчезает; лишь тогда случается медитация.

Медитация подобна распускающемуся цветку, а молитва это аромат, выпускаемый в ветры. Я не говорю об аромате, я только учу растить розы, Розмэри, помни!

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Что самое важное для того чтобы твоя жена была счастлива?

Сатьям,

Я мало знаю о женах. Я холостой человек. Ты задаешь вопрос не тому человеку. Но я наблюдал многих жен и многих мужей. Поэтому это не мой опыт — это только мое мнение!

Есть две вещи, необходимые для того чтобы жена была счастлива. Первая: пусть она думает, что все делается как она хочет. И второе: пусть так и будет.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Почему истина ранит?

Прем Патипада,

Истина ранит, потому что мы живем во лжи. Все наши жизни состоят из лжи.

Фридрих Ницше сказал: Не отнимайте у человека ложь; иначе ему будет невозможно жить. Зигмунд Фрейд тоже говорит точно то же самое: человек не может жить без лжи; ему нужно множество лжи — религиозной, метафизической, философской, политической.

Просто понаблюдай за собой — сколько лжи тебе необходимо чтобы себя поддержать, чтобы продолжать питать свое эго.

Почему человеку нужно столько лжи? — потому что основная ложь это эго, и эго может существовать только окруженное множеством лжи, чтобы его поддерживать. А истина ранит, потому что она отнимает некоторую ложь, некоторые подпорки, некоторую поддержку, и твое эго начинает падать. А это все, что ты знаешь о себе. Ты не знаешь, что ты это нечто перпендикулярное эго.

Кто-то говорит тебе: «Какой ты красивый!», и ты тут же веришь. Никто никогда не возражает. Я говорил это многим людям; никто никогда не возражает. Я никогда не встречал человека, который бы возразил: «Нет,

ты неправ, потому что я знаю свое лицо. Я каждый день вижу его в зеркале». Ты можешь сказать это кому угодно, самому безобразному. Скажи это верблюду, и он кивнет головой. Он скажет: «Правильно. Я всегда это знал. Ты первый разумный человек, который подтвердил это». Самый безобразный человек глубоко внутри считает себя красивым. Он верит, иначе ему трудно существовать, жить. Поэтому вы продолжаете говорить друг другу комплименты. Все эти комплименты ложны — и каждый готов в них верить. И это происходит не только в обычной жизни. Когда ты вступаешь во внутреннее путешествие, ты тоже ожидаешь признания.

Только на днях Сомендра спросил: «Почему ты не даешь мне подтверждение?» Каждый хочет быть признанным, чтобы ему сказали: «Ты просветленный», «Ты достиг», «Ты реализовал» — и ты будешь так счастлив! Но счастье будет лишь на мгновение, потому что это неправда.

Я не могу дать тебе никакой лжи; поэтому много раз мне приходится вести себя оскорбительно, возмутительно. Я обижаю тебя — не потому, что хочу обидеть, но чтобы отнять у тебя ложь все равно что отнять плюшевого мишку у ребенка, который не может спать без мишки. Он продолжает носить с собой мишку — грязного, но все же он везде носит его с собой. Это его жизнь; его нельзя у него отнять. А ты носишь много плюшевых мишек, Патипада; вот почему она ранит.

Теперь Сомендра очень зол, потому что я сказал, что он будет хорошим кандидатом в Иуды. Вскоре появится объявление: «Требуется: Иуда». И требованиям ответят многие. Сомендра может делать эту работу. Он так злится, потому что я сказал, что он сидит ко мне спиной, и на следующий день он вернулся на прежнее место.

Сегодня он исчез, потому что сегодня он очень уродливый вопрос из чистого гнева. Именно поэтому он исчез отсюда. Хотя он и сидел здесь два или три дня, он не смотрел на меня; он смотрел вниз. Он много раз не приходил на даршан групповой терапии. Вчера вечером он пришел, но не смотрел на меня... кипит внутри. Сегодня он исчез из-за этого вопроса. Наверное, он испугался. Он подписал вопрос именем кого-то другого — но меня нельзя обмануть! В то мгновение, когда я увидел, что его нет, мое подозрение, что это его вопрос, превратилось в полную уверенность.

В своем вопросе он говорит: «Разве ты не ленивый человек? И разве не *шутзпах* говорить другим людям работать и быть творческими». Я не ленивый человек — я ленивейший! И естественно, ленивейший человек может жить только если работают другие; иначе как я буду жить? Поэтому я продолжаю учить: «Работайте, будьте творческими! Мойте пол медитативно! Мойте туалеты!» Это просто. Вопрос не в *шутзпах*, это простая логика! Такому человеку как я нужно чтобы на него работало по крайней мере десять тысяч человек!

И он спрашивает: «Как ты можешь говорить другим работать?» Человеку, который никогда ничего не делал все кажется возможным. Даже невозможное кажется возможным. Я никогда не работал, ни одного дня.

Именно поэтому я могу сказать вам делать все, потому что мне неизвестна эта проблема. У меня нет такого опыта.

Истина ранит, и тогда она приходит многими путями, выражает себя многими путями.

Патипада, помни, если что-то ранит, медитируй на это. В этом должно быть нечто от истины, нечто истинное. Если что-то ранит, уважай это, иди в это глубоко. Установи, почему оно ранит, и ты будешь вознагражден. Ты вырастешь в этом.

Ложь сладка; она не ранит. Поэтому остерегайся сладкой лжи. Если нечто тебя не ранит, это может быть препятствием для роста; это бесполезно, об этом не стоит беспокоиться. Но удели тотальное внимание тому, что ранит, не злись. Ты здесь чтобы понимать, осознавать, а не злиться.

Несколько месяцев назад я сказал Сомендре, что он достиг первого сатори. Это была просто радость. Вы бы видели его лицо в первый раз — полное смеха, улыбки, бурлящее экстазом! Это ему было легко принять, потому что хотя это было правдой, эго набросилось на это, схватилось за это, почувствовало себя очень хорошо — и именно так он упустил.

Когда истина — любая истина — становится путешествием эго, ты выпускаешь ее, теряешь ее из виду. И помни: прежде чем случится самадхи, прежде чем случится просветление, ты можешь достичь тысяч сатори — и упустить их. Если человек остается очень бдительным, когда случается сатори, лишь тогда он может не упустить его. Если ты становишься очень самодовольным, начинаешь хвастаться этим тонким образом, то обязательно его упустишь. И многие люди делают то же самое.

Иногда это для меня очень трудно; даже когда я вижу, что с тобой происходит что-то красивое, я должен держать себя в руках и ничего не говорить, потому что есть опасность того, что если я что-то скажу, это может раздуть твое эго. И это будет причиной того, что ты потеряешь.

Многие подходят к предельному ближе и ближе, но мне лучше им ничего не говорить. Я продолжаю благословлять их как только могу, но не говорю этого. Если я скажу, это их отвлечет; это может направить их по другому маршруту, отвлечь.

Ложь опасна; иногда опасна даже истина. Если она не ранит, тогда она может быть опасной; если она ранит, опасности нет. Если она ранит, она может тебя разбудить; если она становится колыбельной, она опасна; она может погрузить тебя глубже в сны. Тебя могут начать сниться сатори, просветление, тебе может присниться, что ты стал буддой. Все это возможно — но много раз ты можешь потерять нить.

Поэтому не проси признания. Если я чувствую, что пришло время для признания, и ты не соскользнешь назад, я дам тебе признание. Но зачем так стремиться к признанию? Самое важное происходит с тобой. Признание совсем не важно, не существенно. Если ты становишься буддой, ты становишься буддой, говорю я это или нет. Иногда, может быть, нужно, чтобы я продолжал говорить: «Нет, ты не становишься», просто чтобы помочь тебе идти в нужном направлении.

Патипада, медитируй на все, что ранит, и ты будешь безмерно обогащен.

Пятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему у Тебя так много врагов?*

Гайан,
Помни два фундаментальных закона. Первый: Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. И второй: Друзья приходят и уходят, но враги накапливаются.

Шестой вопрос:

*Любимый Мастер,
Я очень сомневаюсь в своей жене. Что мне делать?*

Нарайан,
Жена это не твой Бог. Не нужно сомневаться, не нужно верить. Это игра — не принимай ее всерьез! Но тебе сказали верить своей жене, верить своему мужу. И именно из-за этого учения возникает недоверие. Фактически, тебе сказали верить. Веками было известно, что очень трудно верить собственной жене, очень трудно верить собственному мужу; это почти невозможно.

Если твоя жена заинтересована в тебе, как ты можешь ей верить? Если ее все еще интересуют мужчины — а ты только мужчина, и есть мужчины гораздо более привлекательные — как ты можешь верить своей жене? Если ее интересуешь ты, должно быть, ее интересуют и другие. Ей можно доверять, только когда она потеряет интерес и к тебе; тогда, конечно, ты можешь ей верить. Она потеряла интерес к мужчинам — она почти мертвая.

Ты можешь доверять своему мужу только если его больше не интересуется твое тело. Если его интересует твое лицо, твое тело, твои пропорции, твоя красота, как она может избежать интереса к телам, лицам, красоте других женщин? Это невозможно. Ты просишь чего-то нечеловеческого или сверхчеловеческого. А твой бедный муж ни то, ни другое — не нелюдь и не сверхчеловек. Он просто бедный муж, бедное человеческое существа... или бедная жена.

Не требуй таких невозможных вещей. Это естественно; твоя жена обязательно фантазирует о других мужчинах. Для нее невозможно мечтать о тебе, помни. Я никогда не слышал о жене, мечтающей о собственном му-

же. Кто мечтает о собственном муже или собственной жене? Зачем? Разве одного дня недостаточно? Нужно ли тебе посвящать и ночи и сны той же самой женщине, тому же самому мужчине?

В снах ты свободен; это единственная оставшаяся тебе свобода. В снах у тебя есть частный, собственный мир. Жена не может встрять в твои сны и сказать: «Что ты делаешь? Перестань!» В снах ты можешь немного повеселиться с женами соседей. И в этом нет ничего плохого, это никому не повредит. Просто утром ты хорошо спишь, и у тебя на лице улыбка.

Не проси невозможного.

Мулла Насреддин говорил мне: «Все десять лет женатой жизни я верил своей жене. А затем мы переехали из Калькутты в Пуну, и я обнаружил, что у нас остался прежний молочник!»

Не нужно, Нарайан, верить или не верить. Зачем вносить вопрос веры? Это просто игра! Играй в нее радостно. Ты делаешь ее слишком серьезной. И когда ты начинаешь требовать: «Будь верной мне!», ты создаешь ситуацию, в которой бедной женщине совершенно невозможно быть тебе верной. Дай ей полную свободу; тогда она будет тебе верна.

Жизнь функционирует очень странным образом; если дать ей тотальную свободу, ей стоит доверять. В ней может возникнуть великая верность. Если жена дает мужу тотальную свободу, это показывает, что она любит его настолько, что хочет, чтобы он был счастлив как это только возможно. Даже если иногда он счастлив с какой-то другой женщиной, она чувствует себя счастливой, потому что счастлив он. И тогда может возникнуть совершенно другое качество доверия. Я не говорю, что оно обязательно возникнет — это не неизбежно. Я говорю «может быть», потому что о человеческих существах ничего нельзя предсказать.

Отношения между мужем и женой это очень странные отношения, потому что это два разных мира. Женщина функционирует по-другому, из другого центра. Она более интуитивная, а мужчина более интеллектуальный. Вот почему они привлекают друг друга. Они полярно противоположны не только физиологически, но и психологически. Они — ближайшие враги. Должен быть небольшой конфликт, и это не плохо; это поддерживает жизнь в отношениях. Если ты видишь, что муж и жена совершенно перестали ссориться, это означает, что с их браком все кончено; больше ничего не осталось. Даже ссор... все кончено.

Мясник и молочник обсуждали за и против женатой жизни.

— Ты действительно думаешь, что это лучше, чем быть холостым? — спросил Вайсс, мясник.

— В определенном смысле, — ответил молочник, большой любитель философствовать. — В конце концов, если бы не женитьба, нам пришлось бы ругаться с посторонними.

Да, это правда. Хорошо ругаться с собственной женой; по крайней мере, ты ругаешься с другом. Иначе тебе пришлось бы все время ругаться с посторонними.

Не нужно требовать этих вещей — доверия, веры. Живите вместе радостно. Получите все что только можно от того, что вы вместе. Вместо этого люди создают такие проблемы, бесполезные проблемы и разрушают все свои радости. Жена не обязана быть тебе верной, как и ты не обязан быть верным ей. Ты любишь ее, она любит тебя; этого достаточно. Не привноси в это веру. Если любовь удерживает вас вместе, ничто другое не может удержать вас вместе. А если любовь не может удержать вас вместе, любое, что удержит вас вместе, опасно.

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Действительно ли слова бесполезны?*

Дхармендра,

Не все слова. Слова будд безмерно важны. Это такие же слова, как и твои, но они исходят из более глубокого опыта. Пусть твои слова исходят из глубокого опыта; тогда у них будет значение, тогда у них будет некий аромат неизвестного, запредельного. Но если оставить будд в стороне, и тогда не все слова бесполезны. Как иначе ты будешь общаться? Ты не можешь общаться через молчание, ты не можешь общаться без слов.

Чтобы общаться без слов, тебе придется тотально стать медитирующим. И тогда тоже ты можешь общаться лишь с другим тотально медитирующим, ни с кем другим. Все человечество не будет в медитации, по крайней мере, не при твоей жизни, и тебе придется говорить с людьми, которые не медитируют.

Я использую слова, Будда использовал слова, Иисус использовал слова. Тебе приходится использовать слова. Просто сделай одно усилие; не говори ненужных слов. Будь более лаконичным, как телеграмма. Сделай свои слова осмысленными. Когда ты их используешь, не продолжай использовать их просто чтобы оставаться занятым.

Маленькая Альма, ученица первого класса, пришла из школы, задыхаясь.

— Папа, папа, — закричала она с глазами блестящими от волнения, — сегодня у нас был первая считалка!

— Это хорошо, дорогая, — сказал он, улыбаясь. — Я верю в пожарную считалку. Поэтому однажды я почти умер в огне.

— Ой, расскажи.

— Ну, дело было так: я упал в большой котел куриного бульона. Я взобрался на верхушку половника, чтобы не утонуть и что было силы закричал: «Пожар!»

— Пожар? — воскликнула Альма. — Так там был и пожар?

— Нет, — усмехнулся отец, глядя ее вихры, — но кто бы стал мне помогать, если бы я закричал: «Куриный бульон»?

Слова важны.

На первом свидании мальчик повел девочку на карнавал. Походив вокруг, девочка сказала мальчику:

— Я хочу взвеситься¹¹.

И мальчик подвел ее человеку, который угадывал вес. Человек точно назвал вес девочки.

Посетив еще несколько аттракционов, мальчик снова слышит, что девочка говорит:

— Я хочу взвеситься.

Снова он находит будку, в которой ей снова правильно называют ее вес.

После мороженого и конфет она снова говорит:

— Я хочу взвеситься.

Мальчик отвечает:

— Нет, это уж слишком. Я отведу тебя домой.

Доставленная на порог дома, девочка видит свою мать, плачет и выпаливает:

— Ах, мама, я так паршиво провела время!¹²

На сегодня достаточно.

¹¹ I want to get weighed.

¹² В последней фразе вместо «dowsy time» девочка говорит «wousy time», из чего становится понятно, что она не выговаривает букву «L» и вместо нее произносит «W»; то есть, все это время она говорила не «I want to get weighed: я хочу взвеситься», а «I want to get layed: я хочу трахаться».

Глава 7
Дурак —
сам себе враг

*Дурак — сам себе враг.
Ища благосостояния, он разрушает себя.*

Лучше ищи другой берег.

*Сорняки душат поле.
Страсть отравляет природу человека,
И ненависть, иллюзия и желание.*

*Чти человека, лишённого страсти,
Ненависти, иллюзии и желания.*

*Что ты ему ни дай,
То вернется к тебе
Сторицей.*

Человек рождается разумным, но общество не позволяет этому разуму расцвести; оно разрушает его. Тысячей способов оно прилагает все возможные усилия, чтобы сделать каждого разумного неразумным. Неразумный человек кажется более послушным — послушным государству, церкви, обществу. В нем меньше бунта — он не может быть бунтарем. Для бунта нужен разум. Чем больше разума, тем больше бунта. Неразумный человек ищет защиты и безопасности в толпе. Он не может быть индивидуальностью. Он всегда жаждет стать частью толпы — христианской, индуист-

ской, мусульманской. Все это толпы. Они зависят от тех людей, которые пали жертвами социальной стратегии разрушения разумности.

Разумный человек не будет ходить в церковь или храм в поисках Бога. Разумный человек пойдет вовнутрь. Он не пойдет в Каабу или Каши, потому что если Бог не здесь, он не может быть больше нигде — а если он где-то еще, почему не здесь? Если Бог не во мне, он не может быть больше нигде; а если он где-то еще, он должен быть и во мне.

Разумный человек — индивидуальность; он не часть толпы, плебейской психологии. Он не овца, он человек. Вся круговая порука против индивидуальности — против человека. Она хочет машин. Ей не нравятся люди, которые разумны, которые решают сами. Она хочет, чтобы люди полагались на других, на авторитарные фигуры — на лидеров, на священников, на святых, но всегда на других, никогда не на самих себя.

Общество до сих пор вело очень разрушительный образ жизни. Оно разрушает саму возможность того, чтобы ты когда-нибудь стал буддой или христом. Оно всегда против мудрого; оно уважает дурака. Дурак прекрасно вписывается в общество. Дурак специально выкроен по форме общества.

Ни один ребенок не рождается глупым, и каждый ребенок рано или поздно оказывается идиотом. Вилы так велики, так огромны, что ребенку почти невозможно им противостоять. Ребенок не может выжить, если слишком сопротивляется. Действительно чудо, что некоторые люди избежали того, чтобы стать машинами. Эти немногие люди — соль земли; они настоящие цветы. Из-за них в человечестве есть некоторый аромат, некоторое благоухание; в противном случае все остальные это ходячие мертвечины, трупы, которые кое-как тащатся к могиле.

Путь дурака нужно понять, потому что лишь поняв его ты можешь выйти за его пределы. У дурака тоже есть образ жизни. Его образ жизни — образ жизни толпы. Он повторяет все, что говорят другие. Он подражает тому, как живут другие. Он всегда оглядывается по сторонам в поисках указания на то, каким ему быть, как себя вести, что правильно, что неправильно. У него ни во что нет прозрения. Он зависит от указаний других. Тысячи лет он продолжает следовать заповедям, которые были даны в других ситуациях, другими людьми, для других целей, но он продолжает им следовать.

Он никогда не спонтанен; это первое, что нужно помнить о дураке. Он повторяется: он повторяет прошлое, но никогда не живет спонтанно. Он никогда не ответствен — он никогда не отвечает на ситуацию. У него есть заготовленные ответы. Он никогда не слушает вопрос; его вообще не беспокоит вопрос. Вопрос просто запускает в нем процесс памяти, и появляется заготовленный ответ. Он похож на компьютер.

Быть ответственным значит осознавать. Пока ты не осознаешь, ты не сможешь увидеть ситуацию, с которой сталкиваешься. А ситуация меняется в каждое мгновение, она никогда не остается прежней — даже в два следующих друг за другом мгновения она не остается прежней. Поэтому

человек должен быть очень сознающим, лишь тогда он может откликаться на реальность. А откликаться на реальность значит быть в причастии с Богом.

Дурак ничего не знает о Боге; он никогда не сталкивается с божественным. Он остается частью глупого коллективизма. Помни, у общества, у коллектива нет души; душа принадлежит индивидуальности. Поэтому те, кто принадлежит коллективу, разрушают все возможности быть душами.

Георгий Гурджиев говорил, что очень редко можно найти человека с душой — и он прав. Иметь душу значит сознавать, иметь индивидуальность, иметь свободу, быть способным откликаться — и откликаться самому по себе, не следуя авторитету других, наставлениям других.

Дурак никогда не спонтанен; это первое, что нужно понять о дураке. Если ты становишься спонтанным, ты начинаешь становиться разумным. Дурак никогда не учится; он упрямо сопротивляется учению. Он думает, что уже знает.

Дурак необязательно невежественный человек, имей в виду. Дурак может быть большим эрудитом; дурак может быть известным пандитом; дурак может быть известным профессором; дурак может иметь ученую степень. На самом деле, кого волнует докторская степень? Дурак может быть хорошо информирован, но это не меняет его глупости.

Информация не трансформирует тебя. Трансформация это совершенно иное явление, нежели информация. Трансформация приходит в сознании, в открытости: открытости жизни, открытости людям, открытости ко всему, что только возможно. Дурак живет в закрытом мире; он глух и нем.

Вот точное значение английского слова «идиот»: закрытый. Он живет в собственном, частном мире. Он ничего не знает о реальности. Он живет в собственных снах — и думает, что именно это и есть реальность. Он живет в верованиях. Он живет тем, чему научили его традиции, условности — к чему его обусловили.

В католической стране он будет католиком. В коммунистической стране он будет коммунистом — тот же человек; не будет совершенно никакой разницы. Цитирует ли он Библию или «Капитал», это одно и то же: он цитирует механически. Он не может ничего понять, потому что не готов учиться.

Он остается совершенно закрытым. Он боится открыть свои окна и двери. Он боится открыться ветру, солнцу, дождю, потому что кто знает? — если он откроется жизни, его заготовленные ответы могут оказаться неадекватными. Он очень боится потерять свои заготовленные ответы; он зависит от них. Оно могут быть правильными или неправильными, но для него это неважно. Пока он верит в их правильность, они правильны для него.

Отсюда вторая характеристика глупого человека: он нем и глух. Он не обучаем. Он никогда не слушает. Может быть, он способен слышать, но не способен слушать. Слух это физиологическое явление; слушание это нечто более глубоко. Ты слышишь ушами; когда к ушам присоединяется сердце,

происходит слушание. А сердце дурака никогда не присоединяется к ушам. Он не способен видеть; он продолжает видеть то, что ему хочется. Он никогда не позволяет реальности отразиться в себе; он не способен отражать. Он не зеркало.

Полный автобус глухонемых, проведших день у моря, остановился у деревенского бара. Водитель автобуса подошел к бармену и объяснил:

— Видите вон тех людей? Они глухонемые. У них особенный язык знаков. Два пальца значат пинту горького. Три пальца значат лагер; четыре — легкий эль, пять — гинесс; качание головой значит виски; кивок налево — бренди; кивок направо — водку.

Бармен, восприняв всю эту информацию, согласился, что справится с ситуацией.

Около часа все было хорошо, но затем бармен заметил в баре троих из компании, которые стояли открывая и закрывая рты. Он попытался сообразить, что они хотят, но сдался и забыл о них.

Через десять минут в баре была дюжина глухонемых, открывавших и закрывавших рты как золотые рыбки в садке. Он почувствовал себя немного неловко и притворился, что ничего не замечает. Но вскоре вся толпа вышла из автобуса и оказалась в баре, и каждый открывал и закрывал рот.

Не зная, что делать, он поспешил наружу, подбежал к тому месту, где стоял автобус и забарабанил в окно.

— Эй, что случилось? — спросил водитель.

— Знаете этих людей внутри? Первый час все было относительно нормально — три пальца, два пальца, качание головой, кивок налево — но теперь вся толпа собралась в баре, открывая и закрывая рты!

— Нет, только не это! — сказал водитель. — Они снова поют! Так мы никогда не доберемся до дому.

Дурак живет в совершенно закрытом мире. Он недоступен для реальности и ничего не может выразить. Он такой не творческий, потому что не может выразить.

Отсюда третья характеристика: дурак не творческий. Он подражатель, но абсолютно не творец. Он может что-то сочинить, что-то собрать вместе, но это никогда не творчество. Никогда ни одной новой вещи не рождает его существо — он сам еще не родился. Он может стать великим техником, но никогда не великим художником. Он может уметь рисовать, — и уметь очень хорошо, — но не сможет нарисовать ничего подлинно нового, истинно новаторского, оригинального. Он абсолютно неоригинален. Он живет как робот; он низведен до машины.

Если человек низведен до низшей степени, он становится машиной; возведенный до высочайшей, он становится богом. Человек это лестница: в нижней ступени он машина, в верхней ступени он бог. Если ты остаешься неразумным, неосознанным, ты останешься машиной.

Совесть не может тебя изменить. Тебе сказали: «Это правильно, а это неправильно», но это тебя не изменило. Никто не может измениться снаружи. Любая внешняя перемена будет только поверхностной; глубоко внутри ты останешься прежним — и еще более укрепишься в своей глупости.

Я видел много грешников, которые были глупы, я видел много святых, которые были не менее глупы. Между грешником и святым снаружи есть огромная разница, но внутри оба они могут быть дураками. Грешник, возможно, попал в дурную компанию, вот и все, а святой — в хорошую; вот единственная разница. Грешник следует неправильной толпе; это случайность. Святой следует правильной толпе, и это тоже случайность. Глубоко внутри они — одно и то же.

Глупость очень живуча. Она может продолжаться, потому что целые жизни ты жил из нее и оставался отождествленным с нею. Быть дураком было безопасно. Было безопасно притворяться, что знаешь, ничего не зная, потому что ты прекрасно знаешь, что мир обращается со знающими плохо. Он не отравил ни одного дурака, но отравил Сократа — одного из мудрейших из когда-либо рожденных людей. Мир не распял ни одного дурака, но распял Иисуса.

Два хиппи, которым не хватало денег, отправились на заработки. С длинными волосами и бородами, приобретя пару ночных рубашек и крест, в воскресенье утром они прибыли в местную баптистскую церковь прямо посреди службы. Первый хиппи вошел и громко провозгласил:

— Дорогу Господу!

Второй плелся позади него, взвалив на себя крест.

Поклоняющиеся громко вскрикнули. Некоторые пали ниц. Их осыпали монетами и купюрами, пока они прошли к алтарю, развернулись и снова вышли на улицу.

На следующей неделе они нагрянули в местную католическую церковь.

— Дорогу Господу!

Прихожане рвали на себе волосы и вскрикивали в небеса в пароксизме божественного экстаза. В это утро они заработали более ста долларов.

На следующей неделе просто для смеха они испробовали синагогу. Первый хиппи вошел, крича:

— Дорогу Господу!

За ним шел второй со своей ношей.

Старый раввин обернулся к соседу и сказал:

— Мойше, достань молоток и гвозди. Он вернулся!

Быть дураком безопаснее. Быть Иисусом опасно. Быть буддой значит жить в небезопасности. Это значит идти против толпы, а толпа безгранична; это значит плыть против течения. Поэтому твой опыт постоянно говорит тебе: «Оставайся дураком. Притворись, что ты не дурак». Это

часть глупости. В то мгновение, когда человек прекращает притворяться, он начинает становиться мудрым.

Начало мудрости — знать, что ты дурак; тогда ты больше совсем не дурак; ты перестал быть дураком. Очень редко кто-то принимает этот факт: «Я дурак».

Говорят, что если сумасшедший знает, что он сумасшедший, он больше не сумасшедший; к нему возвращается умственное здоровье. Но ни один сумасшедший никогда не согласится с тем, что он сумасшедший; он считает себя самым здоровым человеком в мире. Все остальные могут быть сумасшедшими, но он не сумасшедший. Это тоже часть глупости. Глупый человек притворяется, где только может. Он притворяется, что знает то, чего он не знает. Он притворяется, что он кто-то, кем он не является. Его жизнь становится актерской игрой. Его жизнь становится поверхностным представлением. Он все время действует напоказ; он становится витриной. У него много лиц. Он надевает маски и совершенно забывает свое оригинальное лицо.

Поэтому дзен-буддисты говорят: Пока ты не откроешь свое оригинальное лицо, ты не узнаешь, кто ты такой, не узнаешь, что такое вся эта реальность, не узнаешь блаженства и благословения жизни.

Открой оригинальное лицо. Твое оригинальное лицо скрыто за столькими масками. Ты притворялся перед другими и мало-помалу твое притворство убедило тебя самого.

Теперь, когда Джек и Ирма разбогатели, они решили добавить к своей до сих пор немного плоской жизни немного культуры. При первой же возможности они отправились в Городской Музей Искусств и присоединились к экскурсии по экспозиции.

— Смотри, какой прекрасный образец Микеланджело, — сказал Джек восхищенно.

— Это не Микеланджело, — объяснил гид. — Это Леонардо да Винчи.

— Джек, — шикнула она, — зачем открывать свой большой рот, если ты ничего не знаешь о Новом Завете?

Ты найдешь это притворство везде. Ты найдешь притворщиков снаружи и внутри себя. Ты живешь с ними — ты один из них. Признай: «Я — притворщик», и это будет великим началом.

Дурак может пытаться быть хорошим, но не может быть хорошим, потому что нет ничего подобного механическому добру. Добро может исходить только из сознания. Все, что механично, плохо. В моем определении и в определении Гаутамы Будды, сделать что-либо бессознательно плохо, это зло, а сделать что-либо сознательно хорошо, добродетельно. Вопрос не в том, что ты делаешь, вопрос не в твоих конкретных действиях; все зависит от источника, из которого они исходят. Если это исходит из глубокой осознанности, тогда, что бы то ни было...

Например, Мухаммед сражался во многих войнах с мечом в руках, но я не назову его войны злом. Нет, его войны это не зло, потому что они приходят из глубокой осознанности, глубокой медитативности. Он просто откликается на ситуацию. Конечно, то, что он делает, насильственно — но и насилие в руках сознательного, бдительного человека трансформирует свое качество.

Адольф Гитлер был вегетарианцем, но его вегетарианство не хорошо. Его вегетарианство было злом, потому что исходило из совершенно бессознательного ума. Он никогда не курил, никогда не пил спиртного и жил безбрачной жизнью. Он был почти монахом — джайнским монахом. Если посмотреть на его жизнь, он жил очень дисциплинированно. Он не был ни в каком смысле дурным человеком — никогда не играл в азартные игры, в карты. Но он не был хорошим, не был добродетельным. Все это исходило из бессознательного ума.

Если ты находишь, что Иисус пьет... да, он выпивал, он наслаждался питьем. И не думаю, что в питье есть что-то плохое, если ты можешь пить как пил Иисус, с полной осознанностью; в этом нет ничего плохого. Тогда алкоголь тоже хорош. Но ты можешь быть непьющим как Адольф Гитлер, и в этом нет ничего хорошего. Поэтому вопрос не в том, что ты делаешь, а в том, как ты это делаешь, откуда исходит действие.

Молли О'Брайен пришла к приходскому священнику.

— Отец, — сказала она, — мне так плохо! Прошлой ночью я назвала мужчину ублюдком.

— Но почему, — спросил священник, — вам захотелось сделать такую вещь?

— Видите ли, Отец... он обнял меня.

— Вот так?

— Да, точно так.

— Да, но нет никаких причин называть его ублюдком.

— Да, но затем, Отец, он поцеловал меня!

— Как — вот так?

— Да.

— И это не причина называть его ублюдком.

— Я знаю, но видите ли, он положил меня на диван и поднял мое платье.

— Вы имеете в виду... вот так?

— Да, Отец.

— Все же нет никаких причин называть его ублюдком.

— Да, но затем он стащил штаны.

— Вот так?

— Да.

— Все же нет причин называть его ублюдком.

— Но Отец... Потом он занимался со мной любовью.

— Вот так?

— Да.

284

— И за это вы назвали его ублюдком?

— Но Отец — видите ли — тогда он сказал мне, что у него триппер.

— Действительно, грязный ублюдок!

Дураков иногда можно найти среди грешников, среди священников, среди святых. Дурак это очень тонкое явление; он не так груб, как ты думаешь. Ты не можешь судить снаружи, мудрец человек или дурак, потому что иногда действия мудреца и дурака могут быть одинаковыми.

В Гите Кришна говорит Арджуне:

— Сражайся, сражайся, абсолютно сдавшись Богу. Стань проводником.

Чтобы сдать, нужна абсолютная осознанность, иначе сдать нельзя. Сдаться значит отбросить эго, а эго это бессознательность. Кришна говорит:

— Отбрось эго и предоставь все Богу. Пусть свершится его воля. Тогда, все, что бы ни произошло, будет хорошо.

Арджун спорит. Арджуна приводит новые и новые аргументы и говорит:

— Но убивать этих людей — невинных людей, которые не сделали ничего плохого — только ради королевства убивать столько людей, столько насилия, столько убийства, столько кровопролития... как это может быть правильным? Вместо того чтобы убивать этих людей, мне хотелось бы отречься, уйти в лес и стать монахом.

Если посмотреть снаружи, Арджуна кажется более религиозным, чем Кришна. Арджуна кажется большим сторонником Ганди, чем Кришна. Кришна кажется очень опасным. Он говорит:

— Перестань молоть вздор про монахов и гималайские пещеры. Это не для тебя. Предоставь все Богу. Ты не решаешь, отбрось способность решать. Просто расслабься, будь в позволении, и пусть он низойдет на тебя и течет через тебя. Тогда, что бы ни случилось... Если он хочет через тебя стать монахом, он станет монахом. Если он хочет через тебя стать воином, он станет воином.

Арджуна кажется большим моралистом, пуританином. Кришна кажется совершенно другим. Он говорит:

— Не решай. Что бы мы ни решили в своей бессознательности, это будет неправильно, потому что неправильно бессознательность.

А глупый человек живет в бессознательности. Даже если он пытается делать добро, фактически ему удается только зло.

Пэдди Проказник пришел на исповедь:

— Благословите меня, Отец, я согрешил.

— И в чем был твой грех, сын мой?

— Я занимался любовью с одной из деревенских девушек.

— Боже мой! — сказал священник, — а с какой девушкой ты совершил этот грех?

285

— Ах, Отец, я не могу сказать.
— Если ты мне не скажешь, я не дам тебе отпущения грехов.
— Боже мой, какой ужас! — сказал Пэдди.
— Это была Молли О'Флахерти?
— Нет, это была не Молли О'Флахерти.
— Значит, Флора Фитзгиббонс?
— О нет, — отвечал Пэдди, — это была не Флора Фитзгиббонс.
— Тогда Мэгги Малдун? — настаивал священник.
— Нет, конечно нет, это была не Мэгги Малдун.
— Кто же, во имя небес, это был?
— Ах, Отец, правда — я не могу сказать.
— Если ты мне не скажешь, я не отпущу тебе грехи.
— Это ужасно! — сказал Пэдди и вышел из исповедальни.
Его друг Майкл ждал снаружи.
— Ну как, Пэдди, прощены ли твои грехи?
— Нет, — ответил Пэдди, — но я получил список хороших телок.

Если ты бессознателен, ты можешь пойти на исповедь за прощением, но это не поможет — ты останешься прежним. Глупость живуча. Остерегайся характеристик глупости. Фактически, чем более ты разумен, тем менее эгоистичен. Когда разум расцветает в совершенство, это исчезает. Поэтому глупость очень убедительна; она всегда пытается себя защитить. Тысячей и одним способом она убедит тебя, что это правильный курс, именно это нужно делать.

Человек должен остро сознавать эти глубокие тенденции; они постоянно заставляют тебя сбиваться с пути, они заставляют тебя терять центра. Они делают тебя эксцентричным. Сознание центрирует тебя; бессознательность уводит тебя от центра.

Один человек вошел в кафетерий и заказал кофе и сметанную булочку.
— Извините, — сказал продавец, — но у нас нет булочек. Не желаете ли пончик?
— В таком случае, я возьму чашку чаю и сметанную булочку.
— Я же вам сказал, у нас кончились булочки. Почему бы вам не взять пончик?
— Гмм... в таком случае, я возьму поджаренную булочку с маслом и чашку чаю.
— Послушайте! Сколько раз я должен вам говорить? У нас нет никаких булочек — ни сметанных, ни поджаренных, вообще никаких!
— Ладно, ладно, — сказал человек. — Тогда дайте мне булочку со смородиной и горячий шоколад.
— Слушайте, вы! — закричал продавец, хватая его за воротник и встряхнув изо всех сил, — У нас кончились булочки! У нас нет сметанных булочек, у нас нет булочек со смородиной, нет булочек с маком, нет поджаренных булочек с маслом — вообще никаких нет. Дошло?

— Ладно, ладно! — сказал человек. — Не нужно кричать — я возьму просто булочку!

Будда говорит:

*Дурак — враг самому себе.
Ища благосостояния, он разрушает себя.*

Дурак — враг самому себе... По многим причинам. Первая: он умрет, не родившись. Он умрет как семя. Он никогда не расцветет, он никогда не принесет цветов и плодов. Он никогда не узнает свершенности. Его жизнь будет пустой растратой. Его жизнь будет пустыней без единого оазиса. Он не узнает никакого блаженства, никакого благословения, никакого экстаза — которые принадлежат ему по праву от рождения. Он будет саморазрушительным. Не расти в сознание — вот самое суицидальное действие, которое только может совершить человек; поэтому Будда говорит: *Дурак — враг самому себе.* Он упускает великую возможность.

Жизнь это такая драгоценная возможность узнать, но дурак упускает. Он даже не осознает, что упускает. Он пройдет жизнь как зомби. Вся его жизнь механична. Он встает рано утром, завтракает, идет в контору, делает свою работу, едет домой... он делает все, но все же он робот. Он еще не полон света внутри; глубоко внутри есть лишь тьма. Он делает все эти вещи, потому что так долго их практиковал. Он становится искусным.

Ученые столетиями работали над созданием роботов. Я не вижу, почему мы должны так волноваться о том, чтобы создать роботов — их так много, миллионы! Нет совершенно никакой необходимости создавать роботов; все эти миллионы роботов производят новых роботов! Фактически, вопрос в том, как удержать их от этого производства!

Каждый дурак оставляет, по меньшей мере, дюжину дураков — за собой. Когда он умирает, мир становится в двенадцать раз глупее; в доказательство своего пребывания здесь он оставляет двенадцать дураков. Зачем создавать роботов?

Я читал историю о том, что создали роботов, — действие происходит в двадцать первом веке, — и они до такой степени похожи на человеческих существ, что очень трудно их отличить. Встретив на пути робота, ведущего машину, ты не сможешь определить, робот это или человек. Он будет выглядеть точно как человек. Единственная разница: он будет более эффективным. Будет меньше дорожных происшествий. Он будет завершать работу вовремя. Он не будет загромождать стол стопками бумаг; его стол будет чистым.

Поэтому по некоторым признакам можно судить, действительно ли этот человек или на самом деле робот. Однажды ты сможешь узнать робота — у него кончатся батарейки. Только тогда... он разговаривал с тобой, приводил великие аргументы, философские аргументы в пользу существова-

ния Бога, и вдруг он говорит: «Гррр, гррр, гррр-рр-рр!..», мчится к розетке и присоединяется к ней, чтобы подзарядиться — тогда ты знаешь, что это не настоящий человек; никакой другой разницы нет.

Но и это можно преодолеть со временем: можно установить две батарейки. Почему одна? Я был обеспокоен — почему в бедного человека устанавливают только одну батарейку? — можно установить две, чтобы, пока используется одна, другая автоматически заряжалась. Если можно сделать робота, почему нельзя сделать автоматические батарейки? Зачем заставлять его глупо выглядеть: «Гррр, гррр, гррр»? Это может произойти в любое время. Он занимается любовью со своей женщиной, и вдруг: «Гррр, гррр, гррр!» И ему придется сказать: «Извини, у меня кончился бензин!» Или электричество... или ему понадобится бензин.

Дурак — враг самому себе. Первое его враждебное действие по отношению к самому себе это его механичность.

— Посмотри, что у меня есть! Новехонькая машина, и она обошлась мне всего в восемьсот фунтов.

— Восемьсот фунтов? Но это невозможно — совершенно новая машина?

— Ну, видите ли, в ней нет двигателя.

— Нет двигателя?

— Правильно. Вы с ней говорите... просто говорите, и она едет.

— Правда?

— Полная правда. Хотите прокатиться? Но прежде чем отправится, запомните одно. Эта машина понимает лишь несколько слов. Чтобы, скажем, она поехала, нужно сказать: «Чертов ад»; чтобы она остановилась, нужно сказать: «Ублюдок».

— Да... правда?

— Да. Конечно. Пойдем, покажу. «Чертов ад» — и она едет, и все что нужно делать, это рулить, сигналить и включать поворотные огни... «Ублюдок» — видишь, она останавливается, когда тебе вздувается.

— Вот это да! Никогда не видел такой машины!

— Давай выедем из города. Может быть, проедемся до утесов у берега моря. Смотри, на прямой дороге она делает девяносто миль без всяких проблем — девяносто четыре, девяносто пять...

— Эмм... гмм... Послушай, тебе не кажется, что мы довольно близко к обрыву?

— Да ладно, не волнуйся. Только смотри, как она тормозит.

— Эй! Эй, осторожно! Этот знак говорит: дорога кончается через пятьдесят ярдов, а ты едешь со скоростью девяносто пять миль в час!

— Ничего! Смотри: Ублюдок... Эй, ты что? — она не хочет останавливаться! Ублюдок! Ублюдок! Ублюдок! Получилось. Смотри, мы остановились.

— Мда, на самом краю. Чертов ад!

Дурак — враг самому себе. Ища благосостояния, она разрушает себя. Под «благосостоянием» Будда подразумевает все то, что снаружи тебя: власть, престиж, деньги, секс — все, что снаружи. Дурак экстравертен; он никогда не смотрит вовнутрь. Он накапливает все снаружи. Вся его жизнь посвящена деньгам, власти, престижу, и тогда однажды приходит смерть, но уже слишком поздно. Когда приходит смерть, он осознает, что все что он делал было просто глупо, потому что все это выскальзывает у него из рук. Все что он делал, было замками на песке. Одно лишь дыхание смерти, и все исчезает как сон.

Будда говорит: *Ища благосостояния, и разрушает себя.* Он постоянно остается экстравертом; поэтому он никогда не осознает, кто он такой, почему он живет, откуда он, куда он идет, каково его предназначение, какова его важность, почему это существование нуждается в нем, какую цель ему предназначено выполнить, какой аромат должен от него распространиться. Он никогда не смотрит вовнутрь. Он продолжает бежать быстрее и быстрее. Когда смерть подходит ближе, он бежит быстрее, чтобы накопить еще немного благосостояния, еще немного уважения, респектабельности, чтобы стать президентом или премьер-министром.

Но смерть разрушает все — твоих президентов, твоих премьер-министров. Ты можешь быть богат; смерть не сделает для тебя отличия. Перед смертью каждый в одном и том же положении — богатый и бедный, знающий и не знающий, знаменитый и не знаменитый.

Будда говорит: Если ты вкладываешь все силы в защиту того, что может быть разрушено смертью, ты разрушаешь самого себя. Достигни чего-то неразрушимого. Достигни чего-то такого, что не может вырвать у тебя смерть. Осознай нечто такое, что выйдет с тобой за пределы смерти. Осознай нечто такое, чего не может сжечь даже огонь, не может разрубить меч, не могут разрушить атомные бомбы, водородные бомбы. Лишь тогда ты себе друг; иначе ты себе враг.

Три пары погибли в автокатастрофе. Святой Петр поджидал их у Жемчужных Врат с большой книгой под мышкой. Вызвали первую пару.

— Имя? — спросил Святой Петр.

— Джонс, — ответил муж.

Святой Петр открыл свою большую книгу и стал листать страницы.

— Гмм... Джексон... Джогсон... ах да, Джонс! Гмм... Джонс? Эй, Джонс, не очень хорошая запись, правда? Пить, пить, пить — вот и все что тебе когда-нибудь было нужно; ты даже женился на женщине по имени Шерри¹³. Ну, Джонс, это недостаточно хорошо, знаешь ли. Боюсь, что тебе — вниз, в ад.

Джонсы разразились рыданиями и обнялись, но ангелы-хранители растащили их и повели мужчину к воротам ада. Вскоре за ним последовала жена.

¹³ Sherry: название алкогольного коктейля.

— Следующий! — позвал Святой Петр, и вперед, спотыкаясь, вышла вторая пара. — Имя!

— Смит, — ответили они со страхом.

— Гмм... Сузерлэнд... Спенсер... ах да, Смит! Нмм... ну, мистер и миссис Смит, ваша запись тоже выглядит не слишком хорошо. Деньги, деньги, деньги — вот и все, что было вам когда-нибудь нужно, даже ваших детей зовут — Бакс и Франк, а дочек — Марка и Пенни. Что это за жизнь? Для таких людей как вы есть только одно место. Вам вниз — в ад!

Смиты заплакали и упали к его ногам, но приговор был окончательным.

— Следующий! — закричал Святой Петр, пока ангелы-хранители потащили вниз завывающих Смитов.

Следующий муж обернулся к жене и сказал:

— Пойдем сразу вниз, Фэнни¹⁴... Я не собираюсь тут стоять и выслушивать оскорбления!

Лучше ищи другой берег.

Будда говорит: Не заботься слишком об этом берегу; он мгновенен. Завтра тебе придется уйти. Даже семьдесят лет небольшой срок; в сравнении с вечностью это одно мгновение. Твоя жизнь длится не дольше мыльного пузыря. Ты думаешь, что это достаточно долго, — семьдесят лет, — потому что сравниваешь свою жизнь с жизнью мух и комаров; тогда она выглядит достаточно долгой. Но спроси комаров, и они думают, что у них все в полном порядке: они делают то же, что и ты, в короткий промежуток времени. Они рождаются, влюбляются, женятся, заводят детей — и поют, и танцуют. Может быть, у них есть собственная религия, священники и политики. И тогда они стареют и умирают. Может быть, все это длится лишь несколько недель, но в эти несколько недель они успевают все!

Есть насекомые, которые живут лишь несколько часов, но в этих нескольких часах сконцентрирована вся твоя жизнь: подружки и дружки, мужи и жены, все ваши ссоры... Я слышал, что они ходят даже к семейному психологу, консультируются у сексопатологов!

У одной женщины был кот, и он создавал соседям много проблем. Он был плейбоем и целыми ночами ходил из одного дома в другой и производил столько шума — потому что кошки не верят в то, чтобы заниматься любовью молча. Они не индуисты, не индусы! Все они хиппи!

Поэтому вся округа сказала этой женщине:

— Сделай что-нибудь. Это уж слишком — мы не можем спать! Секс вашего кота сводит нас с ума!

В конце концов женщина привела кота к ветеринару, и ему сделали операцию. Но округа осталась с теми же проблемами.

Люди спросили женщину:

¹⁴ Fanny: сл. женские половые органы.

— В чем дело? Что это за операция? Вашего кота прооперировали, но все же мы видим, что он приходит.

Женщина сказала:

— Да, он по-прежнему приходит — теперь как консультант.

Время не имеет значения. За несколько часов ты можешь прожить сконцентрированную семидесятилетнюю или семисотлетнюю жизнь. Семьдесят лет могут быть сжаты до семи минут. Семь минут покажутся очень малым временем в сравнении с семидесятью годами, но что такое семьдесят лет в сравнении с солнцем, луной, землей или звездами? Что такое семьдесят лет в сравнении с вечностью?

Этот берег состоит из преходящих явлений. Не трать все свои силы на то, что преходяще. Продолжай помнить другой берег. Под «другим берегом» Будда подразумевает то, что за пределами времени и за пределами пространства. Этот берег снаружи, а другой — внутри. Этот берег состоит из денег, секса, власти, престижа, а тот берег состоит только из осознанности, молчания, мира, молитвы.

Лучше ищи другой берег.

Сорняки душат поле.

Страсть отравляет природу человека,

И ненависть, иллюзия и желание.

Но ты полон сорняков, поэтому ты не можешь вырастить розы. Прежде чем вырастить розы, тебе придется выполоть все сорняки, тебе придется подготовить землю, подготовить почву. Тебе придется удалить сорняки, камни и все, что может быть преградой для роз. *Сорняки душат поле.*

О сорняках нужно понять одно: их не нужно растить, они растут сами. Даже если их вырвать, они вырастут снова.

У Муллы Насреддина была очень красивая лужайка. Новый сосед, который недавно переехал в соседний дом, очень заинтересовался садом Муллы, особенно его лужайкой. Он тоже захотел создать прекрасную лужайку и сад. Он посадил семена, посадил растения, но выросло и столько сорняков.

Он спросил Муллу:

— Как отличить, где сорняки, а где растения?

— Просто, — сказал Мулла. — Выполите оба. Трава больше не вырастет, в сорняки снова прорастут. Вот как их можно различить.

У сорняков есть одно качество — то же качество, что и у дураков: она живучи, они настаивают, они не хотят, чтобы их удаляли. Все хорошее в этой жизни хрупко, а все уродливое крепко как скала. Сорняки растут сами собой. Ты не прививал гнев, ты не прививал похоть. Нет школ, в кото-

рых учат быть ревнивым и жадным. Никаких мастеров и учителей не нужно, чтобы научить тебя бессознательности. Эти вещи растут сами собой.

Падать вниз легко: подниматься вверх трудно — это значит двигаться против гравитации.

Тебе придется выполоть сорняки, иначе они душат поле. Ты так полон гнева, жадности, похоти, что они душат твои силы. Растить для тебя будет невозможно — они не позволят тебе расти. Они выпьют все твои силы; они кровопийцы, она паразиты.

Будда говорит: *Сорняки душат поле. Страсть отравляет природу человека, и ненависть, иллюзия и желание.*

Страсть создает в тебе многое. Она создает лихорадку, она делает тебя еще более бессознательным — более бессознательным, чем ты уже есть. Она тащит тебя глубже в грязь. А со страстью приходит гнев, иллюзия и желание — и ты отвлечен от своей природы. Твоя природа отравлена, твоя невинность отравлена. Ты лишился всей простоты, всей скромности.

Остерегайся отравления страстью. Будь теплым, будь любящим, — это совершенно другое явление, — но не будь полным похоти. Тепло возможно с сознанием. Будда очень теплый, Иисус очень теплый, очень любящий. Страсть исчезла. Страсть трансформирована в сострадание. Их сострадание изливается на тебе как цветы. Насколько страсть отравляет тебя, сострадание очищает. Сострадание это нектар, страсть — яд. Энергия, вовлеченная в страсть, может быть высвобождена в сострадание.

А путь высвободить энергию, путь перенаправить ее в направлении сострадания — то, что Будда называет *саммасати* — правильное сознание, правильная память; то что Гурджиев называл «помнить себя», то что Кришнамурти называет просто осознанностью, то что я называю медитацией. Все это одно и то же, разные названия, указывающие на одну и ту же энергию. Ты должен стать бдительным и сознавать, что делаешь.

Попытайся, когда ты в гневе, быть сознательным, и ты будешь удивлен — тебя ждет большой сюрприз. Если ты станешь сознательным, гнев исчезает. И внезапно ты нашел ключ, наткнулся на секрет. Когда тебя охватывает секс, и ты полон похоти, закрой глаза, сиди в молчании и медитируй на эту окружающую тебя энергию, на похоть, окружающую тебя как облако. Просто наблюдай ее, видь ее. Я не говорю, что ты должен быть против нее, потому что если ты против, ты уже принял точку зрения. Теперь ты не можешь наблюдать.

Для наблюдения необходимый, самый необходимый шаг — не принимать никаких предрассудков, не заключать заранее. Просто оставайся молчаливо наблюдательным, ни за, ни против. И через минуты ты будешь удивлен, когда великий шторм похоти останется позади. А когда шторм кончился, оставшееся после него молчание так глубоко, так велико, так благословенно, что, может быть, ты никогда не чувствовал ничего подобного. Никакой сексуальный опыт не может дать тебе такой красоты, которая придет, если ты наблюдаешь похоть, и в этом наблюдении похоть ис-

чезает. Тогда к тебе приходит молчание, которое принадлежит запредельному, которое принадлежит другому берегу.

Чти человека, лишённого страсти... Поэтому Будда говорит: Если ты можешь найти человека, лишённого страсти, — если ты можешь найти Христа или Будду, почитай этого человека... по той простой причине, что он сделал почти невозможное: бежал их оков человеческой природы. Он утвердил свою индивидуальность, свой разум. Он больше не дурак. Мудрость случилась в его существе. Он полон света; тьма исчезла.

*Чти человека, лишённого страсти,
Ненависти, иллюзии и желания.*

И в то мгновение, когда исчезает страсть, исчезает гнев, исчезает иллюзия, исчезает желание, потому что человек чувствует себя таким удовлетворенным, таким предельно удовлетворенным. Человек чувствует, что пришел домой. Некуда идти, нечего больше просить или желать.

Просто подумай о тех мгновениях, когда нет ни желания, ни напряжения, когда твой ум абсолютно тих. Лишь тогда ты узнаешь, что существует Бог — или, правильнее будет сказать, божественность.

Что ты ему даешь... Если ты что-нибудь даешь Будде... что ты можешь ему дать? Ты можешь дать ему уважение, ты можешь дать ему доверие, ты можешь дать ему самого себя, твою капитуляцию.

*Что ты ему ни дай,
То вернется к тебе
Сторицей.*

Когда ученик сдается пробужденному мастеру, он становится богатейшим человеком в мире. Сама его сдача — победа. В отбрасывании эго он достигает бытия существа. Впервые он есть — очень странным образом, потому что он отбросил себя. Но тот, кого он отбросил, это ложное «я», и когда ложное исчезает, появляется реальное. Когда ложное прекращается, настоящее сияет во всей своей славе, во всем своем великолепии.

Что бы ты ни дал Будде, это возвращается к тебе тысячекратно.

Ученик сдается, ученик раскрывает свое сердце, и Будда начинает течь в сердце ученика. Будда подобен дождевому облаку, настолько полному любви, полному доверия, полному экстаза, что если ты откроешь сердце, если ты готов пить от него, ты почувствуешь — впервые — глубокую удовлетворенность. Твоя жажда будет утолена.

Именно поэтому Иисус говорит: Ешьте меня, пейте меня. Он не говорит вам стать людоедами! Он говорит: «Я доступен. Открой свое сердце и впусти меня».

Когда пробужденный стучится в двери, пожалуйста, открой, потому что ты можешь упустить эту возможность, и упускать многие жизни. Очень редко можно встретиться с Буддой, Христом, Кришной, Махави-

рой, Мухаммедом. Если тебе повезет, и ты столкнешься с пробужденным, не будь скрягой. Отбрось себя тотально и будь тотально предан.

Только на днях кто-то спросил: «Ты говоришь: Я врата. Я пришел сюда, я люблю тебя. Я приехал издалека, но я не саньясин, и мне не разрешают тебя видеть. Тогда почему ты говоришь: Я врата, если мне не позволено через тебя пройти?»

Вам позволено через меня пройти, но некоторые вещи вы должны оставить у ворот: вашу обувь, ваши головы. Вот что такое саньяса. Это две ваши полярности, крайности: обувь и голова. Оставь обе полярности снаружи, и тогда ты уравновешен. Само слово «саньяса» означает состояние эквилибрума, равновесия, абсолютного равновесия.

Я врата, но я врата лишь для тех, кто готов через меня пройти. Ты должен заплатить цену — и саньяса это цена. Если ты любишь меня, любовь всегда готова жертвовать. Я не прошу твои деньги, я не прошу твой дом; я не прошу у тебя ничего от этого берега. Я прошу только то, чего у тебя нет, но ты веришь, что это у тебя есть. Я прошу только ложные вещи: твои верования, твою эго, твою ненависть, твою страсть, твои желания, твою похоть, твою жадность. Я прошу все этих болезней! Отдай мне все болезни; именно в этом вся саньяса. Тогда я врата, и я готов. Пройди через меня, и ты найдешь то, что искал целые жизни.

Но ты упускаешь врата, если ты так скуп и труслив, что не можешь прыгнуть в саньясу. Тогда о какой любви ты говоришь? Любовь знает, что такое преданность, что такое вовлеченность. Любовь знает, как умереть и родиться вновь. Любовь готова пройти через огонь, потому что любовь знает: «Ничто не может меня разрушить, даже огонь не может меня сжечь». Любовь знает вечность. Поэтому любовь всегда храбра.

Саньяса это храбрость, это приключение.

Будда говорит: *Что ты ему ни дай, то вернется к тебе сторицей.*

Не волнуйся и не будь скрягой. Будь открытым, будь уязвимым, будь восприимчивым, чтобы я мог тотально излиться в тебя. Я готов быть гостем в твоём сердце, но ты должен быть готов к приему гостя, ты должен очистить сердце от всех сорняков. Тебе придется опустошить сердце от всего хлама, который ты собирал: от всего прошлого, от всех воспоминаний, от всех систем верований, от всех философий, идеологий — политических, религиозных, социальных.

Когда ты абсолютно пуст, ты можешь войти в меня, а я — в тебя. Тогда может случиться встреча. И эта встреча — величайший оргазмический опыт всей жизни.

На сегодня достаточно.

Глава 8

Не евангелия, а болтовня

Первый вопрос:

Любимый Мастер,

Я чувствую, что так люблю говорить нет. Есть ли какая-то надежда для говорящих нет?

Прем Джинеш,

Говорить нет — хорошее начало, но плохой конец. Нет это семя; да это его цветение. Да должно прийти из нет — нет действует как утроба для да. Если ты не можешь сказать нет, твоё да будет бессильным. В нём не будет совершенно никакого смысла, оно не трансформирует твою жизнь. Он будет у тебя только на губах, но не в сердце.

Именно это случилось со всем человечеством. Людей заставили стать теистами, говорящими да, верующими в Бога — но без знания вкуса нет. Да было им навязано. Они не пришли к да, да было им дано, да было заимствованным.

Это простое верование, а все верования слепы. Они заставляют тебя оставаться слепым, они удерживают тебя во тьме. Они заставляют тебя оставаться застрявшим и застойным.

Ничего плохого нет в том, чтобы говорить нет. В нет столько же красоты, что и в да. Нет это способ прийти к да. Используй его как ступень. Не позволяй этому стать привычкой; сознавай это, вот и все. Я не могу сказать, что ты должен начать говорить да, потому что ты для этого еще недостаточно зрел. Продолжай говорить нет, пока нет остается для тебя значительным. Нет разрушит все, что есть ложного, заимствованного. Оно будет отрицать все верования. Оно создаст в тебе пустое пространство.

На Востоке мы называем весь этот процесс *нетти, нетти* — ни это, ни то. Мы никогда этого не осуждали.

Это освобождает тебя от всего мусора, очищает тебя. Это огонь. Пройти через него — необходимый шаг, которого ты не можешь избежать. Да

тех, кто избегает этого шага, это да попугаев. Ты можешь научить попугая чему угодно, и он будет постоянно это повторять. Он этого не подразумевает. Он не вкладывает в это сердца, он просто произносит слова — пустые, полые слова.

Один человек захотел купить попугая. Он пришел в зоомагазин. Ему понравился один попугай — очень красивый. Он спросил цену. Цена оказалась немного чрезмерной: человек просил тысячу долларов.

— Этот попугай действительно столько стоит? — спросил покупатель.

— Спросите самого попугая, — ответил продавец.

Он спросил попугая, и попугай ответил:

— В этом нет никаких сомнений.

Он сказал это очень убедительно. Это звучало очень естественно. Человек купил попугая хотел поскорее показать его жене и детям. Он принес попугая домой. Он спросил его:

— Как тебя зовут?

— В этом нет никаких сомнений, — сказал попугай.

— Что?

— В этом нет никаких сомнений.

— А ты еще что-нибудь знаешь?

— В этом нет никаких сомнений,

— Господи! — сказал человек. — Какой я дурак, что тебя купил!

— В этом нет никаких сомнений.

Это все, что знал попугай. Задай любой вопрос, и ответ будет одним и тем же. Он не имеет ничего общего с вопросами, он не имеет ничего общего с реальностью, это не отзыв. Это просто граммофонная запись. Он продолжает бессмысленно это повторять.

Люди, обусловленные говорить да, — да Богу, да религии, да обществу, да родителям, — их да фальшиво, лишено вещественности. Это даже не тень. Даже в тенях что-то есть, но это абсолютно несуществующая вещь. Родители учат тебя уважать родителей, говорить им да, быть послушным. Конечно, они сами в этом заинтересованы. А священник говорит: Уважай священника, уважай Библию, Коран, Гиту, уважай традицию, уважай условности. Он в этом заинтересован. И так далее, и так далее.

Кто-то спросил Георгия Гурджиева:

— Почему уважение к родителям подчеркивается в каждой религии, в каждой стране, в каждом обществе? Есть ли в нем что-то божественное?

Гурджиев рассмеялся и сказал:

— Да. Бог прекрасно знает, что если люди приучены говорить да родителям, они скажут да и Богу. Он в этом заинтересован, — потому что Бог это фигура отца, высшего отца. Еще Гурджиев сказал: — Родители рано или поздно умрут, и тогда образуется вакуум. Ты уважал своих родителей, ты слушался своих родителей, ты всегда следовал, подражал тому, что они говорили. Ты был просто копией под копирку. Ты почувствуешь себя

очень пустым — настолько, что тебе захочется чем-то заполнить эту пустоту. И именно в этом месте тебя начнет наполнять Бог.

Он пошутил. Бог в этом не заинтересован. Конечно, в этом заинтересованы священники. Бог вообще ни в чем не заинтересован. Фактически, Бога как личности нет; Бог это только божественность.

Человеку не нужно верить в Бога, человеку не нужно говорить да. Человек должен изучить процесс говорения нет.

Поэтому, Джинеш, не волнуйся. Говори нет дерзко, смело. Риски все ради нет. Мало-помалу, ты осознаешь, что нет имеет ограничения. Исследуя возможности нет, ты натолкнешься на определенное пространство, в котором невозможно говорить нет, и да возникает в твоём сердце само собой, не как обусловленность, не потому, что кто-то сказал тебе говорить да. Теперь это твоё собственное цветение. И тогда в да есть красота, тогда в да есть истина, тогда да сделает тебя религиозным человеком. Иначе вы останетесь только подражателями. Вы можете имитировать христианство, индуизм, ислам — неважно, кому вы подражаете.

Я видел, как христиане становятся индуистами, индуисты становятся христианами — они остаются прежними людьми. Более того, я видел, как католики становятся коммунистами — и все же остаются прежними. Я видел, как коммунисты становятся религиозными — но все же остаются прежними. Меняется только объект поклонения. Один Бог низложен, другой помещен на его место — но поклоняющийся остается прежним. Поклоняешься ли ты Мухаммеду или Марксу, Махавире или Моисею, это не будет иметь никакого значения.

Если твоё да не пришло к тебе как рост, тогда оно абсолютно бесполезно. Пройди через огонь нет, но помни одно: не позволяй этому стать привычкой. Это может стать привычкой, и это опасно. Опасность не в том, чтобы говорить нет. Опасность в том, что твоё нет может стать механическим. Поэтому говорит нет сознательно, вот и весь мой совет — говори нет сознательно! Не продолжай говорить нет просто потому, что ты к этому привык. Глупо бессмысленно говорить нет. Если говорить нет — твоё привычка, это нет не осмысленно.

Есть теисты и атеисты, но все они в одной и той же лодке. Кому-то с самого начала сказали, что Бог есть — скажи да, и ты будешь спасен. Кому-то сказали, что Бога нет — скажи нет, и ты будешь спасен. Оба они повторяют. Кому ты подражаешь, неважно.

Один человек вошел в ресторан и заказал чашку чая. Он сказал:

— П-п-пожалуйста, п-п-принесите чашку чая.

Другой человек, сидящий за столиком напротив, повторил то же самое:

— П-п-пожалуйста, п-п-принесите чашку чая.

Первый человек в гневе посмотрел на второго, но ничего не сделал. Тогда вошел третий человек и сказал, чтобы ему принесли чашку чая. Тогда второй человек сказал:

— Да, принесите и мне вторую чашку чая.

Теперь первый человек действительно разозлился. Он сказал:

— В-в-вы за мной повторяете!

Второй человек сказал:

— Н-н-нет. Я повторяю за ним.

Кто за кем повторяет? Важно ли это? Подражание есть подражание.

Люди — подражатели. Весь мир полон подражателей. Ты думаешь, эти подражатели говорят да? Ты думаешь, эти подражатели говорят нет? Они ничего не говорят, они просто повторяют все, что им сказали повторять.

Поэтому, Джинеш, просто помни одну вещь: не позволяй этому становиться привычкой. Осознай это, и ты будешь безмерно обогащен.

Я слышал:

Один бывший нацист пытался скрыть тот факт, что он был штурмовиком. Он решил стать оперным певцом.

Когда пришел вечер его дебюта, он вышел на сцену, посмотрел в зал и сказал:

— Я собираюсь петь — вы собираетесь слушать.

Вещи становятся бессознательными. Их не скроешь. Все, кроме тебя, смогут их увидеть. Если ты можешь видеть свои привычки, ты начинаешь становиться немного непривязанным, разотождествленным с ними, немного отстраненным. Сама эта отстраненность есть трансценденция. Тогда, когда будет нужно сказать нет, ты скажешь нет. А когда будет нужно сказать да, ты сможешь сказать да. Ты не будешь застывшим.

Быть заставшим значит быть ненормальным. Я не хочу, чтобы вы на все говорили да; я хочу, чтобы вы были сознательными, бдительными, наблюдательными, ответственными. Бывают мгновения, когда все твое существо хочет сказать нет. Тогда скажи нет. Если нужно рискнуть всем, рискни, но не будь лживым с собственным существом. Бывают мгновения, когда все существо говорит: «Скажи да». И тогда тоже, может быть, сказать да будет значить подвергнуть себя огромной опасности, но скажи да. Именно это путь саньясина, действительно религиозного человека.

Не становись застывшим. Ты можешь перейти от нет к да, но останешься по-прежнему бессознательным и застывшим. Тогда ничего не происходит. Твое неверие становится верованием, но ты остаешься прежним человеком.

Айра Шварцбаум думал, что он Бог. Его обеспокоенные родители, не в силах разубедить его в этом, в конце концов привели его на прием к психиатру.

Айра лег на кушетку и закрыл глаза.

— Скажите, — сказал психиатр ободряющим, сочувственным тоном, — как все это началось?

— В первый день, — сказал Айра, — я создал Землю, затем...

Ты можешь стать застывшим. А когда ты зацикливаешься на определенной вещи, когда ты не можешь смотреть на это отстраненно, когда ты не можешь создать дистанцию между собой и этим — ты ненормальный. На чем ты зациклен, неважно. Будь ты коммунист или католик, индуист или мусульманин, верующий или неверующий, сторонник нет или да — все это одно и то же.

Поэтому, Джинеш, не волнуйся о том, что ты говоришь нет. Сознавай это. Когда в следующий раз ты скажешь нет, не говори это просто по привычке, из старого образца. Отражай, наблюдай, жди... и пусть в тебе возникнет отклик. И ты будешь удивлен — рождается да. Оно родится в тебе, но не будет навязано снаружи.

Твоя свобода — высшая ценность. Нет ничего выше. Но свобода возможна лишь если ты не заключен в свои привычки, бессознательные жизненные образцы. Перенеси свой гештальт с бессознательности на сознание. И я знаю, что становясь сознательнее, ты сможешь говорить да чаще, чем нет.

В конце концов приходит момент, когда жизнь становится просто да. Но это не навязчивая идея. Ты по-прежнему можешь говорить нет, ты не потерял способность говорить нет. Фактически, чем больше твое да, в той же пропорции увеличивается и твоя способность говорить нет. Ты можешь не говорить... может быть, это не нужно. Может быть, твое понимание жизни, твой любовный роман с жизнью приносят тебе такую радость, что ты не хочешь говорить нет. Может быть, ты видишь, как это по-детски, какая это глупость, какое упрямство. Может быть ты видишь в этом яд и не говоришь нет, но это не значит, что ты лишился способности говорить нет. Чем более ты способен говорить да, тем большей будет и твоя способность говорить нет. Но теперь все будет определяться твоим сознательным откликом.

В конце концов пробужденный человек прекращает говорить нет. Он не решает преднамеренно, что перестанет говорить нет... оно просто увядает, точно как сухие листья падают с дерева.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Почему так трудно и страшно показывать свои чувства и просто быть собой?

Прем Девен,

Показывать свои чувства и просто быть собой трудно, потому что тебе тысячи лет говорили подавлять свои чувства. Это стало частью коллективного бессознательного. Тысячи лет тебе говорили не быть собой. Будь

Иисусом, будь Буддой, будь Кришной, но никогда не будь самим собой. Будь кем-то другим. Веками тебе постоянно учили — и так настойчиво, что это вошло тебе в кровь, впиталось до мозга костей.

Глубокое отвержение самого себя стало частью вас. Все священники вас осуждали. Вам говорили, что вы грешники, что вы родились в грехе. Вашей единственной надеждой было, что вас может спасти Иисус или Кришна, но что касается тебя, у тебя нет надежды — ты не можешь себя спасти, тебя спасет кто-то другой. Ты обречен, ты можешь только умолять Иисуса, Кришну тебя спасти. Что касается тебя, ты просто ничтожество, ты просто прах и больше ничего. В вас нет ценности, вас низвели до уродливых вещей, отвратительных существ. Именно поэтому, Дивен, человеку так трудно и страшно показывать свои чувства. Вас учили быть лицемерами.

Лицемерие окупается, а все, что окупается, кажется ценным. Говорят, что честность это лучшая политика — но помни, лучшая политика. Даже честность стала только политикой, потому что она окупается. Если она не окупается, что тогда? — тогда лучшая политика нечестность. Все зависит от того, что работает, что окупается, что делает тебя богаче, уважаемее, дает тебе больше удобства, безопасности, защиты, что дает больше питания твоему эго — это и есть лучшая политика. Это может быть честность, это может быть нечестность... что бы это ни было, используй это как средство; это не цель.

Религия тоже стала хорошей политикой. Это своего рода страховка для иного мира. Ты готовишься к другому миру, оставаясь добродетельным, ходя в церковь, жертвуя бедным. Ты открываешь счет в раю, поэтому когда ты туда попадешь, тебя примут с великой радостью, и ангелы будут кричать «Аллелуйя!», танцевать, играя на своих арфах. Величина твоего счета там зависит от того, сколько добродетельных поступков ты совершил здесь.

Религия тоже стала бизнесом, а твоя реальность подавлена. Подавленных людей так уважали. Вы называли их святыми; на самом деле, они шизофреники. Их нужно лечить, им нужна терапия — а вы им поклоняетесь. Если хотя бы один из ста ваших святых окажется настоящим, это будет чудо. Девяносто девять — просто фигляры, притворщики, обманщики. Я не говорю, что они обманывают вас... они обманывают и себя. Эти люди подавляют себя.

Я знал много махатм в этой стране, которых массы уважали как никого другого. Я был очень близок с этими людьми, и с глазу на глаз они открывали мне свои сердца. Они уродливее обычных людей.

Когда-то я навещал заключенных, учил их медитировать, и я заметил... Сначала я был удивлен тем, что заключенные, — даже те, кто был приговорен пожизненно, — гораздо невиннее ваших святых, гораздо лучшие люди, чем ваши святые, более простые, невинные. Ваши святые коварны, хитры, у ваших святых есть лишь одно качество: они могут себя подавлять. Они постоянно подавляют. Тогда, естественно, они становятся расщеп-

ленными. У них два вида жизни: одну они живут с парадного входа, другую — с черного хода; одну они живут напоказ, другую — настоящую — они никому не показывают. Они боятся даже увидеть самих себя.

Так же и с тобой, конечно, в меньшем масштабе, Дивен, потому что ты не святой. Твоя болезнь еще не неизлечима, ее можно излечить. Она еще не так обострена, она еще не стала хронической. Твоя болезнь точно как обычная простуда: она легко может исчезнуть.

Но все находятся под влиянием этих так называемых святых, которые на самом деле больные люди. Они столько подавили — они подавили секс, они подавили жадность, они подавили гнев — они кипят внутри. Их внутренняя жизнь кошмарна. У них нет ни мира, ни молчания. Все их улыбки просто нарисованы.

Я слышал об одной красивой женщине, которая приехала с Запада в поисках мира. Она отправилась в Гималаи. Она услышала о великом святом, который жил в пещерах. Достичь этих пещер было нелегко, но вы знаете американцев: чем труднее, тем интереснее; это становится вызовом.

И эта американская дама добралась до вершины, где жил святой. Он жил там тридцать лет абсолютно один. За все это время его не навестило ни одно человеческое существо, потому что индусы очень ленивы; они не возьмут на себя труда идти так далеко. Они устроили все по-другому: раз в двенадцать лет они собираются в Ахмедабаде, и все святые из пещер спускаются, чтобы они могли увидеть всех святых разом. Они не беспокоятся о том, чтобы идти в Гималаи. Те, кто хочет, чтобы им поклонялись, приходят сами.

Но американская дама проделала тяжкий путь и добралась туда, и она сказала святому:

— Я пришла в поисках мира. Я хочу мира ума и мира сердца.

Святой сказал:

— Да, ты пришла в правильное место. Ты получишь и то, и другое. Не беспокойся, дочь моя. Это нетрудно. Ты получишь мир ума и мир сердца.

Она была очень довольна. Наконец-то кто-то говорит с такой уверенностью. Она видела многих психиатров и терапевтов; они говорили, что анализ займет семь лет, но и тогда гарантии нет. Этот человек так уверен, и выглядит таким молчаливым, таким счастливым... человек совершенно из другого мира, такой неземной.

Но среди ночи святой прыгнул в постель этой женщины. Она была так потрясена, что несколько секунд не могла выговорить ни слова. И он стал заниматься любовью с этой женщиной.

Она сказала:

— Что ты делаешь? Ты обещал мне мир ума и мир сердца! Что ты делаешь?

Он сказал:

— Сначала первоочередное! О других вещах мы позаботимся потом. Человек должен начинать с самого начала.

Если ты подавляешь... Это было его проблемой. Мир ума и мир сердца не был его проблемой; наверное, он подавлял себя тридцать лет и не видел ни одной женщины. И я не знаю, действительно ли эта женщина была красива, потому что если тридцать лет не видеть женщин, любая женщина покажется красивой! Любая женщина выглядит так, словно она божественного происхождения.

Индуистские писания полны историй о том, что когда великий святой подходит совсем близко к достижению просветления, красивая божественная женщина приходит его отвлекать. Я так и не смог понять, почему боги должны быть заинтересованы в том, чтобы отвлекать этих бедных парней. Какой-то аскет, который годами постится, подавляет, стоит на голове, мучит себя... он никому не причинил вреда, кроме самого себя. Почему боги должны быть заинтересованы в том, чтобы его отвлекать? На самом деле, они должны ему помогать! А они присылают красивых женщин... обнаженных... и эти женщины танцуют вокруг бедного парня, делая непристойные жесты. Естественно, он становится жертвой, он соблазнен, он отступает от добродетели — как будто боги против всякого, кто приближается к просветлению. Это кажется смехотворным. Они должны помогать. Вместо того, чтобы помогать, они приходят разрушать.

Но эти истории не нужно понимать буквально: они символичны, это метафоры. Они очень значительны. Если бы Зигмунд Фрейд наткнулся на эти истории, он наслаждался бы ими. Для него они были бы находкой. Они поддержали бы психоанализ как ничто другое. Никто не приходил; эти подавленные люди проецировали. Это были их желания, подавленные желания — подавляемые так долго, что они приобрели такую власть, что люди видели сны с открытыми глазами.

Поэтому не знаю, действительно ли эта была женщина красива, но, наверное, она показала красивую так называемому святому.

В Индии если женщина сидит на каком-то месте, святых учат не сидеть на этом месте некоторое время, потому что это место излучается опасность. Видите, как это глупо? А они были учителями человечества. Все это люди, которые заставили тебя, Дивен, бояться собственных чувств — потому что ты не принимаешь их как свои чувства. Ты отвергаешь их, отсюда страх.

Прими их, в них нет ничего плохого, с тобой все в порядке! Все что нужно это не подавление и не разрушение. Ты должен научиться искусству создавать гармонию в своих энергиях. Ты должен стать оркестром. Да, если ты не умеешь играть на музыкальных инструментах, ты создашь шум, ты сведешь соседей с ума. Но если ты знаешь искусство игры на инструментах, ты можешь создать прекрасную музыку, ты можешь создать небесную музыку. Ты можешь принести на землю нечто из запредельного.

Жизнь это тоже великий инструмент. Тебе предстоит научиться на ней играть. Ничего не нужно вырезать, разрушать, подавлять, отвергать. Все, что дал тебе Бог, прекрасно. Если ты не смог использовать это красиво,

это просто показывает, что ты еще недостаточно искусен. Мы все принимаем наши жизни как должное, а это неправильно. Нам дана только возможность в сыром виде. Нам дан только потенциал жизни; мы должны научиться претворять его в реальность.

Именно в этом вся саньяса, Девен. Именно на это направлены все средства: медитация, терапии — должны быть использованы все возможные источники, чтобы ты мог узнать, как использовать свой гнев таким образом, чтобы он стал состраданием, как использовать секс таким образом, чтобы он стал любовью, как использовать жадность таким образом, чтобы она стала щедростью. Каждая энергия, которая у тебя есть, может стать своей полярной противоположностью, потому что в ней всегда содержатся полярные противоположности.

Твое тело содержит душу, материя содержит ум. Мир содержит Бога. Пыль содержит божественность. Тебе предстоит это открыть, а первый шаг к открытию — принять себя, наслаждаться тем, чтобы быть собой. Ты не должен быть Иисусом, нет, ты не должен быть Буддой. Ты не должен быть мною или кем-то еще. Ты должен просто быть собой. Бог не хочет штампованных копий; он любит твою уникальность. И ты можешь предложить себя Богу только как уникальное явление. Ты можешь быть принят им в дар лишь как уникальное явление. Подражание Иисусу, Кришне, Христу, Будде, Мухаммеду — это не поможет. Подражатели неизбежно будут отвергнуты.

Будь самим собой, подлинно самим собой. Уважай себя. Если Бог дал тебе жизнь, он уважает тебя. Неужели у тебя стандарты выше, чем у самого Бога? Люби себя. Бог любит тебя. И тогда начни наблюдать в себе все виды энергий — в вас заключена безграничная вселенная!

И мало-помалу, по мере того как ты становишься сознательным, ты сможешь разложить все по своим местам, в правильном порядке. Ты весь перемешан, это правда, но с тобой все в порядке. Ты не грешник — нужна лишь небольшая перестановка, и ты станешь красивым явлением.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Трачу ли я силы впустую, рассматривая оккультизм как способ исследовать внутреннее пространство?

Марк,

Оккультизм — для дураков. Бог не скрыт; Бог очень проявлен. Он повсюду вокруг: он поет в птицах, цветет в цветах. Он зеленеет в деревьях, алеет в розах. Он дышит в тебе. Он говорит через меня и слушает через тебя в это самое мгновение. Но ты не хочешь видеть очевидного.

У человека есть патологический интерес к оккультному. Оккультное значит то, что скрыто. Человек хочет интересоваться скрытым — а ничего не скрыто! Что касается Бога, ничего не скрыто. Просто открой глаза, и вот он стоит перед тобой. Будь молчалив, и ты услышишь тихий шепот у себя внутри. Зачем идти в оккультизм, чтобы исследовать внутреннее пространство? Почему не пойти непосредственно во внутреннее пространство? Оккультизм это такая чепуха, и ей нет конца, потому что все это выдумки. Это религиозная фантастика. Точно также как есть научная фантастика, оккультизм это религиозная фантастика. Если ты любишь фантастику, все в полном порядке. Но тогда не думай, что читая научную фантастику, ты изучаешь науку. И не верь в научную фантастику, не действуй из этого верования; иначе в конце концов ты окажешься в сумасшедшем доме.

Оккультизм в точности похож на научную фантастику. Люди любят фантастику; в этом нет ничего плохого, но ты должен знать, что это вымысел. Наслаждайся, но не принимай это всерьез.

Во времена Будды было восемь великих мастеров. Махавира был известен — он был последним мастером традиции джайнов. Он говорил, что есть три ада. Один из его учеников стал ренегатом, отрекся от него, объявил себя мастером и стал говорить о семи адах. Он говорил людям: «Махавира мало знает; он знает только три ада, а я знаю семь». И, естественно, это производило на людей большое впечатление. Махавира говорит только о трех адах, а он говорит о семи!

Великим мастером был Санджай Велетипутта, другой современник Будды. Наверное, он был человеком вроде меня — несерьезным. Он стал говорить о семиста адах. Он сказал: «О чем говорит этот Гозалак? — только семь? Их семьсот, и есть также семьсот небес».

Он пошутил, но люди очень заинтересовались. Кажется, это дельный человек — он так глубоко проник в оккультизм.

Однажды последователь Радхасвами, небольшой секты, ограниченной территорией неподалеку от Агры, пришел ко мне. Я был в Агре. Он был каким-то священником, и он сказал:

— Знаете, наш мастер сказал, что четырнадцать планов существования.

— Только четырнадцать? — сказал я.

— Что значит «только четырнадцать»? А что, их больше?

— Конечно, — сказал я.

— Но наш мастер говорит, что их только четырнадцать. Мухаммед достиг только третьего, — сказал он; он взял с собой карту, — Кабир и Нанак достигли пятого. Махавира и Будда на седьмом, — и так далее, и так далее. Но никогда не было никого, кто достиг бы четырнадцатого кроме самого так называемого мастера. Я сказал:

— Я знаю вашего мастера. Я видел, как он барахтается на четырнадцатом уровне. Он пытается изо всех сил, но не может из него выбраться. Я знаю,

потому что вышел на пятнадцатый. Всего есть пятнадцать планов существования.

— Но вы первый человек... — сказал он. Он был под большим впечатлением. Он коснулся моих ног и сказал:

— Вы открыли мне великую тайну.

— Не будьте дураком, — сказал я. — Я просто пошутил! Есть две категории людей: сознающие люди и несознающие. У сознающих людей нет иерархии, в которой один сознавал бы больше другого, в которой кто-то был бы на пятом уровне, кто-то на седьмом, кто-то на девятом, кто-то на четырнадцатом. В сознании нет низшего и высшего. Сознание это просто сознание.

Но его это не очень заинтересовало. Гораздо сильнее его интересовало мое пребывание на пятнадцатом уровне.

Люди интересуются религиозной фантастикой.

Марк, не трать время на оккультизм, если только ты не интересуешься романами, вымыслом. Тогда все в порядке, тогда проблем нет...

Оккультный лектор готовился прочесть лекцию о предмете сверхъестественных проявлений.

— Ах, друзья мои, — воскликнул он, и его лицо оживилось увлечением и энтузиазмом. — Если бы только могли поверить! Если бы мир мог перестать насмехаться и осознал, что пришествия с Мистического Берега происходят все время!

Лектор поискал глазами в аудитории сочувственные души, которые согласились бы с его философией.

— Говорю вам по собственному опыту, — продолжал он, — но, несомненно, один из вас тоже имел опыт непосредственного общения с ушедшим духом. Если в аудитории есть такой человек, соприкоснувшийся с привидением, я буду признателен, если он встанет.

Миссис Файгель Фрум поднялась на ноги.

— Я, — сказала она громко. — У меня был такой опыт, что вы не поверите.

— Очень многообещающе, — сказал радостно оратор, когда стихли аплодисменты. — Приветствуйте добровольного свидетеля; человек, совершенно мне незнакомый, поднимается, чтобы дать свое свидетельство. Моя дорогая леди, правильно ли я понял, что вы сказали, что были в контакте с привидением?

— В контакте? — отозвалась миссис Фрум. — Даже лучше. Когда маленькой девочкой я была в России, один из них забодал меня до синяков.

— Привидение забодало вас?

— Вы сказали привидение? Боже мой! Я думала, козел!¹⁵

¹⁵ Goat: козел; звучит как ghost: привидение.

Не трать время на привидений и козлов. Если хочешь исследовать внутреннее пространство, исследуй внутреннее пространство. При чем тут оккультизм? Это способ избежать внутреннего пространства, не исследовать его. Это способ оставаться занятым полной ерундой! И теософия, особенно в этом веке, распространила столько ерунды: сотни книг о всех возможных глупостях. Люди так легковерны, что готовы поверить во что угодно.

Сегодня человек существует в своего рода вакууме. Старые религии умерли или почти умирают. Они либо умерли, либо при смерти; поэтому везде всходят ростки новых кредо, и всем новым кредо необходим вымысел, чтобы вас подманить.

Я не могу дать вам никакого религиозного вымысла. Ничто эзотерическое меня не интересует. Я очень приземленный человек. Я просто утверждаю факты. Я не хочу их украшать. Я не хочу создавать у тебя в уме иллюзии; я не хочу создавать у тебя в уме проекции. Я пытаюсь здесь помочь тебе выйти за пределы ума и всего твоего оккультизма и эзотеризма, теологии, антропософии — есть столько школ. Ты можешь создать свою собственную; не нужно верить в чью-то школу, ты можешь создать свою собственную. Все что нужно это карандаш и бумага; ты можешь просто писать собственный вымысел. Он будет гораздо более просветляющим. По крайней мере, это будет нечто творческое. Затем дай кому-то экземпляр, и ты найдешь последователей. Тогда ты узнаешь, что люди верят во что угодно.

Джидду Кришнамурти был воспитан теософами. Его вскормили, взрастили на всевозможном оккультизме. Он так объелся оккультизмом, что когда теософы собрались объявить его учителем мира... В тот день они собрали теософов со всего мира — шесть тысяч ведущих теософов — и когда Кришнамурти попросили объявить себя учителем мира, он встал и сказал: «Я распускаю эту организацию. Я никакой не учитель. Я покончил со всем этим, и не хочу больше ничего говорить!»

Они были шокированы, но насколько я вижу, это было логическим заключением. Годами его учили всевозможной ерунде всевозможные глупцы. Ему все это надоело. Но пожилые дамы, особенно пенсионеры, были очень заинтересованы. Они составляли большинство теософов — пенсионеры, пожилые дамы, которые больше не знают, чем заняться, — они собираются и говорят чепуху о духах и тибетских мастерах, летающих по воздуху, письмах от мастера К. Х.... Никто не знает, кто такой этот К. Х. Его полное имя Кут Хуми. Что это значит, никто тоже не знает. Чем меньше ты понимаешь, тем лучше.

Кут Хуми — сокращенно К. Х. — писал письма, пока в конце концов не было обнаружено, что письма были написаны самой Блаватской. Слуга прятался на крыше — только представь, на крыше Будда-холла! — и в ней была маленькая дырочка, в которую он бросал письма, когда теософы сидели с закрытыми глазами в ожидании Кута Хуми.

Люди так глупы... Обычная бумага — они могли даже определить сорт бумаги и выпустившую ее фабрику, — обычные чернила, почерк Блаватской. Тогда письмо читали, все письма собирали и считали великими сокровищами. Но в Высшем Суде рассматривалось дело против одного из великих теософов, Лидбитера. Он был коллегой Анни Безант, и его подозревали в гомосексуализме. Просто грязный старик, вот и все!

Против него в Верховном Суде рассматривалось дело, и ходе разбирательства его слуга признался, что он и был человеком, прятавшимся на крыше. Он пошел и показал дырочку в потолке и место, где он прятался, и все открылось. И все же люди читали эти письма и верили, что их написал Кут Хуми.

Когда люди хотят верить, когда они чувствуют себя пустыми, нужно какое-то верование. Они цепляются за что угодно, они не слушают... они не слушают собственное сердце. Им просто нужно верование; и каждый готов им его предложить. Когда есть спрос, есть и предложение. Людям нужен вымысел, и другие люди — хитрые, коварные люди — продолжают его поставлять.

В католической школе маленького Ганса попросили привести пример сложносочиненного предложения.

— У нашей кошки родилось десять котят, — ответил он, — и все десять — добрые католики.

— Превосходно, — сказал учитель. — Ты так же хорошо понимаешь нашу грамматику, как и религию.

На следующей неделе епископ посетил школу, и учитель вызвал Ганса.

— У нашей кошки родилось десять котят, — сказал Ганс, — и все десять — добрые саньясины.

— Но неделю назад ты говорил совсем другое! — воскликнул учитель.

— Да, — ответил Ганс, — но теперь у моих котят раскрылись глазки.

Будь немного бдителен, наблюдателен. Вокруг полно обманщиков; тебя легко обмануть.

По пути в бар за Морисси вдруг увязалась большая ободранная собака.

Они вошли вместе, и Морисси заказал скотч и ради смеха спросил собаку:

— А ты как обычно?

— Нет, спасибо, сегодня утром я достаточно выпила, — ответила собака.

Бармен был потрясен. Он предложил за собаку пятьдесят долларов.

— Нет, сэр! — сказал Морисси. — Эта собака со мной с тех пор, как была еще щенком.

— Сто долларов! — сказал бармен.

Морисси покачал головой. Когда дело дошло до пятисот долларов, он схватил деньги и направился к двери.

— Ну что же, — добавил он, — заботьтесь о нем как следует. — Прощай, старый друг! — воскликнул он.

— Старый друг, черт тебя возьми! — сказала собака. — После того, что ты только что сделал, я никогда в жизни не заговорю с человеческим существом!

Остерегайся коварных людей, они есть везде. Не позволяй себя эксплуатировать. Достаточно долго человечество эксплуатировали коварные и хитрые; пришло время поставить на этом точку. Будь немного более зрым.

Если хочешь исследовать внутреннее пространство, медитируй. Слушай, что говорит Будда: Успокой ум, отражай, наблюдай, и вся тьма исчезнет сама собой, и ты наполнишься светом.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Твои шутки заходят слишком далеко! Полегче с священниками.

Любимый Мастер, я наслаждаюсь существованием из-за Твоего просветления! Мне здесь хорошо — быть дома после многих лет поисков.

Дэва Чинтана,

Мне жаль, если это тебя обижает. Я знаю... Дэва Чинтана была монахиней. Она поступила смело. Она ушла из монастыря и стала саньясинкой. И естественно, мои шутки о священниках кажутся ей немного жестокими. Я должен был подумать о ней. В будущем я буду осторожнее, Чинтана.

Шутка для тебя:

Папа Римский умер... и естественно предположил, что попадет на небеса. И вот, одетый в полное папское облачение, он подошел к Жемчужным Вратам, и пройдя мимо Святого Петра, направился прямо ко входу.

— Эй, ты! Куда ты идешь? — закричал Святой Петр, и ангела-хранителя выступили вперед и загородили дорогу.

— Посмотри сюда, — сказал Папа. — Я Папа и я...

— Кто?

— Папа!!! Я Папа католической церкви и хочу на небеса.

— Папа? — сказал Святой Петр. — Никогда не слышал о тебе. У нас нет никого с таким именем, правда, Гавриил? Нет, сэр, извините, но вы не можете войти.

— Эй, послушай! Я Папа! Ты должен меня впустить. Спроси Бога-отца, он меня знает!

Святой Петр звонит Богу-отцу:

— Эй, Бог, это Святой Петр — служба ворот. Извини за беспокойство, но здесь один парень называет себя «папой» и хочет войти — говорит, что ты его знаешь.

— Кто? — спрашивает Бог-отец.

— Папа.

— Кто-кто?

— Я думаю, это то, что он сказал.

— Нет, никогда не слышал о нем.

— Извини, Папа — Бог-отец говорит, что он тебя не знает.

— Что? Но послушай, я Папа. Он должен меня знать! Слушай сюда, спроси Бога-сына. Он точно меня знает — я его представитель на Земле — он должен меня знать!

Святой Петр звонит Богу-сыну, но ответ тот же:

— Папа? Никогда о нем не слышал!

Папа в отчаянии:

— Послушай, ты должен мне помочь. Позвони Святому Духу — он-то конечно меня знает! Я Папа, Папа Католической Церкви, духовный представитель Иисуса Христа на Земле! Он должен меня знать!

Святой Петр звонит Святому Духу.

— Гмм, Папа, говоришь, — отвечает Святой Дух. — Гмм, да, я где-то слышал это имя... Подожди минуту! Это тот самый ублюдок, который распускает сплетни обо мне и Деве Марии! Скажи, чтобы он убирался к черту!

Чинтана, я попытаюсь, как только смогу. Но священники есть священники; они — самые уродливые люди в мире, самые хитрые люди в мире, хотя выглядят они совсем по-другому.

Я не говорю, что среди нет хороших людей. Некоторые хорошие люди тоже ловятся в эту сеть, но эти хорошие люди инфантильны. Эти хорошие люди легковверны, этих хороших людей легко эксплуатировать.

Человечество должно избавиться от жречества, лишь тогда может быть религия. Священники были очень разрушительны. Именно из-за них мир еще не религиозен. Они разделили человечество вместо того чтобы сделать его целым. Во имя религии было пролито больше крови, чем во имя чего-либо другого. Фактически, я не очень жесток с ними, я с ними очень мягок. Их нужно бить крепче. Когда я их бью, я на самом деле бью не их, я бью твою обусловленность.

Что еще мне делать с Папой, шанкарачарьей, имамам или Аяталлой Хомейниаком? Я не имею с этими людьми ничего общего. Но когда я их бью, я просто бью цепи у тебя внутри, которые заставляют тебя оставаться в рабстве. Мои шутки о священниках просто должны помочь тебе выйти из тюрьмы, смеясь. Я не хочу, чтобы выход из тюрьмы стал для тебя серьезным делом, потому что если это становится серьезным делом, на тебя повлияет серьезность, и ты будешь нести на себе тяжелый груз. И есть

большая опасность того, что ты начнешь проецировать свою серьезность на меня.

Я могу очень легко освободить тебя от священников, но опасность в том, что ты можешь начать проецировать на меня все то, что проецировала на священника. Это совсем не свобода; это только перемена цепей.

Кто-то другой спросил меня:

Я трус и не могу принять саньясу. Что будет со мной?

Иисус был на кресте, слева и справа — воры. Внезапно стражники исчезли, и они остались одни. Видя, что вокруг никого нет, Иисус обратился к ворам.

— Покайтесь, братья! — сказал он. — Покайтесь, и Царство Божье откроется вам. Я возьму вас с собой в Дом своего Отца. Покайтесь!

Один из воров поклонился Иисусу, говоря:

— Я каюсь, Господи! Возьми меня с собой в Царство Божье!

Другой вор отвернулся с досадой.

— Прекрати этот вздор! — воскликнул он.

Иисус настаивал:

— Покайся! Приди к моим ногам!

— Иди к черту! — ответил вор.

Иисус посмотрел на него сострадательно и сказал:

— Не повезло, старая калоша! Тебя не будет на сувенирных открытках, вот и все!

Не беспокойся, если ты не саньясин. Если ты можешь набраться храбрости, чтобы быть саньясином, тебя не будет на сувенирных открытках, вот и все. Не принимай это всерьез.

Все мое усилие здесь в том, чтобы сделать саньясу как можно несерьезнее. Я не хочу стать Папой или шанкарачарьей. Я не хочу стать для вас заменителем, суррогатом. Я не хочу стать для вас фигурой отца. Я хочу просто быть другом.

Поэтому мои дискурсы — не обычные религиозные проповеди. Я просто болтаю. Это не евангелия, это болтовня!

На сегодня достаточно.

Глава 9

Наслаждайся медитацией

*Овладей органами чувств:
Вкусом и запахом,
Зрением и слухом.*

*Во всем будь хозяином
Того, что ты делаешь, говоришь и думаешь.
Будь свободным.*

*Ты — искатель.
Наслаждайся тем, что ты хозяин
Своих рук и ног,
Своих слов и мыслей.*

*Наслаждайся медитацией
И уединением.
Собери себя, будь счастлив.
Ты — искатель.*

Свобода это конечная цель истинной религии — не Бог, не рай, даже не истина, но свобода. Это нужно понять, потому что это суть послания Гаутамы Будды. Для него свобода это высочайшая ценность, *summum bonum*; нет ничего выше. Но под свободой он не подразумевает политическую свободу, социальную свободу, экономическую свободу. Под свободой он подразумевает свободу сознания.

Наше сознание в глубоком рабстве; мы скованы. Внутри наша тюрьма, не снаружи. Стены тюрьмы не снаружи нас; она существует в глубине на-

шего бессознательного. Она существует в наших инстинктах, она существует в наших желаниях, она существует в нашей неосознанности.

Свобода это цель.

Сознание это метод достичь цели.

А когда ты действительно свободен, ты — мастер; рабство исчезает. Обычно мы кажемся свободными, но мы не свободны. Может быть, кажется, что мы выбираем, но мы не выбираем. Нас тянут, толкают бессознательные силы.

Когда влюбляешься в мужчину или женщину, думаешь ли ты, что ты так решил, что это твой выбор? Ты прекрасно знаешь, что ты не можешь выбрать любить, ты не можешь заставить себя кого-то полюбить. Ты не хозяин, ты просто раб биологических сил. Именно поэтому во всех языках мира есть выражение «упасть в любовь» — ты падаешь в любовь: ты падаешь из своей свободы, ты падаешь из своей самости. Если бы любовь была твоим выбором, ты поднимался бы в любви, не падал в любовь. Тогда любовь исходила бы из твоего сознания, и в ней было бы совершенно другое качество, иная красота, иной аромат.

Обычная любовь воняет — воняет ревностью, гневом, ненавистью, собственничеством. Это совершенно не любовь. Природа толкает тебя к чему-то такому, что не является твоим выбором; ты просто жертва. Это наше рабство. Даже в любви мы рабы, что говорить о других вещах? Любовь кажется нашим величайшим опытом; даже это состоит из нашего рабства, даже в этом мы страдаем.

Люди страдают от любви больше, чем от чего-либо другого. Величайшее страдание в том, что она вводит тебя в заблуждение — она создает иллюзию того, что ты выбираешь, и вскоре ты узнаешь, ты не выбираешь; природа сыграла с тобой трюк. Тобой владели бессознательные силы, ты одержим. Ты действуешь не по своей воле; ты действуешь как проводник. Это первое страдание, которое испытывает влюбленный, а одно страдание влечет за собой целую цепь страданий.

Вскоре ты осознаешь, что стал зависеть от другого, что теперь без другого ты не можешь существовать, что без другого ты начинаешь терять все чувство смысла, важности. Другой стал твоей жизнью, и ты предельно зависим; поэтому любовники постоянно ссорятся, потому что никто не хочет быть зависимым, каждый ненавидит зависимость. Никто не хочет, чтобы им владел кто-то другой, потому что быть собственностью значит быть низведенным до вещи. Все человечество страдает по той простой причине, что каждые отношения постоянно принижают тебя, продолжают делать тюрьму меньше и меньше.

Будда говорит: Эта жизнь — не истинная жизнь. Тобой живут, ты на самом деле не живешь. Тобой живут бессознательные силы. Пока ты не станешь сознательным, пока ты не возьмешь в руки свою жизнь, пока ты не станешь независимым от своих инстинктов, ты не будешь мастером. А если ты не мастер, нет ни блаженства, ни благословения; жизнь остается адом.

Первая сутра:

*Овладей своими чувствами,
Своим вкусом и обонянием,
Тем, что ты видишь и что ты слышишь.*

Эта сутра была понята и интерпретирована очень неверно, неверно до такой степени, что буддисты восприняли ее полную противоположность. *Овладей своими чувствами* не значит «разрушь свои чувства». Если ты их разрушишь, чем ты собираешься овладеть? А именно это происходило двадцать пять столетий: буддисты разрушали свои чувства. Это легче, отсюда эта ошибка. Трудно, тяжело овладеть чувствами. Чтобы овладеть чувствами, нужно огромное сознание; чтобы их разрушить, не нужно ничего.

Если ты хочешь построить красивый дом, тебе придется многому научиться, но если ты хочешь разрушить, ничего учиться не нужно. Разрушить его может кто угодно, любой сумасшедший. Фактически, сумасшедший делает это быстрее любого другого. Чтобы разрушить здание, не нужно знать архитектуру. Разрушение не требует ни искусства, ни разума.

А именно так эту сутру интерпретировали веками по той простой причине, что разрушение проще; это может сделать любой глупец. И ваши так называемые святые почти всегда глупы. Очень редко можно встретить настоящего святого, творческого человека. Им поклоняются как святым, потому что они успешно совершили самоубийство — медленно самоубийство, конечно, — медленно разрушая себя, медленно отравляя себя. Мы поклонялись смерти, разрушению. Мы должны научиться — теперь пришло время — мы должны научиться любить жизнь и любить творчество, создание.

В моем понимании эта сутра совершенно иная. «Овладей своими чувствами» значит стать более осознающим чувства, более чувствительным. Не разрушай их; иначе ты останешься без дверей и окон в создание, в Бога, в истину.

Есть история об одном индуистском мистике. Я не верю, что это правда, потому что на меня произвели глубокое впечатление великие изречения этого мистика; они так красивы, что почти невозможно себе представить, чтобы он сделал такую вещь.

Его звали Сурдас. Он был слепым, но не от рождения; так говорится в истории. Он сам разрушил себе глаза, потому что увидел красивую женщину, и она его взволновала. Она взволновала его воображение, он стал думать о ней — а он был монахом. Он разрушил глаза, потому что подумал, что именно глаза заставили его осознавать ее красоту. Если бы не было глаз, он не потерял бы покой.

Я не верю в эту историю, но это правда о тысячах людей. Мой собственный опыт говорит, что, должно быть, Сурдас был слеп с самого начала, потому что прозрение его поэзии таково, что такой дурацкий поступок для этого человека невыносим.

Разрушив глаза, ты не можешь освободиться от женщин или мужчин. Ты можешь закрыть глаза, это ничего не изменит. Фактически, с закрытыми глазами женщины покажутся тебе еще красивее!

Именно поэтому, когда ты занимаешься любовью с женщиной, она закрывает глаза; ты кажешься красивее. Иначе, глядя на тебя, она испугается, потому что выражение страсти и похоти у тебя на лице нельзя назвать красивым; оно уродливо, оно животное. Мужчина, полный похоти, это не более чем животное. Наверное, женщины научились искусству закрывать глаза, видя как снова и снова мужчина превращается в животное.

Я люблю известную дзенскую историю:

Два монаха возвращались в монастырь; они зашли в деревню, чтобы проповедовать. Был вечер, садилось солнце; вскоре наступит ночь. Они перешли реку. Молодая женщина, красивая женщина стояла на берегу, опасаясь войти в реку: она могла оказаться довольно глубокой, она казалась очень глубокой.

Первый монах — старший — последовал буддистскому правилу никогда не смотреть на женщину. Но это очень странное правило: сначала ты должен посмотреть, потому что только тогда ты сможешь увидеть, женщина это или нет. Ты можешь последовать этому правилу, только нарушив его! Поэтому, должно быть, он посмотрел — украдкой — и опустил глаза. Буддистское правило гласит: Не смотри дальше чем на четыре фута вперед. Такой страх... наверное, внутри он дрожал. И он пересек реку.

Перейдя реку и достигнув другого берега, внезапно он вспомнил о своем молодом товарище, который шел позади. Что случилось с ним? Он оглянулся. Молодой монах нес женщину на плечах! Старый монах действительно пришел в ярость; в этой ярости, наверное, была и ревность; иначе на что тут злиться?

Младший монах перенес девушку на другой берег, оставил ее там, и оба монаха продолжили свой путь в монастырь. Затем, когда они добрались до ворот монастыря, старший повернулся к младшему и сказал:

— Послушай, мне придется доложить аббату. Это против правил. Будда сказал: Не касайся женщины, не смотри на женщину. Ты не только видел ее, не только касался ее, но и нес ее на плечах. Это уже слишком! Это противоречит закону.

Не думаю, что это сказал Будда. Такой человек как Будда не мог сказать такую глупость. Но двадцать пять веков глупых интерпретаций причинили столько вреда, сколько только могли.

Молодой монах ответил:

— Но я оставил женщину на берегу, далеко позади. А ты по-прежнему несешь ее на плечах?

В этом была великая истина: старший монах действительно продолжал ее нести. Ты можешь видеть, не видя, ты можешь нести, не неся, ты можешь касаться, не касаясь. У человека огромное воображение.

Поэтому я не могу поверить, что Сурдас разрушил глаза; иначе было бы невозможно, чтобы он дал такие прекрасные прозрения. Наверное, он был человеком внутреннего видения, внутренних глаз, великого понимания. Поэтому я не верю в эту историю, но сама история значительна. Она говорит истину о многих так называемых святых. Может быть, она не говорит правду о Сурдасе, но это правда о почти всех так называемых святых — индуистских, мусульманских, христианских.

В христианстве была секта, члены которой отрезали себе половые органы — просто чтобы трансцендировать секс. Если бы просто отрезав половые органы можно было трансцендировать секс, все было бы просто. Тогда ты мог бы пойти в Сассун Хоспитэл, и они обойдутся с тобой как мясники! Они — официальные мясники, правительственные мясники, признанные, уполномоченные. Но удалив половые органы, ты не трансцендируешь секс; ты можешь стать еще более одержимым сексом, чем когда-либо раньше.

Именно это происходит с людьми — отсюда это выражение, «грязный старик». Вы не говорите «грязный молодой человек» — почему? Старик становится грязным по той простой причине, что теперь сексуальность вошла к нему в ум. Его сексуальный центр переместился в ум; он стал церебральным. Теперь он только думает об этом, постоянно думает об этом.

Физиологически он стал неспособен к сексу; это не значит, что физиологически он его трансцендировал, что он овладел сексуальностью — нет.

Разрушив органы чувств, вы не становитесь и не можете стать мастерами. Тогда каким путем можно стать мастером?

Будда говорит: *Овладей органами чувств...* Он мог просто сказать: Разрушь чувства. Но овладение это совершенно другое явление; оно требует великого искусства, умения, осознанности, медитативности, наблюдательности, бдительности. Лишь тогда чувства сохраняются чувства. Фактически, мастер чувствительнее раба.

В моем понимании Будда чувствует запах глубже; его обоняние гораздо глубже твоего. Твое обоняние подавлено, очень подавлено. Веками ты подавлял секс, а обоняние очень связано с твоей сексуальностью. Ты подавлял обоняние. Ты используешь столько парфюмерии, просто чтобы подавить запах своей сексуальности. Иначе когда у женщины месячные, она пахнет по-другому; можно почувствовать по запаху, что у нее месячные. Когда женщина сексуально возбуждена, она пахнет по-другому; ее возбуждение можно определить по запаху. И то же самое верно и о мужчине: когда он сексуально возбужден, его тело испускает запах, потому что в нем происходят великие химические перемены. Они воздействуют на тело, на потовыделение, на дыхание, на кровь.

Мужчина так боялся своей сексуальности: кто-то может узнать, кто-то может заметить, что с ним происходит. Он использовал одежду, чтобы скрыть свое тело, он использовал парфюмерию, чтобы скрыть свой естественный запах. Он всеми возможными способами пытался казаться как можно асексуальнее. И мы очень подавляли свои носы...

Ты знаешь животных. Они узнают при помощи носа, хочет ли самка. Просто носа достаточно, чтобы узнать, говорит ли самка да. Пока нос не скажет, что самка говорит да, самец не подойдет к самке. Это агрессия, это изнасилование. Ни одно животное кроме человека не совершает изнасилования. Человек — единственный насильник в животном мире. Я исключая животных, живущих в зоопарках, потому что они становятся больше похожими на людей. Живя в обществе человеческих существ, они искажаются; иначе ни одно животное не насилует. Любовь происходит лишь когда обе стороны абсолютно за. Но человек потерял чувствительность к запаху. Это произошло из-за многовековых учений так называемых религий.

В моем понимании обоняние Будды гораздо яснее твоего, потому что в нем нет никакого подавления. Его глаза видят лучше твоих, потому что его глаза не затуманены никакими предрассудками, никакими априорными концепциями. Он прекрасно слышит, потому что его уши не полны шума, его ум молчалив.

Когда ум предельно молчалив, ты способен слушать. Тогда ты можешь слушать песни птиц, дальний крик кукушки. Тогда ты способен слушать даже молчание. Прямо сейчас услышьте молчание... можно слушать не только звук, но и беззвучие. Но ты должен стать бесшумным.

Ты можешь чувствовать по запаху не только человеческую сексуальность, но и гнев, потому что гнев тоже меняет химию тела. Ты можешь чувствовать запах жадности, ревности, ненависти. Ты можешь чувствовать запах всех возможных эмоций. В то мгновение, когда к тебе приходит человек, если твой ум молчалив, и чувства ясны, незатуманены, не затянуты облаками, ты можешь почувствовать по запаху все то, что несет человек. На поверхности он может улыбаться, но глубоко внутри он полон гнева и лицемерит. Попытайся нюхать людей — их жадность, их гнев, их жестокость.

И если ты научишься чувствовать запах жестокости, гнева, жадности, мало-помалу ты сможешь чувствовать по запаху и более тонкие вещи: их сострадание, их любовь, их молитву. Да, даже их медитативность, их молчание имеет собственный аромат. Когда человек полон жадности, он воняет жадностью; когда человек полон молчания, он излучает нечто от предельного, нечто от неизвестного.

Будда не говорит разрушать органы чувств. Он говорит овладеть своими чувствами, осознать чувства. Привнеси в свои органы чувств осознанность, чтобы они стали чувствительнее. Это окна, двери, мосты в существование. Без них ты будешь просто закрытым явлением, монадой Лейбни-

ца, лишенным окон. Ты не увидишь света солнца, луны, звезд. Ты ничего не почувствуешь.

Разрушение органов чувств просто означает, что ты убиваешь себя. У тебя есть пять органов чувств. Разрушь глаза, и будет разрушено восемьдесят процентов твоей жизни — восемьдесят процентов, потому что глаза содержат восемьдесят процентов жизни; восемьдесят процентов твоей чувствительности зависит от глаз. Поэтому мы чувствуем такое сочувствие к слепому. Ты не чувствуешь такого сочувствия к немому или глухому. Почему во всем мире мы чувствуем такое сочувствие к слепому? — потому что он действительно много страдает. Он не видит цвета, он не видит света — а жизнь состоит из света, жизнь состоит из цветов. Это радуга. Он остается погруженным во тьму. Он не узнает, какое красочное существование было ему доступно. Он не узнает бабочек, роз и маргариток. Он не узнает зелени, багрянца и золота деревьев. Он не узнает лиц людей, он не сможет смотреть людям в глаза. Его главный мост сломан.

Разрушь уши, и в тебе умирает что-то еще. Разрушь язык, и еще что-то умрет. Разрушив все органы чувств, ты становишься просто трупом, ты больше не жив. Жизнь означает чувствительность: чем больше чувствительности, тем больше жизни. Поэтому я не могу сказать вам разрушить чувства — вы уже их разрушили. Оживите их, омолодите их, влейте в них энергию. А метод вливания в них энергии — осознанность.

Иногда просто осознай свои уши, как будто ты уши и ничего больше, как будто все твое тело становится ушами. Просто будь ушами, и ты будешь удивлен, что ты осознаешь такие тонкие шумы, вокруг тебя происходят такие тонкие события, что ты никогда их не осознаешь. Ты можешь начать слышать собственное дыхание, биение своего сердца. Ты можешь начать слышать многое — а ты всегда жил среди этих вещей, но никогда не осознавал; ты был так занят собой.

Будда говорит: *Вкусом и обонянием, зрением и слухом* — овладей своими органами чувств. Принеси осознанность во вкус. Когда ешь, забудь все остальное; просто стань языком, вкусовыми рецепторами. Будь там с полной тотальностью. Чувствуй вкус еды как возможно глубже, и тебя ждет большой сюрприз — и не один, а много.

Сначала ты осознаешь, что не можешь есть больше чем нужно. Тебе не нужна диета — на диету садятся только глупцы. Ты можешь сидеть на диете несколько дней, но затем набросишься на еду с удвоенной силой и наберешь больше веса, чем потерял! Если ты разумный человек, привнеси в чувство вкуса осознанность. Почему ты ешь больше? По той простой причине, что не чувствуешь вкуса, а вкусовой голод продолжается, и ты продолжаешь заталкивать в себя все больше и больше. Если ты действительно чувствуешь вкус, вскоре ты будешь удовлетворен, наполнен. Вскоре тело скажет: «Остановись!» И если ты бдителен, ты сможешь услышать, когда тело скажет остановиться.

Прямо сейчас ты вообще не в этом. Ты ешь, но тебя в этом нет, ты не присутствуешь. Ты можешь быть в конторе или где-то еще и делать тысячу

и одну вещь. Определенно одно: ты не за столом, за которым сидишь, ты всегда где-то еще. Ты никогда не там, где ты находишься; тебя нельзя найти там, где ты находишься. Если ты действительно там, тотально поглощенный едой, ты будешь удивлен. Первым сюрпризом будет то, что впервые пища станет чем-то божественным.

Упанишады говорят: *Аннам Брахма* — пища есть Бог. Такие прекрасные слова: Пища есть Бог. Должно быть, эти люди чувствовали вкус. Эти люди не могут быть против еды, не могут быть против поста, не могут учить тебя морить тело голодом. Люди, которые сказали: *Аннам Брахма* — пища есть Бог, — не могут быть за голодание. Голодание не может быть ничем духовным.

Ешь, но ешь медитативно, молчаливо. Когда ешь, не разговаривай. Не разговаривай, потому что разговаривая ты упускаешь радость поглощения Бога. Ты упустишь радость еды, а упустив радость еды, вкусовой голод продолжает просить еще и еще, и ты продолжаешь набивать себя едой. И это кажется нескончаемым. Люди набивают себя целый день, и все же им кажется, что им чего-то не хватает. Может быть, достаточно есть два или, в крайнем случае, три раза в день, но люди едят целый день — особенно американцы! Если они не едят, они не знают, что еще делать. Просто делать что-то ртом позволяет им оставаться занятыми. Если они не едят, то говорят, а если не говорят, то курят или жуют жвачку — как будто рот должен оставаться постоянно занятым.

Коммивояжеры Стэн и Сид, — оба торгующие неликвидами, — обычно путешествовали вместе, деля пополам расходы на машину и гостиницу. Однажды вечером два друга зарегистрировались в маленькой гостинице в Шенектэди, и Стэн тут же написал письмо жене. Случилось так, что Сид заметил необычное приветствие, которым началось письмо его друга.

— Скажи мне кое-что. Стэн, — сказал он с любопытством, — Почему ты обращаешься к жене «Дорогая ВГГ¹⁶»? Она крупный вкладчик?

— Нет, ничего подобного, — ответил Стэн. — ВГГ не значит Американский Телефон и Телеграф. ВГГ значит «Все Говорит и Говорит¹⁷».

Люди постоянно говорят, особенно женщины — по той простой причине, что мужчина отнял у них все другие пути деятельности. Им осталось только одно — говорить; им больше ничего не позволяют. Все двери закрыты, и вся их энергия течет в разговоры. Они говорят, потому что их умы так шумны, и они изливают их: это своего рода катарсис. Даже за едой ты говоришь. Как можно чувствовать вкус пищи, как можно быть чувствительным к вкусу?

¹⁶ 'Dear AT&T': American Telephone & Telegraph: Американский Телефон и Телеграф.

¹⁷ 'Always Talking & Talking'

Гуляя по саду, ты говоришь. Если не говоришь с кем-то другим, то находишься в постоянном диалоге с самим собой. Ты разделяешь себя на много людей, ты создаешь у себя внутри толпу. Ты задаешь вопросы и сам себе отвечаешь. Ты не смотришь на цветы. Ты не чувствуешь их аромата, радости пчел, празднования деревьев. Ты не допускаешь в себе никакой чувствительности, никакой возможности быть более чувствительным, быть более доступным существованию, более уязвимым.

Чувствительность означает открытость, уязвимость, доступность.

Будда говорит: *Овладей органами чувств, вкусом и обонянием, зрением и слухом.*

Люди либо говорят, либо читают газеты, либо слушают радио, либо смотрят телевизор — даже пять часов, шесть часов в день они смотрят телевизор, разрушая себе глаза! Есть ли там на что смотреть, что ты видишь как приклеенный перед этой коробкой!

В своем небесном пристанище патриарх Авраам зажег шаббазные свечи и устроился почитать «Форветц» за чашкой чая с лимоном.

Внезапно с Земли донесся взрыв криков и воплей.

— Кто бы мог так осквернять Шаббат? — удивился он.

С помощью своего нового лазерного телескопа он посмотрел вниз и увидел толпу из по меньшей мере восьмидесяти тысяч человек, которая смотрит бейсбольный матч в Хьюстон Астродом. Быстрый подсчет показал, что среди зрителей находилось тридцать тысяч евреев. Вне себя от ярости, он поднял телефонную трубку и набрал Б-О-Г. Через несколько сигналов босс снял трубку.

— Привет, — сказал Отец Авраам, — это ты, Джо?

— Слушай, Абе — меня зовут Иегова! Проявляй хоть немного уважения!

— Ладно, Иегова. У меня жалоба.

— Что на этот раз? Тебя снова достают Новым Заветом?

— Ничего подобного. Но ты действительно должен что-то сделать с этим возмутительным поведением на Земле. Знаешь ли ты, что в эту самую минуту тридцать тысяч евреев смотрят бейсбольный матч в Астродоме?

— Ты что-то имеешь против бейсбола?

— Нет, конечно, нет. Суть не в этом. Сегодня пятница, вечер, и мне кажется, нашим людям следовало бы немного лучше соблюдать святой день.

— А почему все они смотрят этот матч?

— Хэнк Аарон вот-вот побьет рекорд Бэби Рута.

— Ты абсолютно прав, Абе. У них нет никакого повода вести себя как толпа диких республиканцев. Перезвони мне после игры, и я что-нибудь сделаю. Кстати, по какой она программе?

Не только человек, но и Бог приклеен к стулу, глядя в телевизор!

Будда говорит: Что бы ты ни делал... В мелочах — в еде, прогулке, питье, душе, плавании в реке, — что бы ты ни делал, — лежа на солнце, —

будь в этом полностью, будь в этом тотально. Стань своими чувствами. Вернись из ума в чувства, приди в чувство.

Но буддисты веками делали прямо противоположное: они больше и больше уходили в голову, они совершенно разрушили свои чувства. Они стали мертвыми, насколько это касается тел. Постоянно работают только их головы, днем и ночью занятые великими интерпретациями. Они создали от имени Будды столько абсурдных законов, что поверить трудно. Нужно выполнять тридцать три тысячи законов и правил; их невозможно даже запомнить. Следовать тридцати трем тысячам законов и правил!

Будда знает только один закон, и это осознанность — этого достаточно; она позаботится обо всем. Он дает тебе главный ключ, открывающий все замки; тебе не нужно носить с собой тридцать три тысячи ключей. Иначе, каждый раз, когда возникнет необходимость отпереть замок, ты будешь в растерянности, пытаясь выбрать нужный ключ из тридцати трех тысяч! Не думаю, что ты сможешь найти нужный ключ. Невозможно найти нужный ключ, потому что так все устроено. Если ты должен выпить две таблетки, открой банку, и из нее всегда выпадет три, никогда не две! Если тебе нужно принять три таблетки, они будут выпадать по две и никогда не по три. Жизнь очень таинственна!

Тридцать три тысячи ключей... думаешь ли ты, что сможешь найти нужный, когда столкнешься с замком? Невозможно... или это тебе на это потребуется тридцать три тысячи жизней; за это время замка не станет. Ты можешь иметь либо ключ, либо замок, но не оба сразу. Как ты можешь в своей бессознательности носить тридцать три тысячи законов?

Мулла Насреддин однажды вечером вернулся домой поздно и совершенно пьяный. Он пытался... у него был только один ключ, но он не входил в замок, потому что он трясся и дрожал.

Полицейский подошел посмотреть, в чем дело, потому что Мулла пытался и пытался полчаса. Он сказал:

— Подождите! Дайте мне ключ, я открою.

— Не беспокойтесь о ключе, — ответил тот. — Просто удерживайте дом на одном месте, и я смогу открыть дверь!

При твоей бессознательности, тридцать три тысячи ключей! Ты будешь обременен. Именно это произошло с буддизмом. Именно это произошло со всеми религиями. Так много законов, что это стало для людей таким бременем, что они их забыли.

Религия очень проста. Она состоит из простого закона — осознанности, — и этот ключ открывает все двери. Сделай каждое свое действие полным осознанности. Сфокусируй осознанность на каждом действии, и эта концентрация трансформирует его, потому что когда ты придаешь чему-либо осознанность, оно оживает; вы вливаешь в него жизнь. Твои органы чувств становятся полностью чувствительными, и поскольку ты осознаешь, ты остаешься мастером. Рабство означает неосознанность.

У Карла Кнайделя, Короля Канзас-сити, было все, чего только может пожелать человек в жизни, кроме одного: он хотел внука, который носил бы его имя семьи, не говоря уже о семейном бизнесе. Поэтому, ясное дело, он был счастлив, когда его холостой сын сказал ему однажды, что влюблен и планирует жениться.

— Ты делаешь правильную вещь, — посоветовал Карл. — Пока мужчина не женится, он неокончен.

Минуту или две он раздумывал над мудростью своего утверждения и добавил мрачно:

— Кроме того, что он докончен, все кончено и с ним!

А ты падешь не в одну вещь, — любовь, — ты падаешь в тысячи вещей — гнев, жадность. Вы постоянно падаете, падаете жертвами каких-то бессознательных сил у вас внутри, перенятых вами у животных предков.

Мы должны сделать наши бессознательные силы полными света. В тебе не должно остаться неосвещенным ни одного уголка. Лишь одна десятая нашего ума сознательна; девять десятых во тьме, в глубокой тьме. Мы подобны айсбергу: одна десятая видна, девять десятых скрыто — а эти девять десятых в девять раз сильнее.

Поэтому ты можешь что-то решить, но не сможешь этому следовать; эти девять десятых могут это разрушить в любое мгновение. Ты можешь решить завтра встать рано, пять, но это решение только одной десятой твоего ума; девять десятых совершенно не осознают этого решения, абсолютно не осознают. Поэтому, когда утром звонит будильник, девять десятых ума говорят: «Зачем торопиться? Так хорошо, так уютно и тепло. А эта Динамическая медитация может подождать! Мы можем помедитировать завтра». И конечно, завтра никогда не приходит. А когда ты просыпаешься, ты чувствуешь себя виноватым — снова виноватым чувствует себя не тот ум, который не позволил тебе рано проснуться; виноватой себя чувствует другая десятая часть ума.

И так продолжается всю жизнь — эта игра в прятки. Одна часть решает, другая отменяет. И отменяющая часть в девять раз сильнее. Много раз ты решал больше не злиться, но все твои решения бессильны, потому что девять десятых бессознательного имеют большую мощь, и никогда не позволят управлять, властвовать сознательной одной десятой.

Поэтому трансформация происходит не через решения, не через принятие клятв; для трансформации нужен совершенно другой подход. Постепенно ты должен превратить свое бессознательное в сознательное. Именно в этом вся медитация: она заставляет твой свет расти вглубь, распространяться глубже, мало-помалу ныряя глубже и глубже в твое существо.

По мере того как сознание восстанавливает свои права в бессознательном, твои решения начнут становиться великими свершениями. Тогда ты что-то можешь пообещать самому себе. Прямо сейчас все твои обещания ложны; ты знаешь, что они не сработают. Ты знаешь, что столько раз тер-

пел поражение, и знаешь, что потерпишь поражение снова; но ты продолжаешь надеяться — надеяться вопреки надежде.

Обычная религия преподаваемая в храмах и церквях священниками учит тебя характеру. Настоящая религия — религия будд, пробужденных — учит тебя сознанию, не характеру. Характер это побочное следствие; когда ты сознатель, характер приходит сам собой. Обычная религия учит тебя совести; она дешева. Будды учат тебя сознанию, не совести.

Будда говорит:

Во всем будь мастером

Всего, что ты делаешь и думаешь.

Будь свободным.

Человека можно разделить на четыре части. Самая внешняя периферия состоит из действия, из того, что ты делаешь. Второй слой, немного более глубокий, чем действие, состоит из твоих слов, из того, что ты говоришь. Еще немного более глубокий третий слой состоит из твоего мышления, из того, о чем ты постоянно думаешь. А четвертая часть это не слой; четвертое это твоя реальность, твое существо. Это твой центр, центр циклона. Твой центр, твое существо окружено тремя концентрическими кругами: мышлением, словами, действием.

Будда говорит: *Во всем будь мастером того, что ты делаешь...* Осознаешь ли ты, что делаешь? Делаешь ли ты это сознательно или лишь потому, что это делают другие? Не подражатель ли ты, который просто следует толпе как овца? Будь человеком, не будь овцой! Не следуй толпе, будь индивидуальностью. Лишь тогда ты можешь быть мастером; только индивидуальности могут быть мастерами. В толпе ты можешь быть только рабом; толпа состоит из рабов. Толпа хочет, чтобы ты оставался рабом; лишь тогда за толпой сохраняется власть. Все политики и священники мира хотят, чтобы вы оставались рабами; лишь тогда они могут быть священниками и великими вождями. Иначе кто будет пойдет за вашими глупыми вождями? Кто будет следовать вашим так называемым религиозным священникам?

Если ты немного бдителен, наблюдателен, осознан, ты сможешь прекрасно увидеть, что все твои вожди — фигляры, все твои священники обманщики, что тебе не нужно им следовать, что следуя им, ты падал в ямы. Кто пойдет за Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным или Аятоллой Хомейни? Только рабы, только люди, которые не знают, что делают.

Молодой любитель спортивных машин скопил достаточно денег на спортивную машину последней модели.

Купив машину, он отправился в свой любимый бар, чтобы похвастаться о ней друзьям.

— Черт, парень — моя новая машина это просто потрясающая! Я доехал из Лондона в Ливерпуль всегда за час!

На следующий день он снова пришел в бар хвастаться друзьям.

— Сегодня, — сказал он, — я доехал из Лондона в Ливерпуль за сорок минут!

Через день молодой любитель спортивных машин снова был в баре.

— Сегодня, — сказал он, — вы не поверите! Лондон — Ливерпуль за двадцать минут!

Через два дня отсутствия к изумлению друзей молодой человек прибыл в паб пешком.

— Где твоя машина? — спросили друзья.

— Я ее продал, — ответил тот грустно.

— Но почему? — спросили они недоверчиво.

— Ничего не мог поделаться, — сказал он им. — Какого черта я должен был делать в Ливерпуле каждый день?

Но люди продолжают делать это! Этот человек, должно быть, был немного разумен. Они продолжают ездить в Ливерпуль, никогда не задумываясь, зачем. Зачем ты ходишь в церковь? Зачем ты ходишь в синагогу — или в мечеть, или в храм? Почему ты продолжаешь следовать глупым идеологиям, смехотворным политикам? Почему? Ты никогда задавался этим вопросом.

Я слышал о человеке, который пришел в суд и попросил изменить его имя. Судья был немного озадачен, но ничего не мог возразить. Он был немного озадачен, потому что выбранное им новое имя было очень странным. Его новым именем было: «Никто из вышеперечисленных».

Судья сказал:

— Что это за имя?

— Но именно это имя я хочу носить.

Ему разрушили. Он переименовал имя; он стал «Никем из вышеперечисленных».

Он стал баллотироваться на президентских выборах. Тогда секрет открылся. Все остальные кандидаты, баллотирующиеся на пост президента, протестовали, говоря, что этот человек опасен: его звали «Никто из вышеперечисленных». Если кто-то обозначал в списке его имя, это значило проголосовать против всех! Они протестовали. Человека снова позвали в суд. Суд сказал:

— Ваше имя немного обманчиво.

— Каким бы оно ни было, — ответил человек, — это мое имя, и я хочу сменить президента. Я хочу дать людям шанс проголосовать против всех остальных. Сам я не заинтересован в том, чтобы стать президентом; весь мой интерес в том, чтобы помешать другим, потому что каждый знает, что все они дураки, но кого-то ты должен выбрать. Поэтому я просто хочу дать им шанс: если они хотят отвергнуть всех, они могут это сделать. Они могут просто пометить мое имя: «Никто из вышеперечисленных».

Если ты посмотришь на ситуацию миру, ты сможешь увидеть, что сделали с человечеством все эти политики и священники: они сделали его адом. Не нужно искать никаких доказательств. Теперь не нужно спрашивать, существует ли ад. Политики и священники в глубоком заговоре превратили его в реальность на земле. Кто будет им следовать? Именно поэтому они не хотят, чтобы вы были разумными, не хотят, чтобы вы думали, не хотят, чтобы вы были бдительными. Они хотят, чтобы вы жили в своего рода глубоком сне. Они хотят, чтобы вы были машинами, не людьми.

Будда говорит: *Во всем будь мастером* — чтобы тебя не низвели до машины, — *того, что ты делаешь...*

Наблюдай, что ты делаешь и почему. Стоит ли это делать? Стоит ли тратить свою жизнь и свое дыхание? Делаешь ли ты это просто потому, что не знаешь, что еще делать? Лучше ничего не делать, чем что-то делать, не зная зачем, не зная что... *Того, что ты делаешь и думаешь.*

Ты продолжаешь что-то говорить и страдаешь от этого. Много раз ты решал больше не говорить некоторые вещи, потому что ты без необходимости попадаешь в беду; ты что-то говоришь, и это приводит к беде. Но все же ты продолжаешь говорить те же самые вещи и попадать в те же беды, как будто никогда не наблюдаешь себя, то, что ты делаешь. В своем сне ты движешься как сомнамбула.

Смотрел ли ты когда-нибудь на то, что ты думаешь? Смотрел ли ты вовнутрь? Ты будешь удивлен: у себя внутри ты носишь многих сумасшедших. Но никто не смотрит вовнутрь; люди постоянно заняты снаружи. Никто не думает, что он делает, что он говорит, что он думает.

Раввин Исаак очень любил семью Шапиро, члены которой были прихожанами его храма. Поэтому понятно, что он реагировал сочувственно, когда его попросили серьезно переговорить с их старшей дочерью Рахилью, которая, не будучи замужем, была уже в третий раз беременна. На следующей вечер он предстал перед молодой дамой.

— Не могу понять, как хорошая еврейская девушка может допустить такую постыдную вещь, — начал он сурово. — Уже три раза! И конечно, все дети от разных отцов!

— О нет! — сказала Рахиль. — Отец один и тот же.

— Он холост, этот мужчина?

— Конечно. Вы думаете, что я была бы с женатым?

— Тогда почему ты не выйдешь за него замуж? — потребовал раввин.

— Ну, откровенно говоря, — сказала Рахиль честно, — он мне не очень нравится.

Просто посмотри на себя, и ты не будешь смеяться над Рахилью. Люди живут друг с другом, сами не зная почему. Ко мне приходило столько людей, они писали письма. Они говорили: «Я живу с одним мужчиной пятнадцать лет. Не знаю, почему, потому что все что он мне дает это несчастье,

страдание!» Может быть, именно поэтому — потому что ты махозист. Ты любишь быть несчастной, ты хочешь страдать. Этот мужчина оказывает тебе хорошую услугу! Люди пишут мне: «Я живу с одной женщиной, и вся моя жизнь — ад». Почему ты живешь с этой женщиной? Никто тебя не заставляет. Люди говорят мне: «Я работаю на работе, которую ненавижу», — но почему? Немедленно убирайся оттуда! Уйди оттуда!

Я был профессором университета. Однажды я разговаривал с проректором, и я сказал ему:

— Все это чепуха. Дайте мне лист бумаги, чтобы я мог написать просьбу об увольнении.

— Что вы делаете? — сказал он. — Вы что, с ума сошли? Такая хорошая работа, так мало работы! И я прекрасно знаю, — добавил он, — что вы даже этого не делаете!

И это была правда!

— Почему вы уходите?

— Это просто чепуха. С меня довольно!

— Но подождите! Я в этом бизнесе тридцать лет — я тоже знаю, что все это ерунда. Но как вы можете вот так взять и уйти? Я не смог оставить это. Много раз я решал, но теперь посмотрите — я достиг успеха. Я стал проректором. Однажды и вы можете стать проректором.

— Забудьте об этом!

Он поспешил... когда он увидел, что я ухожу из его офиса, он выбежал наружу. Он втащил меня обратно. Он сказал:

— Что вы делаете? Обдумайте это!

— Что кончено, то кончено! Я не обдумываю дважды!

Он думал, что я заболел или что-то в это роде, — или принял какой-то наркотик. Он сказал:

— Подождите! Не думаю, что вы в состоянии вести машину по дороге домой. Я поеду с вами.

— Не волнуйтесь. Фактически, впервые я в полном здравии! Я был ненормальным, когда поступил в этот университет!

Но он поехал со мной, просто чтобы убедиться, что я могу вести машину. Он приходил еще два или три дня. Он говорил:

— Подумайте. Я все еще не дал хода вашему увольнению. Я никому ничего не говорил.

— Это как вам угодно, — говорил я. — Я не вернусь.

На четвертый день он сказал:

— Вы действительно сумасшедший! Я тоже много раз думал о том, чтобы развестись с женой — и не смог. Сейчас у меня семь детей!

Семь детей от жены, с которой ты всегда хотел развестись... Что же ты с ней делал? Я спросил его:

— А эти дети действительно ваши? Если вы хотели развестись с этой женщиной, зачем вы занимались с ней любовью?

— Вы правы, но что мне еще оставалось?

Тридцать лет он думал о том, чтобы бросить эту работу, потому что он всегда хотел быть музыкантом. А теперь бедный парень мертв — он умер всего два года назад. Он так и не смог стать музыкантом; он умер проректором. Какое поражение! Но именно так и бывает.

Наблюдай свою жизнь. Будда целиком за наблюдательность. *Во всем будь мастером того, что ты делаешь, говоришь и думаешь. Будь свободным.* Если ты можешь быть мастером, если ты можешь быть наблюдательным, свобода приходит сама собой. Свобода это тень от бытия мастера в твоей жизни.

Ты — искатель.

Помни, помни всегда. Будда снова и снова настаивал: Помни, что ты — искатель. Ты ищешь свой истинный дом; ты его еще не нашел. Многие жизни ты искал, ищешь и в этой. Нашел ли ты его? Не трать своего времени впустую, не заблуждайся. Вложи всю свою энергию в поиск, потому что никто не знает о завтра. Этот день может быть для тебя последним. Найди его, чтобы ты мог жить радостно и умереть радостно. *Ты — искатель.*

Наслаждайся мастерством...

Единственное в жизни наслаждение — когда ты в чем-то мастер. И когда человек стал мастером, овладел своим существом — своим действием, словами, мыслями — его наслаждение бесконечно. *Наслаждайся мастерством...*

*Своих рук и ног,
Своих слов и мыслей.*

Будда никогда не разделяет твой телоум. Он говорит: Будь мастером обоих, потому что ты психосоматичен, ты — телоум. Будь мастером тела и будь мастером ума. Тогда ты узнаешь, кто ты такой. Тогда ты узнаешь, что мастер это ты за пределами телоума. Тогда ты узнаешь, что ты — чистое сознание.

Наслаждайся медитацией...

Наслаждайся молчанием, тишиной; это медитация.

И уединением.

Наслаждайся тем, что ты один. Наслаждайся тем, что ты один и теоретически, и практически. *Наслаждайся уединением.*

Сиди в молчании, ничего не делай,
Приходит весна, и трава растет сама собой.

Если ты можешь сидеть в молчании, ничего не делая, весна недалеко, весна обязательно придет. Она всегда приходит в молчании. Она всегда приходит, когда ты знаешь, как наслаждаться одиночеством, потому что лишь тогда ты независим. Если ты наслаждаешься обществом других, ты зависим. Если тебе одиноко, когда ты один, ты еще не знаешь, что такое одиночество.

Одиночество¹⁸ и потерянности это две разные вещи, не смотря на то, что говорится в словарях. В словарях это синонимы, но в существовании они совершенно различны. Если тебе одиноко, это негативное состояние. Это значит, что ты зависим, что ты жаждешь другого, ты страдаешь. Одиночество тебе не в радость, это страдание. Ты хочешь быть занятым.

Владелец зоопарка подвел посетителей к следующей клетке.

— А теперь, дамы и господа, перед нами смеющаяся гиена. Смеющаяся гиена занимается сексом одну ночь в году.

— Почему же тогда она смеется? — спросил молодой парень из группы.
— Потому что эта ночь сегодня!

Люди счастливы с другими, но это счастье зависимо; его можно отнять. Оно будет отнято, оно обречено. Оно не может быть постоянным, оно быстро стечет.

Рэлайх Розеблум, романтичный молодой холостяк со склонностью к мотовству, позвонил девушке, с которой встретился вечером накануне. Она была не только восхитительна, но и очень соблазнительна. Он захотел назначить еще одно свидание. К его удивлению, однако, она отказала.

— Почему вы отказываетесь встретиться со мной сегодня? — потребовал он. — Только вчера вы сказали, что во мне есть что-то восхитительное?

— Было, детка, — проворковала она грудным голосом, — но ты это потерял.

Все счастье, зависящее от других, рано или поздно обязательно исчезнет. Оно временно, мгновенно, иллюзорно. Твоя только радость, бьющая ключом внутри твоего существа. Поэтому Будда говорит: *Наслаждайся медитацией, наслаждайся уединением.*

Одиночество это радость просто быть самим собой. Ты радуешься сам себе, ты наслаждаешься собственным обществом. Очень немногие люди наслаждаются собственным обществом. Это очень странный мир: никто не наслаждается собственным обществом, но каждый хочет, чтобы его

¹⁸ Aloneness; loneliness.

обществом наслаждались другие! Если они не наслаждаются, он чувствует себя оскорбленным — а оставшись один, он сам себе отвратителен. Фактически, если ты не можешь наслаждаться собственным обществом, кто еще может им наслаждаться?

Одиночество, уединение позитивно. Это переполняющая тебя беспричинная радость. Быть радостными в самой нашей природе; поэтому не нужно зависеть от кого-то другого. У нее нет других мотивов, она просто есть. Точно как вода течет вниз, твое существо поднимается вверх. Просто дай ему шанс — дай ему уединение. и помни снова, уединение это не изоляция, так же как и потерянности это не одиночество.

Собери себя, будь счастлив.

Ты — искатель.

Будда напоминает снова: *Ты — искатель. Собери себя...* Будь гармоничным, быть грациозным. Научись искусству оставаться одному и все же быть полностью счастливым. Тогда однажды в этом уединении начнет происходить нечто такое, чего ты никогда не ждал. Нечто огромное, нечто безграничное нисходит в тебя. В тебя проникает нечто от предельного. В тебе возникает великий подъем, великое чувство левитации. Ты приподнимаешься, ты начинаешь двигаться к предельному. Назови это предельное Богом, истиной, — как хочешь. Будда называет его свободой, нирваной: прекращением эго, свободой от эго, свободой от всех оков, свободой от всей зависимости от других. И ты становишься неограниченным, ты становишься безграничным как небо: даже небо тебе не предел.

Овладей своими органами чувств,

Вкусом и обонянием,

Зрением и слухом.

Во всем будь мастером

Всего, что ты делаешь, говоришь, думаешь.

Будь свободным.

Ты — искатель.

Наслаждайся тем, что ты хозяин

Своих рук и ног,

Своих слов и мыслей.

Наслаждайся медитацией

И уединением.

Собери себя, будь счастлив.

Ты — искатель.

На сегодня достаточно.

Глава 10

Любовь — сама себе награда

Первый вопрос:

Любимый Мастер,

Почему я принимаю самого себя и все остальное так серьезно?

Прембодхи,

Это может существовать только если ты принимаешь себя и все остальное серьезно. Ничто так не убивает эго, как игривость, как смех. Когда ты начинаешь принимать жизнь как шутку, эго приходится умереть, оно больше не может существовать. Эго это болезнь; чтобы существовать, ему нужна атмосфера печали. Серьезность создает в тебе печаль. Грусть это необходимая почва для эго. Поэтому ваши святые так серьезны — по той простой причине, что они самые эгоистические люди на Земле. Они могут пытаться быть скромными, но они очень гордятся своей скромностью. Они принимают свою скромность очень серьезно.

Настоящий святой не может быть серьезным. Действительно религиозный человек должен быть празднующим. Просто оглянись вокруг... посмотри на эти деревья — разве они серьезны? Посмотри на птиц, послушай их — разве они серьезны? Посмотри на звезды, на луну, на солнце — разве они серьезны? Существование предельно несерьезно; оно продолжает танцевать. Это вечное празднование, это праздничность.

Только человек серьезен, потому что только человек пытается создать разделение между собой и существованием. Он не хочет быть частью целого, потому что тогда он исчезнет. Он хочет иметь собственную тождественность, собственное имя, собственную форму, собственное определение. Ничего, даже если это создает ему страдание, даже если ради этого ему придется жить в аду.

Однажды Джорджа Бернарда Шоу спросили, куда он хотел бы попасть после того как умрет — в ад или на небеса. Он сказал:

— Туда, где я могу быть первым — я не хочу быть вторым, — а на небесах нет шанса быть первым, потому что туда уже попало столько святых: Иисус, Заратустра, Махавира, Будда. Кто будет обращать внимание на бедного Джорджа Бернарда Шоу? Он готов отправиться в ад, если там он может быть первым.

Эго хочет быть первым, эго хочет поместить всех остальных ниже себя; поэтому оно принимает себя очень серьезно. Поэтому оно — перфекционист: оно требует совершенства, которое невозможно. Никто не совершенен; никто не может существовать ни мгновения, если он совершенен. Не совершенство это образ жизни, потому что лишь если ты несовершенен, возможен рост. Если ты совершенен, больше нет роста, больше нет эволюции. Если ты совершенен, ты застрял. Совершенство означает смерть; не совершенство означает поток, рост, движение, динамизм.

Эго требует совершенства и от себя, и от других. Он просит невозможного, и поскольку невозможное не может быть достигнуто, оно может продолжать жить. Оно не довольно обычным; оно хочет выдающегося, а жизнь состоит из обычного. Но обычное красиво, обычное утонченно. Не нужно ничего выдающегося. Обычная жизнь священна, но эго осуждает ее как обывательскую. Оно требует выдающейся жизни. Поэтому все религии продолжают сочинять истории о своих основателях, и все это неправда: Моисей разделяет воды моря, Иисус ходит по воде... все это выдумки, ложь, созданная последователями просто чтобы доказать незаурядность своего мастера; он не обычное человеческое существо.

Фактически, истина в том, что нельзя найти человеческое существо обычнее Будды, Махавиры, Иисуса, Моисея, Заратустры, Лао-цзы. Они так просты! Они приняли себя как есть. Они живут в таковости, татхате. Они не жаждут совершенства. Они совершенно непринужденны в несовершенном мире, совершенно удовлетворены им. И они не принимают себя так серьезно, нужно было чтобы достигать великих высот, великих вершин, чтобы нужно было превзойти всех остальных. Они не ненормальные! Они — красивые люди, и их красота состоит в том, что они приняли обычное как незаурядное, повседневное как священное.

Прембодхи, ты спрашиваешь: «Почему я принимаю себя и все остальное так серьезно?»

Каждый принимает себя и других всерьез. Именно таким образом существует эго. Начни быть немного более игривым, и ты увидишь, что эго испаряется. Принимай жизнь несерьезно, как шутку — да, космическую шутку. Смейся немного больше.

Смех гораздо важнее молитвы. Молитва не может разрушить твое эго; напротив, она делает его святым, благочестивым, но смех, несомненно, разрушает эго. Когда ты действительно в состоянии смеха, ты не замечаешь — эго на мгновение исчезает. Ты снова хихикающий ребенок. Снова ты забыл, что ты особенный. Ты больше не серьезен; на мгновение ты удалил свою жестокость.

Именно поэтому я люблю шутки — это яд для ваших эго! Вам хочется, чтобы я говорил о серьезных вещах: об астральных планах, о том, сколько у человека тел, семь или девять, и сколько у него чакр. Каждый день приходят вопросы — эзотерические, оккультные. Это серьезные люди. Они попали в неправильную компанию!

Я совершенно не серьезен. Я не смеюсь, потому что это часть рассказывания шутки: рассказчик должен быть очень серьезен, он не может смеяться с вами. Я вынужден смеяться только когда я один. Но подход к жизни совершенно несерьезен, игрив, потому что, судя по моему опыту, именно так исчезает эго.

Наблюдай, когда ты смеешься: где эго? Внезапно ты растаял, внезапно ты стал жидким, ты больше не твердый, но текучий. Ты не старый, не многоопытный, не знающий.

Слушайте эту шутку и попытайтесь установить, сохраняется ли эго.

Вскоре по прибытии в свадебные апартаменты, все еще нервничающий жених стал беспокоиться о состоянии невинности своей невесты. Решив взять быка за рога, он быстро разделся, указал на свое мужское достоинство и спросил:

— Знаешь ли ты, что это такое?

Не колеблясь, она покраснела и ответила:

— Это пи-пи.

В восторге от возможности просветить наивную жену, муж прошептал:

— С этих пор и навсегда, дорогая, это называется член.

— Да ладно тебе, — сказала девушка укоризненно, — я видела достаточно членов, и уверяю тебя, это — пи-пи.

Второй вопрос:

*Любимый Мастер,
Что такое счастье?*

Джайананда, в зависимости от ситуации. Все зависит от тебя, от твоего состояния сознания или бессознательности, от того, спишь ты или пробужден.

Вот известная максима Мерфи. Он говорит, что есть два типа людей: Один, который всегда разделяет человечество на два типа, и другой, который вообще не разделяет человечество.

Я принадлежу к первому типу... Человечество может быть разделено на два типа: спящие и пробужденные — и, конечно, небольшая часть между ними.

Счастье зависит от того, где ты в своем сознании. Если ты спишь, тогда счастье это удовольствие. Удовольствие значит ощущение, попытка чего-то достичь через тело, заставить тело достичь чего-то такого, на что оно не способно. Люди пытаются всеми возможными способами достичь счастья через тело. Тело может дать только мгновенные удовольствия, и каждое удовольствие уравнивается тем же количеством, той же степенью боли. За каждым удовольствием следует его противоположность, потому что тело существует в мире двойственности, точно как за днем следует ночь, а за жизнью следует смерть. Это порочный круг. За удовольствием следует боль, за болью следует удовольствие.

Но ты никогда не расслаблен. Находясь в состоянии удовольствия, ты боишься его потерять, и этот страх его отравляет. А когда ты теряешься в боли, конечно, ты страдаешь и совершаешь все возможные усилия, чтобы из нее выйти — только для того чтобы упасть в нее снова.

Будда называет это колесом рождения и смерти. Мы продолжаем двигаться по кругу, цепляясь за колесо... а колесо движется дальше. Иногда приходит удовольствие, иногда боль, но мы раздавлены между этими двумя скалами.

Но сонный человек не знает ничего другого. Он знает только некоторые ощущения тела — еда, секс. Это его мир; он продолжает двигаться от одного к другому. Это два конца тела: еда и секс. Если он подавляет секс, это вызывает наркотическое привыкание к еде; если он подавляет еду, это вызывает наркотическое привыкание к сексу. Энергия продолжает двигаться как маятник. И все что ты называешь удовольствием это, самое большее, разрядка напряженного состояния. Сексуальная энергия накапливается; ты становишься напряженным и тяжелым и хочешь ее разрядить.

Сексуальность человека, который спит, это не что иное как разрядка, все равно что хорошо чихнуть. Это не дает тебе ничего кроме определенной разрядки. Было напряжение, теперь его больше нет; но оно накапливается снова. Еда дает тебе лишь немного вкуса на кончике языка; это не слишком много, чтобы ради этого жить. Но многие люди живут лишь для того чтобы есть; очень немногие люди едят чтобы жить.

Хорошо известна история Колумба. Было долгое путешествие. Три месяца не было видно ничего кроме воды. Затем однажды Колумб посмотрел на горизонт и увидел деревья. И если вы думаете, что Колумб был счастлив увидеть деревья, вам нужно было видеть его собаку!

Именно поэтому сибирские собаки самые быстрые в мире: потому что деревья так далеко друг от друга.

Но это мир удовольствия. Собаке это простительно, но не тебе.

На первом свидании молодой человек, думая как хорошо провести время, молодой человек пригласил даму пойти поиграть в теннис. Она ответила, что равнодушна к теннису. Он предложил кино, но она ответила, что рав-

нодушна к фильмам. Пытаясь придумать что-то еще, он предложил ей сигарету, от которой она отказалась. Тогда он спросил, не хотелось бы ей потанцевать и выпить в новой дискотеке. Она сказала, что равнодушна к подобным вещам.

В отчаянии он предложил ей прийти к нему и заняться любовью. К его удивлению она радостно согласилась, страстно поцеловала его и сказала:

— Видишь ли, все эти вещи не нужны, чтобы хорошо провести время!

Что назвать счастьем, зависит от людей. Для спящего счастье в приятных ощущениях. Он живет от одного удовольствия к другому. Он живет ради небольших волнений. Его жизнь очень поверхностна; в ней нет глубины, в ней нет качества. Он живет в мире количества.

Затем идут промежуточные люди, которые не спят и не бодрствуют, которые просто в промежутке, немного спят, немного бодрствуют. Иногда ты испытываешь этот опыт рано утром: все еще спящий, ты не можешь сказать, что спишь, потому что слышишь шум дома, жена готовит чай, звук самовара или молочник у дверей, или дети собираются в школу. Ты слышишь эти вещи, но еще не проснулся. Смутно, туманно эти вещи долетают до тебя, как будто между тобой и всем происходящим вокруг огромное расстояние. Такое чувство, что это все еще часть сна. Это не часть сна, но ты в промежуточном состоянии.

То же самое происходит, когда ты начинаешь медитировать. Немедитирующий спит и видит сны; медитирующий начинает двигаться к пробуждению. Он в переходном состоянии. Тогда счастье имеет совершенно другой смысл: оно становится более в качестве, чем в количестве; оно более психологическое и менее физиологическое. Он больше наслаждается музыкой, более наслаждается поэзией, он наслаждается, что-то создавая. Он наслаждается природой, ее красотой. Он наслаждается молчанием. Он наслаждается, как никогда не наслаждался раньше, и это гораздо длительнее. Даже если музыка прекращается, нечто продолжается в тебе. И это не разрядка.

Вот разница между удовольствием и счастьем: это не разрядка, это обогащение. Ты становишься полным, ты становишься немного переполненным. Когда ты слушаешь хорошую музыку, нечто включается в твоём существе, в тебе возникает гармония — ты становишься музыкальным. Или, когда ты танцуешь, внезапно ты забываешь тело; тело становится невесомым. Гравитация теряет власть над тобой. Внезапно ты в другом пространстве: это не так твердо, танцор тает и сплавляется с танцем. Это гораздо выше, гораздо глубже радости, получаемой от еды или секса. В этом есть глубина. Но и это тоже не высшее.

Высшее случается лишь когда ты полностью пробужден, когда все сновидения исчезли, когда все твоё существо наполнено светом, когда у тебя внутри нет тьмы. Вся тьма исчезла, и вместе с тьмой исчезло эго. Все напряжение исчезло, вся тоска, вся тревога. Ты в состоянии полной удовле-

творности. Ты живешь в настоящем; нет больше ни прошлого, ни будущего. Ты всецело здесь и сейчас.

Это мгновение — все. Это единственное время и единственное место. Тогда внезапно все небо падает в тебя. Это блаженство. Это настоящее счастье.

Ищи блаженства, Джайананда; это твое право от рождения. Не оставь потерянным в удовольствиях; поднимись немного выше. Достигни счастья, а потом — блаженства.

Удовольствие животно, счастье человечно, блаженство божественно. Удовольствие связывает тебя, это оковы, это цепи. У счастья поводок немного длиннее, оно дает немного свободы, но лишь немного. Блаженство есть абсолютная свобода. Ты начинаешь двигаться вверх; оно дает тебе крылья. Ты больше не часть грубой земли; ты становишься частью неба. Ты становишься светом, ты становишься радостью.

Удовольствия зависят от других. Счастье не так зависит от других, но все же оно отдельно от тебя. Блаженство не зависимо и не отдельно; это само твое существо, сама твоя природа. Достичь ее значит достичь Бога, нирваны.

Третий вопрос:

*Любимый Мастер,
Что такое эгоизм?*

Йога Четана,

Эгоизм это тень идеи отдельного эго. Это тень от тени, отражение отражения. Это все равно что видеть луну в озере, а озеро в зеркале. Оно далеко, далеко от реальности. Даже отражение в озере не реально, но отражение озера в зеркале еще менее реально.

Это это отражение в озере твоего истинного существа. Твое истинное существо — луна; эго это только отражение в озере. Отражение в озере может потревожить даже небольшой камешек. Брось небольшой камешек, и ты увидишь: луна нарушена, искажена. Возникает рябь, и луна раскалывается на тысячи частей.

Эгоизм это тень эго, еще более нереальная. Ты не эго. Словами Будды, ты не *атта* — «я», ты *анатта* — не-я. Поэтому Будда не учит тебя альтруизму, не учу альтруизму и я. Этот момент должен быть хорошо понят: я не учу вас быть альтруистичными. Именно это продолжают делать священники всех религий. Они говорят: «Эгоизм плох». Они не говорят: «Эгоизм ложен». Они говорят: «Эгоизм плох, эгоизм грешен». Но они признают его реальность, они не отрицают его реальность. Если он нереален, они не смогут осудить его как грех. Как можно осудить нечто нереальное как грех? Если, прежде всего, этого не существует, как это может

быть грехом, как это может быть плохо? И они продолжают говорить: «Эгоизм плох, эгоизм это грех». А чтобы его избежать, они учат вас быть альтруистичными: «Служите другим, будьте слугами человечества, слугами общества».

Много раз люди, которые были обусловлены этими священниками и миссионерами приходили ко мне и, конечно, были шокированы, потому что я никогда не говорю об альтруизме. Меня спрашивают, почему я не учу своих саньясинов быть альтруистичными.

Я не могу, потому что, прежде всего, эго ложно, и говорить им не быть эгоистичными абсолютно неправильно. Говорить им служить другим, быть альтруистичными значит вводить их глубже и глубже во что-то нереальное.

Мое усилие здесь в том, чтобы помочь им увидеть, что эго ложно. Поэтому я не против эго — эго не существует. Как я могу быть против того, чего не существует? Я не учу альтруизму. Если болезнь ложна, какой смысл давать от нее лекарство?

Я просто говорю вам смотреть вовнутрь себя, молча наблюдать... и вы увидите, что не найдете совершенно никакого эго. Эго исчезает. Фактически, сказать «исчезает» неправильно; эго никогда и не было, но ты никогда не смотрел вовнутрь. Смотри вовнутрь, ты его не находишь.

Это все равно что сказать: «У меня в комнате есть темнота», и я дам тебе лампу и скажу: «Возьми лампу и иди и ищи темноту». Ты идешь в лампой и ищешь — и не можешь ее найти! Ты возвращаешься и говоришь: «Я не могу ее найти!» И я говорю: «Кончено! Не волнуйся о ней. Каждый раз, когда возникает такой зуд, такой позыв, такое сомнение, снова возьми лампу, походи и поищи». Мало-помалу, в тебе утвердится та истина, что темноты нет; есть только отсутствие света.

Эго это отсутствие твоего внимания, отсутствие осознанности, ничего больше. Если ты движешься вовнутрь, если ты смотришь вовнутрь, эго не найти. А если нет эго, как может быть эгоизм?

И тогда твоя жизнь полна любви, сострадания. Тогда твоя жизнь подлинно альтруистична. Я не назову ее «анти-эгоистичной», я назову ее «не-эгоистичной», потому что слово «анти-эгоистичный» признает реальность эго. Мне хочется употребить буддистское слово, «не-эгоистичный» — *анатта*, не-я.

Прозрение Будды огромно, очень значительно. Не нужно учить людей быть анти-эгоистичными. Просто позвольте им узнать, что эго нет, и вся их жизнь без всяких усилий становится жизнью любви. Они не станут миссионерами, потому что не будут делать ничего в частности. Они не будут хвастаться, что столько сделали для человечества; они сделали это, потому что наслаждались. Они уже вознаграждены. Награда не где-то в будущей жизни, после смерти, в раю; награда это сама любовь. Любовь — награда самой себе.

Когда ты живешь из любви, твоя жизнь безмерно радостна, экстатична; это награда. А когда ты живешь из ложного эго, твоя жизнь — страдание,

ад; это наказание. Не нужно ждать — что после смерти ты будешь брошен в ад. Забудь эти истории! Их хорошо рассказывать детям, которые больше ничего понять не могут; они могут понять только истории. Но для зрелых людей эти истории бессмысленны.

Каждое действие либо само себе наказание, либо само себе награда. Если оно возникает из твоей реальности, оно приносит великую радость, красоту, блаженство, благословение. Если оно возникает из какой-либо ложной идеи, оно приносит несчастье, боль, страдание. Именно это и есть ад.

Йога Четана, эгоизм это тень эго, которого вообще не существует. Но не принимай то что я говорю только потому, что это говорю я. Тебе придется посмотреть вовнутрь, пусть это станет твоим опытом. чтобы посмотреть вовнутрь, тебе понадобится немного больше осознанности. Тебе придется выйти из дремлющего состояния.

Это было в одном из «сухих» штатов Юга. Железнодорожный вокзал был набит футбольными болельщиками, едущими на матч. В углу зала ожидания стоял Бакстер, тихий маленький человечек, уворачиваясь и пытаясь скрыться от толпы.

Агент федеральной службы, командированный в эту неблагополучную территорию, заметил, что у Бакстера под пиджаком что-то есть, и оттуда медленно падают капли. Агент с блеском в глазах подошел к нему, поймал одну из капель на палец и попробовал.

— Виски? — спросил он.

— Не, — ответил Бакстер. — Щенок эрдельтерьера.

До вас не дошло! Попробуйте еще раз... это не виски, это щенок эрдельтерьера.

В одной квартире в Сан-Франциско проходила большая вечеринка алкоголиков. В разгар дикого и пьяного разгула внезапно случилось землетрясение. Трубы попадали с крыш, водопроводные трубы полопались. Все гости дикой вечеринки в спешке выбежали на улицу. Но одного не хватало. Хозяин героически бросился обратно и нашел потерявшегося человека в ванной по колено в воде. Незадачливый гость мог только пробормотать: — Честно, Поль, клянусь, все что я сделал, это потянул дверную ручку!

Йога Четана, тебе придется стать немного сознательнее, вот и все. Выйди из своего опьянения; оно очень древне. Многие жизни мы жили в пьяном состоянии. Тебе придется совершить небольшое усилие и вытащить себя из грязи бессознательности. И тогда эго исчезает, и за ним остается чистое пространство.

В этом чистом пространстве расцветают лотосы — лотосы сострадания, любви, радости. Блаженна не только ты; ты становишься благословением для всего существования.

Не борись с эгоизмом, помни. Борьба с ним — вот что тебе говорили снова и снова. Не борись с ним. Борьба с ним означает, что ты уже признала его реальность; поэтому я не учу бороться с эго. Если ты борешься с эго, ты станешь скромной, но в своей скромности спрячется эго. Тогда эго будет постоянно хвастаться своей скромностью. Эго может даже сказать: «Я самый скромный человек в мире, величайший скромник в мире».

Три христианских священника беседовали; они встретились на перекрестке. Один принадлежал к траппистскому монастырю. Он сказал:

— Что касается аскетизма, никто не может соревноваться с нами. Мы самые аскетичные люди во всем христианском царстве.

Второй принадлежал к другому монастырю. Он сказал:

— Может быть и так, но что касается учености, вы ничто. Наши люди всю жизнь посвящают святым писаниям, чтобы отыскать бриллианты истины.

Третий улыбнулся и сказал:

— Может быть, вы оба и правы, но что касается скромности, мы превзошли всех!

«Что касается скромности, мы превзошли всех...»

Поэтому, Йога Четана, я не говорю бороться со своим эгоизмом. Борьба ничем не помогла; она только создала во всем мире благочестивых эгоистов. Я предлагаю наблюдать его, смотреть на него, отмечать его. Отмечай, как он работает, как ты продолжаешь его создавать — потому что это твое собственное создание.

Оно очень произвольно. Это вымысел, который ты соблюдаешь и поддерживаешь. И содержание его очень дорого, потому что оно удерживает тебя в аду; оно разрушает всю твою жизнь, просто чтобы содержать нечто ложное. Наблюдай это. В то мгновение, когда ты увидишь его ложность, его не станет. Тебе не нужно его отбрасывать, оно отпадет само собой. Его просто нет.

И тогда начинается совершенно новая жизнь. Ты рождена заново. Именно это я называю саньсой.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Правда ли, что Ты в самом деле никогда в жизни не работал?

Сандеш,

Это в самом деле правда. Я прародитель хиппи! Может, ты и не знаешь, я основатель всего этого движения!

Начальник магазина с явным раздражением на лице подошел к Шелдону, хиппи.

— Послушай, — прошипел он, — сделай мне и всем в этом магазине большое одолжение и перестань свистеть за работой.

— Эй, мэ́н, — парировал Шелдон, — кто здесь работает?

Я жил, а не работал! Я наслаждался всем, что делал; это была не работа, это была моя радость, игра. Я любил это, вот почему я это делал. Я не оказывал никому никаких услуг, я не работал ни по каким другим мотивам; поэтому это была совсем не работа, это было для меня радостью.

Я говорю с вами. Это моя работа, это моя радость. Я наслаждаюсь — якетти, якетти, якетти... это не работа! Я просто люблю это. Назвать это работой неправильно — это развлечение!

Что я ни делал в жизни, это никогда не было работой. Я просто насвистывал!

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Ты — именно то, что я искал последние двадцать лет в исследованиях, политике, йоге, семье и коммунах. Наконец я здесь. И это так красиво! А завтра я уезжаю. Еще я очень счастлив. Почему?

Ганс Питер Фингер,

Завтра нет. Сегодня ты здесь, и этого более чем достаточно; это больше, чем может просить человек. Кто знает о завтра? Может быть, я сам уеду — и раньше тебя!

Дело не в том, чтобы быть здесь. Если ты меня нашел, ты меня нашел; когда бы ты ни был со мной, я буду с тобой. Все дело в том, что как только ты нашел человека, с которым вы друг другу подходите, с которым ты в абсолютной гармонии, причастии, тогда вас не может разлучить никакое пространство. Именно поэтому ты чувствуешь себя счастливым. Я могу понять твою проблему.

Ты говоришь: «А еще я чувствую себя счастливым. Почему?»

Обычно, если ты влюбился в меня и завтра уезжаешь, ты должен думать, ожидать страдания: «Вот человек, которого я искал двадцать лет и теперь нашел, а завтра мне нужно уезжать». Но ты не несчастен. Это ясное указание на то, что ты меня действительно нашел. Найти меня и быть несчастным невозможно!

Есть несколько человек, которые здесь и в то же время несчастны, потому что они не нашли меня. Есть люди, которые не здесь, но все же безмерно радостны, потому что они меня нашли, где бы я ни был.

Ты будешь принадлежать мне с сегодня и навсегда.

Одного мгновения глубокой гармонии достаточно, одно мгновение любви есть вечность.

Тогда время не имеет значения, пространство не имеет значения.

Твое сердце это знает, но твой ум задает вопрос, потому что это кажется нелогичным. Твой ум говорит: «Если ты действительно так влюблен, почему ты уезжаешь? Если ты действительно наслаждаешься, почему вообще ты должен куда-то ехать? Ты искал двадцать лет! Ты потратил двадцать лет и теперь нашел — и уезжаешь! И все же ты счастлив! Что с тобой случилось?» Именно ум ставит знак вопроса, но твое сердце знает, что ты нашел меня. И где бы ты ни был, это причастие будет продолжаться.

Что бы ни было передано между мной и тобой, это нечто за пределами времени, за пределами пространства. Поэтому ты можешь ехать счастливым, радостным. И каждый раз, когда ты закроешь глаза и вспомнишь меня, ты будешь здесь и сейчас.

Мое поле будды не должно ограничиваться этой коммуной; оно должно распространиться по всей Земле. Поэтому где бы ни был человек, который глубоко любит меня, он создаст вокруг себя небольшое поле будды.

Ганс-Питер, не только ты останешься связанным со мной, но и соединишь со мной многих людей. Ты станешь посланцем — не миссионером, но посланцем. Миссионер ложен. Миссионер это тот, кто сам не ничего понимает, кто сам ничего не пережил. Миссионер это профессия: он выбрал религию своей профессией, он зарабатывает себе на жизнь. Ты будешь посланцем. Ты будешь распространять слово многим людям — своим друзьям, людям, которых ты знаешь, любишь.

Да, это очень хорошо — иди и поделись с другими. И когда будет нужно, ты будешь призван и снова будешь здесь. И если нужно будет быть здесь вечно, ты будешь здесь вечно. Все, что нужно, случится.

Доверяй!

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Почему никто меня не замечает?

Нарендра,

Медитируй на максимум Мерфи:

Никто ничего не замечает, если все нормально.

Наверное, у тебя все нормально. Люди обращают внимание только когда что-то не так. Если все в полном порядке, люди совершенно ничего не замечают.

О Махавире говорят, что он хотел отречься от своего королевства. Он попросил разрешения у матери. Мать сказал:

— Прекрати болтать чепуху — никогда больше не спрашивай об этом! Пока я жива, я тебе не позволю. Если ты покинешь дом, то сделаешь со мной нечто очень насильственное — а ты говоришь о не-насилии. Помни!

Махавира никогда больше не спрашивал ее. Через два года она умерла. По пути с похорон домой он спросил старшего брата:

— А теперь можно мне уйти? Я продолжал здесь жить, потому что мать сказала мне: «Никогда больше не спрашивай». Теперь, к счастью, она умерла — можно мне уйти?

Брат сказал:

— Прекрати болтать ерунду! На нас пало такое бедствие — умерла наша мать — а ты хочешь покинуть меня? Пока я жив, я тебе не позволю.

И Махавира был так послушен — он согласился. Он стал жить во дворце, как будто отрекся от него. Он медитировал, был в молчании, двигался так тихо и изящно, что постепенно почти казалось, что его нет. Это красивая история — семья перестала его замечать.

Тогда однажды брат внезапно осознал:

— Много месяцев я его не замечал.

Он вспомнил:

— Где он?

Он пошел его искать. Он позвал всю семью и спросил:

— Что делать? Он почти ушел! Он стал таким молчаливым, таким мирным. Он не производит шума, он ни во что не вмешивается, он никогда ничего никому не говорит. Он живет так, словно его нет в доме! Какой смысл и дальше удерживать его?

Все они собрались и попросили Махавиру:

— Теперь ты можешь идти. Фактически, ты уже ушел, потому что мы перестали замечать тебя.

Махавира сказал:

— Теперь это не важно. Но если вы говорите, я иду.

Нарендра, не волнуйся. Люди замечают тебя только если ты делаешь что-то плохое. Когда собака кусает человека, это не новость; новость когда человек кусает собаку! Поэтому если ты хочешь быть новостью, укуси собаку! Делай что-то глупое, действуй кому-нибудь на нервы. Замечают только людей, действующих на нервы.

Именно поэтому каждый день ты видишь в газетах новости о политиках — по той простой причине, что у них есть раздражающая ценность. Можешь спросить любого премьер-министра или любого президента, чем он руководствуется, подбирая себе кабинет. Раздражающей ценностью! Если не выбран тот, кто собирается сделать какую-то гадость, он будет выбран. Чем больше ты создаешь проблем, тем более тебя замечают, очевидно. Если ты молчаливый человек, живущий в гармонии с собой и существованием, кто будет тебя замечать? Делай что-то плохое, все равно что!

Именно поэтому ваши святые продолжают делать глупости — просто чтобы их заметили. Стой на голове на рынке М. Джи. Роуд, и соберется

толпа. Люди бросят все свои дела. Может быть, они собирались сделать какую-то срочную работу, но случилась потрясающая вещь: какой-то дурак стоит на голове! Им приходится все бросить, им приходится смотреть. Сделай что-нибудь глупое.

Роберт Рипли говорит, что один человек захотел прославиться. Он спросил Рипли, что ему делать. Рипли — известный человек; он написал много книг — «Хотите верить, хотите нет...» Он собирал всевозможные невероятные вещи; он был экспертом по невероятным вещам — истинный, но невероятным. Еще люди спрашивали его... кто-то спросил его, как стать знаменитым. Он сказал:

— Сделайте одно. Обрейте половину головы и просто молча ходите по Нью-Йорку. Три дня просто ходите и ничего не говорите, и пусть люди смотрят.

И через три дня он был во всех газетах! «Появился странный человек, половина головы обрита, он ходит по всему Нью-Йорку и ничего никому не говорит. Вы его о чем-то спрашиваете, а он молчит. Очень странно!»

Именно поэтому я выбрал для вас оранжевое — чтобы где бы вы ни были — в Нью-Йорке, Берлине, Париже, Риме, где бы вы ни были, вас все замечали. Это помогает моей работе! Люди начинают спрашивать: «Что с тобой случилось?» Все мои саньясины выглядят так, будто Иисус снова вернулся!

Нарендра, наверное, ты все делаешь правильно. Радуйся, что тебя никто не замечает.

Седьмой вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему ты задаешь такую трепку священникам? Они не запрещают пить, и их нужно слушать только раз в неделю.*

Ниранджан,
Если люди должны слушать всевозможную чепуху хотя бы раз в неделю, этого достаточно, чтобы их отравить. Это пропагандировалось столетиями... это в самом воздухе, это стало частью атмосферы. Вопрос не в том, чтобы слушать их раз в неделю; их вибрации повсюду. Они продолжают напоминать тебе о себе всеми возможными способами. Куда бы ты ни пришел, везде есть церковь, храм или мечеть. Ты думаешь, тебе это ни о чем не напоминает? И они продолжают звонить в колокола и напоминать тебе: «Не забывай, мы по-прежнему здесь!» Возвышающиеся церкви, которые видно отовсюду; они напоминают тебе. Это тонкий процесс напоминания.

В Индии ты нельзя пройти по улице, чтобы не наткнуться на храм — храмы повсюду. В Индии так просто построить храм: раскрась любой камень. Можешь попробовать! Просто принеси откуда-нибудь камень, положи под дерево, раскрась красным и просто сядь рядом с закрытыми глазами. Через несколько минут появятся люди. Кто-то положит цветы, кто-то поклонится камню; они подумают, что это статуя Хануманджи!

Индия не верит в дорогие вещи; она сделала все дешевым. Это очень бедная страна, ты знаешь, и все так дешево и доступно каждому. У тебя может быть сколько угодно богов. Подойдет любой камень; только если он круглый, это будет Шанкара, Шива. Если он не круглый, уродливой формы, покрась его в красный цвет; он становится Хануманом! Просто сядь рядом и подожди, и ты найдешь что люди станут приходить и поклоняться.

Я не задаю трепку священникам. Фактически, разумные священники очень довольны мной.

Только вчера я получил открытку от священника, который очень доволен, потому что он слушал мои записи, читал книги. Он рад, что я здесь — поздравительная открытка от священника! Я не задаю трепки разумным священникам. Нет, я просто показываю им, где выход! Некоторые спаслись. Многие священники, монахи и монахини стали саньясинами. И теперь все боятся, потому что если так будет продолжаться, это опасно.

Протестантские власти в Германии приказали всем протестантским церквям Германии не упоминать мое имя ни в каких в проповедях. Специальная комиссия, назначенная протестантской церковью, опубликовала отчет на восемнадцать страниц о том, что я говорю. Они прочитали все мои книги... и у меня такое чувство, что половина из них будет обращена, потому что отчет кажется очень путанным! Иногда они высказываются в мою пользу, иногда кажется, что они против меня. Их ситуация не позволяет им сказать, прав этот человек или нет. Отчет очень откровенен.

Они говорят: «Этот человек говорит как Иисус — и все же остерегайтесь его». Теперь я думаю больше священников, особенно немецких протестантов, прочтут мои книги. Они привели названия книг. Даже те священники, которые обо мне не знали, теперь узнают! Именно так все происходит в мире. Это очень странный мир!

Я никому не задаю трепку. Самое большее, я рассказал несколько анекдотов о священниках. И у меня такое чувство, что читая их, наслаждаются только они!

Папа стоял перед притихшей толпой внимательных крестьян и говорил им:

— Вы не должны пользоваться Таблеткой!

Очаровательная синьора выступила вперед и покачала пальцем:

— Послушайте, — укорила она прелата, — если вы не играете в игру, то не вам и устанавливать правила!

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Мой муж сумасшедший, но иногда то, что он говорит, правильно. Возможно ли это для сумасшедшего?

Нилам,

Сумасшедшие могут делать что угодно — на то они и сумасшедшие! Они могут даже говорить правду. Только так называемым нормальным людям нельзя верить, они так искусны во лжи. Сумасшедшие люди просты; они могут говорить правду. Они не беспокоятся, им все равно.

Слушай своего мужа. Он гораздо нормальнее так называемых нормальных людей. Если иногда ты находишь, что он говорит правду, может быть, он говорит правду и в других случаях, но ты этого не осознаешь.

Сумасшедшие люди красивы. Они сумасшедшие только потому, что они так чувствительны, что не могут жить в этом безумном мире. Они не хитры; они невинные, искренние и честные люди. Я знаю много сумасшедших — фактически, я знаю только сумасшедших — и уважаю их.

Ты спрашиваешь меня, Нилам: «Может ли это сумасшедший? Может ли сумасшедший говорить правду?»

Только сумасшедший может говорить правду.

Иисус, должно быть, был сумасшедшим; иначе он не говорил бы правду. Он играл бы в игру толпы и стал бы знаменитым раввином, не распятым, но коронованным. Но он был сумасшедшим и говорил правду.

Сократ, должно быть, был сумасшедшим, совершенно сумасшедшим; иначе зачем беспокоиться об истине? Живи как другие люди, будь таким же лицемерным. Зачем пытаться быть истинным? Зачем настаивать на истине? Но, должно быть, он был сумасшедшим.

В последнее мгновение судьи спросили его... потому что им было очень жалко этого человека, они знали его искренность. Они сказали ему, что если он готов покинуть Афины, он может быть прощен — но он никогда не должен был возвращаться.

Сократ сказал:

— Этого я не могу сделать. Я жил в Афинах, учил в Афинах, здесь мои ученики, здесь мои люди. Где в таком возрасте я начну свой бизнес?

Да, он в самом деле употребил слово «бизнес».

Судьи спросили:

— Что ты подразумеваешь под бизнесом?

— Бизнес говорить истину — вот мое дело.

Судьи действительно были настроены сочувственно. Они сказали:

— Тогда сделай одно. Ты можешь жить в Афинах, но перестать говорить, умолкнуть.

— Это невозможно, — сказал он. — Лучше умереть, потому что тогда будет говорить моя смерть. И позвольте вам напомнить, — сказал он судьям, — что даже через века, когда я умру, моя смерть будет продолжать говорить людям истину. И вас будут помнить только благодаря мне; иначе никто не вспомнит о вас. Я не могу прекратить бизнес говорить истину. Я готов умереть.

Должно быть, он был сумасшедшим! Даже ученики считали его сумасшедшим. Жизнь так ценна! Но для человека истины истина ценнее.

Сумасшедшие люди могут делать что угодно. Помогите своему мужу, не мешайте ему. Помогите ему быть подлинным и истинным, и не зовите его сумасшедшим. Кто знает, кто сумасшедший? Фактически, определения не существует. Психологи называют Иисуса неврастеником. Фридрих Ницше говорит, что Будда сумасшедший. Фрейд говорит, что сумасшедший Ницше. Юнг думает, что сумасшедший Фрейд. Кому верить?

Известный врач разрезал желудок пациенту, и оттуда вылетела стайка бабочек.

— Надо же, — сказал врач, — этот парень действительно говорил правду!

Может быть, он просто играет роль, просто изображает, потому что иногда это действительно красиво.

Я знаю одного сумасшедшего. Когда он был со мной наедине, он был абсолютно нормален, а когда приходил домой, становился сумасшедшим. Я спросил его:

— В чем дело?

— Это очень удобно, — ответил он. — Мне не нужно делать никакой работы, мне не нужно волноваться о семейном бизнесе, мне ни о чем не нужно беспокоиться. Я наслаждаюсь! Я плаваю в реке, лежу на солнце, и все думают: «Он сумасшедший!» Моя жена, дети — они приняли всю ответственность. Моя жена управляет лавкой, мои дети, о которых я всегда заботился — теперь они заботятся обо мне! А я наслаждаюсь, я провожу лучшее время в жизни! — сказал он. — Я сделал достаточно. Теперь это единственный путь.

Есть множество людей, которые просто притворяются сумасшедшими.

Просто помогите своему мужу. Может быть, именно из-за тебя он притворяется сумасшедшим! Нилам, женщины опасны! Тебе нужно увидеть Асиму...

Асима — прекрасный саньясин. Я видел двух ее бывших мужей — оба сошли с ума! Тогда я стал думать, в чем же дело? И оба прекрасные люди — я знаю обоих. Один Сарвеш. Прежде чем встретить Асиму, он был в полном порядке. Теперь эта прекрасная саньясинка свела его с ума! Второй — Никундж; Никундж сумасшедший. Вся заслуга принадлежит Асима! Если кто-то еще хочет влюбиться в Асиму, подумайте дважды! И остановитесь!

Женщина приходит к хироманту.

— Ваш муж умрет насильственной смертью, — говорит она.

— Еще один вопрос, — говорит она: — Буду ли я оправдана?

Группа альпинистов, проходя мимо уединенного домика горного отшельника, обменялась улыбками при виде его владельца, развалившегося в кресле-качалке на веранде. Они заметили, что его жена вошла в дом через единственную дверь. Через несколько секунд в открытое окно прыгнула дикая кошка.

Они бросились к жителю гор.

— Сделайте что-то скорее! — закричал кто-то. — В окно дома прыгнула дикая кошка, а ваша жена все еще там.

— Не повезло, — сказал тот. — Впрочем, я всегда недолюбливал диких кошек.

Поэтому, Нилам, медитируй немного на себя. Почему этот бедный парень ведет себя как сумасшедший?

В разгар злосчастного американского вмешательства в восточной Азии глуповатого вида молодой человек подошел к стойке офицера, набирающего рекрутов.

— Что я должен сделать, чтобы как можно скорее попасть во Вьетнам? — спросил будущий солдат.

— Сначала вы должны подписаться, — воскликнул офицер с усмешкой.

— Должны ли добровольцы проходить медосмотр?

— Конечно.

— Черт, это меня задержит. Я хочу на переднюю линию немедленно.

— В любом случае, сначала вы должны пройти тренировку на базе, — объяснил офицер. — Никто не попадает в зону военных действий без соответствующей подготовки.

— Тогда, по крайней мере, отправит ли меня армия во Вьетнам самолетом? Я не хочу ехать на тихоходном корабле.

— О чем вы так волнуетесь? — проворчал армеец. — Вы что, не понимаете, что вас могут ранить или убить?

— Значат, ранят или убьют. Какая разница, если я покрою себя славой?

— Слушай, приятель, — рявкнул офицер, — почему бы тебе не пойти домой и не забыть все это? Ты сумасшедший!

Молодой человек поспешно сунул руку в карман, вытащил бумагу и дал в руки армейскому офицеру. — Вот, — сказал он поспешно. — Просто подпишите!

На сегодня достаточно.

Глава 11
*Не все потеряно,
но время кончается*

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему люди постоянно не понимают и неверно интерпретируют
Тебя?*

Раджеш,
Это абсолютно неизбежно, это необходимо. Так и должно быть. Это часть судьбы тех, кто говорит истину. Они обречены на непонимание, неправильную интерпретацию. Если бы их не непонимали и не интерпретировали неправильно, это было бы чудом. До сих пор этого не происходило и нет надежды, что это когда-нибудь произойдет.

Будд всегда не понимали по той простой причине, что они говорят из совершенно другого видения, которое недоступно массам. Они говорят из совершенно другого опыта. Их опыт таков, что его нельзя выразить словами, и все же они пытаются его выразить словами — они пытаются сделать невозможное. Высказывание этого в словах создает проблемы. Они используют слова по-своему, они придают словам собственный цвет, но когда эти слова достигают вас, они теряют весь смысл, данный им пробужденными. Немедленно вы интерпретируете их, переводя на свой опыт.

Будды говорят с освещенных солнцем вершин, а вы живете в темных долинах. Они говорят о свете, а вы никогда не видели света. Они говорят о глазах, а вы о глазах никогда и не мечтали. Они говорят о вечности, а все что вы знаете это время; все что вы знаете временно, а они говорят о том, что никогда не меняется, что всегда остается прежним, что неизменно. Это непреодолимая пропасть, расщелина. Пока вы тоже не станете сознательными, она остается непреодолимой.

Поэтому лишь немногие ученики мало-помалу достигают смысла мастеров. Очень постепенно некоторые люди становятся пробужденными, выходят из своего сна. Это и тяжело, потому что все что вы знаете о жизни

это сон и сны. Оставить позади сны и жизнь тяжело. Это значит стереть все прошлое. Это значит войти в такую неизведанную территорию без всяких карт — это страшно.

Только ученики могут понять; массы не могут понять. Массы вложили все в непонимание. Если и есть некоторая возможность понимания, они будут избегать этой возможности. Они не приблизятся к буддам. Они попытаются всеми способами создать как можно больше препятствий. Они создадут слухи, всевозможные слухи. Они окружают будд таким густым дымом собственного производства, что за ними будды будут почти не видны. Они не хотят слушать — это болезненно. Вся их жизнь укоренена во лжи, и истина ранит, потрясает.

Массы огромны, слепых миллионы. Люди с глазами редки, малочисленны и рассеяны. Лишь иногда приходит Заратустра, Лао-цзы, Иисус, Моисей, Будда. Они делают нечто невообразимое. Они пытаются объяснить свет миллионам слепых. Слепые слышал слово «свет», но не могут его понять — или понимают по-своему, соответственно своему представлению, мнению о свете. И они не просто слепы; у них тысячи мнений. У них много знаний — в то время как они вообще ничего не знают. Они наполнены писаниями. Они прячут свою слепоту за писаниями. Они умеют цитировать писания, они умеют спорить. Они хитры и искусны в спорах.

Фактически, об истине нельзя спорить. Либо ты ее знаешь, либо нет. Истину нельзя и доказать; либо ты ее знаешь, либо нет. Знание это все что возможно, или знание себя; нет способа его доказать.

Это случилось однажды:

К Гаутаме Будде привели слепого. Он был логиком, философом, очень искусным в споре. Он доказывал всей деревне, что света нет: «а все вы слепы, точно так же как и я. Я это знаю, а вы не знаете, и это единственная разница между нами». Он говорил это людям, у которых были глаза! И его доводы были так искусны, что жители деревни были в растерянности и не знали, что делать с этим человеком.

Он спрашивал их:

— Принесите свой свет. Дайте мне его попробовать, понюхать или коснуться. Лишь тогда я поверю.

Света нельзя коснуться, его нельзя попробовать, нельзя понюхать. Его нельзя услышать. А эти четыре чувства доступны слепому. Тогда он победно смеялся. Он говорил:

— Послушайте! Света нет. Если он есть, дайте мне доказательства!

Когда Будда пришел в деревню, они подумали: «Нужно привести этого человека к Будде».

Они привели его к Будде. Будда выслушал всю историю и сказал:

— Я ему не нужен. Я тоже работаю со слепыми, но слепыми другого рода — духовно слепыми. Я исцеляю их, лечу их. Но это физическая слепота. Отведите его к врачу. Отведите его к моему личному врачу.

У него был личный врач, которого дал ему король. Один из величайших врачей того времени, Дживака, был дан в подарок Будде, чтобы заботиться о его теле.

— Отведите его к Дживаке, и я уверен, что он сможет что-нибудь сделать. Ему нужен врач; ему не нужна великая философия о свете. Говорить о свете просто глупо. А если вы с ним будете спорить, он победит. Он может доказать, что света нет.

Помни, доказать, что Бога нет, очень легко; доказать, что он есть, невозможно. Доказать отрицательное просто, потому что логика имеет тенденцию отрицать. Доказать положительное невозможно; у логики нет выхода к положительному. Поэтому у атеиста аргументы лучше, и теист чувствует себя побежденным. Он не может доказать существования Бога или души.

Будда сказал:

— Отведите его к Дживаке.

Дживака вылечил его глаза. Через шесть месяцев человек стал видеть. Он пришел, танцуя, и принес Будде в подарок много цветов и фруктов. Он упал к его ногам и сказал:

— Если бы не ты, я бы всю жизнь доказывал, что света нет — а он есть! Теперь я знаю!

— Можешь ли ты доказать его? Где свет? Я хочу его попробовать, коснуться, понюхать его!

И слепой — бывший слепой — сказал:

— Это невозможно. Теперь я знаю, что его можно только увидеть; к нему нет другого подхода. Извини, мне жаль. Я был слеп, совершенно слеп, и говорил это в своей слепоте. Я спорил с чем-то таким, что существует — и это самый красивый опыт в жизни. Если бы не ты, я бы всю жизнь отрицал то, что есть и оставался бы слепым. Ты хорошо сделал, что не сказал о свете ни слова; я пришел, готовый, хорошо подготовленный спорить с тобой, а теперь я знаю, даже ты не смог бы его доказать. Но твое прозрение глубоко: ты смог увидеть, что мне не нужны были доказательства; мне нужно было лечение. Мне нужна была не философия, а врач. Ты направил меня к нужному человеку. Я безмерно благодарен.

И этот человек так и не покинул Будду. Он сказал:

— Теперь сделай с моими духовными глазами то же, что сделал с физическими.

Он стал учеником, он стал саньясином.

Быть учеником значит быть готовым к тому, чтобы над тобой провели операцию. Это хирургия, очень внутренняя хирургия: хирургия глубочайшего ядра твоего существа. Лишь тогда ты можешь понять меня и то, что я говорю.

Но массы не готовы. Не волнуйся о них, Ранеш. Это не наше дело. Если они не понимают, для нас это не имеет значения. Если они неправильно интерпретируют, это их потеря. Попытайся помочь им подойти ко мне ближе, но не спорь с ними.

Я врач, я не философ. Моя работа здесь — хирургия, не преподавание. Мастер это всегда хирург. Он отсекает все, что в тебе ложного, кусок за куском. Мало-помалу он разрушает все здание ложного. И то что остается тогда и есть твоя истина, твое существо. Лишь пережив это как опыт, ты сможешь понять, что передается тебе в словах, в молчании, в единении.

Я пытаюсь всеми возможными путями достичь вас, но могу достичь лишь тех, кто мне открыт. Я не могу достичь масс. Это невозможно по самой природе вещей.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Как мне стать новым человеком, о котором Ты говоришь?

Бхагавато,

Иисус говорит: Пока вы не родитесь снова, вы не войдете в мое Царство Божье. Именно это говорю я: Пока ты не родишься снова...

Есть два рождения. Одно дается тебе твоими родителями; это физическое рождение. Это только возможность второго рождения. Если ты думаешь, что первое это все, ты упустил всю суть. Первое это только семя. Оно имеет огромную ценность, если случается второе; если ты упускаешь второе, он не имеет совершенно никакой ценности. Ты должен быть дважды-рожденным. Именно так на Востоке мы определяем будд.

Второе рождение должно случиться у тебя внутри; это рождение сознания. Это не рождение тела, это не рождение ума; это рождение осознанности.

Обычно первое рождение делает тебя только машиной. Ты начинаешь жить очень поверхностно; в тебе нет никакой глубины, у тебя еще нет никакой души. Ты ешь, ты пьешь, ты работаешь, ты спишь, но все это ты делаешь как робот. Ты не видишь красоты существования — ты не можешь ее видеть. Ты не видишь божественности каждого мгновения; для тебя такой опыт невозможен. Для этого нужна трансформация всего внутреннего пространства. Для этого нужна новая субъективность, новое видение, новый угол зрения.

В определенном смысле ты видишь, ты слышишь только в определенном смысле. Да, ты слышишь слова, но смысл упускается. Ты читаешь Библию, Коран, Веды, но просто как попугай. Даже попугай гораздо разумнее твоих так называемых пандитов, твоих так называемых знающих людей. Ты продолжаешь повторять как граммофонная пластинка. Ты так эгоистичен, что не можешь сказать, не можешь принять: «Я не знаю».

Яша Хайфетц, утонченный скрипач, был в Лондоне, где по расписанию у него был концерт. За несколько часов до поднятия занавеса он заметил,

что на скрипке лопнула струна и поспешил в музыкальный магазин, чтобы ее заменить. Его обслуживала новенькая девушка.

— Я хотел бы «соль» для скрипки, — сказал он.

— Что для скрипки? — переспросила непонятливая девушка.

— «Соль».

— Извини дорогой, — сказала она с сожалением. — Тебе придется пойти в другой магазин. У нас нет ни соли, ни сахара¹⁹.

Люди очень неохотно принимают тот факт, что они не знают. Они пытаются всеми возможными способами построить фасад знания. Это величайшая в жизни ошибка. Ты еще не родился, но если ты думаешь, что родился, если ты думаешь, что уже достиг жизни, тогда вся эта возможность будет потеряна. Она ускользнет из рук.

Ты можешь научиться великим словам; они доступны. Ты можешь выучить их так хорошо, что даже встретив самого Иисуса, сможешь повторить их лучше него, потому что ты повторял их так долго. Ты можешь его победить; в соревновании у него может не быть никаких шансов. Какой-нибудь глупый священник может победить в соревновании, потому что он будет просто повторять дословно, слово в слово. Иисус не может этого сделать; это невозможно. Он должен быть спонтанным. Он будет откликаться на ситуацию. Он может сказать какие-то новые вещи — потому что прошло двадцать веков. Как он может продолжать говорить одни и те же вещи? Это невозможно.

Именно поэтому люди, которые считают, что знают, — самые невежественные в мире. Быть невежественным не так плохо, но верить, что знаешь, не зная, очень опасно.

Кажется, говорящие попугаи стали очень модными. Вполне понятно, что жена Муллы Насреддина решила, что должен быть попугай и у нее. Однако во всех магазинах, которые она обошла, попугаи были распроданы. В конце концов она нашла магазин, в котором оставался один попугай.

— Но, — предупредил продавец, — эта птица раньше принадлежала мадам публичного дома, и ее язык может оказаться довольно соленым. Может быть, если вы подержите его неделю, он забудет, что видел и слышал. Миссис Насреддин приобрела птицу и сделала как сказал продавец. Наконец, неделя окончилась, и птицу открыли. Сначала он заморгал глазами, но привыкнув к свету, огляделся вокруг и сказал:

— Гмм... хорошенький домик. Гмм... хорошенькая новая мадам. Гмм... хорошенькие новенькие девочки.

¹⁹ "I would like to have an 'E' string for my violin," said Heifetz.

"A what?" asked the uncomprehending girl.

"An 'E' string."

"Sorry, luv," she replied apologetically, "but ye will have to pick it out yourself. I can't tell the he's from the she's!"

Как раз в этот момент вошел Насреддин. Попугай мельком взглянул на него и сказал:

— О черт! Те же старые клиенты. Привет, Мулла!

Да, даже попугаи спонтаннее ваших пандитов. Ты продолжаешь повторять. Твои родители считали, что жили, и их родители считали, что жили, и они дали тебе идею о том, что ты жив. Ты не жив, ты только существуешь как овощ. Быть живым значит быть пробужденным.

Бхагавато, когда я говорю о новом человеке, я имею в виду сознательного человека. Человечество не может быть спасено, если не появится сознательный человек. В прошлом это не было так необходимо, но теперь это абсолютно необходимо, это обязательно. Если новый человек не появится на Земле, если больше и больше людей не станет сознательными, бдительными, пробужденными, Земля обречена. Ее судьба в руках глупых политиков, и они владеют такими огромными разрушительными силами, как никогда раньше. Это нечто новое.

Пять лет назад у них было столько власти, что они могли убить каждое человеческое существо семь раз — хотя никакого человека не нужно убивать семь раз — одного раза достаточно. Пять лет назад у нас было столько атомной энергии, — атомных бомб, водородных бомб, — что мы могли бы уничтожить землю семь раз. И за пять лет действительно произошел прогресс — теперь мы можем уничтожить ее семьсот раз! Мы можем разрушить семьсот таких планет как эта Земля, и мы продолжаем нагромождать... В любое мгновение любой сумасшедший политик может запустить процесс самоуничтожения.

Грядущие двадцать лет будут самыми опасными в истории человечества; никогда не было такой опасности — мы сидим на вулкане. Только большее сознание, большая бдительность могут спасти человечество; другого пути нет. Мы должны деавтоматизировать человека. Общество автоматизирует вас. Оно создает эффективные машины, не человеческих существ.

Мое усилие здесь в том, чтобы деавтоматизировать вас. Я делаю нечто абсолютно антисоциальное. Общество делает тебя машиной, а пытаюсь это исправить. Я хотел бы, чтобы этот огонь распространился по всей Земле и помог как можно большему количеству людей стать сознательными. Если на Земле произрастет сознание в огромных количествах, тогда еще есть возможность, надежда спасти человечество. Не все потеряно, но времени мало. Все контролируется политиками и компьютерами, а оба они опасны. Политики безумны. Невозможно стать политиком, если ты недостаточно безумен. Ты должен быть абсолютно ненормальным, потому что ненормальные люди одержимы властью.

Здоровый человек живет радостно; он не одержим властью. Его может интересовать музыка, пение, танец, но он не заинтересован в том, чтобы над кем-то главенствовать. Он может быть заинтересован в том, чтобы

стать хозяином самого себе, но он не заинтересован в том, чтобы становиться хозяином других.

Политики — ненормальные люди. В истории достаточно доказательств. А теперь царят компьютеры.

Знаете поговорку: Человеку свойственно ошибаться... Это правда, но если ты действительно хочешь привести все в полный хаос, человеческих существ недостаточно — нужны компьютеры. Сейчас машины и безумные люди главенствуют во всем мире. Мы должны изменить саму основу. Именно это я подразумеваю под новым человеком.

Новый человек значит больше сознания, больше любви, больше творчества. Весь этот процесс возможен по мере того как ты становишься более медитативным. Стань более медитативным, молчаливым, тихим. Глубоко переживи себя. В этом опыте в тебе раздастся аромат. А если много людей станет медитирующими, земля может наполниться новым благоуханием.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Я никогда не знаю, что будет дальше.

Бесполезно готовиться.

Ты убиваешь меня.

Я так рада, но это так больно и так страшно.

P.S. Это на несколько штрихов. Пожалуйста, не создавай мне больше проблем.

Прем Самарпан,

Несколько штрихов достаточно, чтобы создать проблемы. А что ты просишь, то и получаешь! Иногда люди получают даже не прося. Что бы и когда тебе ни понадобилось, это тебе дается.

Боль не всегда плоха; иногда она абсолютно необходима. Это скрытое благословение. Через нее ты растешь; пытаясь ее обойти, ты не можешь расти. Проходя через боль, человек становится кристаллизованным, интегрированным. Единственное условие, которое должно быть выполнено, — ты должна идти в нее сознательно. Тогда и боль это дар Бога, в точности как смерть. Если ты можешь войти во все сознательно, это дар. Тогда все подготавливает тебя к новому рождению, к новому человеку.

Ты говоришь: «Я никогда не знаю, что будет дальше».

Никто не знает, и никому не нужно знать. Самарпан, хорошо, что тебя не беспокоит будущее. Настоящего достаточно. Жить в настоящем, тотально поглощенным настоящим, — вот путь саньясина.

Иисус говорит своим ученикам: «Посмотрите на лилии в полях, как они красивы!» И в чем их секрет? Секрет в том, что они не думают о зав-

тра, они живут в настоящем. Все существование, кроме человека, живет в настоящем. Поэтому, кроме человека, ни у кого нет тревоги, тоски. Вся тревога, вся тоска создана человеком; это ваше собственное создание. Она просто существует у вас в умах. Либо мы слишком беспокоимся о прошлом — что глупо, потому что с ним ничего сделать нельзя; что случилось, то случилось, этого не вернешь. Но мы продолжаем думать: «Если бы я сделал это, если бы я сказал это...» Ты просто тратишь впустую еще больше времени. Люди продолжают раскаиваться в прошлом — в котором не стоит раскаиваться. Люди чувствуют себя виноватыми в чем-то прошедшем. Что прошло, то прошлое навсегда. Почувствуй себя отсоединенным, перестань быть продолжением.

Каждое мгновение, Самарпан, должно перестать быть продолжением прошлого. А если ты перестанешь быть продолжением прошлого, лишь тогда ты перестанешь беспокоиться о будущем, потому что будущее это не что иное как проекция прошлого. Люди, живущие в прошлом, живут и в будущем. Будущее это отражение прошлого. Каково в точности твое представление о будущем? Будущее означает, что ты не будешь совершать ошибок, совершенных в прошлом — уничтожь эти ошибки. Ты будешь наслаждаться тем, чем наслаждался в прошлом глубже. Вот что такое твое будущее: увеличение удовольствий прошлого и уничтожение боли прошлого.

Но ты не понимаешь жизнь. Боль и удовольствия соединены вместе. Если ты хочешь тех же удовольствий, которыми наслаждался в прошлом, и хочешь, чтобы они были интенсивнее, ты просишь и боли, от которой страдал в прошлом. И конечно, боль будет такой же интенсивной, как и удовольствие. Но они всегда уравновешены, всегда вместе; они неразделимы. Это две стороны одной монеты.

Поэтому ты просто тратишь время впустую, думая о прошлом или будущем. Будущее не будет тебе соответствовать. Кто ты, чтобы определять свое будущее? Эта безграничная вселенная не может определяться личной волей, твоим эго. Ты должна перестать толкать реку. Тебе придется научиться двигаться с рекой, двигаться с ветром.

Лао-цзы говорит: Будь как сухой лист: куда бы ни дул ветер, туда летит и лист. У него нет собственной судьбы, нет личных целей, нет личной воли. Он полностью сдался. Вот значение твоего имени, Самарпан. Самарпан значит «тотально сдавшийся»: человек, который потерял свою волю в воле целого.

Иисус говорит на кресте: «Да придет твое царствие, да свершится воля твоя». Это самарпан, это сдача. «Твоя воля, не моя». Это его последняя молитва и сама суть молитвы, сама душа религиозного человека.

Не нужно готовиться к будущему. Живи настоящее тотально, вот и все. Таким образом ты готовишься к будущему, совершенно не готовясь. Почему? — потому что ты тотально живешь в настоящем, а будущее рождается из настоящего. Откуда оно берется? Оно вырастает из этого мгновения. Если ты проживаешь это мгновение во всей полноте его красоты, ра-

дости, празднования, следующее мгновение родится из него, и ты сможешь прожить его еще более тотально, еще более радостно. Но ты не думаешь о нем и не готовишься к нему, потому что думать и готовиться значит упустить это мгновение. А если ты упускаешь это мгновение, ты упустишь и следующее, потому что оно вытекает из этого пустого мгновения, которое ты абсолютно упустил.

Таким образом происходит странное явление, очень странные закон жизни: именно те, кто готовится к будущему, будут продолжать упускать, а те, кто не готовится, но живет в настоящем, предельно сдавшись целому, никогда ничего не упускают. Их будущее приходит из настоящего, вытекает из настоящего. Тогда о нем заботится целое. Если ты сдался, обо всем заботится целое; если ты не сдался, тебе нужно заботиться о себе. Это все равно что пытаться поднять самого себя за шнурки.

Мулла Насреддин в первый раз летел на самолете. Выйдя из него, он выглядел очень усталым — всего пятнадцать минут из Бомбея в Пуну — он дрожал, его лицо было бледно. Я спросил:

— В чем дело?

— В чем дело! — ответил он. — Ох уж эти самолеты!

— Какие самолеты? Ты летал только в одном.

— Это первый и последний раз! Я покончил с этой чепухой! Я так боялся, мне пришлось сидеть на самом кончике стула.

— Но почему на кончике? — спросил я.

— Чтобы весь мой вес не приходился на самолет, вот почему.

Таким образом живут в мире миллионы людей: чтобы их вес не приходился на целое; иначе что-то будет не так.

Целое может тебя нести. Ты — почти ничто; для целого это не проблема.

Человек, окончивший жизнь, предстал перед Богом. Бог просмотрел всю его жизнь и показал много уроков, которые он выучил. Окончив, Бог сказал:

— Дитя мое, хотел бы ты о чем-нибудь попросить?

— Пока ты показывал мне мою жизнь, я заметил, что в хорошие времена рядом идут две цепочки следов, и я знал, что ты шел рядом со мной. Но в трудные времена след только один. Почему, Отец, ты покидал меня в эти трудные времена?

И Бог ответил:

— Ты неправильно понял, сын мой. Это правда, в хорошие времена я шел рядом с тобой и показывал путь. Но в трудные времена я нес тебя на руках.

Ты говоришь, Самарпан: «Я никогда не знаю, что будет дальше. Бесплезно готовиться».

Несомненно, бесполезно готовиться — или, готовиться нужно совершенно другим способом. Вот что я пытаюсь тебе показать. Живи в настоящем тотально, полностью осознанно. Это настоящий способ подготовиться, не готовясь. Это подготовка без подготовки. Ты будешь готова к следующему мгновению естественно, без всякого беспокойства.

Ты говоришь: «Ты убиваешь меня».

Да, в определенном смысле. А в другом смысле...

Медитируй на эту историю:

Человек гулял в парке поздно ночью. Внезапно он услышал за кустами странные вздохи и подавленные стоны. Встревоженный, он крикнул:

— Здесь что, кого-то убивают?

— Нет-нет! — раздался голос. — Как раз наоборот!

Да, в определенном смысле я убиваю тебя; в другом смысле, я тебя рождаю. Как раз наоборот.

Мастер это matka. Он принимает ученика в свою матку. Мы называем эту матку полем будды. И тогда ученик растет в любви, его питает его любовь, его свет. Он постоянно изливает на ученика свое сострадание, свое понимание. И однажды он выходит из матки мастера совершенно новым человеком. Старый умирает, и рождается новый. Именно так ты становишься дваждырожденным.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Ты говоришь о разницу между тем, чтобы «знать», и «познаниями». Но чтобы стать мастером, не нужно ли обладать «познаниями» в той же мере, что и «знать»? Мне кажется, что Ты в своих беседах показываешь много познаний. Не может ли и это для некоторых быть частью пути?

Николас Масли,

Есть огромная разница между познаниями и тем, чтобы знать. Для тебя познание и познания могут казаться похожими, потому что ты совсем не знаком с познанием; все что ты знаешь это познания. Поэтому ты можешь найти много познаний в том, что я говорю, но для меня это не познания, для меня это то, что я знаю. То, что я знаю, означает мой собственный опыт; познания означают нечто заимствованное.

И необязательно мое знание должно идти вразрез с знанием Будды, Иисуса или Кришны. Фактически, оно не может противоречить знанию кого-то другого. Знание одно и то же, процесс один и тот же, знает ли Будда или Заратустра. Это одно и то же.

Познавание означает, что тыходишь в свое внутреннее пространство, ты движешься вовнутрь, ты достигаешь самого центра своего существа. Ты опытно переживаешь, кто ты такой... в самом этом опыте ты познаешь, что ты Бог, потому что существует лишь Бог. Сказать «Бог есть» значит допустить тавтологию, потому что Бог значит «есть»; «есть-ность» равнозначна Богу.

Что бы я ни говорил здесь, это может показаться тебе познаниями, потому что их можно найти в Библии, Коране, Гите, Дхаммападе. И ты подумай: «Конечно, это познания». Это не так. Разница тонка и деликатна.

Человек может знать о любви — библиотеки полны; были написаны тысячи книг о любви. Ты можешь собрать все возможные познания о любви. Ты можешь создать энциклопедию любви. И все же, если ты не пережил любовь, все что ты знаешь просто мусор, все что ты знаешь вербально, интеллектуально; в этом нет экзистенциальной ценности.

Будда говорил: Это все равно что человек, каждый день считающий чужих коров и буйволов — у него самого нет ни коровы, ни буйвола. Считая чужих коров и буйволов, ты можешь стать экспертом в счете, ты можешь стать очень достоверным, но пока у тебя нет собственной коровы, ты не получишь от этого подсчета ничего питательного.

Знать значит быть молчаливым, предельно молчаливым, чтобы услышать тихий, негромкий голос внутри. Знать значит отбросить ум. Когда ты абсолютно тих, неподвижен, в тебе ничто не колеблется, двери открыты. Ты — часть этого таинственного существования. Ты познаешь его, становясь его частью, становясь его участником. Это познание.

Если однажды случилось познание, читать Библию, Коран и Гиту очень красиво, потому что все они стали свидетелями. Иначе ты можешь читать, повторять, но это только слова без смысла, без содержания.

В познаниях нет содержания, это пустые раковины без ничего внутри. Но если ты видел только познания, снаружи они выглядят почти одинаково. Познания приходят из учебы, познание случается в медитации. Эти процессы различны. В познаниях ты работаешь со словами, с языком, с писаниями. В познании ты идешь внутрь себя. Эти процессы не только разные, но и прямо противоположные. В познании сначала ты должен отбросить познания, потому что они становятся преградой. Сначала ты должен знать: «Я не знаю». Ты должен стать невинным.

Иисус говорит: Пока вы не станете невинными как маленькие дети, вы не войдете в мое Царство Божье.

Священнослужитель рассказывал историю своим гостям, и вдруг его прервала маленькая девочка:

— Папа, — сказала она, — это правда или ты просто проповедуешь?

Есть огромная разница между чем-то истинным и проповедованием — «просто проповедованием».

Однажды в субботу старый священник должен был покинуть деревню — в тот день, когда все приходят на исповедь. Он обучил молодого священника, который должен был заменять его на время отсутствия, необходимым азам:

— Если женщина крадет деньги у мужа — три «Аве Мария» и два «Отче наш»; если кто-то совершает прелюбодеяние — пять «Аве Мария» и три «Отче наш»; для тех, кто солгал — одна «Аве Мария» и два «Отче наш», и так далее.

Молодой священник принял первую исповедь у молодой хорошенькой деревенской девушки.

— Отец, я совершила грех, — сказала девушка.

— Что ты сделала, дитя мое? — спросил священник.

— Я занималась оральным сексом с соседским мальчиком, — сказала она робко.

Молодой священник был озадачен, потому что на этот счет он не получил никаких инструкций. В это мгновение он увидел, что мимо проходит старый священник с чемоданом в руке, отправляясь в дорогу.

— Отец, Отец, одну минуту, пожалуйста. Здесь молодая девушка. Что мне ей дать за оральный секс?

— Пятьдесят долларов.

Познания заимствованы; познание твое, твое собственное. Оно подлинно. Познания это информация, познание это трансформация.

Ты спрашиваешь меня, Николас: «Ты говоришь о разнице между познанием и познаниями. Но чтобы стать мастером, не нужно ли обладать познаниями в той же мере, что и познанием?»

Познания достаточно. Чтобы быть мастером, познания достаточно.

«Мне кажется, — говоришь ты, — что ты в своих беседах показываешь большие познания».

Я мастер не благодаря своим познаниям, но им вопреки! Я был профессором университета. Мне пришлось много бороться, чтобы выйти из своих познаний. И все же кое-что вокруг меня еще кружится. Простите меня за это! Но это не имеет ничего общего с тем, чтобы быть мастером.

У Иисуса не было познаний; ему повезло больше. Он не был профессором университета, он был просто сыном бедного плотника. Мухаммеду повезло; он был абсолютно неграмотен. Мне не повезло. Я очень пострадал из-за своих познаний. Моей главной проблемой было, как от них избавиться. Именно поэтому я так беспокоюсь о вас и постоянно настаиваю на том, чтобы осознавать знания — не становитесь знающими. Я говорю это по собственному опыту.

Легко отречься от богатства, легко отречься от власти, престижа, потому что это внешние вещи. Величайшая проблема в том, чтобы отречься от своих познаний, потому что оно проникают так глубоко. Они становятся

ся почти частью твоего существа, впечатываются в него. Ты можешь бежать в Гималаи — жена, лавка, власть, все останется позади, но не познания. Они останутся с тобой, куда бы ты ни шел. Они как тень, как что-то ближе чем кожа. Легко выпрыгнуть из кожи; гораздо труднее выпрыгнуть из познаний. Поэтому я продолжаю говорить вам: Остерегайтесь, остерегайтесь того, чтобы стать знающими. А у ума есть великая тенденция становиться знающим, потому что это очень приятно эго.

Но чтобы стать мастером человеку не нужно быть знающим. Если ты уже знающий, отложи познания в сторону. Стань снова невинным, чтобы ты мог узнать сам, и когда ты узнаешь сам, ты сможешь использовать свои познания. Их можно использовать, но позднее. Сначала познание, потом можно использовать познания, но ты будешь использовать познания совершенно не так, как используют эрудиты.

Вот почему мои толкования Иисуса, Будды, Махавиры полностью отличаются от толкований богословов. Так и должно быть. Их толкования вербальны, они исходят из логики. Они великие спорщики, умеющие сделать черное белым.

Мои толкования не основаны на доводах, не интеллектуальны. Мои толкования парадоксальны. Если ты против меня, ты можешь назвать их анти-интеллектуальными; если ты меня любишь, ты можешь назвать их сверхинтеллектуальными. Все зависит от тебя. Если ты против меня, ты можешь назвать их иррациональными; если ты меня любишь, они сверхрациональны. Если ты против меня, они противоречат сами себе; если ты меня любишь, они таинственны, парадоксальны.

И когда я что-то говорю, меня не волнует, говорю ли я правду о Будде. Меня волнует, правдив ли я с самим собой. Если я правдив с самим собой, должно быть, я правдив и с Буддой; иначе быть не может. Поэтому я очень забочусь о том, верно ли в буквальном смысле то, что я говорю о Будде или Иисусе. Я позволяю себе всю возможную свободу.

Однажды ко мне пришел великий буддистский богослов, Бхадант Ананд Каусальяян. Он сказал:

— Все что вы говорите прекрасно, но я столкнулся с несколькими историями, которых нет в писаниях.

— Например? — спросил я.

— Например, только вчера я читал прекрасную историю, которую вы рассказали: «Будда идет по улице, разговаривая со своим учеником, Анандой, и ему на голову садится муха. Он продолжает говорить и делает движение рукой, чтобы отогнать муху, затем внезапно останавливается посреди дороги. Мухи больше нет, но он снова медленно поднимает руку, как будто она все еще там.

Ананда очень озадачен. Он говорит:

— Что ты делаешь? Мухи больше нет!

— Да, — говорит Будда, — я знаю, но именно так я должен был сделать в тогда. Я продолжал говорить с тобой и автоматически позволили руке

двигаться. Для меня это неправильно. Я должен был махнуть рукой с большей осознанностью. Теперь я делаю это так, как надо».

Ананд Каусальяян сказал:

— Я никогда не встречал этой истории. Я читал все писания.

— Но не считаете ли вы, что она прекрасна? — спросил я.

— История прекрасна, — ответил он. Тогда я сказал:

— Все в полном порядке. Зачем тогда беспокоиться о писаниях? Разве вы не видите в ней буддистского аромата?

— Вижу.

— В этом вся суть!

Я здесь не действую как человек познания, но лишь как человек познания.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Я теряю память, и это беспокоит меня до смерти. Что мне делать?

Мамта, чепуха! Просто забудь об этом!

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Что, по-Твоему, не в порядке с индусами?

Мадхури, почти все!

Седьмой вопрос:

Любимый Мастер,

Да! До сих пор я был неуверен! Месяц назад я сказал Асима: «Ты свела с ума других мужчин. Не делай этого со мной». Вот это да! Мы любим друг друга уже, может быть, год, и сказать Тебе правду я действительно позволяю ей воздействовать на себя со всех возможных сторон. Она повлияла и на Никунджа, и Сарवेशа, и теперь я сам знаю, что это такое: любовь с ведьмой! Освободи меня, Любимый Мастер.

Ах... Что мне делать?

Нарайна, слишком поздно! Я не ведьмотерапевт! Теперь ничего сделать нельзя. Фактически, ты уже сумасшедший.

Мулла Насреддин играет ситаре, но продолжает часами играть одну и ту же ноту. Его жена сошла с ума, его дети сошли с ума, его родители сошли с ума.

Однажды Мулла как обычно стал играть одну ноту, и сосед спросил:

— Мулла, мы видели многих, играющих на ситаре, но они меняют ноты.

— Я знаю, что они постоянно меняют ноты, — ответил Мулла, — потому что они еще не нашли правильную. А я нашел — почему я должен ее менять?

— Но сейчас два часа ночи. Пожалуйста! Еще час, и я сойду с ума. Прекрати!

— Слишком поздно, потому что я уже прекратил. Я прекратил почти два часа назад. О чем ты говоришь?

Нарайана, год с Асимой... с тобой все кончено! Она опасна — как все красивые женщины. Все женщины ведьмы! Фактически, слово «ведьма» значит «мудрая». Это точный эквивалент слова «будда». Если женщина становится просветленной, она становится ведьмой.

Асима как раз на грани просветления, и она помогает тебе чем только может. Кто бы ее ни встретил, она ему помогает. Она и тебе помогла, и теперь нет способа тебя освободить. Все кончено! Лучше успокойся на этом.

Никундж и Сарвеш сошли с ума, потому что пытались убежать. Только тогда они осознали, что сошли с ума. Если бы они остались с Асимой, не было бы никаких проблем.

Поэтому не пытайся убежать от Асимы, это мой единственный совет. Она красивая, и я ее люблю.

Восьмой вопрос:

Любимый Мастер,

Есть ли хоть какое-то хорошее качество в институте брака, или их нет вообще?

Джагдиш,

Древнее писание говорит... это познания: Женитьба это институт, который учит мужчину устойчивости, воздержанию, выдержке, терпимости и многим другим превосходным качествам, которые ему не понадобились бы, если бы он оставался холостяком.

Почтенный старик праздновал свой сто первый день рождения, и журналист спросил его:

— Чему вы приписываете свой возраст и прекрасное физическое состояние?

— Я вам скажу, — отвечает долгожитель. — Когда мы с женой поженились в первый раз, раввин предложил мне, чтобы всякий раз, когда я предвижу ссору, я выходил и обходил вокруг микрорайона. Я принял совет раввина, и хочу вам сообщить, что семьдесят лет постоянных упражнений совершили чудесную перемену в моем здоровье.

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Это к тому, что Ты сказал в пользу смешанных браков. Я происхожу из старой доброй традиционной голландской породы и недавно сошлась с простодушным дующим пиво кокни. С тех пор я освоила дискотеки, пение рок-н-ролла, вечеринки и пиво. Чувствую себя прекрасно — но уверен ли Ты, что это лучший способ повысить сознание мира?

Аруп, я абсолютно уверен!

На сегодня достаточно.

Глава 12

Новый человек

с новым видением

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Я необразованный человек. Могу ли я все же стать просветленным?*

Джон,
У тебя больше возможностей, чем у образованного человека. Образование, существующее в мире, это не истинное образование. Истинное образование будет помощью в просветлении, потому что оно сделает тебя более медитативным, более молчаливым, более осознанным, более устремленным вовнутрь.

Образование, которое существует в мире, делает тебя более амбициозным, устремленным наружу, более эгоистичным, более поверхностным. Оно дает тебе все виды ложных ценностей. Это своего рода отравление. Оно никаким образом не помогает тебе быть самим собой. Оно разрушительно. Оно помогает тебе быть кем-то другим, и это само его разрушительное основание. Это отравление, но такое медленное, что ты никогда его не осознаешь. Оно начинается в тот день, когда ты рождаешься, и продолжает мало-помалу тебя разрушать, отвлекать от собственной природы.

К тому времени как ты выходишь из университета ты больше не естественное существо. Ты искусственный, произвольный. Университеты похожи на фабрики, конвейеры, где человек разрушается, и создаются машины, где человек низводится до машины.

Просветление означает обнаружение своего существа. Оно не имеет ничего общего с образованием. Фактически, тем кто образован придется в определенном смысле снова стать необразованными. Знающим придется прекратить быть знающими. Им придется снова стать подобными детям, невинными, чтобы их глаза были полны восторга, удивления, чтобы они снова могли увидеть безмерную красоту существования, вечную радость,

празднование, окружающее тебя. Но знающий человек абсолютно не осознает, потому что думает, что знает; для него это преграда.

Чем больше ты знаешь, тем меньше тебя что-либо удивляет. Чем больше ты знаешь, тем меньше ты удивляешься: А Бог только для тех, чье удивление тотально, кто знает опыт благоговения; для тех, кто может танцевать на ветру, солнце и под дождем; для тех, кто, видя розу, так потрясены его красотой, что лишают дара речи, и на мгновение их умы прекращают работать. Лишь они могут познать Бога. Лишь эти немногие могут стать просветленными.

Джон, тебе повезло. Конечно, если бы ты был образованным, ты мог бы заработать больше денег — но не больше медитации. Ты смог бы получить больше политической власти, потому что был бы хитрее, коварнее — но не прозрение в свое существо. Ты мог бы владеть множеством вещей, но это было бы обманчивым. Фактически, вещи, которыми бы ты владел, владели бы тобой, потому что ты не был хозяином самого себя. Лучше владеть собственным существом, чем всем миром. Лучше быть буддой — нищим — чем Александром Великим, потому что будда живет полной жизнью и умирает полной смертью, а Александр живет пустой, полой жизнью, кое-как набивая ее попытками убедить себя, что он не пуст, а потом умирает совершенно пустым.

Когда он умер, он сказал своим генералам:

— Пусть мои руки свисают из гроба.

— Почему? — спросили они, потому что это был необычный способ нести мертвое тело. Он сказал:

— Может быть, это против традиции, но я хотел бы, чтобы мои руки свисали из гроба, чтобы люди видели, что я умираю с пустыми руками.

Именно так несли его тело. Миллионы людей собрались посмотреть, и каждый был удивлен: «Почему руки свисают?» И мало-помалу распространился слух, что Александр хотел, чтобы каждый видел, что он уходит с пустыми руками. Его жизнь была совершенно тщетной.

Джон, не нужно беспокоиться о знаниях, образовании. Во внутреннем мире обычного образования не нужно — нужно другое, истинное образование.

Слово «образование» красиво. Оно означает: «вытащить»: вытащить то, что у тебя внутри. Фактически, мы не должны его применять в значении обычного образования. Неправильно применять такое прекрасное слово как «образование» к этой прогнившей системе школ, колледжей и университетов. Это не образование даже в буквальном смысле, потому что вместо того, чтобы вытаскивать нечто наружу, оно навязывает тебе нечто извне. Это насилие.

Настоящее образование подобно извлечению воды из колодца, не влиянию чего-то в колодец. Настоящее образование это извлечение наружу твоего существа, чтобы все твое внутреннее свечение стало просвечивать сквозь твое тело, сквозь твое поведение.

Это напоминает мне красивую историю. Это действительно случилось, это не просто история.

Стош, новый эмигрант, высадился из лодки на острове Эллиса и решил найти работу. Хождение от двери к двери не принесло успеха, пока он не позвонил в звонок публичного дома. Мадам отнеслась к нему сочувственно и наняла его чистить подвал. Завершив работу в рекордное время, Стош спросил, есть ли еще работа, и мадам спросила, не хочет ли он стать ее постоянным бухгалтером.

Когда Стош объяснил, что не имеет ни читать, ни писать, мадам заплатила ему десять центов и отослала с наилучшими пожеланиями.

На десять центов Стош купил на рынке два яблока. Одно он съел, другое продал за десять центов в центре города. Вернувшись на рынок, он принес еще два яблока, которые продал по десять центов каждое. Таким образом мало-помалу разворачивая бизнес, постепенно он стал владельцем небольшой фруктовой палатки, затем нескольких фруктовых палаток, затем самого большого магазина фруктов, затем большого магазина фруктов, затем супермаркета и в конце концов сети супермаркетов.

Когда несколько гигантских национальных пищевых цепей предложили откупить их у него, он принял самое высокое предложение — весь с половиной миллионов долларов. Контракты были намечены, и исполнитель корпорации и Стош, окруженные большим количеством адвокатом, встретились в роскошном офисе корпорации на вершине одного из самых престижных небоскребов Манхэттана. Они просмотрели контракты, покивали головами, и в конце концов исполнитель подписался на нужной прерывистой линии. Тогда Стош достал ручку из цельного куска золота и с трудом поставил крестик внизу страницы.

Исполнитель корпорации подпрыгнул в кресле и закричал:

— Боже мой! Вы хотите сказать, что создали этот бизнес ценой в семь в половиной миллионов долларов, не умея ни читать, ни писать?

— Черт возьми! — рявкнул Стош. — Если бы Стош умел бы читать и писать, Стош до сих пор был бы бухгалтером в борделе!

Второй вопрос:

*Любимый Мастер,
Что такое механическое добро?*

Джина Гойт,

Нет ничего подобного механическому добру. Добро не может быть механическим, а ничто механическое не может быть добром. Это противоречие в терминах. Добро может быть только сознательным, не механическим; а зло может быть только бессознательным, механическим.

Но я понимаю твой вопрос. Он важен, потому что столетиями людей учили чему-то подобному механическому добру, потому что оно легко. Люди механичны. Чтобы принести в свои жизни настоящее добро, настоящую добродетель, придется трансформировать их бессознательность в сознание, придется превратить их тьму в свет. Это тяжкое усилие, и мало того, общество совершенно в нем не заинтересовано. Фактически, оно его боится, потому что когда в мире случается действительно хороший человек, он создает для общества проблемы.

Иисус, Лао-цзы, Будда, Кабир — величайшие бунтовщики, по той простой причине, что они были настолько сознательны, что смогли увидеть насквозь ту глупую игру, в которую мы продолжаем играть. Они могут видеть насквозь наши жизни, они могут видеть насквозь наш обман. Их было невозможно обмануть, их было невозможно эксплуатировать, их было невозможно поработить. И мало того, что это оказалось невозможным, но к тому же они создали в мире массовые движения сознания. Они создали цепи, они стали первыми звеньями цепей. Их усилия многие стали просветленными. Их усилия считались антисоциальными. Именно поэтому был распят Иисус.

Где найти человека, который лучше Иисуса? В чем его преступление? Его преступление в том, что он был действительно хорошим. Если бы он был просто механически хорошим, не было бы проблем. Было множество механически хороших раввинов. Общество не боится механических людей; они управляемы. Они зависят от общества. Они всегда живут с коллективом, они всегда следуют толпе. Толпа очень довольна этими людьми. Легко создать механическое добро, потому что, прежде всего, люди механичны. Тебе просто нужно заместить их зло хорошими идеями, совершенно не меняя их существ.

Например, был создан ад — идея ада — чтобы создать механическое добро. Люди боятся, люди живут в страхе; священники с самого начала человечества осознали, что это можно эксплуатировать: заставить их бояться еще больше. Они изобразили ад в таких деталях, они создали в людях столько страха, что люди стали обусловленными — их страха.

Теперь тот же вид обуславливания выполняем легче, потому что мы создали больше технологии. Теперь не нужно двадцать пять лет учить человека идее ада; теперь человек становится механически хорошим. Ты можешь спросить Павлова, Скиннера и других бихевиористов: они научат тебя некоторым методам. Подойдет даже электрошок.

Кто-то курит, а ты не хочешь, чтобы он курил — просто примени к нему электрошок. Через три дня он перестанет курить, потому что в то мгновение, когда он берет в руки сигарету, рука дрогнет. Он испугается, что его ударит током. Именно так обучают крыс, обезьян, шимпанзе. И именно так пытаются обучать человеческих существ.

Религиозные люди создали ад, политики создали тюрьмы — просто чтобы мучать людей. Если их достаточно мучать, они привыкают. Павлов

называет это «условным рефлексом». Всю жизнь он работал с собаками; он обуславливал собак.

Если перед собакой поставить еду, это, конечно, вызовет слюноотделение. У собаки начинается слюноотделение, язык свешивается, с него капает слюна. При виде вкусной еды это естественно. Но если звенит звонок, этого не произойдет. Между звонком и слюноотделением нет никакой связи, но Павлов сделал одну вещь: каждый раз, когда он давал собакам еду, звенел звонок. Каждый раз, когда звенел звонок, давали еду. Звонок и еда стали связанными, переплелись, стали ассоциироваться друг с другом. Через пятнадцать дней он просто включал звонок, и у собак выделялась слюна, и свисали языки. Между звонком и слюноотделением нет естественной связи, но была создана новая, неестественная связь.

Павлов стал основателем коммунистической психологии. Именно так обуславливают людей в Советской России, Китае и других коммунистических странах. Человек не считается чем-то отличным от собаки; может быть, это немного более развитая и сложная, но все же собака.

Скиннер продолжает работать с крысами, продолжает выяснять, как обуславливать крыс, и говорит, что то же самое применимо к человеческим существам. Просто создайте страх, и они будут делать определенные вещи; создайте жадность... Пот почему был создан рай, небеса. Это простые стратегии главенствования над людьми. Создайте страх перед тем, что вы хотите помешать людям делать, создайте идею награды за то, к чему вы их хотите поощрить — и вы создали механическое поведение. Они не будут делать зла и будут делать добро.

Но что это за добро? Это эксплуатация общества, церкви, государства — круговой поруки. Это не изменило существа человека. Это не сделало его более осознанным, бдительным, более радостным, более празднующим. Это не дало ему никакого вкуса блаженства. Она не открыла ему никаких окон, в которых он мог бы увидеть проблеск Бога. Я не могу назвать это добром, добродетелью. В моем представлении добродетель должна быть побочным следствием сознания. Ты должен стать настолько сознательным, чтобы не мог делать ничего плохого — не потому, что ты обусловлен, но потому, что видишь, что это неправильно.

Например, я родился в джайнской семье. Джайны — самые фанатичные вегетарианцы в мире. В моем доме были запрещены даже помидоры, потому что их краснота напоминает о мясе и крови. Даже бедные помидоры, такие невинные! В детстве одной мысли, что кто-то может есть мясо, было достаточно, чтобы меня начало тошнить. В моей семье нельзя было есть ночью. Кто хочет страдать в аду только за то, что поел ночью?

Когда мне было восемнадцать лет, я первый раз поел ночью. Это шло вразрез со всем моим воспитанием, но мне пришлось, потому что я с другими ребятами был на пикнике, а другие ребята были индуистами. Целый день они ничего не готовили, а я не умею даже заварить чай! Мне пришлось от них зависеть. Я говорил им много раз, но они не были заинтере-

сованы. Им было интереснее исследовать горы вокруг, форт, очень древний форт, статуи и множество других вещей.

День был очень утомительный, и к вечеру мы очень устали. Тогда они начали готовить. Еда была готова к ночи. Усталые, голодные... они готовили вкусную еду... аромат! Я был одинок в своих страданиях! Я не мог есть, потому что стоит поколебаться однажды ночью, и придется вечно страдать в аду. Но я колебался — естественно. На поверхности я поддерживал выражение спокойствия и равнодушия, как мне и полагалось, но они убеждали меня — и глубоко внутри я был готов быть убежденным. Фактически, я надеялся, что им удастся меня убедить! В конце концов, меня убедили, и я поел. Но мне никогда не приходилось так страдать. Всю ночь меня тошнило и рвало. Никого другого не тошнило и не рвало. Это было просто моей обусловленностью.

Вегетарианство такого рода не хорошо. Оно не исходит из сознания — оно механично.

Механическое добро не настоящее добро; это только фасад. Чтобы быть хорошим, нужен разум, нужна осознанность.

Небритый и пахнувший перегаром поляк был арестован за публичное опьянение, и теперь он стоял перед судьей.

— Ваша честь, — взмолился он, — я действительно не собирался пить кварту водки за один раз.

— Тогда почему вы это сделали?

— Я потерял пробку.

Подрядчик, работающий на правительство Соединенный Штатов во Вьетнаме, предъявил счет за покрытие крыши черепицей. Правительственная контора изумилась величине счета: более двадцати тысяч долларов, большая часть которых на медицинские расходы, связанные с травмами, полученными на работе. Для расследования в больницу был направлен лейтенант.

Вот как объяснил дело сам подрядчик:

«Начав работу, я присоединил лебедку к краю крыши и продел в нее веревку. К одному концу я привязал большое ведро; другой я привязал к кольшку в земле. Затем я наполовину наполнил ведро черепицей, отвязал веревку, поднял на крышу, снова привязал веревку к кольшку, взобрался по лестнице, выложил черепицу на крышу, опустил ведро, спустился по лестнице и повторил всю процедуру семь раз, пока вся черепица не оказалась на крыше.

Ранним вечером работа была окончена, и я стал складывать неиспользованную черепицу в ведро. Я переоценил необходимое количество черепицы, и неиспользованной черепицы оказалось полное ведро. Я спустился по лестнице и отвязал веревку.

Именно тогда я осознал свою ошибку. Ведро, теперь полное черепицы, оказалось тяжелее меня, и я стал подниматься. В шоке я забыл отпустить веревку — и взлетел вверх! На полпути мы встретились с ведром, и у меня сломалось правое бедро. Я продолжал двигаться вверх, сломав несколько пальцев на руке, когда достиг края крыши. Тем временем ведро ударилось о землю, перевернулось, и большая часть черепицы рассыпалась. Ведро, ставшее теперь легче меня, стало пониматься вверх. Я опустил. На полдороги мы снова встретились — на этот раз были раздавлены мои ребра. Ударившись о землю, я сломал левую ногу. Именно тогда у меня хватило смекалки отпустить веревку. Через несколько секунд ведро приземлилось мне на голову, и я получил сотрясение мозга!

Нужно больше разума, больше осознанности, и тогда жизнь становится естественно хорошей, спонтанно хорошей.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Я гомосексуалист. Я чувствую, что меня ужасно угнетает и подавляет клеймо гомосексуализма. Мне кажется ложным, что я здесь для того, чтобы подойти ближе к самому себе, и в то же время у меня не хватает храбрости показывать себя таким как есть. Тогда я хочу все бросить и вернуться домой, чтобы больше об это не думать. Что мне делать?

Хаин Штефф,

Нет ничего плохого в гомосексуализме. Тебе не нужно чувствовать себя виноватым. Человек, несомненно, должен выйти за пределы секса, но это настолько же применимо к гетеросексуальности, что и к гомосексуальности. Гетеросексуальность и гомосексуальность это просто два стиля одной и той же глупости! Тебе не нужно чувствовать себя виноватым.

Фактически, видя население мира, гомосексуализм нужно поддерживать. По крайней мере, ты не будешь увеличивать население мира, ты не будешь еще больше обременять Землю. Она и так перенаселена. Гомосексуализм нужно ценить и уважать — это чистое удовольствие! Гетеросексуальность опасна. И что в этом плохого? Если два человека наслаждаются телами друг друга, в этом нет ничего плохого. Это должно быть их делом; вмешиваться в это никто не должен.

Но общество постоянно вмешивается во все; оно никому не оставляет никакой личной жизни. Оно входит даже в ваши спальни. Ваше общество это не свободное общество. Оно говорит о свободе и демократии, но все это вздор, но все это чистое рабство. Это большая тюрьма. И все ваши

священники и так называемый Бог — любопытные Варвары²⁰. Все они заглядывают в твою личную жизнь, что ты там делаешь. Это никого не должно касаться.

Что плохого в том, чтобы любить мужчину или женщину? Двое мужчин могут любить друг друга, две женщины могут любить друг друга. Любовь сама по себе это ценность. Удовольствие не должно осуждаться. Жизнь это уже такая ноша, такая тяжесть, такая скука. Оставьте хоть что-то в жизни, чтобы людям было немного не так скучно.

Здесь тебе не нужно бояться показывать себя таким, как есть. Весь мой подход в том, чтобы ты был таким, как есть, потому что это единственный способ это трансцендировать. Чувствуй вину, и ты останешься прежним. Вина никогда никого не трансформирует.

А гомосексуализм это такое невинное явление. Почему он так осуждается? Причина в страхе, что если его не осуждать, гомосексуалистом окажется почти каждый, потому что у каждого ребенка есть такая тенденция. Каждый ребенок переживает стадию, в которой он гомосексуален. Каждый мальчик, каждая девочка переживает время, когда мальчикам нравятся мальчики, а девочкам — девочки. Страх в том, что если многие люди станут гомосексуальными, — и особенно так было в прошлом, когда население было не так велико, и каждое общество хотело численности, потому что численность дает власть... Допускать гомосексуализм опасно; его нужно осудить, абсолютно осудить, настолько, в некоторых странах это величайшее преступление.

Например, в стране Аятоллы Хомейньяка, в Иране, это одно из величайших преступлений. Ты можешь быть осужден на пожизненное заключение или даже на смерть только за то, что ты гомосексуалист. Это кажется абсолютно абсурдным, смехотворным, но в прошлом для этого были некоторые причины. Каждое общество хочет быть сильнее. Продолжалась постоянная борьба — борьба между группами, борьба между племенами, борьба между кланами — и определяющим фактором была численность, количество. Если бы люди стали гомосексуальными, население бы уменьшилось; поэтому его нужно осудить как величайший грех.

Если думать о прошлом, может быть, в этом и был какой-то смысл, но в настоящем это абсолютно бессмысленно. Фактически, вся ситуация изменилась до противоположности: теперь опасна гетеросексуальность; нужна меньшая численность. Если человечество будет продолжать расти с той же скоростью, мы не сможем его прокормить, мы больше не сможем жить. К концу этого века население так вырастет, бедность так увеличится, что, кажется, нет никакого другого выхода, кроме третьей мировой войны, которая убьет почти всех — чтобы эти несколько человек начали историю сначала.

Я слышал историю, историю двадцать первого века:

²⁰ В оригинале: Peeping Toms.

Произошла третья мировая война, и обезьяна-самец сидит на скале и загорает. Обезьяна-самка подходит к нему с яблоком и дает ему яблоко. И обезьяна-самец говорит:

— Боже мой, неужели мы должны все начинать сначала?

Гомосексуализм осуждают, потому что очень возможно, что если его не осуждать, к нему обернется гораздо больше людей. Внутренняя тенденция есть в каждом человеке. Фактически, человек, который против него... чем более он против, тем больше тенденция. Он знает, что она есть, глубоко внутри, в бессознательном. Чтобы ее подавлять, он должен быть абсолютно против; сама идея вызывает в нем отвращение.

Но никто не говорит ему становиться гомосексуалистом. Если других это привлекает, тогда не твое дело вмешиваться и осуждать их. Это их свобода, и они никому не причиняют вреда. Это безвредная игра — глупая, конечно, но это не грех. что же касается глупости, весь секс глуп по той простой причине, что это биологический позыв, и ты ему не хозяин, ты просто жертва.

Тебе не нужно так беспокоиться об этом, Хаин, потому что гомосексуализм имеет очень красивые истоки: он начался в монастырях. Это нечто религиозное! Первыми гомосексуалистами были монахи и монахини — христианские, буддистские, джайнские; все великие религии внесли свой вклад. Так и должно было быть, потому что даже сейчас существуют монастыри, в которые не должна входить ни одна женщина.

В один католический монастырь в Европе, гора Атос, тысячу лет не входила ни одна женщина; не пускали даже шестимесячную девочку. Что же за люди там жили? Девочке шесть месяцев, и они даже этого боятся! Что они могут сделать? Но подавление секса создает страх, весь монастырь состоит из мужчин; гомосексуализм это естественное следствие того, что вместе собраны только мальчики или только девочки.

Религиозные люди внесли огромный вклад. Огромный вклад внесли работники образования, потому что мальчики должны получать образование отдельно. Они должны жить в разных местах, а девочки должны содержаться отдельно в отдельных местах, в отдельных школах. Если поместить вместе слишком много девочек, они обязательно станут лесбиянками, потому что ими овладеет сексуальный позыв, и они не смогут найти мальчика, и тогда что-то лучше чем ничего.

В зоопарках даже животные становятся гомосексуальными — только в зоопарках, помните. В диком состоянии они не становятся гомосексуальными. Нет необходимости — есть самки. Но в зоопарках, если самок нет, они становятся гомосексуальными. Зоопарк заслуживает изучения. Я изучал зоопарки, потому что зоопарки дают представление о человеческом обществе. Человеческое общество это большой зоопарк, потому что все в нем стало так неестественно.

Пойди в зоопарк и понаблюдай за животными, и ты сможешь увидеть многое. Они становятся гомосексуальными; в диком состоянии они нико-

гда не становятся гомосексуальными. Они вынуждены стать гомосексуальными. Они сходят с ума, они становятся ненормальными, безумными. В диком состоянии они никогда не сходят с ума; они остаются здоровыми. Но для здоровья животному нужно немного свободы.

В диком состоянии льву принадлежит большая территория, многие мили, и на всей этой территории он король. В зоопарке он живет в маленькой клетке. Если ты был в зоопарке, ты видел, как лев целый ходит по клетке туда-сюда, туда-сюда. Это может свести с ума кого угодно. Ему нужно немного свободы, ему нужна определенная территория. В таком маленьком пространстве ему тесно. Он становится злым, яростным, насильственным.

В зоопарке случается много болезней, которых нет в дикой природе. Например, ни одно животное не болеет раком или туберкулезом, но в зоопарке животные болеют туберкулезом и раком. Странно! В дикой природе нет медицинского обслуживания, а в зоопарке есть. Животных наблюдают врачи — великие врачи, выполняющие огромную работу! Они помогают им справиться с тем, что не под силу им самим — врачи лечат рак, туберкулез. Животные становятся жертвами болезней, которых никогда раньше не знали.

Человеческое общество было принуждено жить в неестественных обстоятельствах — а монастырь это одна из самых неестественных ситуаций. Это зоопарк, религиозный зоопарк! Там зародился гомосексуализм, поэтому не стоит испытывать к нему плохих чувств. Ты религиозный человек! И у тебя великая родословная гомосексуальных предшественников...

Если ты посмотришь на гомосексуалистов, ты будешь очень удивлен. Гомосексуалистами были многие поэты, многие писатели, многие музыканты, многие танцоры, многие великие люди, многие творческие люди. Гомосексуалистами были многие лауреаты Нобелевских Премий.

Не волнуйся и о просветлении, потому что я знаю по крайней мере одного гомосексуалиста, который стал просветленным — Сократа; он был гомосексуалистом. И есть подозрения насчет Иисуса. Я не могу этого доказать, это только подозрения — потому что он всегда был окружен мальчиками. Двенадцать апостолов... кто знает? И если это и так, в этом нет ничего плохого. Сократ без сомнений был гомосексуалистом. Как и Платон, как и Аристотель. Греки были великими людьми!

Одна американская девушка собиралась выйти замуж за грека. Это очень беспокоило ее мать. Она сказала:

— Подожди! Если ты можешь избежать этого брака...

Но девушка была без ума. Она сказала:

— Нет. Он так красиво выглядит, точно как греческий бог!

— Я знаю, но всего через несколько дней он всего лишь проклятый грек! И еще одно, — продолжала она, — если ты выйдешь замуж за этого человека, помни одно: никогда не поворачивайся к нему спиной, никогда! Что бы ни случилось, всегда всю ночь спи к нему спиной!

Девушка вышла замуж, Она настояла на своем, но вскоре обнаружила, что мать была права: греческий бог оказался не чем иным как проклятым греком! Она не знала, что делать, потому что он все время говорил ей:

— Почему ты не переворачиваешься?

Но она не переворачивалась; к тому же, она была еще и упряма!

Через шесть месяцев все усилия пошли насмарку. Грек сказал:

— Послушай. Если ты не перевернешься, у тебя никогда не будет детей.

Тогда девушка перевернулась, потому что хотела детей. Грек сыграл логический трюк.

Греки были гомосексуалистами веками. Все их великие люди были гомосексуалистами. Поэтому тебе нечем беспокоиться — за тобой стоит великая история! Уолт Уитмен тоже был гомосексуалистом — один из величайших поэтов всех веков.

Кажется, в гомосексуализме есть что-то такое, что делает людей творческими — либо делает творческих людей гомосексуалистами. Что-то в этом есть, и я вижу, в чем дело. Когда ты прекращаешь создавать детей, твоё творчество поворачивается под другим углом и движется в новые измерения. Ты создаешь поэзию, ты создаешь картины.

А люди, веками осуждавшие гомосексуализм, осуждали его не без причины. Что касается отношений мужчина/женщина, они всегда как на иголках, потому что мужчина не может понять ум женщины, а женщина не может понять ум мужчины. Они полярно противоположны. В этом их привлекательность друг для друга, но в этом и их конфликт, постоянный конфликт. Если гомосексуализм был допустимым и общепринятым, есть опасность того, что в нем утвердятся многие люди, потому что мужчине легче понять другого мужчину — у них один и тот же ум. Женщинам легче понять друг друга — у них один и тот же ум.

Вот почему гомосексуалистов называют «геями»²¹. Они действительно веселы! Гетеросексуальные люди выглядят так грустно. При виде пары тут же можно сказать, женаты они или нет: если они грустны, значит, они женаты, если они выглядят отупевшими и мертвыми, значит, они женаты. Брак убивает всю радость по той простой причине, что он создает столько конфликтов. Поэтому все общества осуждали гомосексуализм — по той простой причине, что если его не осуждать, что будет с воспроизведением? В прошлом это имело некоторый смысл, но теперь смысла нет.

Теперь наступил тот день, когда гомосексуализм можно принять как естественный выпускной клапан сексуальных энергий. Я не против него — и не за. Я просто говорю, что если ты хочешь прожить свой секс, ты должен выбрать собственный стиль, ты свободен в выборе стиля. Если ты решаешь быть глупым, по крайней мере нужно предоставить тебе свободу в том, какую глупость избрать! Я предоставляю тебе тотальную свободу.

Мое усилие здесь в том, что помочь вам выйти за пределы секса; если ты гомосексуалист, ты должен выйти за пределы гомосексуализма; если ты гетеросексуален, ты должен выйти за пределы гетеросексуальности. Есть другие люди, которые автоэротичны, секс которых направлен на самих себя. Они должны выйти за пределы своей автоэротичности. Человек должен трансцендировать секс, каким бы он ни был, потому что пока ты не выйдешь за пределы своей биологии, ты никогда не узнаешь свою душу. Но тем временем — прежде чем выйти за пределы — каким бы ни был твой секс, это твоя свобода.

Ты говоришь: «Я гомосексуалист. Я чувствую себя ужасно угнетенным и подавленным клеймом гомосексуализма».

Не нужно быть «ужасно угнетенным». Ты должен принимать осуждение людей. Где-то глубоко внутри ты и против него; иначе зачем чувствовать себя угнетенным? Если люди против, пусть будут против! Тебе не нужно каждому объявлять, что ты гомосексуалист. Тебе не нужно носить флаг, на котором написано, что ты гомосексуалист! Ты можешь оставаться гомосексуалистом. Конечно, ты не можешь этого скрыть, потому что сексуальный стиль меняет язык тела. Походка гомосексуалиста очень отличается; он идет совсем по-другому. И он выглядит таким веселым, счастливым!

Поэтому ты должен попытаться выглядеть немного менее счастливым, вот и все. Не кажись таким счастливым, ходи немного более сознательно, вот и все. Не чувствуй себя ужасно угнетенным и подавленным клеймом гомосексуализма. Все это вздор!

Ты говоришь: «Мне кажется фальшью, что я пришел сюда, чтобы подойти к себе ближе, и в то же время мне не хватает храбрости показывать себя таким как есть».

О какой храбрости ты говоришь? Здесь дело не в храбрости. Если ты гомосексуалист, будь гомосексуалистом! Здесь тебе не нужно храбрости, чтобы об этом заявить. Здесь ты можешь написать на футболке: «Я гомосексуалист». Никто не обратит на это внимания. Люди скажут: «Ну и что?»

Это совершенно другой мир. Здесь мы принимаем всех: нормальных, ненормальных, сумасшедших — у нас нет возражений. Если только ты не причиняешь вред другим, у нас нет возражений. А гомосексуализм это безвредная игра, абсолютно безвредная. Но ты думаешь, что объявить себя гомосексуалистом это храбрость. Здесь это не так; в других местах — да. И я не советую объявлять об этом где-нибудь еще; к этому нет необходимости. Зачем этим хвастаться? Прими это в молчании, расслабься в этом.

Но ты хотел это сказать, потому что это кипит у тебя внутри. Не волнуйся о том, что скажут другие. Просто смотри вовнутрь себя: что ты скажешь о своем гомосексуализме? Ты в нем не расслаблен. Общество развратило, отравило тебя. Общество дало тебе идеи. Оно создало в тебе определенную совесть, и уколы этой совести постоянно причиняют тебе боль.

²¹ Англ. gay: веселый.

Теперь ты говоришь: «Тогда я хочу все бросить и вернуться домой, чтобы больше об этом не думать».

Но просто вернувшись домой, ты от этого не избавишься. Не избавишься ни от гомосексуализма, ни от клейма, ни от чувства ужасной угнетенности. Тебе придется отбросить совесть, которую создало в тебе общество. Тебе придется понять себя и очистить себя от всех идей, навязанных другими; лишь тогда ты сможешь расслабиться.

Ты спрашиваешь меня: «Что мне делать?»

Хаин, не делай из этого проблему. Ничего не нужно делать. Я не берусь за отдельные проблемы. Весь мой подход в том, что болезней миллионы, но лекарство только одно, и это медитация.

Медитируй — гомосексуальный, гетеросексуальный, бисексуальный... Медитируй. Стань более тихим и молчаливым. Создай внутреннюю пустоту. Стань более прозрачным, и тогда вещи начнут меняться. Ты сможешь увидеть, что ты делаешь с собой. Если это правильно, ты будешь продолжать это делать с большей радостью, с большей тотальностью, с большей интенсивностью, с больше страстью. Если это неправильно, это просто отпадет, точно как сухие листья падают с дерева.

Я не могу предложить никакого специфического метода, потому что для меня все проблемы возникают потому, что мы стали умами и забыли, что глубоко внутри нас есть пространство, которое можно назвать неумом. Вход в это пространство, не-ум, дает тебе перспективу, видение, ясность.

Медитируй. Сиди в молчании, наблюдая свои мысли — гомосексуальные, гетеросексуальные, какими бы они ни были, неважно. Наблюдай, стань свидетелем. Мало-помалу, между тобою и мыслями будет создано расстояние. И однажды внезапно — реализация, что ты не ум. В этот день у тебя внутри происходит революция. После этого дня ты никогда больше не будешь прежним. Случилась трансценденция. После этого, что бы ты ни делал, правильно; тогда ты не можешь сделать ничего неправильного. А до этого неправильно все, что ты делаешь.

Поэтому когда я говорю, что ничего не имею против гомосексуализма, я не поддерживаю его, помни. Я не говорю: «Будь гомосексуалистом». Я ничего не имею и против гетеросексуальности, но не поддерживаю и гетеросексуальность. Я ничего не поддерживаю. Это игры ума — а ты должен выйти за пределы всех игр.

Твой ум создан обществом.

Пятнадцатилетний Бобби выбежал из кинотеатра, где только что посмотрел порнофильм.

Его остановил менеджер.

— Почему ты так торопишься?

— Мама мне сказал, — ответил Бобби, — что если я увижу что-то плохое, я превращусь в камень — и я уже начал превращаться!

Двое членов эксклюзивного лондонского клуба Исследователей обсуждали общего друга за большими стаканами брэнди-сода.

— Черт бы меня побрал, — сказал первый. — Ты говоришь, Паркхэрст поехал в Африку и женился на обезьяне?

— Совершенно верно, старик.

Последовала пауза, и первый член клуба спросил, конфиденциально понизив голос:

— Естественно, эта обезьяна была женского пола?

— Конечно, — был ответ. — У старика Паркхэрста нет никаких странностей.

Ум действует как агент общества у тебя внутри.

Выйти за пределы ума значит выйти за пределы общества.

Выйти за пределы ума значит выйти за пределы всей истории.

Выйти за пределы ума значит выйти за пределы прошлого.

Выйти за пределы ума значит войти в Бога.

И тогда, что бы ни случилось, хорошо, добродетельно.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Кажется, Запад одержим сексом. Люди набиты бесконечными техниками и порнографическими образами. Почему в то же самое время люди топчутся на месте и не могут двигаться в тантрический опыт секса, любви и жизни?

Прем Карин,

Дело не в Западе или Востоке. Оба одержимы сексом — конечно, по-разному. Запад потакает, Восток подавляет, но одержимость одна и та же. Вот важный вопрос: Почему Запад так ему потакает? Это потакание принесли две тысячи лет христианства и его подавляющих методов.

Восток подавляет; рано или поздно он начнет потакать. Человеческий ум движется как маятник, вправо-влево, влево-вправо. И помни, пока маятник движется вправо, он накапливает потенциал для движения влево, и наоборот. Кажется, что он движется влево, но накапливает потенциал, энергию для движения вправо. Когда общество подавляет, оно накапливает потенциал для потакания, а когда общество потакает, оно накапливает потенциал для подавления.

Поэтому неизбежно должна произойти странная вещь — и, фактически, она уже происходит: Запад потакал несколько десятилетий, и снова возникла тенденция к подавлению. Сейчас появилось много культов, проповедующих безбрачие. Харе Кришна проповедует безбрачие, *брахмачарью*, и этим движением заинтересовались тысячи людей. Возникает много

культов, и все они соглашаются в одном: секс нужно подавлять. Под именем йоги, под именем дзэн, под именем христианства возникает множество культов, которые снова учат подавлению. Вскоре подавляющим станет и Запад.

А на Востоке с каждым днем растет число порнографических журналов; появляется больше и больше порнофильмов. Восток немного замедлен во всем, немного ленив, поэтому ему нужно немного больше времени. Запад движется с большей скоростью. Но Восток становится Западом, а Запад становится Востоком, и это одна из величайших проблем. Если это произойдет, страдание останется прежним. Снова переместится маятник, и вы снова будете делать то же самое.

В прошлом это случалось много раз. Подавляющее общество рано или поздно становится потакающим. Когда подавление подходит к такой точке, где подавлять больше невозможно, оно взрывается: люди идут вразнос. А если общество было очень потакающим, оно начинает видеть, что это бесполезно, что это пустая растрата энергии. Это не приносит удовлетворенности; напротив, это заставляет чувствовать большее и большее разочарование. Тогда человек начинает думать о брахмачарье — безбрачии. Может быть, древние *риши* были правы?

На Востоке это тоже происходило много раз. В самом начале индуистская религия была очень потакающей; она не была подавляющей религией. Индуистские пророки женились. И более того, им разрешалось иметь и еще несколько наложниц. Им разрешалось даже покупать женщин — потому что в то время в Индии женщин и мужчин продавали на рынках как товар.

Остерегайся людей, которые постоянно говорят о Золотом Веке Индии. Никогда не было никакого золотого века. Даже во времена Рамы... Индуисты очень много говорят о Рамараджье — царстве Рамы, которое считалось высочайшим пиком. Людей продавали на рынках как товар, женщины в особенности считались просто товаром; любой мог их продавать и покупать. Люди дарили их в подарок. Человек приходил в гости, ему нравилась одна из женщин хозяина, и он дарил ее ему. Даже у так называемых святых было много женщин; все они потакали. Все истории того времени — даже о богах — очень развратны.

Наверное, вы видели храмы Шивы — храмы, посвященные богу Шиве. Эта статуя — не что иное как фаллический символ. Если посмотреть, внимательно присмотреться, ты будешь удивлен: в ней и мужские, и женские половые органы. Она изображает встречу мужчины и женщины. Вот эта история:

Однажды Вишну и Брахма пришли к Шиве... это индуистская троица: Брахма, Вишну, Шива. Брахма это бог созидания, Вишну — поддержания, а Шива — разрушения. Чтобы мир продолжался, нужны все трое. Один создает, другой поддерживает, третий разрушает; затем снова первый создает, второй поддерживает, третий разрушает. Так все остается в потоке.

Брахма и Вишну пришли к Шиве. Случилось так, что стражник спал, и они вошли, не спрашивая разрешения, и Шива занимался любовью со своей женой, Парвати. Он был так страстен, так пьян! — они могли подумать, что он принял какой-то наркотик, потому что он славился приемом наркотиков — марихуана, гашиш, опиум.

Он продолжал заниматься любовью, а эти два бога стояли и наблюдали. Великие боги! Они не могли даже сказать: «Извини!» и выйти. Наверное, они наслаждались этой сценой — живая порнография! Это продолжалось шесть часов, и эти боги шесть часов стояли и наблюдали. Длинный порнофильм — они только занимались любовью, больше ничего! Никакого сюжета, ничего больше... просто Шива, занимающийся любовью со своей женой. Но они были в большом гневе.

Когда Шива закончил, они сказали ему:

— Мы ждали шесть часов, а ты даже не замечал нас. Мы были в таком гневе и так проклинали тебя, что тебя навсегда запомнят как твои половые органы.

Именно поэтому в храме Шивы вы видите фаллический символ: Шиву помнят как его половой орган.

Наверное, эти индуисты были очень развратны. Развратны были и их боги. Но затем наступила реакция, маятник переместился. Буддизм и джайнизм восстали против этого разврата и создали очень подавляющий мир, подавляющую мораль.

Индия все еще живет под этим влиянием, но мало-помалу движется к потаканию. На нее влияет Запад — западные фильмы, западные романы. А на Запад влияет Будда, дзэн, Патанджали, йога, медитация; на Восток влияет Плэйбой! Люди читают Плэйбой, пряча его в Гите!

Прем Карин, ты спрашиваешь: «Кажется, Запад одержим сексом».

Это правда не только о Западе. Все человечество до сих пор было одержимо сексом, и будет оставаться одержимым, пока мы не изменим весь гештальт. До сих пор гештальт был: подавление/потакание, потакание/подавление — и перемещение между ними. Мы можем остановиться точно посередине. Пробовала ли ты когда-нибудь остановить маятник часов посередине? Что происходит? Часы останавливаются. Время останавливается.

Вот мое усилие здесь. Я не хочу, чтобы вы потакали, и не хочу, чтобы вы подавляли. Я бы хотел, чтобы вы были уравновешены, точно посередине. Посередине возможна трансценденция, и именно посередине мы можем создать человечество, которое не восточно и не западно. А это безмерно необходимо, срочно необходимо — чтобы на Щемлю пришел человек не западный и не восточный: новый человек с новым видением, освобожденный от всех оков прошлого.

Ты спрашиваешь: «Почему в то же самое время люди топчутся на месте и не могут двигаться в тантрический опыт секса, любви и жизни?»

Тантрический опыт означает ни потакать, ни подавлять. Тантрический опыт возможен лишь когда ты движешься в глубокую медитацию — иначе он невозможен. Когда человек становится очень, очень тихим, молчаливым, осозанным, бдительным, лишь тогда возможно познать нечто от тантры. Иначе тантра может тоже стать предлогом для потакания — новым именем, религиозным именем. И ты можешь двигаться в потакание под именем тантры. Имена не произведут больших перемен; в переменях нуждается твое существо.

Зельда, еврейская зебра, шла по сельской лужайке, где-то в плодородной Пенсильвании. Вскоре она набрела на стадо овец.

— Иго-го, можно с вами поговорить? — позвала она.

Одна из овец подошла к ограде.

— О чем вы хотели поговорить?

— Я представляю Южноафриканскую Ассоциацию Зебр Хадассах. Вы еврейка?

— О да, мы все здесь евреи.

— Я совершаю познавательную поездку. Нашим зебрам интересно, как еврейские животные в Америке зарабатывают деньги? Не расскажете ли вы мне, какую вы делаете работу?

— Что я делаю? — воскликнула овца. — Что это за вопрос? Я даю шерсть, что еще? Каждый год меня стригут, на следующий сезон — снова. А в Южной Африке разве по-другому?

— О нет, то же самое. Ну, я побежала дальше. Игого-го, большое спасибо. Зельда продолжала свою познавательную поездку, пока не встретила корову.

— Извините, мадам, я из Южноафриканской Ассоциации Зебр Хадассах. Я беру интервью у американских домашних животных. Не будете ли вы так добры описать свою работу?

— С радостью, — промычала корова. — Я работаю на строго кошерной ферме, а сама очень ортодоксальна. Моя работа, вы спрашиваете? Ну, я чистокровной породы Гурсни и даю молоко Класа А. Я живу вон там, вон в том миленьком белом сарае. Извините, что не приглашаю вас зайти, потому что мы не ждали гостей, и в доме беспорядок.

— Все в полном порядке. Спасибо за информацию. Вы мне очень помогли. Иго-го.

Еще немного времени спустя Зельда увидела на пастбище единорога, и в его еврейском происхождении не было сомнений. Он увидел ее почти что в то же самое мгновение. Он подбежал к ограде, затормозил всему четырем и оглядел зебру, пуская пламя из ноздрей.

— А что это вы делаете, сэр? — спросила зебра кокетливо.

— Милая, — сказал он, — только сниму эту странную пижаму, и я тебе покажу, что я делаю!

Все человечество страдает одержимостью, либо в подавлении, либо в потакании. Все человечество озабочено сексом двадцать четыре часа в сутки.

Психологи открыли, что каждый мужчина думает о женщине по крайней мере один раз в три минуты, а женщина думает о мужчине раз в шесть минут. Это может вызвать достаточно проблем — эта разница; может быть, в этом все проблемы мужчин и женщин.

Тантрический секс это вообще не секс; это медитация. Медитация должна распространиться на всю твою жизнь. Что бы ты ни делала, делай это медитативно. Ходи медитативно, ешь медитативно. Если ты занимаешься любовью, занимайся любовью медитативно. Медитация должна стать твоей жизнью двадцать четыре часа в сутки; лишь тогда — трансформация. Тогда ты выходишь за пределы секса, за пределы тела, за пределы ума. Впервые ты узнаешь божественность, экстаз, блаженство, истину, освобождение.

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему индусы такие гордые?*

Пол,

Бог их знает! У них нет для этого никаких причин. Меня это тоже удивляет. Ничего нет — но это цепляется за что угодно — или что-то изобретает. Индия постоянно изобретает красивое прошлое. Это выдумка, чистая выдумка. Этого никогда не было, никогда не существовало.

Да, были такие люди как Кришна, Махавира, Будда, но это были совершенно не индусы. Иисус не еврей, Лао-цзы не китаец. Эти люди универсальны; никто не может претендовать на них. Им принадлежит вся Земля; они — общее наследие, поэтому ими никто не может хвастаться.

Но каждая страна должна что-то изобрести, чтобы хорошо себя чувствовать. Как индивидуальности нужно эго, так эго нужно и странам, расам, религиям. А у индусов это огромно. Они считают себя самыми духовными людьми на Земле, а это такая чепуха! Сама эта идея недуховна.

Быть духовным значит быть скромным. Быть духовными значит быть никем. Быть духовными значит не принадлежать ни к какой стране, ни к какой нации. Быть духовным значит не быть ни индуистом, ни мусульманином, ни христианином. Но даже духовность используется как подпорка.

Это происходит каждый день: иногда приходят какие-то индусы, которые не понимают меня... потому что меня нельзя понять, если один раз прийти как турист и оглядеться вокруг. Нельзя понять меня, придя как турист. Индусы приходят, но только как туристы.

А тех немногих индусов, которые растворились в моей коммуне, которые стали саньясинами, я больше не считаю индусами. Они стали вселенскими. Это вселенское братство.

Но когда приходят новые индусы, они действительно индусы, очень индийские индусы. Какие они носят эго! Когда я обхожу Будда-холл со сложенными руками, кланяясь им в любви, в молитве, в приветствии, они не могут даже ответить. Они сидят как каменные. Они не могут изобразить даже формального жеста. Они выглядят так глупо, так по-дурачки, и мне их так жаль! Как им помочь? Кажется, эти люди за пределами всякой помощи, вне досягаемости. И они видят, как весь океан саньясинов со сложенными руками радостно кланяется, откликаясь в любви, приобщаясь, но они этого не могут. Они просто сидят как мертвые камни. Странно... но не так странно, потому что глубоко внутри они думают, что уже знают. Глубоко внутри они думают, что они великие наследники великой духовной традиции. Они знают Веды, Гиту и Упанишады.

Я наблюдаю их, наблюдаю их духовность. Они не смотрят на меня — они смотрят на мой Роллс-Ройс! Вот почему я прошу своего секретаря подавать Роллс-Ройс: по крайней мере, индусам есть на что посмотреть! Им интереснее машина — они духовные люди, не материалисты! Когда они приходят в ашрам, это их первый вопрос гиду: «Где Роллс?» Им не интересно увидеть медитации, им не интересно увидеть суфийских танцоров, им не интересно увидеть випассану, им ничего не интересно. «Где Роллс?» Весь их ум материалистичен, но они продолжают притворяться духовными. Всегда можно что-нибудь придумать.

Эта страна так бедна, что не может хвастаться богатством. Страна необразована и не может хвастаться образованием. Страна технологически отстала, и не может хвастаться технологией. И они нашли нечто невидимое: духовность. Всегда можно хвастаться духовностью. Никто не может доказать обратного. Конечно, этого и доказать нельзя, но в духовности одно хорошо: нельзя доказать ее отсутствия. И ты можешь продолжать говорить о своей духовности — которой не существует и никогда не существовало.

Индивидуальности были духовными существами, общества — никогда. Мы все еще ждем того великого дня, когда в обществе будет столько пробужденных индивидуальностей, что оно начнет приобретать цвет духовности. До сих пор этого не случилось. До настоящего времени этого не происходило; это было лишь надеждой. Но каждая религия верит, что религиозна. Одна только вера в определенные идеи дает тебе ложное чувство религиозности. А когда ты сталкиваешься с действительно религиозным человеком, ты пятишься, сжимаешься от страха.

Поэтому они против меня — они обречены на то, чтобы быть против меня. Я потрясаю всю их структуру. Я потрясаю их все эгоистические образцы. Я пытаюсь вернуть их на землю, к реальности — а это болезненно.

Индия никогда никого не ненавидела больше меня — по той простой причине, что никто никогда не разбивал их эго. Я совершаю все возмож-

ные усилия, чтобы разбить их эго, потому что это единственная надежда. Если Индия лишится своего эго, есть возможность рождения заново. Эта страна может родиться заново. У нее огромный потенциал. Ее потенциал того же рода, что и потенциал поля, которым много лет не пользовались, не собирали урожая — в каждом году его потенциал все больше и больше.

Веками Индия не росла в творчестве. Она стала самой многообещающей страной в мире. Если она взорвется в творчество, это действительно будет что-то потрясающее и имеющее огромные последствия для всей Земли. Но прежде чем это случится, должна быть разбита, расколота скорлупа семени.

Меня будут осуждать, критиковать, отвергать; я обречен на такую судьбу. Но я — единственная надежда. Если я добьюсь успеха в том, чтобы помочь немногим разумным индусам выйти из своих закрытых эго на открытое пространство, они помогут не только Индии, но и всему миру. Это будет великим вкладом в рост сознания.

Это возможно, и все вы здесь для того, чтобы этому способствовать.

На сегодня достаточно.

Глава 13

Религия:

песня, поэзия, танец сердца

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Обращаешь ли Ты людей в свою религию?*

Кристина,
У меня вообще нет никакой религии: определенного рода религиозность, но никакой религии в частности. Именно поэтому мне так легко впитать Иисуса, Будду, Лао-цзы, Заратустру, Моисея, Мухаммеда, Махавиру. Если бы у меня была религия, быть вселенским было бы невозможно.

Иметь религию значит стать ограниченным. Иметь религию значит определить свою жизнь, сделать из жизни догму, обнажить ее таинство. Она больше не бесконечна; она больше не неведома, не непознаваема. Она низведена до системы мысли.

Все мое усилие здесь в том, чтобы расплавить все системы мысли, расплавить ваши умы, которые стали холодными как лед, которые смерзлись в предрассудки, чтобы окружить Землю нового рода теплом. Это будет некой религиозностью — просто смутным чувством, не определенной мыслью. Ты можешь его пережить, но не можешь объяснить. Это будет скорее как аромат, чем как цветок. Если у тебя не заложен нос от простуды, ты сможешь почувствовать это — аромат. А головы людей полны холода; они страдают простудой, они замерзли. Один — индуист, другой — христианин.

В этом смысл твоего имени, Кристина — христианка.

Будь христом, никогда не будь христианкой! Будь буддой, никогда не будь буддисткой! Это значит жить в помойной яме. Если ты сама можешь

пережить истину, зачем довольствоваться второсортным знанием? Все религии — второсортное знание.

Когда мастер жив, у него есть определенный климат, в этом нет сомнений, вокруг него определенная атмосфера, в которой люди начинают расти — расти в самих себя. Это истинное обращение. Обращение не значит, что индуист становится христианином или христианин — индуистом; это не обращение. Это просто смена одной тюрьмы на другую, переход из одной мертвой системы мысли в другую мертвую систему мысли — но ты остаешься прежним.

Обращение означает радикальную перемену в твоём существе. Вопрос не в том, чтобы изменить идеологию, вопрос в том, чтобы изменить сознание. В этом смысле люди, несомненно, обращены. И я их не обращаю, они позволяют себе быть обращенными. Помни это различие. Я не заинтересован в том, чтобы кого-либо обращать; я просто создаю пространство, доступное для тех, кто хочет пройти эту революцию. Ни прямо, ни косвенно я не вовлекаю вас ни в какую религию.

Только вчера я читал... кто-то написал, — индуист, — что я обращаю людей в джайнизм, потому что я родился в джайнской религии. Джайны думают, что я обращаю джайнов в индуизм, потому что оранжевый это индуистский цвет — как будто цвета могут быть индуистскими или мусульманскими! А христиане пишут мне письма, пишут против меня статьи о том, что я обращаю христиан в индуизм. Это очень странный мир! Христиане думают, что я обращаю вас в индуизм, индуисты думают, что я обращаю вас в джайнизм, джайны думают, что я обращаю вас в индуизм, мусульмане думают, что я обращаю вас в буддизм, а буддисты думают, что я обращаю вас еще бог знает во что.

Я не обращаю вас ни в какую организованную религию — ни прямо, ни косвенно. Я совершенно в этом не заинтересован. Но несомненно я открываю вам это измерение. Если вы заинтересованы в том, чтобы пройти эту революцию, вы можете это сделать. Если у хватит духу, смелости, вы можете получить новое сознание.

Но я понимаю вопрос, в особенности от христианки, потому что христиане занимались этим делом обращения веками, по всей Земле, всеми возможными способами, правильными или неправильными. Если людей нельзя обратить путем убеждения, тогда их нужно обращать мечами. Если мечи устарели и выглядят уродливо, их нужно обращать деньгами, хлебом с маслом. Люди бедны и голодают.

В Индии я никогда не видел ни одной богатой семьи, которая стала бы христианской. Только очень бедные люди, которые все время на грани голодной смерти, становятся христианами. Причина не в том, что их интересует Христос; их интерес просто в выживании — а у христианских миссионеров есть деньги. Им можно дать денег, работу, одежду, лекарства, школы, больницы. И когда вопрос в том, чтобы выжить, кого волнует религия? К какой религии ты принадлежишь, неважно — первое условие: выжить. Поэтому в Индии были обращены все бедные люди, очень бедные

люди. Их обратили путем подкупа. Теперь вместо мечей для обращения используется очень тонкая методология.

Но я не заинтересован в том, чтобы кого-либо обращать. Я люблю Иисуса настолько же, что и Будду, потому что не вижу никакой разницы. Оба они религиозны, потому что оба они пробуждены. Между пробужденными нет совершенно никакой разницы. Но церкви не заботятся о просыпающихся или пробужденных людях; их заботит численность, и они используют каждый возможный способ, — прямой или косвенный, грубый или тонкий, — чтобы обращать людей в свою веру.

Поэтому, Кристина, этот вопрос возник у тебя в уме: может быть, я делаю что-то подобное христианским миссионерам. Я не миссионер.

Мистер и миссис Чотник надеялись, что их сын, Стэнли, последует их собственным ортодоксальным путям и получит высшее образование в университете Йешива. Вместо этого, не смотря на их крайнюю озабоченность, он поступил в христианский колледж. Но когда он вернулся домой на летние каникулы, они с огромным облегчением увидели, что их страхи были беспочвенны. Стэнли не пренебрег верой предков, не был обращен, и ясно было, что он ни на каплю не подвергся влиянию не-еврейской среды. И правда, в следующую пятницу он с готовностью согласился сопровождать их в синагогу.

Этим вечером, когда заканчивалась служба шаббес, раввин, старый друг семьи Чотник, приветствовал молодого студента широкой улыбкой.

— Приятно снова увидеть тебя здесь, в храме, Стэнли, — сказал раввин, пожимая руку молодому человеку. — Откровенно говоря, мы с твоими родителями боялись, что тебя могут обратить в католичество там, в Саут Бент.

Стэнли в изумлении поднял брови:

— Невозможно! — заявил он. — Никто никогда меня не обратит, Отец.

Есть тонкие пути обращения. Обращаемый человек даже не осознает, что происходит. Ты мало-помалу продолжаешь его обуславливать. Ты продолжаешь повторять одни и те же евангелия, и постепенно, помимо его воли, весь его ум наполняется всем этим повторением. Он подвергается обуславливанию. Это процесс гипноза.

Мое усилие здесь прямо противоположно: это процесс вывода из-под гипноза, разобуславливания. Я разобуславливаю вас, кем бы вы ни были: христианами, индуистами, мусульманами. Я просто разобуславливаю вас и затем оставляю в покое, чтобы вы могли быть самими собой. Я не обуславливаю вас снова. Я останавливаюсь на разобуславливании, чтобы вы были свободны от старого образца, от старого гештальта, который был вам навязан. Как только вы свободны, моя работа окончена. Тогда вы можете расти сами по себе, согласно собственному свету, согласно собственным внутренним потребностям. Каждая индивидуальность от рождения имеет право быть собой.

Миру не нужны христиане, индуисты и мусульмане; ему нужны действительно религиозные люди. Что я имею в виду, когда говорю «религиозные люди»? Я имею в виду людей, которые осознают, что мир это не только материя, что мир это нечто большее, нечто превосходящее. Он не кончается на материи; материя это только периферия: в центре мира сознание. Это возможно лишь когда ты переживаешь опыт сознания в собственном центре; тогда ты можешь переживать опыт сознания везде. Когда ты начинаешь чувствовать сознание везде, ты столкнулся с божественностью. Этот опыт — и есть религия.

Я, конечно, заинтересован в том, чтобы представить тебе этот безграничный опыт, но ты должна прийти к нему сама. Ты должна прийти к нему без всяких верований, без всяких предрассудков — открытой, уязвимой, готовой увидеть то, что есть, вместо того, чтобы проецировать то, что должно было бы быть. Я не даю тебе никаких «можно» и «нельзя», я не даю тебе никаких заповедей. Я просто помогаю тебе, как садовник помогает семени. Это не попытки сделать лотос из розы или наоборот. Садовник помогает розе быть розой, а лотосу — лотосом. Каким бы ни был твой потенциал, ты должна его осуществить.

Я здесь не для того, чтобы решать, какими вам быть; я могу лишь намекнуть, как расти в собственное существо. И именно так человек становится Иисусом, Буддой, Заратустрой.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Запад переполнен психиатрами и их пациентами, но почему они, по-видимому, никому не помогают?

Патрик,

Помощь возможна только от будды. Помощь возможна только от пробужденного.

Психиатры так же спят, как и ты; они в той же лодке. Между тобой и ними нет качественной разницы — фактически, они еще безумнее, чем ты. Возможно, они еще в большем беспорядке, чем ты, потому что они постоянно имеют дело с сумасшедшими; день за днем их окружают сумасшедшие. Вместо того, чтобы помочь сумасшедшим стать нормальными, случается противоположное: постоянно оставаясь в контакте с сумасшедшими, мало-помалу они сходят с ума сами.

Это естественно. У них еще нет осознанности, чтобы оставаться отстраненными, незатронутыми. У них нет той дистанции, того спокойствия, той непривязанности. Они не живут на освещенных солнцем вершинах; они спотыкаются в тех же темных долинах, что и ты, но притворяются, что они не слепы — а это опаснее.

Если человек слеп, знает, что слеп и никогда не притворяется зрячим, очень возможно, он будет ходить осторожнее. Если он притворяется зрячим, если он проецирует, что он не слеп, если он убеждает других, что он не слеп, мало-помалу он будет загипнотизирован собственными словами, загипнотизирован самим собой. Он начнет верить, что он не слеп, и перестанет соблюдать осторожность при ходьбе. Это опаснее.

Я слышал:

Однажды слепой пришел к мастеру дзен. Когда он уходил — это было ночью, темной ночью, и луна на небе была закрыта тучами, — мастер сказал слепому:

— Пожалуйста, возьми с собой эту лампу.

Слепой громко рассмеялся. Он сказал:

— Ты шутишь? Что для меня сделает лампа? Я не вижу! Мне все равно, есть лампа или нет.

Но мастер сказал:

— Я знаю, что ты не видишь, но по крайней мере другие смогут увидеть в темноте, что ты идешь, и не наткнутся на тебя.

Довод оказался убедительным. Слепой взял лампу и ушел. Не прошел он и ста ярдов, как на него натолкнулся какой-то человек. Он сказал:

— В чем дело? Ты что, слепой? Разве ты не видишь эту лампу?

— Я не слепой, — ответил человек. — Извини, но твоя лампа больше не горит; пламя погасло.

Слепой вернулся к мастеру дзен и сказал:

— Послушай, никогда больше не давай лампу слепому. Если бы лампы не было, я шел бы с большей осторожностью. Я всегда хожу осторожно. Из-за этой лампы я шел так, будто я больше не слепой — а лампа погасла. Но как мне было узнать, что она погасла? Из-за этой лампы впервые кто-то ранил меня. Я ходил всю жизнь, был во всех возможных ситуациях, но поскольку я был так осторожен и всегда стучал по дороге своей тростью, чтобы люди знали, что идет слепой, всегда нащупывал тростью дорогу во тьме, чтобы знать, где я, чтобы знать стена передо мной или дверь... Впервые я пошел без всякого страха.

И именно это происходит с твоими психиатрами, Патрик. Они думают, что знают — они ничего не знают. Они более информированы, но информация это не знание. Они лучше образованы, но их существа не выше, чем ты. А помощь возможна лишь тогда, когда тебе подает руку кто-то выше, чем ты.

Среди психиатров больше людей сходит с ума, чем в какой-либо другой профессии, больше людей совершает самоубийства. И это естественно. Живя с сумасшедшими, понятное дело — это на них влияет.

Тебе помогут эти сценки...

Первая:

386

Человек входит в кабинет психиатра.

— Вы должны мне помочь! — кричит он.

— Чем вы зарабатываете на жизнь? — спрашивает врач.

— Я автомеханик.

— Залезайте под кушетку!

Вторая:

Первый психиатр: «Привет!»

Второй психиатр: «Интересно, что ты этим хочешь сказать?»

Третья:

Пациентка: «Конечно, доктор, я очень расстроена. У меня одиннадцать детей, и вот я узнаю, что мой муж меня не любит».

Доктор: «Вам очень повезло! Только представьте, что бы было, если бы он вас любил!»

Четвертая:

— Доктор, моя жена обвиняет меня в том, что я отъявленный картежник.

— Это смешотворно. Заткнись и раздавай!

И пятая:

— Доктор, теперь, когда вы излечили меня от гомосексуальных склонностей, и сегодня наше последнее занятие, можно, я поцелую вас на прощание?

— Не говорите глупостей — мужчины не целуются. Я даже не должен лежать с вами на кушетке!

Ты спрашиваешь, Патрик: «Запад переполнен психотерапевтами и их пациентами, но почему они, по-видимому, никому не помогают?»

Помощь возможна только из высших источников. Человек, стоящий на том же уровне, ничем не может тебе помочь. Помощь возможна, лишь когда полностью сознательный человек старается помочь несознательному. Ты будто бы спишь; думаешь ли ты, что какой-то другой спящий как-то сможет тебе помочь? Только кто-то пробужденный может тебя разбудить. Если ты хочешь, чтобы тебя разбудили в определенное время, ты не говоришь другому спящему:

— Пожалуйста, разбуди меня завтра в пять утра. Я должен идти на эту чертову Динамическую Медитацию!

Ты должен попросить кого-то, кто не спит. Только тот, кто не спит, может тебя разбудить. Фактически, человек, который спит, может помочь тебе только еще глубже заснуть.

Может быть, ты наблюдал, как это происходит. Если рядом с тобой сидит несколько человек, и все они зевают, тебе тоже начинает хотеться спать. Они создают определенную вибрацию; они создают определенную

387

атмосферу, в которой каждый, кто для нее уязвим, начинает чувствовать, что ему лучше пойти и лечь спать.

То же самое происходит с пробужденными: будда создает совершенно иные вибрации. Он трясет тебя, он будит тебя. Он продолжает всеми путями тебя шокировать; он находит средства тебя шокировать.

Кавита спросила: «Любимый Мастер, иногда ты используешь такие слова, что я шокирована — а я думала, что меня не может шокировать никакое слово».

Кавита, я буду продолжать употреблять эти грубые слова, пока ты не проснешься. Тебе хотелось бы слышать колыбельные — но колыбельные не помогут. То, что тебя привлекает, то, что тебе нравится, не поможет. Нечто такое, что тебя шокирует... я собираюсь использовать грубые слова, пока ты не прекратишь зевать.

Каждый раз когда я вижу, что кто-то где-то зевает, тут же я должен сказать вам что-то шокирующее — и я вижу, как исчезает его зевок. В то мгновение, когда я говорю «дерьмо» — тотчас же он прекращает зевать! Его спина распрямляется, его кундалины поднимается вверх!

Пока вы все не проснетесь, я не собираюсь оставлять вас в покое; я буду продолжать бить всеми возможными способами.

Помощь возможна, Патрик, только от пробужденных. Вам не нужны психотерапевты, вам нужны будды.

Во-вторых: ты идешь к психотерапевту, но на самом деле не хочешь, чтобы тебе помогли. Ты многое вложил в свою патологию.

Еще несколько сцен.

Первая:

— Доктор, моя жена думает, что она холодильник.

— Почему вы с ней не разведетесь?

— Я бы это сделал, но мне нужен лед.

Вторая:

— Доктор, моя подруга думает, что она кролик.

— Приводите ее. Посмотрим, что можно сделать.

— Ладно, но как бы то ни было, надеюсь, вам не удастся ее вылечить.

Никто на самом деле не хочет, чтобы ему помогли. Люди только играют в игры. Они приходят к психиатру в надежде, что он ничего не сможет сделать, что он не сможет по-настоящему их изменить. Никто не хочет, чтобы его изменили; каждый хочет оставаться таким же, какой он есть. Ты так привык к своему страданию, к своей патологии... это твоя жизнь, твой образ жизни.

Если ты хочешь, чтобы тебя изменили, ты будешь искать мастера, не психотерапевта.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Есть ли истина в философии физического бессмертия, которая говорит, что только наше верование в неизбежность смерти производит старость, болезнь и смерть? До каких пределов наши мысли проявляют результаты?

Джон Физанг.

Человек боится смерти; поэтому он продолжает создавать всевозможные глупые идеи. Физическое бессмертие это сущий вздор, потому что все, что начинается, обязательно кончается. Физическое бессмертие возможно лишь если ты не был рожден родителями, но тебя сделали на фабрике. Если ты сделан из пластмассы, если ты не настоящий человек, тогда есть возможность. Пластмасса кажется единственной смертной вещью.

Поэтому если у тебя вместо кожи пластик, вместо настоящей крови — синтетическая, которую можно в любой момент заменить, — пойти на бензозаправку — и все, что есть у тебя в теле — кости, связки, все, — заменяемо, то каждый раз, когда возникает проблема, ее можно разрешить; тебе просто придется заменить пару запчастей, и они будут доступны... Ты можешь на время отправиться в гараж; кое-что придется открутить и снова прикрутить. Тогда ты можешь быть физически бессмертным — но тогда ты не будешь человеком, ты будешь машиной.

Если ты родился, ты обречен на смерть. Да, возможно продлить твою жизнь — жизнь уже продлена. По мере того как эволюционирует медицина, по мере того как научная технология помогает человеческим существам мы познаем больше и больше секретов жизни, и жизнь становится дольше. Ее можно продлить с семидесяти до семисот лет, но и тогда ты не будешь физически бессмертным.

И я не думаю, что многие захотят жить семьсот лет; даже семьдесят это слишком много! Через некоторое время люди начинают думать: «Теперь лучше умереть». Смерть это облегчение, расслабление. Все хочет отдыха; смерть это уход на отдых. Твое тело тоже устает, материя тоже устает. Оно хочет вернуться к изначальному источнику: вода в воду, воздух в воздух, земля в земля, огонь в огонь. Все хочет вернуться к своему источнику, чтобы отдохнуть, омолодиться и вернуться снова. Но человек всегда лелеял такие идеи — физическое бессмертие. И не обычные люди, даже люди, которых считают незаурядными — такие глупые идеи есть и у них.

И Шри Ауробиндо, и его мать верили в физическое бессмертие — и оба умерли! Когда Шри Ауробиндо умер, в это никто не мог поверить, потому что все ученики собрались вокруг него именно по этой причине — он знал

секрет физического бессмертия, и став его учениками, они рассчитывали стать физически бессмертными. Как они могли поверить, что он умер?

Три дня его смерть держали в тайне. Они ждали: может быть, он в глубоком самадхи, может быть, он вернется. Но через три дня, когда не было видно ни следа возвращения, а тело стало пахнуть, его пришлось похоронить. Тогда они надеялись, что бессмертной будет мать. Она прожила долгую жизнь, но долгая жизнь не означает физическое бессмертие. Когда она умерла, они были шокированы снова. Вся их философия пришла в замешательство со смертью этих двух людей.

Но одно хорошо в смерти: теперь Шри Ауробиндо нельзя спросить: «Почему ты всю жизнь говорил, что возможно физическое бессмертие, что ты знаешь секрет, что ты смог привнести Бога в физический мир?»

Но дураки собрались. Дураков всегда привлекают странные вещи. Просто глубоко внутри есть страх — никто не хочет умирать. Почему? Почему, прежде всего, ты боишься смерти? Смерть тебе не враг. Для человека, который действительно жил, смерть это не враг, а друг. Она как сон. Никто не хочет продолжать бодрствовать двадцать четыре часа в сутки.

Есть некоторые люди, которые думают, что сон это тоже только старая привычка, и пытаются его сократить. Они пытались веками. Да, его можно сократить, его можно сократить до двух часов, потому что два часа сна существенны: два часа ты спишь глубоким сном. Где-то между двумя и четырьмя или тремя и пятью часами ты спишь очень глубоко; это освежающие мгновения. Все сновидения исчезают, ты почти мертв. Поэтому древние говорили, что сон это небольшая смерть. Но люди пытались избежать и сна.

Вот эта логика: если ты можешь избежать сна, ты сможешь избежать и смерти. Если сон это небольшая смерть, и ты победил сон, ты сможешь победить и большой сон, смерть. Но почему? Что плохого в том, чтобы умереть? Люди, которые боятся смерти, это люди, которые на самом деле не продлили свои жизни. Они боятся не смерти, они просто боятся потому, что смерть пришла, а они еще не жили.

Вместо того чтобы думать о физическом бессмертии, думай о том, как жить более тотально. Пока ты здесь, живи жизнь во многомерном богатстве. И когда придет смерть, ты будешь чувствовать ее как кульминацию, как вершину, как высшее — жизнь, достигающая наивысших высот — и будешь наслаждаться смертью настолько же, насколько наслаждался жизнью. Ты будешь полностью удовлетворен смертью, потому что она дает тебе отдых, расслабление; она обновит тебя. Она отнимет все старые одежды и даст новые.

Но люди продолжают философствовать. Они создали такие вещи как Христианская Наука, «ум выше материи». Они думают, что если ты веришь, что не умрешь, значит ты не умрешь.

Я слышал о человеке, который был Христианским Ученым. Однажды он встретил молодого человека. Он спросил молодого человека:

— Что нового о твоём отце?

— Он очень болен. — сказал молодой человек.

— Чепуха! — сказал Христианский Ученый. — Скажи ему: «Ум выше материи». Он верит, что болен, вот и все; это его верование создает болезнь. Не верь в болезнь, и ты будешь здоров.

Через несколько дней молодой человек снова встретил Христианского Ученого, и Христианский Ученый спросил:

— Как дела у старика?

— Теперь он верит, что он умер, — ответил молодой человек.

Дело не в веровании; болезнь реальна, смерть реальна. Да, верованием ты можешь создать некоторые болезни — которые ложны, фальшивы, — а неверованием в них их разрушить. Но нельзя разрушить настоящую болезнь; прежде всего, болезнь должна быть ложной. Если ты веришь в нее и создаешь ее, тогда неверованием ты можешь ее отбросить.

Но смерть это не твоё верование; иначе почему умирают животные? Они не верят, они не верят в то, что умрут. Почему умирают деревья? Они не верят в то, что умрут, у них нет никакой системы верования. Почему умирают звезды, солнца и луны? Почему умирают земли? Они не верят; смерть это вселенское явление, это происходит везде. Это часть жизни; это другая сторона монеты.

Я совершенно не поддерживаю Христианскую Науку. Во-первых, это не наука, во-вторых, она не христианская — это просто вздор.

Два человека средних лет выходили из теннисного корта через несколько минут после игры. Старший, немного тучный, тяжело дышал.

— Кажется, я в довольно плохой форме, — признался он печально.

— Сколько ты играешь, Херби? — спросил младший.

— Около двух недель.

— Тогда позволь дать тебе небольшой практический совет. Попробуй Христианскую Науку — ум выше материи.

— Я уже пробовал, — признался толстяк. — Когда мой противник подает, моя ум, следующий Христианской Науке, говорит: «Давай, Херби, просто подбегни к сетке, врежь крученный мяч в дальний угол корта и отскочи обратно в позицию». Вот что говорит ум, следующий Христианской Науке... Но мое еврейское тело отвечает: «Херби, тебе совершенно необязательно превращаться в форшмак!»

Фактически, тело и ум это не две вещи: тело это внешняя сторона ума, а ум — внутренняя сторона тела. Использовать выражение «тело и ум» неправильно; ты — телоум, даже без дефиса между ними. Мы должны говорить это одним словом: «телоум», «психосоматичный». Поэтому, конечно,

внутреннее влияет на внешнее, а внешнее на внутреннее — ты это телоум, — но ты не кончаешься на телоуме. Есть и свидетель.

Джон Физант, вместо того чтобы беспокоиться о физическом бессмертии, войди в связь со своей свидетельствующей душой, которая наблюдает и тело, и ум. Она наблюдает жизнь, она наблюдает смерть; поэтому она трансцендирует и жизнь, и смерть. Только этот свидетель бессмертен, потому что он никогда не рождается и никогда не умирает.

Люди дзен называют это оригинальным лицом. Медитация это не что иное как искусство открыть свое оригинальное лицо. Ты бессмертен, но не физически; лишь в своей осознанности, в своем сознании ты бессмертен, ты принадлежишь вселенной.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Не был ли Будда поэтом? Разве у него не было логического ума? Как нам, как новым мужчинам и женщинам, выйти за пределы того, что Ты называешь одномерностью, тогда как кажется, что и Твое учение, и учение Будды это просто осознанность?

Родерик,

Гаутама Будда не был поэтом, если ты понимаешь его прямо, но если ты понимаешь его через меня, он — поэт. Когда я говорю о Будде, очень естественно, что в нем отражается мой цвет.

Я люблю поэзию и продолжаю находить поэзию даже там, где ее нет.

Будда подобен пустыне — но я люблю оазисы и продолжаю их открывать. Если бы ты видел Будду, ты бы тотчас же понял, что он не мог иметь ничего общего с поэзией. Для него поэзия была вымыслом — настолько же, насколько и для Платона. Платон говорит, что в его Республику не будут пускать поэтов по той простой причине, они лжцы и живут во лжи. Что такое поэзия? Красивая ложь! У Будды тоже был такой же ум; он согласился бы с Платоном. Он очень настаивал на истине.

Мой подход совершенно другой. Я не вижу религию как что-то сухое и мертвое. Для меня религия это песня, танец. Если я создам республику, утопию, единственными ее гражданами будут поэты; пускать будут только их — потому что красота гораздо ценнее, чем сама истина. А поэт открывает красоту — и не только открывает, он создает. Поэт созидателен.

Именно благодаря мне ты находишь в Будде поэзию. Извини, я не могу по-другому. Вот почему буддисты мной недовольны; особенно недовольны буддистские богословы. Они говорят, что я постоянно нахожу в Будде вещи, которых не было. Меня мало заботит, было это или нет. Я использую Будду только как повод — как и Иисуса, Махавиру, Патанджали. Я не

комментатор — у меня собственное видение. Я использую их как вешалку, чтобы повесить на них себя.

Когда ты слышишь Будду через меня, это совершенно другое явление. Ты смотришь моими глазами; поэтому Будда будет выглядеть как поэт — но он им не был. Он был очень логичным человеком; поэтому я говорю, что он одномерен. Он был предельно логичен, логичен, как Людвиг Витгенштейн.

Витгенштейн говорит, что нельзя говорить то, о чем нельзя говорить. Это в точности точка зрения Будды; Будда сразу же согласился бы с Витгенштейном. Именно это он сказал за двадцать пять веков до Витгенштейна. Он никогда не говорил о Боге, потому что о Боге ничто не может быть сказано; поэтому ничего не говори. Даже сказать, что о Боге ничто не может быть сказано, значит что-то сказать о Боге; лучше не говорить даже этого.

Упанишады говорят: Ничто не может быть сказано о Боге; он неопределим. Будда не скажет даже этого, потому что тогда он противоречил бы сам себе. Утверждение, что о Боге ничего не может быть сказано, противоречит само себе, потому что ты уже что-то сказал. Даже сказать, что ничто не может быть сказано, значит что-то сказать. Будда был предельно логичен, абсолютно логичен. Он хранил абсолютное молчание.

Каждый раз, когда он приходил в город, деревню, его ученики шли впереди и объявляли: «Не задавайте Будде эти одиннадцать вопросов, потому что он не ответит, и вы только напрасно потратите его и свое время». Эти одиннадцать вопросов состояли из философии, теологии, метафизики. Если не задать эти одиннадцать вопросов, больше не о чем спрашивать — не остается ничего метафизического. Тогда можно спрашивать только о реальных проблемах. Можешь спрашивать о своем гневе, жадности, сексе. Можешь спрашивать о своем страдании и о том, как от него избавиться, но нельзя спрашивать, что такое Бог. Нельзя спрашивать, что случится после смерти. Нельзя спрашивать, что такое истина, что такое красота, что такое добро; он это запретил. Он был очень логичным, но одномерным человеком.

Жизнь трехмерна. И до сих пор были люди, великие люди, но все они были одномерны. Например, Будда логичен, как и Сократ. Были великие поэты — Калидас, Рабиндранат, Шелли, Шекспир. Они одномерны: их богом была красота. Были моральные люди, абсолютно моральные, добродетельные люди, которые всю жизнь посвятили лишь тому, чтобы быть как можно более добродетельными: Махавира, Лао-цзы. Но все они одномерны.

Человечество подошло к перекрестку. Мы прожили одномерного человека, и он себя исчерпал. Нам нужно обогащенное человеческое существо — трехмерное. Я называю его три «С», по аналогии с тремя «R»²².

²² Школьное выражение: три «R» — чтение, письмо и математика. — Прим. перев.

Первое «С» это сознание, второе — сострадание, третье — созидание.

Сознание это существо, сострадание это чувство, созидание это действие. Мой саньясин должен быть всеми тремя одновременно. Я даю вам величайший из вызовов, труднейшую из всех задач. Ты должен быть медитативным как Будда, любящим как Кришна, творческим как Микеланджело, Леонардо да Винчи. Ты должен быть всеми тремя вместе. Лишь тогда будет реализована твоя тотальность; иначе в тебе будет чего-то не хватать. И это недостающее заставит тебя оставаться однобоким, несостоявшимся. Ты можешь достичь очень высоких вершин, будучи одномерным, но это будет лишь вершина. Я хотел бы, чтобы ты стал целым хребтом Гималаев, не просто вершиной, но одной вершиной за другой!

Одномерный человек потерпел крах. Он не смог создать красивую Землю, он не смог создать рай на Земле. Он потерпел крах, полный крах! Он создал немногих красивых людей, но не смог трансформировать все человечество, не смог поднять сознание всего человечества. Лишь немногие индивидуальности изредка становились просветленными. Это больше не поможет. Нам нужно больше просветленных людей, и просветленных трехмерно.

Вот мое определение нового человека.

Родерик, ты спрашиваешь: «Не был ли Будда поэтом?»

Нет, не был! Но люди, которые проснутся здесь, будут поэтами. Когда я говорю «поэтами», я не имею в виду, что они будут писать стихи — ты должен быть поэтичным. Логика суха, поэзия жива. Логика не может танцевать; невозможно, чтобы логика танцевала. Увидеть танцующую логику... это все равно что танцующий Махатма Ганди! Это выглядело бы очень нелепо. Поэзия может танцевать; поэзия это танец сердца. Логика не может любить; она может говорить о любви, но не может любить. Любовь кажется такой нелогичной. Лишь поэзия может любить; лишь поэзия может нырнуть в парадокс любви. Логика холодна, очень холодна; она хороша во всем, что касается математики, но не годится ни для чего, что касается человечества. Если человечество станет слишком логичным, человечество исчезнет; тогда останутся только числа, не человеческие существа — заменяемые числа.

Поэзия, любовь, чувство придают тебе глубину, тепло. Ты таешь, ты теряешь свой ледяной холод. Ты становишься более человечным.

Будда — сверхчеловек, в этом нет никаких сомнений, но это лишает его человеческого измерения. Он неземной. В нем есть неземная красота, но нет красоты Грека Зорбы. Зорба такой земной.

Я хотел бы, чтобы ты был обоими сразу: Зорбой-Буддой! Человек должен быть медитативным, но не быть против чувства. Человек должен быть медитативным, но наполненным чувством, переполненным любовью. И он должен быть творческим. Если твоя любовь это только чувство, и оно не переведено на язык действия, оно не будет воздействовать на большую часть человечества. Ты должен претворить его в реальность, ты должен материализовать его.

Вот эти три измерения: существо, чувство, действие. Действие содержит все творчество, все возможное творчество: музыку, поэзию, живопись, скульптуру, архитектуру, науку, технологию. Чувство содержит все, что эстетично: любовь, красоту. А существо содержит медитацию, осознанность, сознание.

Ты спрашиваешь меня: «Кажется, твое основное послание, как и послание Будды...»

У меня нет основного послания и быть не может. Я вообще не учитель. Я не учу вас, я — просто присутствие. Ты можешь учиться, но я не учу. Ты можешь впитать мой дух, но мой дух и его формы будут зависеть от тебя.

Есть люди, которым осознанность поможет как основное учение; они научатся у меня осознанности. А есть люди, которым поможет любовь; они научатся у меня любви — это будет их основным учением. Все зависит от тебя. Я многомерен, поэтому я впитываю всех возможных людей.

Будда не принял бы вас всех, помните, как не принял бы ни Иисус, ни Махавира; они бы выбирали. Некоторых выбрал бы Будда, некоторых Иисус, некоторых — кто-то другой. Но я вообще не выбираю, я абсолютно невыбирающий. Что бы ко мне ни пришло, я принимаю это, абсолютно принимаю, тотально принимаю, потому что у меня нет основной схемы. У меня есть только намеки — намеки для всех, для всех видов людей.

Это не учение; учение становится жестким, определенным. Это — только присутствие. Я — только окно; через меня ты можешь заглянуть в Бога. А если ты заглянул в Бога, тогда ты можешь смотреть в Бога сам — я больше не нужен.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Почему все пробужденные против желания? Что плохого в желаниях?

Суджата, медитируй на максимум Мерфи:

Будь осторожен в том, чего ты хочешь, потому что очень похоже, что ты это и получишь.

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Почему мне всегда трудно быть со своей женой?

Ричард,

Потому что ты англичанин, и ты знаешь английских жен!

Англичанин был в длительной командировке в Австралии. Его спросили, не скучает ли он по жене.

— Ах, не слишком сильно, — объяснил он. — Один раз в неделю я нанимаю местную женщину, чтобы она приходила меня пилить.

Проговорив о своих проблемах больше часа, жеманная английская леди сказала семейному консультанту:

— Я думаю, несправедливо было бы предполагать, что я не наслаждаюсь сексом. Но что вы скажете о мужчине, который хочет секса пять или шесть раз в году?

И последний:

— Я беру уроки кун-фу на тот случай, если какой-нибудь сексуальный маньяк попытается изнасиловать меня темной ночью, — сказала жеманная английская дама своему многострадальному мужу.

— Не стоит беспокоиться, — заметил муж. — Так темно никогда не бывает.

Седьмой вопрос:

*Любимый Мастер,
Все будды говорят, что человек должен научиться быть молчаливым, но в повседневной жизни человеку приходится говорить. Что же делать?*

Шакти,

Сначала медитируй на максиму Мерфи:

Дважды подумай, прежде чем что-то сказать, а затем не говори ничего.

Но если ты все-таки что-то говоришь, тогда медитируй на это:

Уокер, газетчик, проводил отпуск в Майне. Он набрел на одинокую хижину и попытался взять интервью у ее владельца с целью сделать из этого «туземную историю».

— Кто живет в этом доме? — спросил репортер.

— Моггс, — ответил майнец.

— Удобно ли вам, черт возьми, в нем жить?

— Люкс.

— А чем вы здесь занимаетесь?

— Бокс.

— Какая у вас почва?

— Кокс.

— Ваше хобби?

— Штопс.

— Каких животных вы держите?

— Мопс.

— А у вас есть друзья?

— Рекс.

Будь как телеграмма!

Восьмой вопрос:

*Любимый Мастер,
Ага! Так и знал, что в нем есть что-то знакомое — Мерфи еврей!
Не звали ли его Мойше Капойер?*

Дао,

Это замечательное открытие! Поразительно, как тебе это удалось. Это правда. Мойше Капойер был единственным евреем в маленьком городе, и так как его бизнес пришел в упадок, он переименовал имя. Были и другие причины для перемены имени: поскольку он был евреем и единственным евреем, люди избегали его, и бизнес страдал. И во-вторых, его имя, Мойше Капойер, значит мистер Шалтай-Болтай или мистер Вверх-Ногами, и он был этим не очень доволен.

Он пошел к судье и стал мистером Джонсом. Через неделю он снова пришел к судье и попросил, чтобы имя изменили на Мерфи.

— Почему вы опять хотите, чтобы вам изменили имя? Я вам его изменил только неделю назад.

— Чтобы, когда люди спрашивают меня, как меня звали до «Мерфи», я мог сказать «Джонс».

Девятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Могу я тоже стать Богом?*

Кришна, Дэва, я дал тебе имя Кришна Дэва. Это значит Бог Кришна. Да, но с этим есть некоторые проблемы. Фактически, ты уже бог; ты не сможешь быть никем другим, даже если захочешь. Каждый старается быть кем-то другим, но никогда не добивался в этом успеха. Бог это наша природа. Ты можешь совершенно забыть о ней, но не можешь ее изменить.

Флахерти и Глюкштейн обсуждали преимущества своих религий.

— Ответь мне на это, — сказал ирландец, — мог бы один из вас стать Папой?

— Нет, — ответил Глюкштейн. — А мог бы один из вас стать Богом?

— Черт, конечно нет! — ответил ирландец.

— А у одного из наших ребят, — сказал Глюкштейн, — это получилось!

Если это получилось у Иисуса, почему это не может получиться у тебя? Фактически, им это удалось, потому что это не нечто такое, чего нужно достигать, это нужно только открыть. Мы забыли это: оно уже есть — как подземный поток. Наша божественность есть всегда: куда бы мы ни шли, она идет в нами. Это ты. Она есть в грешнике — и даже в святом!

Десятый вопрос:

Любимый Мастер,

Я в восторге от Твоего ответа на днях на вопрос Аруп. Единственная проблема в том, что я стал приходить домой раньше и пить меньше, тогда как Аруп не вытаскивать из дискотек, вечеринок и прочего веселого времяпрепровождения. Уж не становлюсь ли я медитативным, а Аруп — гуленой-зеленой?

Ниранджан,

Теперь ты знаешь, почему я сказал Аруп, что это верный способ поднять сознание человечества. Она начала — начала с тебя. Ты ее первая жертва!

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Что такое недоразумение?

Дианеш,

Вот для тебя три истории:

Анна: «Правда ли, что я слышала о твоём муже: он курит меньше?»

Ханна: «Да он курит только после обеда: своего обеда, моего обеда, обеда детей — после всех обедов!»

Вторая:

Подсудимый обвинялся в том, что до смерти напугал молодую женщину, согласно показаниям этой дамы, и теперь объяснял обстоятельства.

— Я невиновен, Ваша Честь, — объявил он. — Все что я сделал это предложил ей виски с содовой, вот она и упала!

Третья и последняя:

Молодой Мойше женился. В день его свадьбы отец отвел его в сторону и сказал:

— Смотри, Мойше, если хочешь, чтобы брак был удачным, ты должен сделать ясными три вещи с самого начала: ты — хозяин дома, ты — мужчина, ты — независимый.

Мойше поблагодарил отца и отправился на свадьбу и свадебное путешествие.

Кавита, если ты спишь, проснись!

После того как пара вернулась, и отец с сыном снова встретились, отец спросил, как помогает его совет.

— Ах, прекрасно! — воскликнул Мойше. — Я воплотил его на практике в первую же свадебную ночь. Сначала я сорвал с нее одежду, чтобы показать, кто хозяин. Затем я сорвал одежду с себя, чтобы показать, что я мужчина. Затем я стал перед ней дрожать, чтобы показать, какой я независимый!

На сегодня достаточно.

Ошо

ПУТЬ БЕЛЫХ ОБЛАКОВ
ДХАММАПАДА ПОЭЗИЯ СЕРДЦА

Книга выпущена по заказу
Московского медитационного Ошо-центра
«Нирвана»

Редактор *Свами Вит Праяс*

Переводчики:
Свами Вит Праяс
Ма Прем Пуджа

Компьютерная верстка
Свами Дева Радж
Ма Прем Пуджа
Юлия Шинкевич

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-издл 19,0.
Тираж 2 000 экз.. Заказ № 401
Цена договорная.
Лицензия №062411 от 11.03.94г.

Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии НАУКА
Москва, 121089, Шубинский пер. д. 6.

